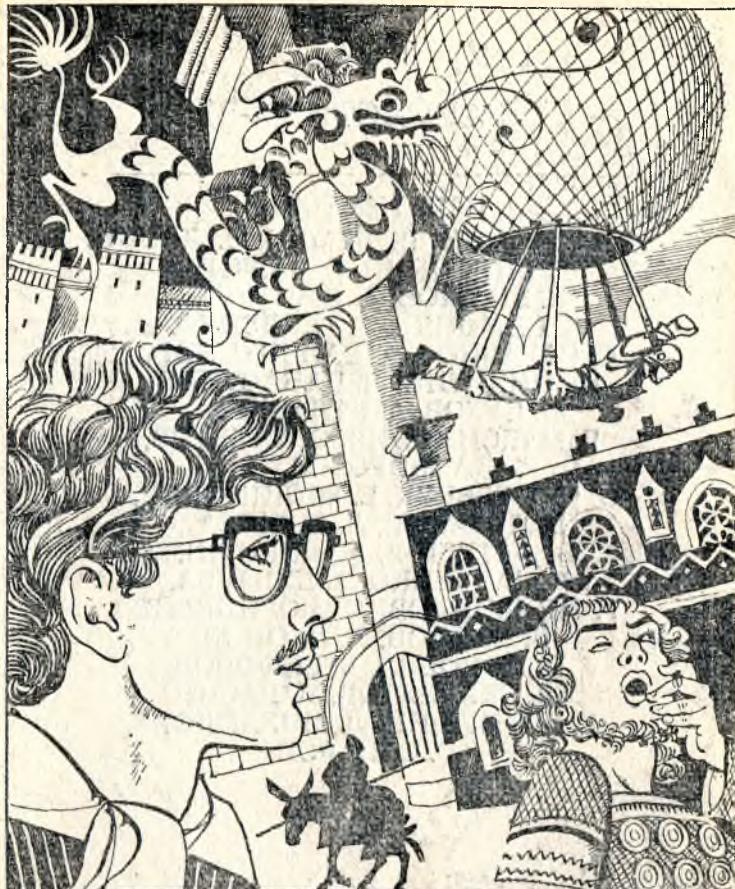

ФАНТАСТИКА-81

НАШИ АВТОРЫ:

Н. КУРОЧКИН, В. ДЕМИН, Б. ЛАПИН,
Д. БИЛЕНКИН, С. ЧАХКИЕВ,
Х. ШАЙХОВ, А. ДМИТРУК,
К. СИМОНЯН, А. ТЕСЛЕНКО,
С. САХАРНОВ, А. ВАЛЕНТИНОВ,
Ю. НИКИТИН, Л. ПАНАСЕНКО,
М. ПУХОВ, А. БАЛАБУХА,
Г. МАКСИМОВИЧ, С. АХМЕТОВ,
А. МОРОЗОВ,
О. ПОКАЛЬЧУК, Е. ФИЛИМОНОВ,
В. ПОТАПОВ, Л. ЖУКОВА,
В. ЛАТУШОВ, М. ШПАГИН,
В. САВЧЕНКО, А. ДУБАЕВА,
Г. МЕЛЬНИКОВ, С. МОГИЛЕВЦЕВ,
В. ПАВЛОВ, Л. ЛЕОНОВ,
П. ПОПОВИЧ, В. СИФОРОВ,
В. СКУРЛАТОВ, М. ВАСИН,
Г. ХРОМУШИН, Л. МИХАИЛОВА,
В. САНАРОВ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1981

ФАНТАСТИКА
81

Фантастика-81 /Сост.: А. Кузнецов, Ю. Медве-
Ф22 дев. — М.: Мол. гвардия, 1981. — 352 с., ил.
В пер.: 1 р. 60 к. 150 000 экз.

Традиционный молодогвардейский сборник научно-фантастических повестей, рассказов, очерков, статей советских авторов. Сборник рассчитан на молодого читателя.

Ф 70302-282-082-81. 4700000000

ББК 84(2)7
С62

© Издательство «Молодая гвардия», 1981 г.

ПОВЕСТИ
И
РАССКАЗЫ

Призраки

Давно ли, недавно ли, близко ли, далеко ли — про то не скажу, но жили в одном городе Управляющий Стройтрестом и его Начальник Планового Отдела.

Управляющий был человек с весом. Его уважали и могущественные Заказчики, и всеведущие Проектировщики. Перед ним трепетали строптивые Субподрядчики. И даже неумолимые и жестокие Инспекторши Стройбанка считались с его мнениями.

А Начальник ПО был скромный волшебник, умеющий с помощью магических манипуляций с цифрами превращать мух в слонов или, что тоже непросто, слонов в мух.

Жили они дружно и понимали друг друга не только с полуслова, но, если очень нужно, даже с полуувзгляда: бывают такие ситуации, когда сделать нечто позарез нужно (или для выполнения плана, или для получения премии), а словами описать это «нечто» нельзя. Словами скажешь — получается чуть ли не преступление. А при крайней нужде они и вовсе без слов, телепатией обходились, и это им здорово помогало. С таким взаимопониманием они сами прошли и трест за собой провели сквозь огонь, воду и сотни километров труб из разных цветных металлов.

Итак, жили они — не тужили, но однажды...

Однажды пасмурным октябрьским утром Управляющий бежал трусцой (надо, надо! Он же человек с весом!) по мокрому бульвару. Огибая изящную железобетонную урну для окурков, он сквозь слоистый, как воздух в кабинете после трехчасового совещания, сизый туман увидел что-то ярко-синее, ярко-желтое и даже красное. Он потерял дыхание, сбился с ритма и остановился, вглядываясь в мутные силуэты домов.

Вгляделся, и дыбом встали редкие волосы по обочинам плеши и даже расправились густые завитки на груди и между лопатками. Потому что вместо квартала недостроенных домов он увидел квартал достроенных, причем с балконами, украшенными листами цветного стеклопластика согласно проекту. А того стеклопластика в городе нет! Ни листа! Между нами говоря, даже на дачу завмагше «Книжного мира» и то не наскребли. Да что стеклопластик, кирпича не хватит... И вообще вчера в конце дня он проскакивал по объектам, все было нормально, работы на полтора месяца. Не за ночь же все это наросло! Или за ночь? Может быть, сон? Он повернулся к дому.

Дома пришлось признать, что и не сон, и не бред. Жена

похвалила за то, что научились наконец быстро строить: вчера на новой поликлинике, что из кухни в окно видна, два этажа было, а сегодня три. Да, жена видела то же, что и он: подросшую за ночь на этаж поликлинику и желтую шею крана над ней.

Жене-то что, похвалила да ушла на работу. А он сиди и думай, что же творится? Во-первых, этаж поликлиники — это объем работы не на смену, а минимум на десять. Во-вторых, вчера за этот самый кран он Начальнику Управления Механизации втык сделал: очковтиратель, доложил, что кран на поликлинике смонтирован, а на самом деле башня лежала вчера в обед в одном углу двора УМ, стрела в другом, а лебедки вовсе в заводской упаковке...

В трест Управляющий ехал, забившись в угол сиденья «Волги» и зажмурясь. Открыл глаза, только когда шофер притормозил у Дворца Спорта. Над будущим залом небо было разграфлено бордовыми от суртика решетками ферм и связей. Управляющий вспомнил, что позавчера подписал бумагу с просьбой к заводу-изготовителю поторопиться и по возможности уже в этом месяце приступить к изготовлению и отгрузке этих ферм. Вспомнил, и противные липкие струйки потекли по спине.

Потом он вспомнил еще что-то и пересчитал смонтированные фермы. Пересчитал и окаменел, глядя в никуда.

Секретарше он приказал никого не пропускать, а как только появится Начальник ПО, гнать к Управляющему немедля. Так она и сделала.

— Здравствуй. Дверь запри. Видел?

— Здравствуйте. Видел, конечно.

— И что скажешь?

— А что сказать? Сперва подумал, что сплю. А сейчас... Хотел бы я сейчас проснуться и чтоб ничего этого не было. Но это же не сон...

— Не сон.

И оба замолчали. Потому что если это не сон и не галлюцинация, то это просто чудо. А знать, что ты сошел с ума в обыкновенном нашем мире, все же в миллион раз приятнее и спокойнее, чем знать, что ты в своем уме, но в мире творятся чудеса (и не в том смысле, в каком о них пишут газетчики и поэты, а в том самом, в каком это слово употребляют попы, жрецы и колдуны)!

Помолчав, Управляющий сказал:

— Я на Дворце Спорта догадался. Фермы пересчитал и понял. А ты считал?

— Считал. Восемь штук. И на поликлинике ровно четыреста пятьдесят кубов кладки наросло, тютелька в тютельку.

И они опять замолчали. Теперь они знали, что именно появилось за ночь на объектах треста. Более того, они — Управляющий в общих чертах, а Начальник ПО досконально, наизусть помня физобъемы, — могли сказать, что появилось и на тех объектах, на которых оба нынче не были.

Трест заваливал план третьего квартала. Кое-что недодали поставщики, кое-что недовыполннили Субподрядчики, где-то сами недоработали... Словом, план трещал. Дома, которые в этом квартале планировалось сдать и заселить, стояли еще без крыш, а то и без одного-двух этажей. Но Управляющий и Начальник ПО нашли общий язык с Заказчиком (у того свой план ввода горел), с Субподрядчиками и отчитались об успешном выполнении и даже перевыполнении (на ноль целых, две-надцать сотых процента) плана.

А те восемь ферм над спортзалом возникли экспромтом: в последний момент выяснилось, что не хватает еще полста тысяч. Ну и заставили одного Начальника Строй управления за-процентовать столько, сколько нужно под эту сумму. Тот поначалу возражал, но ему втолковали, что фермы смонтировать, когда они будут, дело пары смен, а Управляющий уже торопит Завод Металлоконструкций, и Начальник Управления сдался.

В эту ночь все, что было «достроено» на бумаге, стало фактом. Ни больше, ни меньше, только то, что приписано к отчету. А кто это сделал и, главное, как, об этом лучше было не думать.

Управляющий достал из сейфа початую бутылку кочьяка, повертел в руках и поставил на место. Начальник ПО кивнул: мол, все равно ведь не поможет! И тут же с озабоченным лицом повернулся к телефонам.

— Отключены, потому и молчат, — поняв его с полуувзглядом, объяснил Управляющий. — Как понял, что к чему, так и отключил все. Ты ж представляешь, что творится на объектах, трезвонили бы без умолку. Да вот! — И он наугад воткнул один из штепселей. Тут же задребезжал зуммер. Бригадир каменщиков с поликлиники интересовался, кто за ночь возвел этаж, кому за это наряды закроют и кто ответит за то, что его бригада два дня просидела из-за отсутствия лицевого кирпича, которого для них нет, а для кого-то нашли? Спрашивал и обещал, что, если ответа не получит, пойдет в Народный Контроль. Управляющий молча выслушал, поблагодарил, положил трубку и отключил аппарат. Отвернулся к окну и спросил:

— Что мы людям скажем? Как объясним? Боюсь из кабинета выходить.

Он воткнул другой штепсель, снял трубку и устало сказал:

— Ну кто там? Слушаю про ваши чудеса.

Звонил Прораб «Сантехмонтажа». Он спрашивал, кто, за-

чем и почему установил санфаянс на объекте ГПТУ. Вдруг Прораб сам себя прервал и грубо заорал:

— Что-о?! Вы что, совсем? Что вы ерунду городите?! Простите, я не вам, — извинился он. — Тут такое ЧП, не до вас. — И положил трубку.

Управляющий сказал Начальнику ПО:

— Поехали! Посмотрим, что там за ЧП. Все равно ничего тут не высидим.

И они поехали на стройку ГПТУ. Событие там произошло действительно чрезвычайное. Даже по сравнению с утренними чудесами.

В большом, многоместном санузле учебного корпуса электрики тянули проводку. Один из них встал на унитаз (с подмостей высоко, а с полу низко, работать неудобно) и...

...И погрузился в фаянс по щиколотку.

Зрелище было жуткое. Стоят у кирпичной, еще не оштукатуренной стены десять сверкающих белизной предметов, и в одном медленно тонет человек. Внизу, где унитаз сужается, из фаянса уже вылез тупой носок рабочего ботинка. Человек смотрит вниз, на этот носок, дергается, пытается выбраться, но только глубже вязнет, и сам более фаянса. Вокруг толпятся рабочие, утешают:

— Не тушуйся, Витек, он вроде жиже стал, растает скоро!

— Пол-то твердый, дальше пола не утонешь!

А лица у них тоже белые, и голоса не свои.

Вдоль приборов ходит с перекошенным лицом Прораб Сантехники и щупает их. И фаянс, по твердости занимающий место между сталью и алмазом, проминается как пластилин!

Управляющего и Начальника ПО никто не заметил. До того ли?! Управляющий посмотрел на это грустное и нелепое зрелище, обернулся пальцы носовым платком и оттянул угол умывальной раковины. Потом он спустился вниз, включил радиотелефон в машине и спросил, не было ли чего срочного в почте от сантехников. Оказалось — было. Телефонограмма: «Взятая на генподрядное выполнение установка санфаянса по ГПТУ снимается как не подтвержденная исполнителем».

Управляющий дважды попросил повторить, отключил связь, обхватил голову руками, посидел так с минуту и, выбравшись из машины, пошел в корпус.

За те три или четыре минуты, пока Управляющий говорил с секретаршей, электрик уже провалился до пола и с трудом, но выбрался из унитаза. Приборы уже стали прозрачными, колыхались от сквозняка и не липли к пальцам. А от умывальников (они ж тоньше!) и следа уже не осталось!

Управляющий оттащил Начальника ПО в пустую комнату и объявил:

— Всю туфту придется снимать. Немедленно. Телеграммы в Главк, в Статуправление, в Стройбанк и Заказчикам.

— Нельзя! Мы снимем — нас снимут. И посадят.

— Пусть садят! Поделом! — закричал Управляющий, хватая Начальника ПО за лацканы. — Ты ж пойми, все эти вавилоны так же растают, только неизвестно когда. А если уже после заселения? Тогда что? Люди ведь погибнут! Снимай, тебе говорят! Все до рубля!

Как только отчетность привели в соответствие с фактом, все, чудесно нарощенное на стройках треста за ночь, бесследно растворяло.

Вы, конечно, уже догадались, что все это устроила злая фея Мерехлюнда в отместку за то, что Управляющий в свое время не пригласил ее на банкет по случаю подписания актов ввода в эксплуатацию ряда объектов. И догадались, что объекты эти были введены тридцать первого декабря прошлого года, а акты подписаны и «обмыты» двадцать второго января этого года, что въехать в сданные этими актами дома жильцы смогли только в марте, а лифты в них еще и по сей день не работают.

Ущелье Печального дракона

(Фантастическая повесть) *

РЕБУС СО ДНА КОЛОДЦА

Незнакомец появился спустя три недели после моего возвращения с Памира. Открыв на звонок, я с удивлением уставился на пожилого мужчину с газетой в руках, согнутой так, что заметка о памирском происшествии оказалась на видном месте.

— Это про вас написано? — спросил поздний визитер без тени смущения, как будто в порядке вещей — приходить без приглашения в гости чуть ли не под полночь. — Прошу извинить великолдушно, но я только приехал. Моя фамилия Керн. Хорошо, что у дежурного по институту есть ваш адрес.

Написано было и впрямь про меня. Командировка на Памир сама по себе была пустяковой: надо было взглянуть на одну пещеру. Льстило, однако — не каждому аспиранту доверят возглавить пусть небольшую, но все-таки самостоятельную экспедицию. Пещеру в труднодоступном ущелье Памира обнаружили геологи. Закопченные стены, каменные ножи и скребла, костяные наконечники снулили, казалось бы, немало интересного. О находках сообщили куда полагается, но их черед наступил не скоро. Как будто специально время, этот безмолвный старик с косой на плече, как его любили изображать в старину, дождался не первого попавшегося, а именно меня.

Поначалу все складывалось прекрасно. Трое рабочих ждали меня в Оше, а проводники с выючными лошадьми — в исходной точке на памирском тракте, откуда через перевал путь лежал в дикие горы. Два дня пробирался караван на запад. Бездорожье и обвалы, нестаявшие снега перевала и бурные полноводные переправы, которые едва не стоили поклажи и лошадей, — таким предстал хмурый Памир, еще не до конца расшевеленный поздней высокогорной весной. Сгружив у пещеры снаряжение и запасы продовольствия, проводники покинули экспедицию. Решено было через месяц вернуться налегке.

Но возвращаться пришлось намного раньше, бросив на произвол судьбы и лопаты, и продукты, и горючее. Копать оказалось нечего. Утрамбованный грунт только внешне выглядел пышным многослойным пирогом, а на самом деле лишь припирашивал непробиваемый монолит горбатого пола. Правда, у

* Печатается в сокращении.

задней стены под прессованными комками песка удалось расчистить выдолбленное углубление, почернелое от копоти и сажи. Все прояснилось окончательно: пещера когда-то служила убежищем огнепоклонников. Ситуация — глупей не придумаешь. Конечно, открыть зороастриское святилище среди ледников, чуть ли не в центре Памира, факт не из второстепенных, но разве для этого снаряжалась экспедиция?

Оставалось лишь до конца выполнить научный долг: излазить и обмерить пещеру вдоль и поперек, наскребая материал на статейку; и через неделю в ущелье делать уже было нечего. Но прежде чем навсегда расстаться с пристанищем огнепоклонников, я задумал подняться выше по ущелью. Геологи не ходили дальше пещеры. Я выглядел в собственных глазах первооткрывателем, когда рано утром — едва над рекой засерело — отправился вверх по течению, предполагая идти, пока не устану, и возвратиться к вечеру. Часа через три нетрудного, но однообразного подъема я начал было уже сомневаться, стоит ли вообще затягивать прогулку, как вдруг, обогнув утес, увидел впереди водопад. Вода низвергалась с огромной высоты, но издали походила на тонкий блестящий шнур, свешенный с пропиленного гребня.

Там, у подножия черной отвесной стены, пробираясь к обрыву, где в вихре ледяных брызг дрожала призрачная полоска радуги, я наткнулся на ровную, точно срезанную, площадку, испещренную причудливыми треугольными знаками. Высеченные добротно и не спеша, изъеденные временем и ветрами, треугольники змеей свернулись под ногами в трех витках спирали. В центре выделялся правильный равносторонний треугольник; от него расползались в различных положениях и скалились, как зубы в пасти, треугольники поменьше: прямоугольные, равносторонние, равнобедренные.

Сердце Памира, сотни километров безлюдья, полная изолированность в течение долгой зимы — кому и когда потребовалось вырубать на дне глубокой пропасти непонятную надпись? Словно дэвы, сказочные чудища гор, в насмешку рассыпали по камню диковинные треугольники.

От истертых знаков веяло седой стариной, точно от египетских иероглифов, и загадочная спираль невольно наталкивала на мысль о судьбе Памира, обледенелой горной твердьни, стоявшей на перекрестке великих цивилизаций древности: сзади, за Гиндукушем — Индия, справа — Китай, на западе и южнее — Персия, Шумер, Вавилон, Финикия, Египет, Греция, Крит, а в центре — Памир, великая снежная страна, неприступной крепостью вставшая на рубеже согдийской и бактрийской держав...

Обо всем этом я и поведал после возвращения домой соседу-студенту, который, как оказалось, проходил практику в молодежной газете. «Знаешь, — сказал он тогда, — у нас чет-

вертая полоса — скучища неописуемая. Ты не против, если я попробую что-нибудь состряпать и покажу завтра главному? Вдруг пойдет?» Возражать особых причин не было, и спустя несколько дней в газете появилась заметка под броским заголовком «Тайна Памира». Ее-то и держал в руках человек, который неожиданно пожаловал ко мне поздним июльским вечером.

Я провел гостя к себе. Незнакомец задержался на пороге комнаты, с цепким любопытством оценивая холостяцкий беспорядок: стол, заваленный рукописями, недопитую бутылку молока на полу возле кресла, забитые книгами шкафы и по-желтевший офорт Гойи над кушеткой. Наконец гость устало опустился на стул, достал из кармана непонятный металлический предмет и протянул его мне. Я машинально взял бронзовую плошку — не то светильник, не то пепельница — и чуть не уронил от неожиданности: на дне сквозь стертую чеканку узоров четко проступала спираль из треугольников. Надпись повторяла памирскую, но была вдвое короче.

Светильник — ибо назвать пепельницей древнюю позеленевшую реликвию было невозможно — напоминал скорее кусок, отколотый от пузатого бронзового кувшина. На дне, точно выдавленные ногтем по мягкому воску, извивались треугольные вмятины. Пальцы у меня задрожали. Чтобы унять волнение, я щелкнул по краю чаши. Металл звякнул глухо, без звона.

— Откуда это? — с трудом выдавил я два слова.

В глазах Керна заиграли веселые блестки, и он хитро прищурился:

— А если скажу: из могильника — не слишком будет зловеще?

О возрасте гостя судить было трудно: лет пятьдесят или чуть больше. Волосы поседевшие, редкие. Пушистые волосинки упрямо торчали над высоким лбом и блестящими залысинами, казалось, они вросли, а не выросли. Лицо худощавое и точно обветренное. Крепкое приземистое тело и большие руки, обтянутые клетчатой фланелевой рубашкой, свидетельствовали о незаурядной силе.

— Представьте раннюю весну сорок пятого года, — продолжал Керн. — Тяжелые кровопролитные бои за Восточную Пруссию. После внезапной атаки по вздутому льду лесной речушки советская часть прорвала оборону немцев. Противник беспорядочно отступал в направлении Кенигсберга. Однако наступление приостановилось: мост немцы успели взорвать, а пухлый, истолченный снарядами лед не выдерживал тяжести человека. Чтобы переправить технику и артиллерию, приходилось спешно восстанавливать поврежденный мост. Пока саперы устанавливали в бурых полынях опоры, остальные солдаты валили в лесу сосны и стаскивали на берег по обе стороны реки

бревна для починки моста. Там-то, в лесу, за лысым пригорком, и натолкнулся кто-то на полуразрушенную часовню.

Мост чинили до утра. Спали где придется. У костров грязь от растаявшего снега, а по лесу носился студеный порывистый ветер. Посреди ночи сменялись посты. Под бугром, где притаилась часовня, притопывали обледенелыми валенками солдаты-дозорные. Начальник караула поднялся к часовне посмотреть, не видно ли сверху костров. Сплошная тьма — руины и то едва различались во мгле. Вдруг между камнями мелькнул желтый огонек и сейчас же исчез. Советский офицер выхватил пистолет и замер возле узкой расщелины, прислонясь к шершавой стене. Черный пролом дышал ледяным сквозняком. Начальник караула подождал несколько минут, напряженно вглядываясь во мрак, — наверное, почудилось. Но не успел он решить, стоит или нет спускаться к часовому за фонарем, как внезапно прямо перед ним вспыхнул огонек. Внутри часовни, у самого входа, к земле склонилась фигура человека в немецкой форме. Одной рукой немец держал зажигалку, другой что-то искал в куче щебня. Советский офицер вскинул пистолет и внятно произнес: «Руки вверх!» Немец вздрогнул, медленно встал и так же медленно, точно нехотя поднял руки над головой...

На этой фразе Керн прервал рассказ. Он встал с дивана, походил взад-вперед вдоль стеллажей, просматривая названия книг, иногда бережно прикасаясь кончиками пальцев к переплетам. Наконец, освоившись вроде бы с библиотекой, он вернулся ко мне и, глядя прямо в глаза, сказал:

— Дело в том, что этим немцем был я. Мой родной город — Кенигсберг, нынешний Калининград. Там я родился и прожил до конца войны. Да, время моей юности совпало не с лучшими временами германской истории. К счастью, в нашей семье никогда не изменяли великому наследию немецкой и мировой культуры. Мой отец, известный ориенталист, с детства привил мне любовь к истории и восточным языкам. Когда Советская Армия вступила на территорию Восточной Пруссии, всех поголовно отправили на фронт. Я попал в отряд особого назначения — один из тех, в чью задачу входило уничтожать военные и промышленные объекты по мере отступления немецких войск.

В ту памятную мартовскую ночь, когда русские перешли в наступление, я оказался вблизи подземного склада, который не успели взорвать. Неподалеку от излучины реки, где еще утром проходила линия фронта, на пригорке в глубине леса сиротливо выделялась полуразрушенная часовня. Она-то и служила ориентиром секретного бункера. За часовней давно не присматривали. Крыша прохудилась. Сквозь выбитые двери виднелось надгробие, на нем еле проступала латинская надпись. Никто толком не знал, кто и когда здесь похоронен.

Спасаясь от обстрела, я пробрался к разрушенной постройке. Один угол был полностью снесен снарядом, в двух уцелевших стенах зияла пробоина. Потолок провис и держался каким-то чудом. На месте развороченного осколком надгробия возвышалась бесформенная куча камней, щебня и прелых щепок, где я нечаянно заметил книгу — старую-престарую книгу в истлевшем кожаном переплете, тронутом плесенью и сыростью.

Времени на размыщение не оставалось. В лесу уже показались советские солдаты. Почти машинально я схватил книгу под мышку, скакнул через пролом в стене и, утопая в рыхлом снегу, побежал вниз, к зарослям мелкого сосновка. Не без труда удалось проникнуть в законсервированный подземный бункер, где под многометровым слоем земли и бетона хранились оружие, боеприпасы и продовольствие, которых на многие недели хватило бы не одному десятку людей. Я намеревался пробыть в убежище до тех пор, пока наступающие советские войска не продвинутся дальше вперед. Возвращаться в Кенигсберг не имело смысла. Нетрудно было предугадать, что война кончится через несколько месяцев, а падение Восточной Пруссии — дело ближайших недель. Поэтому я решил пробираться на побережье и оттуда, быть может, бежать в Швецию. Одноко судьба распорядилась иначе.

Сквозь толстые бетонированные стены убежища до меня доносился приглушенный шум боя: сухо трещали пулеметы, сердито ухали пушки, потолок поминутно сотрясало дальными и ближними разрывами. Я обошел комнаты и кладовые убежища, разыскал аккумуляторы и включил свет. Предчувствуя долгие томительные часы ожидания и безделья, я принялся рассматривать старинную книгу, подобранный среди развалин часовни. На ветхих, изъеденных временем листах пергамента, прошитых толстой провошенной ниткой и вставленных в самодельный кожаный футляр, была описана жизнь некоего Альбрехта Роха, монаха францисканского ордена, дипломата и крестоносца, собственноручно составившего сей удивительный труд, когда на склоне лет, разочарованный и надломленный, он удалился в тевтонские земли замаливать грехи прошлого.

По-видимому, он умер, как и подобает отшельнику: почувствовав приближение смерти, лег в заранее приготовленный гроб, положил рядом манускрипт — подробный реестр действительных и мнимых грехов, который намеревался вручить пред райскими вратами не иначе как самому апостолу Петру, — накрыл гроб крышкой и тихо скончался. Много позже над могилой затворника, ставшей к тому времени местом поклонения, возвели часовню, которая иостояла до наших дней. Латинская рукопись захватывала с первой же страницы. Из дали средневековья нелюдимый монах-аскет поведал не ведомую никому и почти невероятную историю...

ЗАВЕЩАНИЕ КРЕСТОНОСЦА

Немало пережил Альбрехт Рох за годы долгой и трудной жизни. Сын богатого немецкого купца, осевшего в Лангедоке, он осиротел в тринадцать лет после альбиойской резни в Провансе. На глазах мальчика каратели растерзали мать, отца и старших сестер. Чудом уцелев при разграблении дома и лавки, он стал бродягой. В тот год прошел по Европе слух, что немыслимо добиться освобождения Святой земли с помощью огня и меча. Лишь безгрешные дети, чьи сердца не исполнены корысти и жажды наживы, могут отвоевать у нечестивых сарацин священную реликвию — господен гроб. По всем городам и селам скликались на небывалый крестовый поход толпы голодных детей. Вскоре тридцатитысячная армия оборвавшей во главе с ловкими авантюристами устремилась на юг Франции. Альбрехт Рох одним из первых оказался в Марселе и вместе с тысячами других стал жертвой гнусного обмана. Ничего не подозревавших подростков без воды и пищи погрузили на корабли, но вместо Святой земли отправили в Египет, где полумертвых детей прямо из трюмов доставили на невольничий рынок и за бесценок продали в рабство.

Сыну немецкого купца повезло больше остальных. Смышленый, умеющий читать и писать мальчик привлек внимание знатного вельможи. Семилетнее рабство оказалось не слишком тягостным. Альбрехт Рох овладел арабским языком, постиг тайны ислама, познал сокровенную премудрость суфииев и проникся интересом к еретическому учению отступника Аверроэса. Но ярмо раба не давало ему покоя. Когда папский легат Пелагий осадил Дамиетту, Альбрехт Рох дождался темной безлунной ночи, спустился по веревке с крепостной стены и бежал в лагерь крестоносцев. Наутро беглец предстал перед кардиналом. Главнокомандующий в сутане по достоинству оценил отважный поступок юноши, не отступившегося от родины и веры. С первым же кораблем Альбрехт Рох отбыл во Францию, где вступил в нищенствующий монашенский орден францисканцев. Вскоре имя Альбрехта Роха прославилось по всей стране. Боголюбивый король Людовик IX, покровитель францисканцев, не раз встречался с ученым монахом, знал историю его жизни и полностью доверял ему. Когда же встал вопрос о тайной миссии на Восток, король не колеблясь остановил выбор на Альбрехте Рохе.

Что же искал Людовик, прозванный Святым, на Востоке? Куда повез неторопливый мул посланца французского короля?

Давно уже ждала Европа, когда из далеких и неведомых глубин Азии двинется на запад несметное войско пресвитера Иоанна, самого богатого из всех земных царей, чья могущественная империя раскинулась где-то на окраине мира.

В существование этого мифического царя-священника в Ев-

ропе верили непоколебимо на протяжении нескольких веков. Бесчисленные армии великого азийского государя должны были выйти к границам мусульманского мира, смести с лица земли державу ненавистного халифа и помочь славному крестоносному рыцарству навсегда освободить от неверных святой Иерусалим и гроб господен.

Наконец наступил долгожданный год, когда в смертельном страхе поскакали с восточных границ халифата испуганные гонцы, возвещая сынам Аллаха о неотвратимой беде: неумолимым смерчем двигаются с востока полчища неведомого врага. Крестоносцы, чьи завоевания в Палестине и Малой Азии давно свел на нет неустрашимый султан Саладдин, воспрянули духом. Но радость оказалась преждевременной. Не светлое воинство царя Иоанна спешило на выручку несчастливым рыцарям, а дикие орды Чингисхана грозовой тучей надвигались на Европу, как щепки сметая на пути великие империи и карлковые княжества. Удар казался неминуемым. Подобно обретенной лягушке, ждала Европа последнего броска монгольского змея. Но произошло чудо: дойдя до Средиземного моря, монголы неожиданно остановились, обратив жадные взоры к городам и селам Руси.

Постепенно христианский Запад свыкся со страшным соседством, научился подстраиваться под самодурство монгольских сатрапов и даже начал подумывать, не вовлечь ли в союз против египетского султана тугодумных наследников Чингисхана. Король Франции — Людовик, возлеяя мечту навеки обессмертить свое имя в новом крестовом походе, первым решил обратиться за помощью к монголам и направил в улус великого хана посольство во главе с доминиканцем Андре Лонжюмо. Почти три года потребовалось посланцу короля, чтобы добраться до ставки великого хана и, получив оскорбительный ответ, полуживому вернуться назад.

А весной 1250 года свершилось неслыханное: Людовик Святой попал в плен к султану и только спустя год был за не-мыслимый выкуп отпущен на свободу. Опозоренный, но не сломленный король вернулся к войскам. Над крестоносцами нависла угроза поражения. Из орды прибыли худые вести. На помощь монголов рассчитывать не приходилось. Тогда-то у французского короля и созрела мысль о союзе с могучим пресвитером Иоанном, владения которого, по полученным сведениям, находились в стране Кашгар — в центре монгольской империи. На сей раз посольство готовилось втайне. Требовалось, усыпив бдительность монголов, проехать по их обширным владениям якобы в резиденцию великого хана, на полпути свернуть с дороги и в обход монгольским заставам проникнуть в неведомый Кашгар. Для выполнения тайного и опасного поручения вполне хватало одного верного человека. Выбор пал на францисканского монаха Альбрехта Роха.

Серебряная дощечка, выданная монгольским наместником, открывала беспрепятственный проезд на восток. Путь лежал по землям истерзанной и поруганной Персии. Сожженная, ю непокоренная страна продолжала сражаться. Молниеносные всадники вихрем налетали из засады на монгольские отряды и после смертной сечи исчезали в неприступных горах. Альбрехту Роху оставалось несколько дней до Каспия, когда на узкой горной тропе его остановили персидские повстанцы. Охранная грамота, выданная монголами, была равносильна смертному приговору. Монаха не выручал ни статус посла, ни европейское происхождение. Но он прочитал несколько строк из Корана и тем спас свою жизнь. Пленника, связанного по рукам и ногам, доставили в горную крепость и бросили в гнилое, вонючее подземелье.

Узник оказался не один. В темном углу на прелой соломе, прикованный цепью к стене, сидел седовласый старик в истлевших лохмотьях. У ног его горел светильник, и чуть живой язычок пламени слабо освещал пустые глазницы на изуродованном восковом лице. Альбрехт Рох пробовал заговорить со слепым, но тот упорно молчал: то ли был глух, то ли не понимал по-арабски. Тусклое пламя светильника горело день и ночь. Ежедневно однорукий тюремщик, приносивший в подвал воду и заплесневелые лепешки, почтительно наполнял светильник маслом из медного кувшина. От сторожа Рох узнал, что слепой старец — язычник, поклоняющийся огню. Житель далекой горной страны и глава какой-то тайной секты, он был обманом захвачен и доставлен сюда, в замок. Пять лет шейх, хозяин замка, подвергал старика ужасным пыткам, стараясь выведать у него какую-то языческую тайну. Пять лет молчал старик. Ему выкололи глаза, хотели сжечь живьем на медленном огне, но в конце концов бросили заживо гнить в подземелье замка. Если у старца отбирали светильник или не подливали туда масла, слепой отказывался от еды и питья.

Однажды снаружи раздался необычный шум. Целый день пленникам не приносили еды. А ночью стены и своды начали сотрясаться от мерных глухих ударов, словно кто-то бил с размаху по земле гигантским тяжелым молотом. Той ночью монголы, уже неделю осаждавшие замок — последний оплот разгромленных повстанцев, — начали забрасывать крепость камнями из метательных орудий и долбить ворота стенобитными машинами. Под утро после отчаянного штурма замок пал. Когда трое забрызганных кровью монголов ворвались в подвал, где томились изнуренные узники, имелась только одна сила, способная предотвратить расправу. Спасение в виде серебряного пропуска хранилось завернутым в тряпицу на груди у Альбрехта Роха. Послов к великому хану запрещалось трогать под страхом смерти.

«А этот?» — спросил через толмача приглашенный тысяц-

кий, указывая плетью на слепого огнепоклонника. Что-то екнуло в сердце королевского посла. «Это великий прорицатель и маф, о мудрый и добросердечный господин, — отвечал монах. — Его необходимо целым и невредимым доставить в ставку великого хана». Тысяцкий поверил и повелел выдать Альбрехту Роху новую охранную грамоту и двух шелудивых молов.

Когда крепостные стены остались далеко позади, а ветер, дувший в спину, больше не доносил запаха гари, старик, который, умело сидя в седле, послушно следовал за Рохом, неожиданно спросил по-арабски: «Где ты собираешься бросить меня? И что тебе нужно у монгольского хана?» Монах признался, что ищет дорогу в Кашгар, где, по сведениям французского короля, находится могучее христианское государство. «Кашгарское царство расположено дальше тех мест, где живу я, — сказал старец. — Помоги мне добраться до дому, и ты получишь проводника». Монах согласился.

Много пролетело недель, прежде чем путники добрались до далекого кишлака, затерянного среди гор, недосягаемых для монгольской конницы. Здесь жили приверженцы слепого огнепоклонника. Пересев на маленьких длинношерстных быков, недавние узники в сопровождении вооруженной свиты двинулись по ветреным ущельям и перевалам Памира. Долго двигался караван, пока невидимая тропа не привела к водопаду, преграждавшему путь по ущелью. Один из погонщиков отвязал от седла фыркавшего быка длинную причудливую трубу, вознес ее прямо над головой. Медный протяжный звук разнесся по ущелью, звонким призывом прорвался сквозь шум воды. Монах не понимал смысла странного обряда. Слепой слушал с не-проницаемым лицом, в пустых глазницах, как слезы, блестели брызги воды.

Вдруг над гребнем стены появились две человеческие головы, и вниз легко заскользила громадная корзина. В мгновение ока она мягко опустилась рядом с путниками. Двое провожатых подхватили старца и посадили в корзину, тот жестом дал понять, чтобы подвели Роха. Монах приблизился. Старик указал на место возле себя: в корзине, сплетенной из широких сыротяных ремней, могло уместиться двое или трое. Как только Альбрехт Рох ступил на зыбкое дно, ременный короб, плавно покачиваясь на двух толстенных канатах, пополз вверх. От высоты и близости клокочущей воды кружилась голова. Королевский посол беспомощно вцепился в тонкий борт плетенки, не решаясь взглянуть ни вниз, ни вверх.

У края пропасти корзина остановилась. Канаты, привязанные к металлическим кольцам, тянулись по желобам, густо смазанным жиром, к массивному деревянному барабану, наглухо насыженному на бревно. Нехитрый, но громоздкий механизм приводили в движение четыре яка, понуро стоявшие здесь же. Несколько косматых чернобородых людей в одежде из

вывернутых наизнанку шкур вытянули старца за руки и пали перед ним ниц. Альбрехт Рох выкарабкался сам. Впереди, в котловине, пепельно-тусклым блеском запыленного зеркала играла вода. В воздухе кружили птицы. Слева, далеко отступив от воды, поднимались скалы, в вышине они незаметно переходили в обледенелый кряж, который уползая по границе озера и на той, невидимой, стороне смыкался с белым оскалом дальних хребтов.

На берегу озера, поросшего пышной травой, копошились человеческие фигуры, бродили яки, козы, овцы, с лаем носились собаки. Нигде никаких построек. Но над всем мирным пейзажем разверзлась чудовищная пасть громадной пещеры. Она словно готовилась проглотить загадочно-угрюмые воды. Исполинским глазом циклопа у входа в пещеру странным синеватым пламенем светился огонь большого костра.

Здесь, в недосягаемой высокогорной долине, на берегах Теплого озера жили последние огнепоклонники, немногие из уцелевших приверженцев учения Зороастра, легендарного пророка, основателя древней религии персов и всех среднеазиатских народов. Ее господствующая роль была давно утрачена, не выдержав противоборства с исламом, когда во времена мусульманского нашествия под копытами арабских лошадей пали растоптанными и былая гордая слава Персии, и святыни зороастрийцев. Слепой старец был верховным жрецом огнепоклонников, один из немногих, кто имел доступ к сокровенным памирским тайникам. «Вы, франки, — сказал он оробевшему монаху перед входом в пещеру, где жутким синим пламенем без дров и угля гудело пламя костра, — вы больше других кичитесь мудростью, которой у вас нет. Вы как дети, зная немногое, полагаете, что знаете все, и как базарные нищие довольствуетесь жалкими крохами, доставшимися от знаний недоведомых народов. Нам же известно такое, о чем тебе не пригрезится и во сне».

Седобородый волхв уверенно вступил в непроглядную черноту пещеры, а монах, положив руку на его высокое плечо, сам, словно слепец, послушно побрел за поводырем. Их охватила мгла. Шли долго, и Альбрехт Рох потерял счет минутам. Коридор вел чуть под уклон, плавно сворачивал то в одну, то в другую сторону. Покатый пол, казалось, сам толкал вперед. Почти физически ощущалась гнетущая теснота каменного мешка. Но вот за поворотом засерело, и в леденящей мгле подземелья вдруг дохнуло теплой влагой. Стало просторно. Потолок ушел в вышину и исчез. Сверху слабо струился рассеянный дневной свет, с трудом пробивавшийся сюда сквозь щели, затерянные где-нибудь на склоне горы. Королевский посол и его вожатый очутились на берегу подземного озера, охваченного куполом громадной пещеры. Само озеро было невелико. От воды поднимался легкий пар, и над неподвижной гладью, точно

причал в торговом порту, возвышалась ровная каменная терраса. Она шла по-над берегом, местами нависая над водой, местами распадаясь на широкие ступени, которые уходили прямо в глубь озера. Повсюду на террасе ровными рядами были разложены сотни и сотни огромных плотных свитков, издали напоминавших небольшие бочонки с вином или китайским порохом. Впервые с начала сошествия в прибежище князя тьмы слепой жрец нарушил молчание: «Ты видишь перед собой, франк, рукопись священной Авесты — самой великой и древней книги на земле. Ни беспощадное время, ни жестокосердные деспоты, ни ненасытные завоеватели не властны над истиной, поведанной великими богами. То были прекрасные и жизнедарящие боги — не чета той нелепой, безликой силе, которой ты молишься денно и нощно. Что значит вера в сравнении со знанием? Черная безлунная ночь, затмившая ослепительный свет ясного солнца; вонючая грязь болота, пожирающая хрустальные струи горного ручья. Но вы предпочитаете тьму свету, придумываете несуществующих небесных владык и молитесь пустым, никому не принадлежащим именам. А я призван хранить знание, которое жившие в прошлом передают тем, кому еще предстоит жить в будущем. Вот ты, франк, знаешь ли, в чем смысл твоей жизни?» — «Знаю! — убежденно заявил монах. — В том, чтобы праведной и богоугодной жизнью заслужить по-стороннее блаженство и бессмертие!»

«Ты глуп, франк, — беззлобно засмеялся огнепоклонник, — но еще глупее то, о чем помышляешь ты и миллионы других неведающих, какие неисчислимые беды может принести то, о чем вы мечтаете. Люди, как заклятием, обременены незнанием, что бессмертие хуже всякой смерти, что оно есть величайшее зло для живого. И как хорошо, что безумцы, подобные тебе, могут лишь грезить о бессмертии, не владея его тайной». — «Я заслужу бессмертие там!» — Альбрехт Рох указал перстом на туманные лучи, струившиеся из-под свода пещеры. «Ты мог бы получить его здесь, но навеки проклят бы день и час, когда согласился бы стать бессмертным. Сойди вниз до последней ступени», — вдруг повелительным тоном приказал маг.

Королевский посол послушно спустился к самой воде. В лицо пахнуло теплотой парного молока и ароматом первых весенних листьев. На последней ступени, широкой, как палуба боевой галеры, возвышался огромный золотой сосуд, по форме напоминающий церковную купель и разукрашенный узором из треугольников. На дне драгоценного сосуда прозрачно-зеленым изумрудным отливом блестела густая жидкость. «Спустился? — раздался сверху властный голос жреца. — А теперь взгляни, что будет с тем, кто задумает стать бессмертным», — торжествующе и зловеще проговорил слепой маг, почти невидимый в темноте, и неожиданно крикнул что-то на неизвестном гортанным языке. И тут же вода в озере забурлила, заклокотала,

всплеснулась дрожащей волной, и из облака пены, пузырей и брызг возник ужасающий лик.

Омерзительная змеиная морда, покрытая чешуей, которая местами отставала от кожи и топорщилась, как у дохлой рыбы. Чудовищная безгубая пасть с мертвенным оскалом. Меж редких истертых зубов проглядывал черный слюнявый язык. Немигающие, налитые кровью глаза смотрели жадно и недобро. Глубокие, близко посаженные ноздри на конце тупой морды хлюпали и шипели, расширяясь при вдохе и сужаясь при выдохе. От низко надвинутого лба шел, исчезая в воде, гребень из наростов, острых шипов и бородавок. Морда тяжко вздохнула, потом жалобно всхлипнула и вдруг, открыв во всю ширину бездонную зубастую пасть, нечленораздельно и сдавленно рявкнула, распространяя смрадное холодное дыхание.

Это было последнее, что увидел и запомнил Альбрехт Рох. Голова пошла кругом, ноги подкосились, и он, потеряв сознание, рухнул на каменные плиты. Неизвестно, сколько времени провел он в беспамятстве. Когда очнулся, вокруг не было ни подземной пещеры, ни слепого мага, ни устрашающей морды. Альбрехт Рох лежал у подножия черной стены вблизи ревущего водопада. Над ним склонились угрюмые бородатые лица погонщиков яков, а вверх, к далекому краю пропасти, уплыла пустая плетеная корзина...

ТАЙНА ОГНЕПОКЛОННИКОВ

По мере приближения к кульмиационному моменту своего рассказа Керн все более воодушевлялся. Он с такими подробностями описывал события более чем семивековой давности, словно сам был их участником. Прошлое и настоящее сплелись в одно целое. Даже видение францисканского монаха воспринималось как наяву. Но что же это было за видение? Я спросил об этом Керна. Тот загадочно улыбнулся:

— Вот давайте и разберемся, где правда, а где вымысел.
— Значит, рукопись с вами? — не понял я.

— Нет, конечно. Она там, где я оставил ее весной сорок пятого, — в подземном бункере. В рукописи Альбрехта Роха сообщался один факт, который заставил меня прешибречь опасностью и пробраться в разрушенную часовню. Монах писал, что, отбывая в райские кущи, берет с собой не только подробное жизнеописание, но и таинственный светильник, испещренный дьявольскими письменами, подаренный ему слепым огнепоклонником. Я нашел его в куче мерзлой трухи. Но был обнаружен и взят в плен советским офицером. Вот почему бронзовый светильник оказался у меня, а рукопись осталась там, в бункере. Дважды за эти годы я приезжал в Советский Союз с делегацией ученых ГДР, но побывать в местах, где прошли детство и юность, так и не удалось. И вот теперь, — заклю-

чил Керн, — газетная публикация о памирской находке заставила меня бросить все и приехать в Москву.

Да, стоило над чем призадуматься. Я верил и не верил, хотел и не мог. Чтобы поверить в сказку, нужно или быть ребенком, либо же родиться лет на триста раньше. И все же волей-неволей я целиком и полностью оказался во власти этой бредовой, колдовской, ошеломляюще страшной, сверхчеловеческой идеи БЕССМЕРТИЯ. Она проникла в мозг, как зазубренная стрела с медленно действующим ядом, которая вонзается в тело и постепенно парализует организм.

Несомненно одно: сведения монаха-францисканца требовали внимательного изучения, уточнения, сопоставления, чтобы убедиться в их правильности. Поэтому предложение Керна поехать в Прибалтику представлялось вполне естественным, хотя никто и не был уверен, сохранилась ли в лесном подземелье исповедь Альбрехта Рожа. Да и уцелел ли сам подземный бункер — старая язва войны?

Впрочем, тем, кому случалось бывать в районе Калининграда, на территории бывшей Восточной Пруссии, хорошо известно, сколько тайн военного прошлого хранит эта земля. На разветвленную сеть секретных подземных баз, заводов, складов, аэродромов неподалеку от границ Советского Союза во времена второй мировой войны делалась особая ставка. Многое было уничтожено в ходе боев, взорвано отступавшими войсками, обнаружено и ликвидировано после войны. Однако немало еще неизвестных тайных убежищ и хранилищ скрыто в тенистых лесах и посреди топких болот. Так или иначе, приходилось ехать. Весьма кстати подвернулись и два выходных дня, и автомобиль Керна, на котором он прибыл из Иены.

Мы выехали, когда на небе таяли последние звезды. С Керном было легко как с давним знакомым. За время пути к Калининграду я успел проникнуться доверием и уважением к пожилому невозмутимому немцу, о чьем существовании еще на кануне не подозревал. Мне нравилась его манера вести беседу размеренно, неторопливо, но образно и убежденно. Ни тени позерства, ни нотки пренебрежения, никакого желания подавить собеседника мнимым превосходством и потоком книжной информации — нестерпимая черта эрудированных болтунов. Наши отношения быстро приобрели тот особый оттенок, который подчас наблюдается при сближении людей, совершенно различных по характеру, взглядам или возрасту, но испытывающих симпатию и стремящихся к развитию товарищеских уз: Керн шутливо покровительствовал мне, я же, не тяготясь подобной опекой, не оставался в долгу и не упускал случая или подковырнуть его, или беззлобно уязвить. Не сговариваясь, мы взяли за основу наших отношений простую житейскую заповедь: посеешь непринужденность — пожнешь дружелюбие.

Вечерний Калининград встретил нас оживленными улицами

и просторными бульварами. Керн медленно вел машину, не узнавая изменившегося города. Переночевав неподалеку от порта, мы тронулись в путь с первыми лучами солнца. Отъехав от города с полсотни километров, автомобиль свернул на просеку и остановился в редком орешнике.

— Здесь недалеко, — объяснил Керн. Он достал из багажника подвесной фонарь и зашагал легкой походкой в низину, поросшую ольхой, а я, захватив на всякий случай лопату, бросился вслед за ним.

Миновав тенистый ольшаник, мы пошли оврагом, по топкому дну которого бежал грязный ручей, похожий на сточную канаву. Быстрый бросок, и вот в окружении могучих сосен возник пригород, по форме похожий на курган, а на его вершине — бесформенные очертания руин. Часовня совсем развалилась. Остатки каменных стен замшили и заросли. Почтив молчанием остатки седой старины, мы спустились с вершины холма и побрали дальше. Бор чуть слышно шелестел пущистыми макушками сосен. Ноги легко, как на лыжах, скользили по мягкой хвойной подстилке, изредка задевая за кустики черники или папоротника. Казалось, можно без конца блуждать между прямыми, как мачты, стволами, не встречая ни людей, ни тропинок.

Керн шел впереди. На одной из прогалин он остановился и начал внимательно осматривать землю. Сквозь прорехи ковра из прелых сосновых игл проглядывал грязно-желтый песок, местами изрезанный высохшими желобками — следы мелких дождевых ручейков. Не ясно только, куда они стекали: маленькие канальцы сходились радиально и пропадали под землей в двух-трех точках. Керн ковырнул лопатой. Тонкий слой поддался и съехал как кожура со спелого персика, обнажая ржавую клепку железных дверных створок.

— А ну, взяли, — скомандовал мой спутник и, вогнав лопату в щель, всем телом навалился на ручку, как на рычаг. Дверь скрипнула, дрогнула, приподнялась. Я ухватился обеими руками за черный скользкий угол и потянул что есть силы. Пыхтя и сопя, мы до тех пор толкали тяжелую крышку, пока она наконец не встала дыбом и не опрокинулась с храпом, открывая квадратную дыру затхлого погреба. Вниз вело несколько высоких ступеней. На дне черной ямы предательским блеском отсвечивала вода.

— Там еще одна дверь, — пояснил Керн и, наладив фонарь, осторожно начал спускаться. Вода внизу оказалась грязной, вонючей жижей, размазанной по полу. В свете фонаря я увидел железную дверь, в центре ее, как на банковских сейфах, торчала металлическая баранка. Без особых усилий Керн повернул три раза массивный руль. Раздался резкий щелчок, и тяжелая, в две ладони толщиной дверь с пронзительным визгом отошла на петлях.

Мы очутились в полутемном просторном помещении. Жел-

тое световое пятно фонаря блуждало по высоким бетонным сводам в потеках и трещинах и отражалось на стенах, выкрашенных когда-то желтой масляной краской, теперь вздутой и облупившейся. Пол чистый, незамусоренный, но покрытый какими-то отвратительными пятнами и лишаями плесени. Тяжелый запах — смесь гнили и сырости — усиливал гнетущее впечатление от этого давно брошенного и закупоренного помещения. Посреди зала располагался массивный деревянный стол, на нем среди тряпья, ржавых банок и опрокинутых бутылок лежала толстая книга энциклопедического формата, обтянутая кожей, с грубыми самодельными завязками вместо застежек и большим латинским крестом, вырезанным поверх переплета. Мы с Керном — голова к голове — склонились над фолиантом. Книга была сработана ладно, со знанием дела. Пергаментные листы аккуратно подобраны и ловко подшиты к корешку, но от долгого времени страницы сморшились, покоробились, отчего вся рукопись распухла и раздалась. Текст тоже немного пострадал, особенно вначале: кое-где смыло и стерло чернила, кое-где строчки закрывали бурые разводы.

Керн взял рукопись под мышку и направился к выходу. На воле терпкий запах хвои ударил в нос, как шампанское. Выбрав негустую тень и распластавшись на траве, Керн открыл книгу с середины и принялся быстро, но бережно перелистывать страницы. Сидя рядом на корточках, я то и дело заглядывал через плечо, но ничего не успевал схватывать — перед глазами мелькали только обрывки бессвязных фраз. Побуревшие от времени страницы были сплошь исписаны малоразборчивым почерком. Буквы торопились, набегали друг на друга, точно не поспевали за мыслию автора. Неровные строчки заползали то вверх, то вниз. Наконец Керн нашел, что искал, и начал негромко читать, переводя прямо на русский. Над моей головой вновь нависли знакомые стены памирского ущелья...

* * *

Измученные, обессиленные без свежего корма яки еле переставляли ноги. Альбрехт Рох, подпрыгивая и покачиваясь в войлочном седле, ехал в хвосте каравана. Монах, казалось, не замечал ни гортанных криков погонщиков, ни крутых спусков, ни резких толчков, от которых его почти бросало на острые, как вилы, рога яка, грозно торчащие из темной шерсти.

Рога — зловещий аксессуар дьявола. Может быть, и жесткая волосатая спина под седлом принадлежит хозяину преисподней, а вовсе не диковинному горному животному? С того самого мгновения, когда из жутких глубин подземного озера возникла чудовищная оскаленная морда, Альбрехт Рох точно впал в забытье. Не хотелось ни есть, ни пить, ни думать. Только обветренные распухшие губы по привычке повторяли молитву.

И когда над ухом обжигающе звонко, как оборванная струна лютни, пропела стрела, он не без усилия открыл слезящиеся глаза, и то, что увидел, показалось ему картинами сна. Впереди все смешалось. Караван, перегородив ущелье, сбился в кучу, а сквозь мычащее стадо пробивался отряд вооруженных конников. Несколько косоглазых безбородых всадников в лисьих малахаях и полосатых халатах мчались прямо на монаха. Пронзительный разбойничий гик заглушил беспокойный рев яков, и, прежде чем Альбрехт Рох наконец осознал, что все это не сон, тугой монгольский аркан сдавил ему горло.

Откуда взялся в безлюдном памирском ущелье монгольский отряд, ведал, должно быть, один только бог. Альбрехт Рох нащупал на груди серебряную пластинку — охранную посольскую грамотку, сорвал ее и молча протянул ближайшему всаднику. Тот опасливо взял пайцзу, недоверчиво повертел посольский пропуск и что-то скомандовал, указывая в сторону тучного монгола с толстой короткой шеей и глубоким дазнишним шрамом через все лицо — след тангутской секиры или хорезмского клинка. Судя по богатой одежде, отягченной дорогими мехами, судя по властному неподвижному взгляду и по презрительно оттопыренной нижней губе, судя по тому, как угодливо притихли живущиеся в стороне монголы, старый военачальник был важной персоной. Однако кем бы ни был самодовольный вельможа, Альбрехт Рох решил действовать дерзко и наступательно.

«Я посланец французского короля, еду в ставку вслиного хана», — выпалил он две хорошо заученные монгольские фразы. Вельможа метнул на монаха колючий взгляд и прорычал в сторону несколько неразборчивых слов. И тотчас же за его плечами появился маленький щуплый человек в синем атласном халате. У него было желтое скуластое лицо и раскосые глаза, которые поминутно сужались в тонкие, едва заметные щелки. Жидкая, но тщательно расчесанная борода. Жесткие и черные как смоль волосы аккуратно сплетены на затылке в тугую косичку.

Альбрехт Рох сообразил, что человек с косичкой, по-видимому, китаец, один из многочисленных грамотных чиновников, которых, как пыль в поры, впитало разжиравшее тело монгольской империи. Китаец внимательно оглядел монаха, причмокнул губами так, что дрогнули кончики отвислых усов, похожих на вялые стрелки лука, и вкрадчиво спросил на ломаном арабском языке: «Не скажет ли королевский посол, что делает он так далеко от проезжих дорог?»

Альбрехт Рох не стал скрывать, что почти два года провел в плену у персидских повстанцев и что после освобождения помог одному слепому старцу добраться до дому, для чего ему и пришлось свернуть в сторону и заехать в эти безлюдные горы.

После допроса китайский чиновник велел монаху оставаться в седле и следовать за монгольским отрядом. У водопада конники спешались. Предоставленный самому себе, Альбрехт Рох с недоумением наблюдал за монголами, совершенно не догадываясь, что же они замышляют. Сотня выстроилась вдоль глухой стены и замерла точно на смотре. Только несколько человек во главе с китайцем суетились возле большого ящика, прикрытоего грубым холстом. Когда мешковину сняли, Альбрехт Рох с удивлением увидел большую деревянную клетку, в которой, прикованный короткой цепочкой, сидел орел.

Огромная птица, напуганная шумом, беспокойно вертела головой и поминутно открывала хищный клюв. Подручные китайца бережно, словно стеклянный сосуд, поставили клетку на землю и откинули переднюю стенку. Один из воинов уверенно потянулся к орлу, и дрессированная птица скакнула на руку ловчего. Монгол подбросил орла, и тот, взмахнув крыльями, плавно взлетел над головами, а вслед за птицей потянулась тонкая веревка, по всей длине усыпанная частыми бородавчатыми узлами. Ритмично взмахивая крыльями, красавец беркут все выше и выше взмыпал над ущельем. Ему было трудно: веревка, привязанная к ноге, мешала лететь и не давала отклониться в сторону. Вдруг птица дернулась — веревка, нижний конец которой был привязан к седлу лошади, натянулась как тетива. Орел отчаянно замахал крыльями, но потом распластал их, плавно спарировал за гребень стены неподалеку от водопада и пропал из виду.

Теперь все взгляды обратились к китайцу. Он подошел к веревке, которая уползала вверх по стене, попробовал ее руками. Стоящий рядом монгол передал ему небольшой сверток. В свертке что-то шевелилось и попискивало. Альбрехт Рох подумал, что это ребенок. Китайский чиновник склонился над свертком — довольная улыбка пробежала по его лицу. Осторожно, словно ласковая мать, он распеленал меховое покрывало, и Альбрехт Рох с ужасом перекрестился, увидев уродливое нечеловеческое лицо: на монаха глядело не грудное дитя, а маленькая хвостатая обезьяна с подвижной смышеной мордочкой.

Обезьянка, дрожа от холода и страха, испуганно вцепилась всеми четырьмя лапками в одежду китайца, а тот гладил ее серую короткую шерстку, почесывал горлышко и совал в рот какие-то лакомства. Накормив маленькое существо, чье присутствие так не вязалось со снежными зубцами пиков и промозглым сквозняком ущелья, китаец поднес обезьянку к веревке. Быстро перебирая лапками по бугорчатым узлам, она полезла вверх, а за ней, как и за орлом, потянулся тонкий, едва приметный шнур, привязанный к ошейнику.

Альбрехт Рох как завороженный следил за каждым движением животного. Обезьянка благополучно добралась до края

пропасти и, усевшись там, как на карнизе, принялась ловкими заученными движениями тянуть тонкий шелковый шнур, за конец которого была прицеплена легкая веревочная лестница. Это казалось почти невероятным, но лесенка, точно змея, ползла и ползла к вершине пропасти. Как только первая ступенька очутилась в лапах обезьяны, та сразу исчезла из виду.

Все замерли в ожидании. Наконец по прошествии нескольких минут китаец осторожно тронул лестницу — ступеньки не поддались. Он потянул сильнее — результат тот же. Путь на верх был открыт. Никто не помешал вероломному трюку, и трое воинов по одному вскарабкались к вершине черной стены. Как только они добрались до цели, в ход был пущен подъемный механизм, и плетеная корзина безостановочно засновала то вверх, то вниз.

Китаец поднялся одним из первых. Когда к корзине под руки подвели грузного вельможу, старый монгол плетью указал на Альбрехта Роха. Не дожидаясь пинка, монах молча повиновался и перелез через борт корзины. Ременный короб напрягся, качнулся и медленно оторвался от земли. Монголы на верху, как стадо, сбились в кучу и ждали дальнейших распоряжений. Бородатых огнепоклонников нигде не было видно. У подъемного колеса под ногами у равнодушных яков корчилась и верещала замерзшая обезьяна, которая ухитрилась зацепить лестницу за металлический крюк на подъемном механизме...

Последний рывок — и монгольский отряд очутился на берегу озера. Воины приготовили стрелы, на ходу выстраиваясь полумесяцем. Предстояла привычная работа: несколько залпов из луков, а оставшихся в живых добить топорами и кривыми татарскими саблями. Но возле циклопической пещеры не было ни души — только сноп голубого огня да на склонах гор овцы и яки. Монголы остановились. Мрачный военачальник, подозвав десятников, отдал распоряжение, а сам вместе с маленьким китайцем остался на склоне, с возвышения наблюдая за действиями солдат. Альбрехт Рох тоже не стал приближаться к пещере.

Чем ближе трепетный столб синеватого пламени, тем неуверенней становились движения монгольских воинов. Но услышаться никто не смел, даже если бы им приказали прыгать в огонь. Железный закон Чингисхана: за одного труса казнят весь десяток, за дрогнувший десяток в ответе целая сотня. Прижимаясь к стене, держа наготове оружие и факелы, монголы по одному проскальзывали в пещеру, словно тая в пламени гигантского костра.

Внезапно горы содрогнулись от грозного рокота, как будто неведомая сила пробудилась в глубоких недрах земли, стремясь вырваться на поверхность. Раздалось хриплое угрожающее шипение, и Альбрехт Рох с ужасом увидел, как из пещеры,

заливая огонь, хлынул мутный поток воды, окутанный густым облаком пара. Он пенился, клокотал, разливался, на глазах превращаясь в могучую неудержимую реку, которая, лавой сметая на пути людей, камни, растительность и все, что можно смыть, ворвась в спокойные воды озера...

Не чуя ног, Альбрехт Рох бросился прочь от страшной пещеры. Земля дрожала. Грозный рокот, точно шум морского прибоя, разносился далеко по горам. И казалось, вот-вот настигнет задыхающегося беглеца неукротимый поток воды, который хлестал из развернутого зева мстящей земли. Подгноянный животным страхом, монах с ужасом оглянулся. Но его настигала не разгневанная вода. В ста шагах сзади, обрывая о камни длинные полы халатов, бежали монгольский вельможа и маленький китайский чиновник.

Колченогая фигура грузного монгола выглядела, пожалуй, нелепее всего в этой трагикомической гонке, однако старик достиг водопада одновременно со всеми. Здесь, возле подъемного механизма, все троё долгое время не могли отдохнуть, глотая бескровными губами разреженный воздух. Первым опомнился воевода. Он вдруг выхватил из ножен саблю и, визгливо выкрикивая монгольские слова, принял угрожать Альбрехту Роху и маленькому китайцу. Монах попятился от острого кривого клинка, не понимая, чем вызвана беспричинная ярость. «Он хочет, чтобы мы спустили его в корзине», — объяснил китаец и жестом дал понять разъяренному монголу, что согласен. Тот немедленно бросился к плетеной корзине, а маленький китаец ухватил ближайшего яка за кольцо, продетое сквозь ноздри, и пустил громоздкий подъемник.

Голова монгола с надвинутой по самые брови лисьей треухой шапкой медленно исчезла за краем пропасти. Но не успело подъемное колесо сделать пол оборота, как китаец остановил быков. Поначалу Альбрехт Рох не понял, что замыслил этот юркий человечек, чьи щуплые плечи и худое костлявое тело не мог скрыть даже утепленный халат. А китаец спокойно присел на корточки, достал из-за пояса узкий длинный кинжал и принял с невозмутимым видом перерезать толстый — чуть ли не с руку шириной — канат, связывающий барабан подъемника и ременную корзину, в которой теперь, как в ловушке, болтался над пропастью монгол.

Кинжал с трудом брал скрученный и просаленный ворс, но китаец делал свое страшное дело не торопясь. Ритмичными движениями и без особых усилий он точно пилой перепиливал тугой канат и, когда наконец перерезанный конец веревки, словно оборванная тетива лука, молниеносно мелькнул над краем пропасти, даже не посмотрел в ту сторону.

Оставался единственный путь отступления — веревочная лестница, столь хитроумным и изобретательным способом доставленная наверх. Беглецы по очереди спустились вниз. Оседланные

коны и навьюченные яки разбрелись без присмотра по всему ущелью. Маленький китаец неподвижно сидел на камне близ странной площадки, исписанной непонятными треугольными знаками. Монах подошел, и на него глянуло простое человеческое лицо. Спокойное выражение, проницательный взгляд, и только в глубине узких прищуренных глаз светилась затаенная скорбь...

Лу-гун — так звали китайца — был не чиновником, как предполагал Альбрехт Рех, а в сущности, таким же монгольским пленником. Долгое время ему, манихейскому прорицателю и врачевателю, удавалось избегать внимания всесильных монгольских владык, как мухи, мерших друг за другом от необузданного обжорства, пьянства и разгула. И первые головы, которые летели после смерти каждого, в ком текла хоть капля крови великого Чингисхана, были головы заклинателей, шаманов, знахарей и знаменитых заморских лекарей, не сумевших сберечь драгоценную жизнь очередного владыки. Но слава знатока древней китайской медицины все же сгубила Лу-гунна. Его схватили под вечер, и десять всадников всю ночь гнали коней через степь, унося на север привязанного к седлу китайца. Точно пузыри на болотной топи, простили из низкого утреннего тумана очертания юрт монгольского стана. Возле островерхого цветастого шатра с тяжелым ковровым пологом гонцы спешились. Лу-гуну притащили между двумя очистительными кострами и втолкнули в шатер.

В слабом свете чадивших светильников среди смятых пуховиков, меховых одеял и расшитых золотом подушек Лу-гун увидел царицу Эргэнэ — грозную властительницу Чагатайского улуса. Властная и непреклонная монголка, мать многочисленных детей и вдохновительница бесчисленного числа дворцовых заговоров, Эргэнэ встала во главе улуса после долгих лет кровавых междоусобиц. Тучная, широкобедрая, с плоским скуластым лицом и приплюснутым носом, одинаково хорошо чувствовавшая себя и в трудном походе, и в стремительной травле зверя, и в тиши домашнего очага, рано овдовевшая правительница быстро сумела взять в узду строптивых монгольских вельмож.

Пышногрудая заспанная ханша, только что поднятая ото сна, не удосужилась даже одеться. Толстое, мясистое тело и большой округлый, как у буддийского божка, живот бесстыдно выпирали из распахнутого золототканого халата. Грубое лицо и оголенные руки лоснились, точно смазанные рыбьим жиром. Жидкие распущенные волосы покрывала тюбетейка, сплошь усеянная крупными отборными жемчужинами. Нахмуренные подбрютые брови и властный тяжелый взгляд, устремленный поверх головы коленопреклоненного пленника. Кивком головы царица отпустила стражу и обратилась к Лу-гуну: «Верно ли говорят, что можно вернуть утраченную молодость и предот-

вратить наступление смерти? И правда ли, что манихейская секта, к которой ты принадлежишь, владеет тайной бессмертия?»

Маленький китаец готов был услышать что угодно, но только не это. Царица говорила вкрадчивым, чуть ли не заискивающим голосом, хитрые лисьи глаза смотрели выжидающе и настороженно, а толстые похотливые губы скривились в жалком подобии улыбки.

«Это не совсем так, моя госпожа», — ответил Лу-гун, с ужасом понимая, что объяснить смысл одного из самых сокровенных манихейских тайнств ему все равно не удастся, ибо никто из помышлявших о бессмертии не был в состоянии уразуметь, почему бессмертие — худшее из всех зол. Лу-гун и сам не вполне понимал эту истину, которая из поколения в поколение изустно передавалась от учителей к ученикам. Тем более бесполезно взвывать к дремучему рассудку царицы. О эта неутомимая жажда бессмертия! Сколько земных владык стремилось приобщиться к сонму небожителей и разделить с ними вечную молодость и власть над смертью! Сам Чингисхан пробовал задобрить китайских отшельников, лаской и золотом купить у них тайну бессмертия. А ведь те несчастные, в конце концов терявшие свои головы, не знали даже того, что было известно Лу-гуну.

Манихейская секта, нашедшая свое последнее прибежище в горах Синьцзяна, была глубокими корнями связана с учением Зороастра и приобщена ко многим тайнам огнепоклонников. Лу-гун был еще совсем молод, когда довелось ему на правах послушника сопровождать трех манихейских старшин в далекое памирское ущелье. Его не пустили в пещеру, и лишь спустя много лет он узнал, что за тайну хранят в ней последние огнепоклонники. Но смысл этой тайны так и остался ему неясен. Почему бессмертие — зло? Да не все ли равно! Уж если охота это изведать царице, так пусть и испытывает все на собственной шкуре.

Потому-то и согласился Лу-гун провести монгольский отряд по тайным тропам Памира. Он сам придумал и разработал до мельчайших деталей дьявольский план проникновения в зороастриское убежище, и Эргэнэ по достоинству оценила замысел хитрого китайца. Ему было дано все необходимое, предоставлены самые опытные сокольничие, а с юга, из улуса великого хана, доставлена якобы для потехи царского двора клетка с обезьянами, которых Лу-гун выдрессировал сам. Но разъяренный поток, обрушившийся из недр памирской пещеры на незванных гостей, навсегда похоронил в клокочущих водоворотах и монгольский отряд, и все тщательно разработанные планы, и страстные надежды властительницы Центральной Азии обрести вечную молодость и бессмертие. Огнепоклонники предпочли погибнуть, нежели выдать тщательно оберегаемую тайну в чужие руки...

Солнце ушло за гору, и на ущелье наползла тяжелая зяб-

кая тень. Сытые, накормленные до отвала яки резво семенили размежеренной трусцой, с глухим призвуком цокая по камням неподкованными копытами. Лу-гун ехал первым, за ним чуть сзади следовал Альбрехт Рох. Два человека, разделенные языком, культурой, мировоззрением и связанные на какое-то время общей судьбой. А впереди в сумерках уходящего дня прорисовывались два мощных обледенелых кряжа, которые, почти вплотную подползая друг к другу, образовывали узкий, точно приоткрытые створки крепостных ворот, выход из загадочного ущелья...

СУМЕРКИ БОГОВ

Керн умолк.

— Но почему же зло? — сорвался наконец вопрос, не дававший мне покоя на протяжении всего чтения.

— А что такое бессмертие? — последовал встречный вопрос.

— Ну это невозможность умереть, непрерывное долголетие, — не слишком вразумительно ответил я.

— Вот именно — невозможность умереть, но только естественной смертью. А как по-вашему: убережет бессмертие от убийства или несчастного случая? Нет, конечно. Искусство управлять процессами старения или умение омолаживать организм не застраховывает от насильтственной смерти. Можно утонуть в море, быть убитым камнем, застреленным или зарубленным — тут уж омоложение бесполезно. Кроме того, чтобы долголетие продолжалось непрерывно, его нужно постоянно продлевать. Но вот человек, завладев эликсиром бессмертия, становится богом...

— Богом?

— Конечно, богом. А как же еще именоваться тем, кто обретал бессмертие? Только хорошенъко продумайте, что это за боги. Вспомните богов Древней Греции. Разве напоминают хоть чем эти боги абстрактных, космически-бестелесных существ позднейших религий? Античные боги наделены всеми человеческими недостатками и слабостями. Как и люди, они пили и ели, любили и страдали, завидовали и ненавидели, враждовали друг с другом. К тому же они и умирали. Еще при жизни Цицерона на Крите показывали могилу Зевса.

— Но при чем тут Зевс? У Альбрехта Роха о нем ни слова.

— Смотря как читать, — невозмутимо продолжал Керн. — Латинское слово «деус» («бог») в рукописи Альбрехта Роха (как и греческое «теос», от которого, кстати, ведет начало русское слово «отец») происходит от общего древнеарийского корня «дэв». Дэвы, или дивы, это знает любой ребенок, излюбленные образы восточных сказок, легенд и мифов, где они предстают кровожадными чудищами, кошмарными чертями-оборот-

нями. Такими же они выступают и в древнеиранской мифологии. Но что поразительно и на первый взгляд парадоксально: в соседней с Ираном Индии кровожадные дивы почитались в древности как духи добра и света — дэвы. Кстати, о Зевсе. Вам не известно, сколько имен насчитывалось в древности у Зевса? Три, пять, даже восемь — вот сколько! И Зевс, и Дзевс, и Дзас, и Дзен, и Дей, и Ден, и Див. Обратите внимание на это последнее, очень прелюбопытное и далеко не случайное имя — Див. И в Древней Персии дивы поначалу почитались как добрые боги, заступники и покровители людей. (Между прочим, в русском языке словосочетание «диво дивное» также обозначает нечто прекрасное и необыкновенное.) Но вот явился пророк Зороастр и проклял прежних богов — дэвов, обвинив их в обмане человеческого рода. «Проклинаю дэвов, — вот кredo огнепоклонников. — Исповедую себя зороастрийцем, врагом дэвов. Отрекаюсь от сообщества с мерзкими, вредоносными, злоказненными дэвами, самыми лживыми, самыми вредными из всех существ. Отрекаюсь в мыслях, словах и знамениях». Почему же люди возвеличивали одних богов и проклинали других? Потому что сами боги не стоили почитания и поклонения. К чему может привести неограниченное продление такого существования, когда непрерывное долголетие направлено не на развитие интеллектуальных потенций, не на постоянное обогащение знаний, а на продление чувственных удовольствий и нахождение предметов роскоши, как это было у древних богов и легендарных царей?

А вот к чему: вместо вечной блаженной жизни несколько веков относительного покоя, а затем психическая депрессия и умственная деградация, постепенная утрата человеческих качеств, безумие и возврат к животным инстинктам. В тех, в ком древние люди знали могучих самоуверенных богов, последующие поколения видели только диких оборотней-дэвов, с которыми приходилось непрерывно бороться. И находились смельчаки: они смело вступали в единоборство и побеждали в жестоких битвах с кровожадными чудищами. Возьмите «Шахнаме» — старик Фирдоуси сохранил для нас имена многих древних воителей.

Но вот герой, победивший дэва, проникал в логово чудовища и обнаруживал там напиток, дарующий силу и бессмертие. Мог ли кто равнодушно пройти мимо такого трофея? Мог ли кто устоять перед искущением отведать эликсира бессмертия? И герой осушал чашу с коварным зельем, останавливая смерть и становясь царем или богом. Проходило несколько столетий, и все повторялось сначала: разум постепенно угасал, мудрец превращался в безумца, пророк — в людоеда, бог — в демона. Пролетали тысячелетия. Как день и ночь, сменялись поколения людей. Лишь бессмертные не ведали течения времени. Между ними разгоралась ужасная борьба за власть, за единоличное

обладание чудодейственным эликсиром. Великая битва олимпийцев и титанов в «Теогонии», орлинооких Асов и великанов Громтурсенов в «Эдде», старших и младших богов у шумерийцев и вавилонян, асур и дэвов в иранской мифологии — все это лишь слабый отголосок далекого прошлого, запечатлевшегося в памяти людей.

Бессмертие — аномалия, нарушение законов природы, законов жизни и законов эволюции. В природе все смертно. Все, кроме самой природы. Суть развития в постоянном и непрерывном обновлении: старое умирает, новое нарождается. Жизнь невозможна без развития, а бессмертие ставит на нем точку. Бессмертие — зло. Вот почему последние огнепоклонники так ревностно оберегали под ледниковым панцирем Памира тайну эликсира бессмертия, как горькую память о прошлом и как предостережение настоящему и будущему.

— А если огнепоклонники, — не выдержал я, — берегли тайну бессмертия для тех, кто сумеет правильно с ней распорядиться?

— Были уже такие, — незамедлительно отпарировал Керн. — Были не только боги, но и богоборцы, братья бессмертных по крови и по участи. Это были лучшие из лучших. Сильные, отважные, многоумные, они на сотни и тысячи лет определили свое время, хотя во многом и оставались его детьми. Греки называли их титанами. Эпоха, когда титаны управляли миром, получила название «золотого века». Воспоминания о нем запечатлелись в памяти всех древних народов Земли. В то время не было ни войн, ни вражды, ни ненависти. Отступили болезни. Всего было вдоволь. Люди жили безмятежно и счастливо. Титаны правили миром мудро и по справедливости. Они обучали людей искусству и ремеслу, технике обработки металлов и агрономическим приемам.

Имя одного из них — богоборца Прометея вполне может служить олицетворением самоотверженности и мужественности всего титанова племени. Они все были прометеями и когда открывали людям тайны огня, и когда по-брратски делились знаниями и навыками, накопленными на протяжении долголетней жизни. Они же на себе испытали, что бессмертием нельзя злоупотреблять, и пытались предотвратить распространение среди людей этой заразы, дабы не выродился и не погиб в конце концов человеческий род. Предостерегали они и новоявленных богов, но те лишь смеялись в ответ и мстили за слова правды. Зевс приковал Прометея к скале за то, что тот предсказал неизбежную гибель владыки Олимпа. Между богами и титанами разгорелась жестокая борьба. То, что древние авторы описывали как одну страшную битву, в действительности продолжалось долгие годы. Бессмертные боги не смогли одолеть правдолюбивых титанов. Тогда они решили воспользоваться другим оружием — ложью и клеветой, объявив покровителей

человеческого рода злейшими врагами богов, а следовательно, и людей.

Между прочим, знаете, откуда появились в Древней Греции олимпийцы? Отцом Зевса был грозный титан Крон, а матерью — титанида Рея. Обычно легенда связывает рождение Зевса с островом Крит, где Рея спрятала новорожденного в пещере и тайно воспитала будущего владыку богов, ниспровергнувшего впоследствии собственного отца. Но есть иная версия. У Реи было еще одно, более древнее имя — Кибела, великая мать всех богов. Ее кульп распространялся далеко за пределы Древней Греции — по всей Малой Азии. Считалось, что Кибела явилась откуда-то с Востока, где она долгое время жила среди высоких заснеженных гор. Древние авторы прямо указывают на место, откуда пришла великая богиня-мать. Это Бактрия, старинное название южных областей Средней Азии, куда относился и Памир.

— Значит, вы полагаете, что греческие титаны и боги первоначально жили в Средней Азии? — прошептал я как громом пораженный.

— Они жили повсюду, — спокойно продолжал Керн, — в том числе и в Азии. Вспомните, что матерью Прометея и его брата Атланта была титанида Азия. А впоследствии, мстя непокорному титану, Зевс приковал Прометея там, где тот родился и провел детство.

— То есть на Кавказе, — машинально констатировал я.

— Во-первых, Кавказ — преддверие Азии, а во-вторых, Кавказом древние греки вплоть до походов Александра Македонского называли все горы Азии между Арменией и Индией. Только позднее, когда полчища Александра прошли по миру, обширная горная цепь, протянувшаяся от Каспия до Китая, получила название Тавра, а неприступную твердь Гиндукуша стали именовать Паропамисом (так окрестили его коренные жители — паропамисады). К Паропамису относили в те времена и Памир. Памир и Паропамис — не правда ли, поразительно созвучные названия?

Но вот что зафиксировано в анналах истории. Однажды, когда войска Александра застряли при переходе через Гиндукуш, в греческий лагерь явились несколько местных жителей, одетых в звериные шкуры. Они настойчиво требовали провести их к царю. Когда странных гостей впустили, они поведали великому полководцу удивительную историю. Далеко на севере, рассказали они, среди снежных гор, в ущелье, доступном лишь немногим смельчакам, находится священная пещера паропамисадов. В пещере этой жил когда-то титан Прометей, где он был прикован к скале по велению мстительных богов, и драконоподобный коршун ежедневно прилетал, чтобы терзать его печень. Паропамис, сказали гости Александра Македонского, есть тот Кавказ, который греки считают темницей Прометея.

Именно сюда приходил Геракл, чтобы освободить великого титана. Об этом сообщает Страбон в пятнадцатой книге «Географии».

— И вы серьезно думаете, что все это действительно происходило на Памире? — хрипло спросил я.

— А вот мы и проверим, — весело отозвался Керн и неожиданно заключил: — Так что, выходит, без еще одной встречи с вашим таинственным ущельем никак не обойтись.

— Долго же придется ждать, — вздохнул я.

— А зачем ждать? Поедем вдвоем. Каких-нибудь шесть-всемя часов самолетом — долго ли?

— Вы что, серьезно? — вытаращил я глаза.

— Вполне, — невозмутимо отреагировал Керн. — Вы-то ведь были у водопада.

— Но я ездил с экспедицией — с помощниками, запасами, лошадьми! Продукты, впрочем, все остались на месте. Но это ведь Памир! Вы знаете, что такое Памир? А черная стена? Да вы представляете, что это такое?! Каким, позвольте узнать, способом вы намереваетесь подняться наверх? Штурмовать в лоб? Но в таком случае придется тащить к водопаду трехпудовые рюкзаки со стальными клиньями. А где взять лошадей? И сколько, прикиньте, займет времени вбивать стальные гвозди в гранитный монолит. Или вы решили отыскать обходной путь к пещере? Но это значит до конца лета вслепую рыскать по ледникам и перевалам на такой высоте, где человек долго не выдержит. Так что же вы предлагаете? Дрессированного орла и обезьяны, насколько можно судить, у вас нет?

Спокойно выслушав сумбурный монолог, Керн взял меня за руки и молча повел в подземный бункер. Миновав подсобное помещение, мы оказались в просторном зале. Свет от фонаря скользнул по нагромождению сундуков, ящиков, мешков, жестяных и деревянных бочек, баков и стеклянных бутылей. В тусклом свете не было видно конца хаотическому складу вещей. Он начинался прямо от двери и терялся далеко в глубине. Под ногами хрустел сухой песок, битое стекло и рассыпанная крупка. Кое-где виднелись раскрытие коробки. Отчетливо различались наклейки и немецкие надписи на фанере и картоне. У ближней стены лежали аккуратно уложенные тюки, похожие на свернутые парашюты, стояли в козлах густо смазанные автоматы, винтовки, карабины, а из-за высокого, обитого железными полосами сундука одноглазо уставился ствол крупнокалиберного пулемета.

Керн достал из настенного шкафа свечи, зажег с десяток, расставляя их вокруг на разной высоте, затем принял вскрыть какие-то ящики, не роясь в них и быстро переходя от одного к другому. Что-то упало, что-то посыпалось, что-то зазвянило. Наконец Керн вынырнул из полутишины со свертком в брезентовом чехле и тяжелым деревянным чемоданом, который

поставил на стол и, щелкнув, открыл замки. Я ожидал увидеть что-нибудь необычное, но в дощатом чемодане оказался небольшой металлический баллон, окрашенный голубой краской, с винтом и шлангом, похожий на те, какими пользуются аквалангисты.

Мой спутник соединил наконечник шланга с невидимым пазом в брезентовом мешке, ловко скинулся чехол и отвернул винт на баллоне. Раздалось шипение, и прямо над столом начал быстро раздуваться воздушный шар в легкой мелкоячеистой сетке. Через минуту шар заполнял почти все пространство между столом и потолком. Керн ухватился за лямки, свисавшие сбоку, подтянул шар к себе и вдруг проворно, с акробатической ловкостью продел ноги в одну из лямок и, крепко зажав руками другую, повис, вытянувшись в струнку над самым полом. Повисев с минуту, раскачиваясь, точно в гамаке, Керн вылез из лямок и отпихнул шар: тот, как калоша, шаркнулся по потолку и отлетел в сторону.

— Во время войны, — сказал Керн, отряхивая руки, — по ночам, когда позволял ветер, на таких штучках через линию фронта перелетали диверсанты. Думаю, что с помощью такого шарика можно взлететь хоть на Джомолунгму. Или нам еще что-нибудь нужно?

— Разве два дня, чтобы оформить отпуск, — растерянно промямлил я.

* * *

Никогда не забыть мне подъема на черную стену. Еще издали водопад приветствовал нас ворчливым рокотанием. Площадка со спиралью надписью, с которой чуть больше месяца назад начались все приключения, искрилась на солнце причудливыми треугольниками. Керн сбросил теплую десантную куртку и, оставшись в одном шерстяном свитере, принялся надувать воздушный шар, зачалив его с помощью веревки за большой камень, а я занялся мотком шелкового троса, предназначенного для страховки. Уже готовый к взлету, Керн обнял меня за плечи и показал глазами на вершину гребня:

— Телеграмму домой оттуда уже не дашь. — И, оттолкнувшись, легко, как птица, устремился ввысь. Шар дернуло, рвануло к реке, и я еле устоял на ногах, из последних сил удерживая веревку, захлестнутую вокруг камня, затем, чуть перехвачив, стал осторожно отпускать трос быстрыми перехватами.

С опасным приземлением горный воздухоплаватель справился мастерски. Поднявшись чуть выше края пропасти, Керн выждал, когда его занесет над гребнем, выдернул шланг из баллона и, понемногу выпуская газ, плавно полетел вниз, исчезая из виду. Для повторного подъема водорода не оставалось. Было условлено, что я поднимусь по лестнице. Спустя минуту над

ущельем грациозно всплыл воздушный шар и, быстро набирая высоту, полетел наискось вверх к наспущенным ледникам. Не успел я подготовить к подъему рюкзаки, как ползущие тени от набегавших облаков уже полностью зализаи светлое расплывчатое пятнышко.

А когда на дно пропасти опустилась капроновая лестница с привязанным на конце камнем и вслед за ней веревка для страховки, наступил мой черед. Я решительно подступил к лестнице, сплетенной из волосяных полупрозрачных лесок. Не верилось, что тонкие, почти невидимые нити способны выдержать тяжесть человека. Стоило сделать первый шаг и повиснуть над землей, как ажурная сетка вытянулась, ступеньки-нити слиплись, перекрутились и затопоршились над головой, как голые черенки на безлистом стебле.

Ползти было мучительно трудно. Собственная тяжесть вдавливалась в стену. Шершавый камень раздирал руки. Растворенные лески как бритвы врезались в ладони и пальцы. Предательские петли путались в ногах. Мускулы дрожали. В висках покалывало. Каждый удар пульса гулом отдавался в ушах и, прорываясь сквозь онемелые пальцы, уносился вверх по струнам натянутой лестницы.

У гребня лестница вплотную прилипала к неровным выступам, и на краю пропасти, там, где на остром ребре перегибались легкие нити, надо было подтягиваться на руках и, опираясь на локти, в акробатическом рывке заносить ногу. Распластавшись на краю обрыва, Керн что есть мочи подтягивал страховочный трос, помогая мне выкарабкаться наверх.

Неподалеку от широкого каменистого ложа, откуда речка срывалась водопадом на дно пропасти, громоздилась бесформенная куча гнилых черных бревен — остатки примитивного подъемника, возле которого разыгрывались драматические события, описанные Альбрехтом Рохом. А впереди открывалась панорама заснеженной долины. Глубокая плоская котловина, окруженная частыми зазубринами горных вершин, чем-то напоминала безжизненный лунный цирк, на дне которого мертвенным оловянным блеском играло озеро. Лишь в одном месте однообразие белых и серых тонов нарушала необычная чернота — точно темно-бурая ржавчина разъела, девственную белизну заснеженной горы, ближе других подступившей к озеру. То было жерло огромной пещеры.

Чудовищный разлом мало походил на вход в пещеру: не отверстие, овальное или квадратное, а гигантская трещина — как будто кто-то снизу раздирал гору надвое, но не смог разорвать до конца. Вблизи циклопический, жуткий, как врата ада, разлом ошеломлял еще сильнее, напоминая вход в узкое ущелье, стены которого незаметно сходились над головами. Дикое, угрюмое место. Ничто вокруг не говорило, что когда-то здесь жили люди.

Не без труда мы подобрались вплотную к входу и здесь, в трех шагах от стены мрака, наткнулись на закопченную, полузасыпанную воронку с гладкими, точно оплавленными краями.

— Костер зороастрийцев! — сказал Керн. — Теперь понимаете, почему Альбрехт Рох все время говорил об огненно-голубом столбе пламени? Здесь горел газ, который шел прямо из-под земли.

Мы сбросили рюкзаки, достали по фонарю и вступили в непроглядную темноту. Узкие лучики света беспомощно вязли в чернильной тьме. О действительных размерах пещеры можно было только догадываться по шаркающему эху шагов, которое изредка отдавалось высоко вверху под невидимыми сводами. Левая стена, вдоль которой мы двинулись, поначалу тянулась прямо, затем стала наклоняться куда-то в глубину и наконец распалась на высокие уступы амфитеатра.

Чем дальше, тем беспокойнее метались по сторонам лучики фонарей. Уступы стены незаметно снижались и, сливаясь с горбатым полом, уводили в темноту, куда не доставал свет. В таком хаосе немудрено сбиться или потерять друг друга. Единственный ориентир — высокий треугольник неба в расщелине за спиной, похожий отсюда на гигантский зуб допотопного чудища. Я первый заметил отверстие в стене — черную четырехугольную дыру, с виду похожую на распахнутую дверь. Стертые ступени разной высоты уходили вниз, а дальше каменный пол узкого коридора, низкий потолок, ровные стены, покрытые рубцами и глубокими царапинами, несомненно, следы кирки или зубила.

— Гляньте-ка: видение нашего монаха, — осветил вдруг Керн поблекшую фреску.

Со стены скалилась омерзительная змеиная морда с угрожающе раздутыми ноздрями и кривыми, как серпы, зубами.

— Дракон, — узнал я. — Вот что значит средневековое мироощущение: принять картину за действительность!

— Если только поблизости не было оригинала, — хмыкнул Керн.

— Оригинал? — чуть не поперхнулся я.

— А вы никогда не задавались вопросом: почему в древнем пантеоне такое множество богов змениного происхождения? Вспомните змееногих прародителей китайцев Фу-си и Нюй-ва, скифскую Богиню-змеедеву. Кецилькоатля — змеебога древних ацтеков или змеиные атрибуты Индры и Шивы. А древнегреческие боги: помните, откуда они ведут свое начало? Олимпийцы были детьми и внуками титана Крона. Титаны же, как и гиганты, по представлению древних греков, это змееобразные оборотни, полулюди-полудраконы со змеиными хвостами. Самая светлая богиня олимпийского пантеона — Афина Паллада, по твердому убеждению древних греков, происходила от змеи. В орфических гимнах она так и именовалась: змея, ко-

торая позднее превратилась в непременную спутницу и атрибут богини. Ни одно изображение совоокой не обходилось без змеи, а в главном афинском храме всегда содержались две священные змеи. Змеиного прошлого не забывал и владыка Олимпа — Зевс. В любое время он легко мог превращаться в змея. Однажды, обернувшись драконом, он насилием овладел собственной дочерью Персефоной, и от этого преступного брака родился бог виноделия Дионис.

Культ солнечного бога Аполлона неотделим от легенды о гигантском драконе Пифоне. Убив чудовищного змея у подножия снежного Парнаса, Аполлон основал на месте сражения дельфийский храм. В глубокой мрачной расщелине, бывшем логове Пифона, в течение многих веков пророчествовали пифии — жрицы Аполлона. Восседая на высоком треножнике, со всех сторон окруженная ползающими змеями, пифия, вдыхая холодные одурманивающие пары, изрекала предсказания, которые жрецы святилища передавали просителям. В образе змея представлялся и сын Аполлона — бог врачевания Асклепий. Нет ни одного изображения легендарного основателя медицины без змеи (отчего змея вообще стала символом медицинской науки). По преданию, Асклепий при лечении больных часто советовался со змеями.

Вообще в первобытной мифологии с образом дракона связано представление о некоем космическом первоначале, источнике всего живого, носителе разумности и сверхчеловеческих знаний. И разве не поразительна сама распространенность образа змея: нет, пожалуй, на Земле такого народа, в чьих мифах, легендах и сказках отсутствовал бы дракон, змей или какое-нибудь другое ползучее, летающее, плавающее змееподобное существо. Но одновременно великомудрые чудовища — индийский Врритра, иранский Ажи-Дахак, египетский Апопис, вавилонский Тиамат, иудейский Накхаш — выступают и как олицетворение темных разрушительных сил, несущих потоп.

— Как же, знаем, — пробурчал я. — Змей Горыныч — огнедышащая тварь и большой охотник до человеческого мяса.

— Так в русском фольклоре, — подхватил Керн, — а вот у болгар змей предстает в более привлекательном виде и нередко помогает людям. Или другой факт: свидетельство вавилонского историка Бероса. Люди, говорит он, были как звери — дикие и злобные, пока однажды не вышел к ним из океана мудрый дракон Оаннес и не заговорил человеческим голосом. Он поведал людям о разных науках и ремеслах, научил строить каменные дома и храмы, придумал простые и справедливые законы, показал, как сберегать и сеять семена. Аналогичные рассказы можно отыскать в преданиях очень многих народов — индийцев и китайцев, шумерийцев и египтян, вавилонян и персов, японцев и индейцев обеих Америк. «Будьте мудры, как змии!» — Этот призыв долетел из глубины веков.

Или вы считаете, что наши предки были столь наивны, чтобы завидовать безмозглости ядовитой гадюки?

...Мы осторожно двигались вперед по коридору. Покатый пол незаметно уводил все ниже и ниже. Неожиданно стены стали сближаться. Сначала я мог дотянуться до них лишь вытянутой рукой, затем они придвигнулись настолько, что стали задевать локти и плечи, и наконец сузились так, что пришлось боком проползать между каменными наплывами. Я не на шутку встревожился (что за мышеловка!), но все же упрямо лез следом за Керном. Наконец фонарь впереди погас. И вместо сплошной мглы я увидел темный силуэт Керна на фоне сереющего отверстия. Еще шаг, и мы выбрались на свободу. Перед нами было подземное озеро, охваченное, точно куполом, сводами гигантской пещеры. Сверху сквозь щели пробивался дневной свет. Узкие лучи, как прозрачные стрелы, пронзали пространство и утопали в черной, как деготь, воде, перекрещиваясь с отражениями огромных потоков, сосульками свисавших с высоких сводов.

Неподвижная мертвая гладь и небольшая, похожая на оторванную льдину площадка, где мы стояли, словно души умерших на берегу подземного Стикса. Метрах в пяти на стене виднелись какие-то неясные, размытые рисунки, похожие на разводы. Я посветил вдоль стены, и в дрожащем свете фонаря вдруг простили сплетенные клубки змееподобных тел, человеческие и нечеловеческие лица, неподвижные, как ритуальные маски, и главное — ровные ряды письменных знаков. Частые строчки клинописного текста тянулись до самой воды и исчезали в глубине. Я напрягал глаза и тянул голову, но ничего не смог прочесть с такого расстояния. Я верил, я знал, что разгадка обязательно будет. И вот она здесь, перед нами. Но пока это было только начало разгадки...

ДИЛЕММА ПЕЧАЛЬНОГО ДРАКОНА (ВМЕСТО ЭПИЛОГА)

Солнце едва приподнялось над горизонтом. Слепящий глаза огненно-оранжевый кругляшок то подпрыгивал над водой, то скрывался за гребнем набегавшей волны. Печальный дракон плыл, не поднимая высоко головы и лишь задерживал дыхание, когда его накрывал теплый зеленоватый вал. Чем ближе к Большому барьеру, тем заметнее становилось волнение океана. Непреодолимая сила мощных гравитационных станций здесь, вдали от Центра, несколько ослабевала, но не настолько, чтобы холодные воды, со всех сторон окружавшие Оазис, могли преодолеть Большой барьер и поглотить живительную теплоту. Там, где пролегал невидимый рубеж между жизнью и смертью, холодные волны, наталкиваясь на теплую преграду, создавали естественный водный барьер.

Особенно впечатлял Большой барьер в пору осенних и зимних штормов, когда огромные океанские волны стена за стеной бились о невидимую преграду, в бессильной ярости вздымаясь над спокойной гладью Оазиса, а высоко в небе прямо над гигантской ступенью барьера безоблачная голубизна неба от горизонта до горизонта обрезала клубящуюся черноту остановленных туч. Сейчас океан по ту сторону Большого барьера был относительно спокоен. Редкие кучевые облака лениво дрейфовали вдоль недоступной им границы. У самой линии барьера над водой возвышался прозрачный купол станции наведения. Очнувшись в просторном помещении, Печальный дракон подплыл к карте полуширья и включил пеленгаторы. Его путь лежал в направлении Четвертого внутреннего моря.

Плотно облегающий чешую гравиталет в точности повторял форму длинного гибкого тела. Однако большие подвижные крылья, жестко прикрепленные как раз там, где находились чувствительныеrudиментарные ласты, совершенно меняли облик змея, превращая его в невиданное крылатое чудовище, особенно устрашающее, когда на огромной скорости оно мчалось над поверхностью моря, оставляя за собой глубокий пенистый след. Как и другие его собратья, Печальный дракон предпочитал этот древний способ передвижения всем остальным. Мчащийся с огромной скоростью гравиталет разогревался при тренировке воздуха, создавая прекрасные условия для длительных путешествий на сколь угодно большие расстояния. Чтобы аппарат не перегревался, достаточно сбить скорость, если тело начинало зудеть от предохранительной мази, можно окунуться в океане. Совершенно непригодный при исследовании материалов и мало помогающий в неподвижном состоянии, гравитационный аппарат оставался идеальным приспособлением для полета над морскими просторами. Конечно, имелись и другие механизмы, облегчающие передвижение: скажем, медлительные, как черепахи, громоздкие танкеры с запасом воды, источниками энергии и установками для обогрева резервуаров — чудовищные машины, появившиеся в те незапамятные времена, когда началось планомерное изучение суши и движения ледников. Однако морской гравиталет по-прежнему оставался самым безотказным средством передвижения в далеких путешествиях за пределами Оазиса.

Печальный дракон летел низко над водой, распугивая чаек и разгоняя иногда встречавшиеся стада китов. Но когда вдали показался берег, он взмыл под самые облака и отыскал глазами пролив, отделявший Четвертое внутреннее море от Океана. Отсюда до залива Встреч полчаса полега. Там, в просторном бассейне, защищенном от шторма и акул, мощные термические установки в течение всех времен года поддерживали заданный режим температуры, создавая вдали от привычного тепла крохотный клочок родного Оазиса, где можно было отдохнуть,

переждать непогоду, но главное — спокойно и неторопливо поговорить с людьми.

Да, нежданно переплелись судьбы двух земных цивилизаций. Тернисты и неисповедимы пути биологической эволюции, но конечная цель непрерывного прогресса единственна — разум. Какими же несхожими путями идет к этой цели природа! Когда великое оледенение и великое поднятие суши девонского периода заставили кистеперых рыб — далеких предков всех сухопутных животных и человека — покинуть пересыхающие водоемы и стать наземными обитателями, на просторах первозданных морей и океанов обитал своеобразный змееподобный ящер. Среди нормально сложенных собратьев он выглядел просто уродцем, случайным мутантом, отклонением от общей линии развития какого-то вида. Для защиты и нападения природа наделила странное существо необычным свойством — способностью аккумулировать электрическую энергию. Явление в общем-то заурядное, присущее и электрическим угрям, и электрическим скатам. Однако способность к аккумуляции энергии сыграла в судьбе электрического ящера ту же роль, что и наличие свободной пятипалой руки у обезьяны спустя двести пятьдесят миллионов лет.

Когда на Землю обрушилось очередное оледенение, необычайная способность аккумулировать энергию сделала электрических ящеров единственными существами, которые могли вступить в активное противоборство с ледниками. Поначалу бессознательно, зачастую просто случайно стали они оказывать сопротивление неумолимому наступлению холода подобно тому, как впоследствии начали инстинктивно обращаться к огню и камню первые зверолюди. Постепенно действия змеевидных становились все более осознанными. Проходили века, тысячелетия. Потребность борьбы рождала потребность действовать сообща. Несколько миллионов лет, и на планете Земля возникла цивилизация морских высокоразвитых разумных существ.

Странная это была цивилизация, диковинны и необычны существа, ее создавшие. Не рыбы, но плавающие и ныряющие; не птицы, но свободно летающие по воздуху; не звери, но обладающие многими достоинствами млекопитающих; не люди, но далеко превосходящие человека знаниями.

Полученная от рождения способность аккумулировать и разряжать электрическую энергию в течение тысячелетий эволюции развилась до непостижимых масштабов. Любой из драконов мог почти мгновенно сконцентрировать колоссальный электрический заряд и целенаправленно разрядить его. Одного разряда молнийной энергии вполне хватало на то, чтобы издалека парализовать или уничтожить целое стадо самых крупных животных, превратить в груду песка гранитную скалу и растопить в пар огромную глыбу льда или айсберг. Владея глубинной энергией, змеевидные сделались властелинами электромагнитно-

го поля, которое давало все — силу, энергию, свет, тепло, связь. Но это явилось лишь первой вехой на пути завоевания природы. Вслед за электричеством были обузданы ядерные и внутриядерные силы. Однако вершины могущества цивилизация драконов достигла, когда подчинила гравитационное поле. Начувшись управлять тяготением, драконы сделались практически всесильными.

И все же при всей развитости и совершенстве интеллекта змеевидные в биологическом отношении до самого конца оставались теми же, какими создала их природа: холоднокровными пресмыкающимися, безнадежно уступая в биологии и физиологии последней теплокровной зверюшке. Их жизнедеятельность зависела в первую очередь от температуры окружающей среды. Драконы не могли существовать в условиях холодного климата. Поэтому все достижения цивилизации разумных змей подчинялись единственной цели — борьбе с суровым климатом Земли, менее всего подходящим для столь несовершенно устроенных существ.

То была великая, ни на минуту не затихающая битва за жизнь. Во всех местах обитания змеевидные создавали искусственный микроклимат для защиты от превратностей капризной природы. Драконы научились бороться с холодными временами года. Внутриземное тепло направлялось на согревание морей и океанов. Создавались мощные устройства для улавливания и накопления солнечной энергии, строились сложнейшие технические системы для регуляции температуры воды и воздуха, поддержания ее на постоянном уровне.

И все же наступали в истории Земли периоды, когда на карту становилось само существование змеевидных. То были эпохи великих оледенений. Не раз обрушивались на Землю ледовые катастрофы, но ни одна из них не могла сравниться с четырьмя невиданными по мощности и суровости волнами оледенений, которые наступали на Землю в эпоху плейстоцена. Со столь ужасным похолоданием морские драконы столкнулись впервые. Завязалась жестокая битва. Потребовалось колоссальное напряжение и коллективное усилие всей цивилизации, чтобы одолеть оледенение, несущее смерть. Необходимо было расстопить ледяной панцирь Земли. Для этого требовалось сместьтесь сращения планеты и обрушить на континенты, скованные многокилометровой толщей льда, подогретые воды Мирового океана. И такая задача оказалась под силу могучим морским властелинам.

Между тем на Земле появились люди. Человек возник самостоительно и развивался независимо от древней высокоразвитой цивилизации океана. Не скоро редкие костры пещерных перволюдей, пока еще слишком похожих на обычновенных обезьян, привлекли внимание морских драконов. Исконные жители океанских пучин, змеевидные без нужды не выбирались

на берег. Но, узнав однажды о появлении на просторах степей и лесов горланных орд охотников за большими и малыми зверями, проницательные эмии не могли не угадать в волосатых обезьянолюдях далеких сородичей по разуму.

И вот наступил день, когда пересеклись пути драконов и людей. Огромные, неуклюжие змеища, обитатели водной среды, без дополнительных приспособлений оказывались беспомощными на суше. Правда, искусственные антигравитационные крылья позволяли им летать над поверхностью с легкостью мотылька и скоростью птицы. Но ведь был еще холод — смертельное дыхание ледников. Без сложных громоздких утеплителей кровь мгновенно стыла, и наступала мертвая спячка. Проворные, смышленые люди практически могли жить в любом климате. Шкура, костер, пещера да кусок вареного мяса, и человеку становился нипочем самый лютый мороз. Дай такому теплое жилье, запасов на зимовку, минимум знаний и на выков, и неунывающее теплокровное существо проживет среди льдов сколько угодно. И в многоумном мозгу драконов зародилась блестящая идея: приручить человека и использовать его в борьбе с ледниками.

Нет, это отнюдь не явилось союзом двух великих цивилизаций — молодой и старой. Все выглядело гораздо проще: высокоразвитые змеища были вынуждены использовать для собственных нужд более примитивных людей. Так впоследствии сам человек приручил собаку, кошку, корову. Однако просто забросить человека из теплых краев в очаг оледенения проку мало. Нужно было обучить его владеть механизмами, обращаться с техникой, производить трудные расчеты, уметь делать правильные выводы, превращать знания в дело и передавать информацию по сложным каналам связи. Разумные драконы оказались искусными врачевателями и учителями. Две-три дозы направленного облучения, и спустя месяц человек превращался в могучего исполнина. Несколько глотков снадобья, которое воздействовало на память и активность мышления, и человеческий мозг становился способным впитывать любое количество информации и плодотворно решать задачу любой сложности. А безболезненно вживленные электроды обеспечивали улавливание сигналов, посланных с какого угодно расстояния.

Небольшие, хорошо подготовленные и обученные отряды людей со всем необходимым снаряжением забрасывались в центры наиболее крупных и опасных ледников. По всей планете развернулось планомерное изучение движения льдов и кропотливая подготовка к смертельной схватке с волной оледенения. На Земле исподволь подготавливалось настоящее свето-представление. Несколько взрывов должны были одновременно всколыхнуть планету и стряхнуть ее с оси, а испепеляющее пламя, смешанное с водами океанов, смети с лица Земли белые язвы оледенений. Змеища не желали гибели ни разум-

нного, ни живого. Они известили человечество о грядущей беде. И люди, обезумев от страха и ужаса, бросились собирать скарб и пожитки. Плачем и стенаниями огласилась земля. Вереницы беженцев — семья за семьей, род за родом, племя за племенем — потянулись в горы. Там, на склонах хребтов, пускали они стада, разбивали биваки, и вскоре засветились остроконечные вершины гор огнями костров. А тех, кого не успели предупредить о грозящей смерти, настиг в урочный час яростный вал потопа...

Вспыхнуло небо бледно-огненным заревом и занялось сполохами невиданного пожара. Как разбитое зеркало, разлетелся на мелкие куски огромный материк Антарктида. Земля на миг застыла, потом затряслась и вдруг стала уходить из-под ног. Континенты дрогнули, беспомощно зашатались, попятались от развернутой бездны океана, который вздыбился до небес тысячметровыми стенами всплесков. Среди огненных протуберанцев заплясала луна. Все смешалось — вода и суши. Планета, готовая, казалось, вот-вот рассыпаться на части, заметалась с отчаянием смертельно раненного зверя. От полюса к полюсу заходили километровые волны, играючи перекатываясь через материки.

Море горело. Пылающие языки волн бились о подножия вершин — последних островков суши, ставших убежищем для людей. Вода была всюду. С неба хлестал непрерывный бушующий ливень, смывая обессиленных людей в ревущие водяные пропасти. Бездонные водовороты глотали и плавили тысячетонные айсберги. В первозданном хаосе океана метались обезумевшие стада китов, носились бездыханные трупы слонов и мамонтов. Изредка на поверхности мелькала голова израненного дракона, но вопль гибнущих людей гнал назад, в пучину творцов ужасной мировой катастрофы. Когда же стих гнев вод, над дрожащей рябью океанов простили неузнаваемые контуры материков. Поуменьшились шапки полюсов, а на месте снежных пустынь появилась спасительная чернота земли.

Но мудрости змиеv было недостаточно, чтобы полностью воспрепятствовать оледенению, которое было связано с циклическими закономерностями, происходившими не на планете, а в глубинах Галактики. Могущество цивилизации мудрых драконов не распространялось столь далеко. Возвращение мертвенного дыхания ходов было неизбежным и неотвратимым. Змеящеры принуждены были покорно ждать очередной космической катастрофы и ожесточенно бороться уже с порожденными следствиями, а не с порождавшими причинами. И чем упорнее шла битва, тем невосполнимей становились потери...

* * *

Печальный дракон плавно спланировал на воду и с высоко поднятой головой поплыл к берегу. Там, у самой кромки воды,

сидел человек, но вовсе не тот, который был нужен змееящеру. Совсем еще молодой человек, несомненно, видел приближающегося змея, но, погруженный в свое занятие, казалось, не обращал на него никакого внимания.

Люди вообще не проявляли особенного интереса к змееящерам. Только дети, впервые увидев дракона, как правило, пугались непривычного вида и огромных размеров, да и то ненадолго, и, скоро осмелев, старались подобраться как можно ближе и с докучливым любопытством разглядывали странное существо. Большинство людей — Печальный дракон хорошо это знал — даже не считали змееящеров собратьями по разуму. Парадокс: двуногие создания, находящиеся на более низкой ступени развития, считали себя отнюдь не хуже змееподобных властителей океана, настолько велико было биологическое различие между обоими видами, наделенными природой разумом, но разделенными средой обитания, и настолько несовершенно было еще человеческое общество, занятое вечными распрыми и постоянными заботами о хлебе наущном.

Похоже, что юноша наконец заметил приближающегося змея. Он встал, вытянул вперед руку, и тут Печальный дракон увидел на человеческой ладони маленькую статуэтку, вылепленную из глины: то было изображение летящего змея. За время, пока змееящер приводнялся и добирался к берегу, юноша успел слепить его миниатюрную, но поразительно похожую копию.

— Ты знаешь меня? — спросил он человека.

— Да, — просто ответил юноша. — Ты Печальный дракон. Люди рассказывали, что ты бывал здесь прошлым летом.

О эти люди — таинственное, непостижимое племя! С первой же встречи они придумали ему такое странное прозвище: Печальный. Какое-то незначительное отклонение в разрезе глаз, о котором сам змееящер даже не подозревал, придавало ему опечаленный вид. По человеческим представлениям, конечно, ибо покрытое мелкой чешуей лицо морских драконов не знало мимики. Как трудно бывало поначалу постичь, что за гамма чувств и эмоций скрывается за ужимками, гримасами или едва заметными движениями человеческого лица! А смех! Когда Печальный дракон впервые услышал человеческий смех, он никак не мог поверить, что это отрывистое кваканье, напоминающее чем-то крики растревоженных чаек, означает, как правило, наивысшую степень радости и веселья.

Поистине необычен людской род. Сколько удивительных способностей таит в себе невзрачное двуногое существо, имеющее человеком! Но самая поразительная из способностей связана с человеческими руками. Пять тоненьких пальцев на каждой, но чего только не могут они сделать! Да взять хотя бы это изображение дракона, быстрыми и неуловимыми движениями слепленное из глины. Разве способен хоть один вла-

дыка океана сделать что-либо подобное? Нет... Однако Печальный дракон примчался в такую даль вовсе не для того, чтобы предаваться праздным размышлениям. Он возобновил допрос юноши:

— А Пилота ты случайно не видел?

— Это, что ли, тот, который управляет летающей колесницей?

— Он самый.

— Кто ж его не видел, если он вчера целый день катал по небу царских дочерей, а под конец потребовал, чтобы младшую отдали ему в жены. Он так и остался ночевать во дворце, вытолкал, говорят, взашей и отца и стражу, а сегодня задним числом решил сыграть свадьбу. Весь город, поди, сейчас собрался возле дворца.

Новость, услышанная Печальным драконом, не сулила ничего хорошего. Недаром волновались в Оазисе: вот уже несколько недель, как не поступало известий из Семнадцатого сектора от группы, заброшенной в самую отдаленную точку очагового оледенения Главного материка. То была старая, испытанная группа, снабженная мощными гравиталетами, новейшими приборами, хорошо знавшая дело и всегда безукоризненно справлявшаяся с любыми ответственными заданиями. Но теперь она вызывала особое беспокойство в Оазисе, потому что в течение длительного времени с ней проводился важный эксперимент: впервые двадцати Сокрушителям ледников — так называли их змеящеры — была не просто удлинена жизнь, но и доверена тайна эликсира бессмертия.

Правда, такой шаг был вызван отнюдь не чрезмерным доверием, а продиктован специфическими условиями работы в Семнадцатом секторе: группа направлялась на два года в ледниковый очаг, более остальных удаленный от любой из береговых баз. В продолжении года из ледника, расположенного в горах чуть ли не в центре Главного материка, поступала регулярная информация, но с наступлением нынешнего лета связь неожиданно прекратилась. Попытка отправить в ледники беспилотный гравиталет с исправной аппаратурой потерпела неудачу: гравиталет благополучно приземлился в заданной точке, однако передатчик не заработал. Это уже настороживало, потому что кто-то отключил передающую систему, которая срабатывала автоматически, а после выполнения программы вместе с носителем обычно возвращалась назад. Все более вероятной становилась взаимосвязь между двумя на первый взгляд различными фактами — молчанием Семнадцатого сектора и тем, что в руках заброшенных туда людей находился эликсир бессмертия.

Вот почему в Оазисе так поспешно начали подготовку к экспедиции в ледники, какими бы трудностями и опасностями ни грозило рискованное путешествие. Но вдруг станции наве-

дения зарегистрировали, что из района очагового оледенения Главного материка в направлении Четвертого внутреннего моря движется гравиталет, приписанный к группе Семнадцатого сектора. Как только приборы зафиксировали место приземления летательного аппарата, сюда, к Заливу встреч, отправился Печальный дракон.

Рассказ юноши о странном поведении Пилота из Семнадцатого лишил раз подтвердил самые худшие опасения змея-щера.

— Ты не смог бы мне помочь? — спросил он человека. — Пойди в город и вызови сюда Пилота.

— Так он и послушается, — нахмурился юноша.

— Ничего, послушается. Скажешь: Печальный дракон требует подчинения, а не то я сам разыщу его. Погоди, — остановил змея-щера юношу, — прежде чем идти во дворец, положи в кабину летающей колесницы вот эту небольшую вещицу.

К ногам человека шлепнулся округлый предмет величиной с яйцо. Юноша спрятал непонятный механизм в сумку, перекинутую через плечо, и скрылся в прибрежном кустарнике.

Печальному дракону не хотелось раньше времени показываться в городе. Внезапное появление змея всегда вносило излишнюю сумятицу и докучливое любопытство. Конечно, мало надежды, что Пилот послушается змея-щера. Напротив, по логике, он вообще постарается избежать встречи. Поэтому Печальный дракон первым делом вознамерился вывести из строя летательный аппарат и отрезать путь к отступлению единственного пока свидетеля тревожных и неясных событий, разыгравшихся в Семнадцатом секторе.

Впрочем, разве неясных? Или не за тем, чтобы удостовериться в наихудших предположениях, прилетел сюда Печальный дракон? Или кто-нибудь теперь сомневался, каким безумным шагом было доверять людям эликсир долголетия? Конечно, сами по себе мизерные дозы абсолютно безвредны. Но недаром люди были такими способными учениками: что им стоило разгадать химический состав чудодейственного снадобья, которое одновременно являлось сильнейшим наркотическим средством. Вот что следовало предусмотреть, прежде чем отдавать в руки человека чудодейственный напиток...

Прошло много времени, а юноша все не возвращался. Ждать становилось бессмысленно. Змея-щер, готовый к дальнейшим действиям, расправил крылья, грациозно, словно огромная птица, поднялся высоко над заливом и полетел в сторону города. Он пронесся над крепостными стенами, рыночной площадью, торговыми складами, кварталами ремесленников. Печальный дракон прекрасно различал, как люди внизу, бойко снующие по городским улицам и на площади перед дворцом, вдруг разом застывали на месте и, запрокинув головы, указывали пальцами на змея. На мгновение повиснув над дворцом, он выбрал

место для приземления и медленно опустился в саду среди цветущих кустов.

На берегу искусственного водоема на низких топчанах, устланных коврами, полулежа расположилось несколько десятков гостей, ошеломленно взиравших на змеящеца. Но Печально-го дракона нисколько не занимало это пестрое собрище пирующих людей. Его интересовал единственный человек, который возлежал в отдалении от остальных в обществе молодой девушки. Рядом с рослым широкоплечим женихом, облаченным в пурпурные одежды, невеста выглядела почти ребенком. Впервые увидев так близко огромного змея, она упала без чувств.

Жених тоже вел себя непонятно. Пытаясь установить с Пилотом прямой мысленный контакт, змеящец уловил хаос обрывочных мыслей, захлестнувших мозг человека. В этой большой красивой голове, обрамленной копной курчавых волос и буйной кудлатой бородой, творилось что-то невообразимое — ни одной ясной мысли, какой-то бред. Печальный дракон понимал, что так он не сумеет ничего выяснить до окончания максимального допустимого срока пребывания в охлажденной среде. Поневоле приходилось воспользоваться гипнозом.

Красавец Пилот как-то сразу обмяк и сник, и сквозь полусонный бред нерешительно пробилась первая связная мысль. Печальный дракон, почувствовав, как постепенно становится податливой воля человека, начал осторожно управлять диалогом:

— Где твои товарищи? — Они остались в пещере. — Почему от вас не поступает известий? — Не знаю, — нерешительно ответил загипнотизированный. — Что произошло в группе? — Не знаю... — Остальные живы? — Да. — Все? — Да. — Когда вы прекратили работу? — Не помню. — А когда ты принимал эликсир долголетия, помнишь? — Помню — вчера утром. — Вчера? — Да. И позавчера тоже. И еще днем раньше. — Откуда же у вас столько напитка? — Мы приготавляем его сами. — И пьете каждый день? — Да. — Разве тебе неизвестно, что это опасно? — Он согревает тело, веселит кровь и успокаивает душу, помогая забыть о проклятых ледниках. — А разум? Ты не чувствуешь, как затуманен твой разум? Как изъеден твой мозг? — Молчание. — Что делали остальные, когда ты собирался сюда? — Они пировали в пещере. — И пили эликсир? — Конечно. — А ты что же? — Мне стало скучно. Захотелось увидеть море. Захотелось теплого солнца. О, если бы кто-нибудь знал, как мне надоела ледяная тюрьма, как мне все надоело! — Проспись-ка хорошенько, — скомандовал змеящец и взмыл ввысь над дворцом.

Неподалеку от оливковой рощи он заметил гравиталет, окруженный копьеносцами в бронзовых латах. Чуть поодаль на выжженной раскаленной земле с колодкой на шее сидел юноша, встреченный Печальным драконом сегодня на берегу. Юно-

шаг грустно поглядел на приземлившегося змея и прошептал, еле шевеля сухими от жажды губами:

— Не смог я ничего сделать. Царь приказал охранять божественную колесницу.

— Отпустите его, — приказал Печальный дракон одному из воинов; тот повиновался.

— Садись на меня, — сказал он освобожденному пленнику.

— Садись между крыльями.

И когда юноша нерешительно вскарабкался по гладкой холодной чешуе и устроился в углублении на спине, обхватив обеими руками выступ гребня, Печальный дракон осторожно поднялся в воздух. И вдруг ослепительный молнийный разряд прорезал пространство и с оглушительным взрывом ударил в гравиталет, разбрызгивая вокруг искры расплавленного металла...

Наступила короткая летняя ночь. Печальный дракон отдыхал в заливе Встреч, ожидая восхода солнца. Подогретая вода залива медленно снимала напряжение минувшего длинного дня. Угнетенность и сонливость, которые всегда подстерегали змеевщеров, долго пробывших в непривычной температурной обстановке, постепенно исчезали под живительным воздействием теплой бархатистой воды. Еще до захода солнца, несмотря на усталость, Печальный дракон успел передать в Оазис подробную информацию, сопроводив ее собственными рекомендациями.

Не так страшно, что людям стал известен рецепт приготовления эликсира молодости, это следовало предвидеть. Не страшно даже, что группа людей, которым сделался известен секрет долголетия, не сумела правильно использовать снадобье и перешла к неумеренному употреблению напитка. Этого также следовало ожидать, зная пристрастие людей к наркотикам и прочим возбуждающим средствам. В конце концов, никто, кроме самих любителей одурманивающего напитка, не будет повинен в собственной гибели. Страшно то, что зараза, подобно лавине, распространится дальше и повлечет массовую гибель других ни о чем не подозревающих людей. Необходимо в зародыше и как можно скорее ликвидировать опасность, угрожавшую человеческому роду.

И все же не это более всего тревожило Печального дракона. Впервые, может, по-настоящему задумался он над последствиями искусственного продления жизни. Встреча с полубезумным Пилотом заставила его вспомнить о спорах, которые шли в те далекие времена, когда открытие эликсира долголетия поставило змеевщеров перед дилеммой: стать или не стать бессмертными. Уже в ту пору задавали вопрос о последствиях такого шага. Но кто же мог тогда, не испытав действия чудесного напитка, подтвердить его вредоносность. И вот сегодня при разговоре с Пилотом Печальный дракон почти физически ощущил

и мечущиеся импульсы разорванной психики, и мертвенно дыхание безумия.

Конечно, змеяящеры, вот уже три столетия ежегодно на празднике Вечности вкушающие напиток бессмертия, строго соблюдают все меры предосторожности. Но что, если результаты дадут о себе знать лишь по прошествии значительного срока, а человек, который неумеренно употреблял эликсир долголетия, просто ускорил приближение неминуемого итога, ускоренно пройдя тот же путь, что предстоит пройти каждому змеящеру? В таком случае цивилизации Оазиса угрожает смертельная опасность.

Завтра к заливу Встреч будет доставлен мощный межконтинентальный гравиталет, на котором Печальный дракон отправится в глубь материка, туда, где под сводами ледниковой пещеры разыгрались драматические события, конец которых пока невозможно предсказать. Предстоит на месте оценить обстановку и принять необходимые меры. Ну а если и суждено когда-нибудь погибнуть змеящерам, что ж, на земле останутся люди. Разум не может умереть. Разум должен жить!

Палочка с зарубками

Станция с ее путями и горками пока существует на бумаге, но в лесу уже есть поселок, и возят сюда людей ночевать аж с Перевала, за девяносто километров. Тишина царит на станции Оя, особенно днем. И ничего интересного, единственная достопримечательность — маленький музей. В него-то я и забрел в ожидании открытия столовой.

Музей как музей. Красное знамя министерства. Рапорт. Серебряный костыль. Вымпел от друзей из ГДР. Новый сборник Евгения Евтушенко с автографом автора. Любительские фотографии: палатки, костры, гитары. Значок, побывавший в космосе и подаренный космонавтом Севастьяновым. Номер газеты: «Поезд прибыл на станцию Оя!» И вдруг...

Не помню уж, что прежде зацепило мое внимание: палочка с зарубками или расписка. Обыкновенный тальниковый прут, на нем зарубки ножом, если сосчитать — двенадцать. Листок бумаги в клетку. «Расписка. Я, Сычев Валентин Петрович, настоящим голову даю на отсечение, что день был!» Ниже начальственная резолюция: «Подтверждаю», и подпись — то ли Кулников, то ли Кулемин, то ли Кулибин.

Согласитесь, такое не в каждом музее встретишь: «День был!» И в доказательство прутик с зарубками. Согласитесь, мимо такого ни один журналист не пройдет. Я заинтересовался, даже обернулся было в поисках экскурсовода. И лишь потом обнаружил фотографию: одиннадцать парней и девушка, весело глядящие в объектив. Неизбежная гитара. Кувалда. Топор, воткнутый в бревно. На девушке очки. У одного из парней прутик в руке, возможно, тот самый. У другого письмо или телеграмма. Да, сфотографировались они, похоже, на свежем настите автодорожного моста: в нижней трети фотографии пустота. Вот и все.

Я загорелся и принялся чуть ли не каждого встречного спрашивать о прутике с зарубками и о дне, который не то был, не то его не было. Конечно, никто ничего толком не знал, точнее, все всё знали и окончательно меня запутали. Еще бы, произошло это давным-давно, почти два года назад, участники этого казусного случая переместились бог знает как далеко на восток, да и случай оказался из тех, что сами собой обрастают невероятнейшими подробностями и превращаются в легенды. Поэтому некоторый налёт фантастичности остался, но от него уж никуда не денешься, в нем-то и соль предлагаемой истории.

А началось все, как водится, с пустяка.

Илью вызвал начальник СМП Деев и объявил:

— Кулибин, тебе задание чрезвычайной важности. Ровно за двенадцать дней поставить мост на реке Оя. Кровь из носу. Вот чертежи. Готовься завтра утром в десант.

— На какой, какой речке? — переспросил Илья.

— Оя. Сорок седьмой километр. За двое суток, надеюсь, дотолзешь? Лес там уже лежит. Осенью бригаду лесорубов высыживали с вертолета. Мостик так себе, не проблема. Проблема в другом — ровно двенадцать дней. Первого августа туда придет Трасса. В лице мощного автопоезда. Бросок Усть-Борск — Перевал. А в первой декаде августа синоптики затяжные дожди обещают. Сам знаешь, во что превратится тайга.

— Знаю. В трясину...

Это были самые первые шаги Трассы, тот знаменательный момент, когда работы переносятся с карты на местность. Через нехоженные доселе дебри пунктиром будущей железной дороги отправлялся автопоезд — бульдозеры, тягачи, экскаваторы, автомобили с грузом, — чтобы оседлать Перевал и положить начало автодороге, без которой немыслимо сооружение трассы. А сама автодорога, естественно, нуждалась в мостах через десяток лежащих на ее пути таежных речек. Одну из них и предстояло обуздать бригаде.

— Так что не подведи, Кулибин. К первому августа. Не дойдет автопоезд до цели, не возьмем Перевал. Тогда уж только по морозу, а мне секир-башка гарантирована.

— Понял. Будет сделано, — ответил Илья, разглядывая чертежи.

Однако начальник СМП для верности повторил еще раз все с самого начала. Илья завелся:

— Да что ты заладил! Первое августа, первое августа... Делать там нечего до первого августа. Честно! Пять дней еще загорать будем. Да рыбку дергать от безделья. Или ты мою братву не знаешь? На спор, куль рыбки навялим? Честно!

Начальник СМП Деев ошарашенно примолк. Он знал Илью как парня делового и такой пассаж услышал от него впервые. К тому же оба понимали: мостик через Ою хотя и не шедевр строительной техники, а поработать придется, культурным досугом и не пахнет. Конечно, в конце концов они договорились бы, мужчины и не такие проблемы решают, но, услышав про куль вяленой рыбки, Юлька дернула Илью за рукав:

— Плюнь, Илюша!

Илья посмотрел на нее, на Деева, сообразил, что сморозил ерунду, но плевать в помещении не стал, машинально повторил:

— Так, значит, к первому августа, — и вышел.

Юлька повисла на его руке.

— Плюнь, Илюша, через левое плечо, ну что тебе стоит! Ради меня, Илюша! Нельзя же с таким настроением начинать дело! — Хотя она говорила в шутейном тоне, Илья очень хорошо понял, каким индюком и фанфароном выглядел перед начальством, коли уж обычно невозмутимая Юлька разволновалась... — Ну, пожалуйста, умоляю тебя, Илюшенька!

— Брось, Юлька... ну о чём речь? Что доброе, а то... такие пустяки... две русловые опоры... Честно, не узнаю тебя: передовая девушка — и предрассудки, суеверия, сглаз, чох и черный кот...

— Илья, плюнь! — уже всерьез потребовала Юлька.

Наехал принцип на принцип. А тут еще, как назло, распахнулось окно вагончика, и Деев в седьмой раз напомнил:

— Так учи, Кулибин, к первому августа! Запорешь — вся Трасса в тебя упрется.

— Тьфу! — плюнул раздосадованный Илья. Но это был совсем не тот спасительный плевок через левое плечо, о котором молила Юлька.

Разумеется, столь многообещающее начало не сулило ничего доброго.

* * *

Однако все складывалось как нельзя лучше.

За два дня отряд благополучно преодолел сорок семь километров таежного целика: топи, гари, чащобу, глубокие распадки, каменистые осыпи — и ни разу не остановился для ремонта.

На место прибыли под вечер. По первому впечатлению Оя показалось вовсе несерьезной речушкой. Прыгающий с камня на камень озорной ручей. Сплошной перекат, багрово бликующий в лучах закатного солнца. Самая глубинка — по пояс. Сколько таких безвестных речушек миновали они на пути! Нежужто эта серьезнее?

Усатик немедля разделся, с ходу плюхнулся в глубину и завопил:

— О, я тону!

Но Илья холодным взглядом, точно нивелиром, окинул широкое русловище, тут и там хранившее следы разгула мощных паводков, и сказал тоном, раз и навсегда отрезающим всякое легкомысление по отношению к Ое, мосту и работе:

— Она еще заставит себя уважать, Оя. Сычев и Пирожков, со мной на рекогносцировку! Остальные в распоряжение Юльки — оборудовать табор. Завтра приступаем в семь-ноль.

Видно, искупал свое прежнее легкомысление.

Они ушли. Юлька осталась одна на берегу этой Ои, о которой прежде слышать не слышала, теперь же их пути пере-

секлись, и кто знает, может, в будущем она станет вспоминать Юю как самую счастливую пору юности. Юлька огляделась. На противоположном берегу штабелями громоздился лес, подготовленный для строительства моста, — откряженный, ошкуренный, даже, похоже, отсортированный. А дальше лежал как попало — накатом и вразброс...

И вдруг она точно прозрела. На том берегу прямо перед нею начиналась просека — прообраз будущей Трассы. Не с неба же свалились штабеля, хоть небольшой участок, но все-таки именно Трассу рубили прошлогодние лесорубы.

Просека начиналась как поле, отвоеванное у тайги, разве что не раскорчеванное, не распаханное, уходила вдаль, раздвигая плечами сосняки, и, суживаясь в перспективе, все настырнее вгрызаясь в густую синь тайги, как бы рассекала ее надвое — первая борозда будущего в этом глухом краю. Стремительным клином стратегического наступления просека врезалась в двугорбую сопочку на горизонте и терялась в ней, точно уходила в грядущее, в двадцать первый век...

За спиной заурчали бульдозеры, и Юлька сбежала к воде умыться. Звонко прыгающие по камушкам струйки оказались ледяными.

Ребята оттянули к опушке леса три вагончика бригады и сгрудили их на симпатичной полянке, соорудили кострище, стол, брезентовый навес для поварихи, наготовили дров и натаскали воды. Пока допревала каша, Усатик бренчал на гитаре, развлекая «наших милых дам». Федя и Арканя за полчаса, кинув на паута, ухитрились изловить для «наших милых дам» полтора десятка серебристых рыбешек неизвестной породы, по определению самих рыбаков — «взрослых малавок». А перед ужином заявился Валька Сыч — верен же себе человек! — с неохватным ворохом огненных жарков. Юльке новый табор понравился: наконец-то она стала полноправной хозяйкой в отряде.

После ужина Илья притормозил гитару, достал блокнот и ознакомил бригаду с календарем строительства. Вечером третьего дня каждое звено предъявляет к сдаче береговую опору, шестого дня — русловую, восьмого — прогоны, десятого — настил. Одиннадцатый день — подходы, перила и недоделки. Двенацатый — баня, бритье, стирка, рыбалка, он же резерв главного командования. Тринадцатый, то есть первое августа, — встреча автопоезда, подписание акта, торжественный митинг и товарищеский банкет.

Звеньевые Сычев и Пирожков высказались в том смысле, что график реальный, но прохладцы не потерпит (Юлька вела протокол). Кроме того, Пирожков высказался в том смысле, что крутой левый берег куда как потруднее правого, кому он достанется, тот попадет явно в проигрышное положение — какое уж тут соревнование! Бригадир дал разъяснение — кидайтс

жребий: кому достанется левый, в то звено он переходит в качестве Ваньки на подхвате. Звеньевые единодушно согласились. Арканя по традиции высказался в том смысле, что работа предстоит ответственная и физически изнурительная, требующая соответствующего питания, что, в свою очередь, потребует от уважаемой поварихи известного мужества и напряжения всех сил.

До двенадцати бригада горланила у костра старинные романсы «по заявкам наших милых дам», но Юлька не слушала, незаметно ускользнула в свой вагончик и тут же провалилась в сон, потому что к шести тридцати должна была обеспечить мостостроителям горячий, вкусный и калорийный завтрак.

* * *

И застучали на берегу топоры — вразнобой, вперестук, на перегонки. И им подпевали, захлебываясь, пилы, поддакивали скрогооворкой бульдозеры, подвигивала лебедка. Кувалда стучала глухо, если по дереву, звонко, если по металлу. Дрель жужжала рассерженным шмелем. «И-о-али!» — доносило протяжный вскрик. Это Пирожков командовал: «Еще взяли!» Сыч не командовал, не умел. Илья тем более отродясь голоса не повышал.

Без десяти двенадцать строительная разноголосица обрывалась, и Юлька накрывала на стол. Парни являлись уже умытые, взбудораженные, до крайнего допустимого предела голодные и без лишних слов наваливались на еду. А Юлька стояла за их спинами, дородная, чинная, хлебосольная, и, сложив руки на груди, ревностно следила, как они едят, нравится ли, все ли в порядке, чтобы, упаси бог, не опоздать с добавкой, подкинуть хлеба, подлить чаю.

Юлька, стряпуха уже со стажем, на один аппетит научилась не полагаться, не доводить до того рокового момента, когда все та же каша, которая и вчера, и позавчера, и десять дней назад была «пальчики оближешь», вдруг вместе с миской летит в изумленную физиономию поварихи. И она вдобавок к тому скромному запасу, который всегда имела сверх официальной накладной, облизала и обшарила округу в поисках дикорастущего подспорья к меню — вспомнила детство, когда каждое лето гостила у деда и бегала с деревенскими ребятишками в лес, принося вечером беремя черемши и дикого лука. Вот и здесь в тенистой излучине реки нарвала она охапку духовитой сочной черемши, сколько могла унести, явно сверх реальных нужд.

Зеленый таежный борщ. Как его хвалили, как поглощали, как тянулись за добавкой! Впервые не хватило бака, и поварихе ложки хлебнуть не осталось. Но этот простительный количественный просчет настолько компенсировался обилием самых искренних и восторженных комплиментов, что непривычная

к такому Юлька раскраснелась, расчувствовалась и до того похорошела, что даже Илья глянул на нее по-особому, а Сыч тот взгляд перехватил и еще более помрачнел. Юлька же, разливая типовой вишневый кисель, подумала с затаенной гордостью, что профессию ей Трасса выбрала правильную: иной истинной красавице, где-нибудь в кантоне сидящей, во всю жизнь не выпадает столько комплиментов, сколько самой невидной поварихе за один только удачно собранный супчик.

А когда перемыла посуду и вышла из вагончика, парни вместо обычного перекура, как один, примостились вокруг ее впрок припасенной черемши, дергали из мешка пучками, тыкали в миску с солью и смачно жевали, изредка пошипывая зачестевший каравай.

Дела, судя по всему, шли по графику. Весь берег был устелен свежей щепой, обрубками и обрезками дерева, пахло рекой, сосновой смолой и скипидаром, оба береговых невысоких устоя уже стояли на законных своих местах, как два бруска свежень-кого сливочного масла, а у самой воды вздымались примерно десятым-двенадцатым венцом трудные русловые опоры, быки, важнейшая и капризнейшая часть любого моста. Ей, уже чуть поднаторевшей в автодорожном мостостроении, бросилось в глаза, как по-разному делают одно и то же дело два звена, два берега. Если Пирожков на этом берегу суетился и покрикивал, когда вздымали наверх здоровенное бревно, то на левом, где в компенсацию «за трудность» работал Илья, звеньевою Валька Сыч молча и азартно рубил угол, оседлавши ярус, а бревна наверх не поднимали, а закатывали, благо берег был рядом. Легонько, словно макаронину, Илья подталкивал бревно ножом бульдозера, и оно скользило по салазкам и мирно опускалось на уготованное ему место в срубе. Ох уж этот Илюха, механик-самоучка, не случайно прозванный Кулибиным, вечно он что-нибудь придумает!

Естественно, по случаю ее появления все оторвались от работы, посыпались шуточки, пришли в движение языки, а торбы и пилы примолкли, и она заметила, как нахмурился Илья и в мальчишечьей улыбке до ушей расплылся Валька Сыч.

— Вот уж голь на выдумки хитра, — похватали Юлька сычевское звено, ни к кому персонально не обращаясь. — Приспосobili бульдозер вместо крана и глазом не моргнут.

— Понадобится — и заместо швейной машины присобачим, — тряхнул цыганским чубом с верхотуры Сыч.

— А левый берег чего же опыт не перенимает? — наивно полюбопытствовала Юлька.

— Одного опыта мало, — угрюмо ответил Пирожков. — Нужно, чтобы берег был под рукой.

— И голова, как у Кулибина, — самокритично добавил Усатик, — а у нас не имеется.

И все наперебой принялись нахваливать Илью, какой он

мастер и умелец, какой мастак на изобретения, какие у него золотые руки и светлая голова. А Илья усмехнулся:

— Вот поставим мост дугой, тогда и хвалите!

Тут начался прямо-таки фестиваль сатиры и юмора, все ведь не только плотники, бульдозеристы, вальщики и штукатуры, все еще остряки-самоучки седьмого разряда. Куда там радиопередаче «Опять двадцать пять»!

— Топором тесать — это вам не язык чесать...

— Тоже мне, работнички: что ни руб — гони рупь!..

— Строим мост от дороги за семь верст...

— Наш Илья мастер трефовой масти...

— Мастерство — это у стариков. У нас в лучшем случае навык да сноровка, — сказал Илья, чтобы остановить этот фонтан остроумия. — А ну, передовики, не отвлекаться! — Подошел к Юльке вплотную и шепнул так ласково, как, наверное, он один умеет: — Ты, Литвинова, мне график срываешь. Очень тебя прошу больше сюда не являться. И обаяние свое здесь не демонстрировать. Займись кухней — там ты царица!

* * *

В Усть-Борск она приехала весной, в конце апреля, когда еще снег синел по теневым склонам сопок и на реке, когда просека лишь чуть потревожила тайгу, так и не убежав за горизонт, и когда первые отряды десантников только формировались.

Они почти всем курсом дошкольного педагогического поднялись на крыло — двадцать шесть девушек. Дома ахнули: куда же ты, дурочка, до диплома пустяки осталось, кому ты там нужна без профессии? Но они хотели «нюхнуть настоящей жизни».

Удивительный это был май в Усть-Борске.

Старое деревянное село с действующей церковкой семнадцатого века, с дощатыми тротуарами и откормленными лайками, флегматично возлежащими посреди улицы, с бесконечными поленницами заготовленных впрок, на столетие вперед, дров, вдруг превратилось в столицу и «стартовую установку» гремящей на всю страну Трассы. За околицей и по огородам, как грибы, росли палатки и сборные дома различных служб; сотрясающие округу бульдозеры заполнили тесные улочки; поверх крыш проплывали кабины красных самосвалов; а над пойменным лугом взметнулась полосатая «колбаса» аэродрома. Трещали от тесноты добротные пятистенки Усть-Борска; энтузиазм, песни, воодушевление, радиопереговоры, смех выплеснулись из помещений и растеклись по округе.

Весь месяц почти круглосуточно в бывшем сельсовете, в амбарамах, палатках и щитовках формировались отряды, увязывались проекты, утрясались и срезались сметы, заседал комитет

комсомола, давали рекомендации научные экспедиции, инспектировали представители министерств, обследовали, выслушивали и выступали будущих десантников медицинские комиссии, наседали журналисты и выколачивали вертолеты фотокорреспонденты. А каждую субботу в тесном клубе, по-долотопному рубленном «в угол», игралось десяток комсомольских свадеб. Да и то потому лишь десяток, что Усть-Борский прокат сплоховал с запасом белых свадебных платьев. И каждое воскресенье в том же клубе с оркестром провожали на Трассу двадцать десанта, самостоятельных отряда от десяти до ста человек, выбрасываемых на реки, туннели и будущие станции. Так что в этой атмосфере за май, за один май, наполовину подтаяли курсы автокрановщиков. Все, кто был посмазливее да побойчее, улетели в десанты вместе с молодыми мужьями — поварихами, подсобницами, учетчицами. А не улетевшие поглядывали друг на дружку растерянно: кого, мол, завтра недосчитаемся? И настороженно: кому же из нас, девоньки, суждено остаться последней?

Юлька была не дурнушкой, не мямлей, не занудой. Разве что в очках. Зато ватильковые глаза, в которые только глянь... и золотистых волос копна... и фигурка что надо. Вот бы поразбить ее быть, поулыбчивей, позадиристей, а она больно серьезная уродилась. Словом, не из самых видных была Юлька и там, у себя в педучилище, и здесь, на ускоренных курсах. Но ведь и не из последних же! Тем не менее ряды автокрановщиц катастрофически редели, а Юльку все же еще никто не заметил и не отметил вниманием. Уж не ей ли суждено в одиночку слушать последнюю лекцию?

И вдруг! Вдруг посреди занятий заявляется Илья... то есть тогда она еще не знала, что это Илья... заявляется ладный такой, сухощавый и чистенький парнюга, волосы ершиком — сразу видно, головастый, целеустремленный и себя очень уважающий, отодвигает инструктора по автокранам и говорит:

— Товарищи девушки, срочно нужна повариха. Завтра уже в десант. Работа трудная, отряд особый — мостоотряд. Но в обиду не дадим, честно. Есть желающая?

— Есть, — пискнула Юлька, потому что горло перехватило и глаза затянуло внезапными слезами. То ли судьба ткнула в него пальцем, то ли сердце подсказало: твой!

— Как фамилия? — раскрыл блокнот Илья.

— Литвинова.

— Собирайся, Литвинова. В управлении спросишь Кулемина.

В брезентовой своей робе явилась она в управление, спросила Кулемина. Никто такого не знал. Подождала, потолкалась в толпе, присмотрелась, определила, у кого что следует спрашивать, — нет, Кулемина среди командиров отрядов не числилось. В ней закипели слезы. Неужто обманул, разыграл? И тут

из толчей курток, роб и беретов вывернулся Илья и вежливо набросился на нее:

— Ты где же пропадаешь, Литвинова? Битый час ищу!

Она объяснила. Он огорчился.

— Вот видишь, даже по фамилии не знают, Кулибин да Кулибин. Механик-самоучка! Раз без зарплаты оставили, на Кулибина выписали. Честно! — И тут же присмотрелся к ней, будто впервые увидел, — пристально, заинтересованно. — Ну-ка, ну-ка, сними очки.

Юлька сняла и полыхнула на него застенчивой близорукой синевой. До этой минуты лишь она знала, какой может быть хорошенькой. Иногда. И не для всех — для одного.

Илья помолчал, ошарашенный, пробормотал:

— Промахнулся я с тобой, Литвинова, пересориши ты мне отряд.

В этот вечер они долго пели у костра, причем, словно сговорившись, исключительно про любовь. Юлька чувствовала плечо Ильи и даже думать забыла про усталость, про сон, про завтрашний калорийный завтрак. А потом танцевали, и ей как «нашим милым дамам» туда пришлось, потому что никого нельзя было обидеть отказом.

Лишь на минутку очутились они с Ильей вдвоем под покровом близко подступившего к табору ельника, откуда костер смотрелся тлеющим красным угольком. Илья бережно обнял ее за плечи.

Это было второе их свидание. И вдруг Илья обнял ее и прошептал:

— Юлька... Вот погоди, закончим Трассу...

— Ты с ума сошел! Это же шесть лет! — несмело возразила она.

— Не могу дезертировать с Трассы, — трезво разъяснил Илья. — Даже вот так... в семейную жизнь. Честно. Построим, тогда уж...

— Ты с ума сошел, — пискнула она, чувствуя, что ее возносит за облака. — Вот построим мост, тогда...

— Еще шесть дней, — подсчитал он. — Целая неделя! Нет, это немыслимо, Юлька!

Она сняла очки и припала к его белой рубашке.

— Я твоя навсегда, на веки вечные, бессрочно, пожизненно, до той самой доски... Но там Валька, ему будет плохо...

— Валька? При чем тут Валька?

— Ему будет плохо, — только и сумела она повторить.

— А если я поставлю условие: или — или?

— Илюшенька, ну какие могут быть условия? — жалко рассмеялась Юлька. — Или будь счастлива, или оставайся человеком, так, что ли?

Они вернулись к костру. Над их головами уже погромыхивал

гром, пристреливаясь, посверкивали молнии вдали. Не симметрические, вполне реальные.

Под этим добродушным отдаленным рокотанием еще дол сидели у догорающего костра, мечтали о будущем. И Валь накинул ей куртку на плечи, а Илья устроился напротив, рассевяный и словно озабоченный.

— Это же, если разобраться, не просто мост, — сказал Пироков, — кусочек Трассы. Мост в будущее.

— Будущее, как известно, начинается сегодня, — напомни Арканя. — Чего ты ждешь от будущего, Кулибин?

— Чтобы труд абсолютно для всех стал радостью. Что стяжательство стало общественным позором, чумой, проказой. И когда это сбудется, хочу видеть людей добрыми.

— Добрыми?! И бандитов тоже? Ага, их уже не будут. Но все равно очень интересная мысль. А ты, Юлька, что скажешь?

— Пусть бы о человеке никогда не судили по внешности.

— А я... я... — вдруг выкрикнул Валька Сыч. — Я бы человека по душе судил! Официальные звания ввел бы: серебряная душа, стальная душа... бумажная душонка. А для мых... самых душевных, — и он открыто глянул на Юльку, установил бы высшее звание — Золотая душа.

Упали первые капли дождя, и ребята начали расходиться. В этот момент и увидела Юлька, как Сыч вырезает что-то прутке.

— Что это ты режешь, Валька?

* * *

Это была ночь с шестого на седьмой день творения моря через Ою. Громыхавшая в отдалении гроза принесла ливень. Вода рушилась из поврежденной небесной тверди не дождем, лавиной. Во всю ширь долины, от леса до леса, катил мутный пузырящийся, напряженно гудящий поток. Только где-то леко, на середине этой полноводной реки, бессмысленно чали четыре покосившиеся игрушечные коробки: три в куче и одна поодаль. Не связанные, еще не полностью загружен балластом русловые опоры снесло внезапно обрушившимся водком. Ближнюю, пирожковскую, своротило метра на три, а явшую на самой русловине под крутым берегом, сывчевскую, локло аж на десяток метров.

Вот когда вспомнился Илье тот самонадеянный разговор Деевым. И наверняка вспомнилось, что не плонул.

Ломалось все — не только график отряда, график С, график автопоезда и, стало быть, график Трассы. Еще бы, сто начала августа взять Перевал в конце ноября! Предупреждал же Деев: «Вся Трасса в тебя упрется!» Теперь, даже

день и ночь рубить русловые опоры, ни за что в срок не уложиться. Первое августа, первое августа, первое августа...

С полчаса Илья сидел в углу вагончика убитый, хрустел дальцами и кусал губы. Знать хотя бы гидрологию этой треклятой Ои: на убыль пойдет или еще прибавит, оставит в покое быки или вовсе унесет. Но ни площади бассейна реки, ни паводкового горизонта, ни расхода воды никто с сотворения мира не мерил и не считал. Глядя в оконце на проносящуюся мимо стихию, Усатик вздохнул:

— Оя-ёй!

Илья встрепенулся, поднял голову, расправил плечи, точно сбрасывая последние путы оцепенения, и сказал твердо:

— Спать! Спать с утра до вечера с перерывом на обед. В запас. Набираться сил. Не исключено, придется и ночи прихватывать.

В полдень дождь прекратился, тучи разогнало, с новой силой припустило солнце.

К вечеру вода заметно пошла на спад.

Утром уже можно было продолжать работу, но не на русле — на берегу: готовить прогоны, связи, стояки, настил. Но дело не ладилось. Да и у кого поднимется рука тесать поперечины, коли нет русловых опор? Не с конька начинают ставить дом, с фундамента.. До обеда о быках никто и речи не заводил — одно расстройство. В обед наскоро сколотили плотик из десяти бревешек и на тросе спустили к нижней снесенной опоре. Илья и Валька Сыч осмотрели ее, ощупали, обмерили шестом дно вокруг, но, судя по всему, ни словом не обмолвились ни там, на быке, ни по пути к вагончикам. Только за чаем Валентин сказал:

— Твою-то, Пирожков, выправим, поставим на место. А вот мою...

Все с надеждой посмели на Илью, потому что не в этом быке было дело, этот-то можно подвинуть, поправить, а в том, Чечевском. И если уж сам Кулибин ничего не придумает...

* * *

Они поднялись и ушли. Юлька глянула на часы. Было че-
рнадцать десять двадцать седьмого июля. С этого мгновения
семя потеряло смысл...

Она побоялась сходить посмотреть, что они будут делать с этим чертовым быком, чтобы опять не рассердить Илью. О издали, с горки, все же глянула. Два бульдозера, надрыгнувшись, тянули сдвоенной тягой с берега и только искры высекали траками из камней. Третий отчаянно загребал по воде что-то пароход. Парни, стоя по грудь в реке, поддевали быка деревянными слегами. А с кабины бульдозера, отчаянно размахивая руками, дирижировал Илья. Но в тот момент, когда

бык стронулся с места, у них лопнул трос, и Юлька закрыла лицо ладонями и вовсе убежала, чтобы не сглазить.

Она трижды подогревала ужин, однако так и не дождалась своих заработавшихся едоков — уснула. А когда проснулась на рассвете и заглянула в раскрытый вагончик, где жил Илья, ахнула: парни мешками валялись по койкам, не раздетые, мокрые. С одежды, из сапог еще капала вода. И Юлька стягивала со всех по очереди сапоги — а вы знаете, что это такое, стягивать со спящего мокрые сапоги? — и задыхалась, и чертыхалась сиплым шепотом, и плакала, и приговаривала:

— Мальчишки вы мои! Совсем еще мальчишки...

И ни один из них не проснулся ни на миг. Даже слова не промычал спросонья.

Потом она распалила печурку в своем вагончике и развешала, разложила, рассовала на просушку двадцать два сапога и двадцать две портянки. А сама понеслась к реке. Все четыре опоры стояли на месте. По оси как по натянутой струне.

Какой это был день и час? Вопрос праздный. Сделанное сжало, спрессовало, сгостило время. Впрочем, Юлька уже заметила, что время «испортилось», как старые бабкины ходики.

Позднее выяснилось — с упрямым сычевским быком они провозились до четырех утра, изорвали весь наличный трос, запороли один из трех бульдозеров и вымотались до беспамяти. Потом приготовила завтрак, но тормошить сонное царство не решилась, пусть поспят, и сама задремала — этот аврал вовсе выбил ее из ритма. Когда проснулась, ребят уже не было, завтрака тоже. Она спешно принялась готовить обед. Небо покрылось хмарью, где солнышко — не определишь. Ее наручные часы, как на грех, остановились. Обед остыл. Она пошла на реку. И обмерла на крутом бережку, пораженная: мост обрел свои окончательные очертания! Все опоры были связаны пролетами, стояли стояки и поперечины, хоть настил стели. И она, уже не профан в мостостроении, глазам своим не поверила. Длинный же нужен день, чтобы прогнать и закрепить прогоны!

Заморенный Арканя крикнул умоляющее:

— Принеси позавтракать, Юльчонок! Сил нет, брюхо подводит!

Они просили «позавтракать», а был вечер...

Да, с четырнадцати десяти двадцать седьмого июля время в отряде перестало существовать. То есть смена дня и ночи все же происходила, солнце поднималось в зенит и сваливалось за горизонт, полуденную жару сменяла вечерняя прохлада. Юлька готовила ужины, обеды и завтраки, которые без остатка поглощались, но не было уверенности, что все это происходит в свой черед.

Никто не подымался в шесть, не приходил обедать в двадцать, не валялся после ужина на травке. Понятие «рабочий день» потеряло смысл. Ночью надрывно гудели и скрежетали

на реке бульдозеры, ухала кувалда, мерцало зарево света, свистел, подавая команды, Илья. Днем ребята приходили обедать и замерзто падали на траву, а пахучий таежный борщ остывал, Юлька бродила вокруг неприкаянной тенью и не знала, когда будить работничков и будить ли вообще. Утром она относила на мост завтрак, и, увидя ее, Арканя вопил: «Ура, ребята, ужин приехал!» А посреди ночи вдруг раздавался извиняющийся голос: «Дала бы нам пообедать, Юлька».

Или она прибегала звать их на кормежку, а кто-нибудь, чаще других Федя, просил: «Подмогни-ка, Юленька», и она забывала, зачем пришла, своими руками строила мост, только и слыша до темноты: «Подай», «Принеси», «Подержи» — и никаких сопливых «пожалуйста». Илья хмурился, но не прогонял на кухню, где она «царица».

Раз Юлька оставила им завтрак, чтобы не таскать тяжелое ведро туда-обратно, а когда вернулась через час, они уже спали вокруг опустошенной посудины, и так это напоминало поле брани, усеянное погибшими витязями, что она села в траву подле своего Ильи и дурехой разревелась. Жалко стало ребят... мальчишек. Почернел ее Илюшка, истончал, глаза провалились, губы искусаны. И тут, на этом поле сечи, позволила она себе уложить его сонную головушку на свои мягкие колени и гладить ершистые волосы — и никто не мог ей помешать, взглянуть косо, сказать худое слово или усмехнуться, потому что время остановилось.

Вздремнула ли она тогда, или размечталась, или не только «время испортилось», но и пространство сместилось — привиделось ей, будто не возле Ои она сидит, держа Илюшкину голову на коленях, а где-то совсем в другом месте, тоже на лугу, только не под открытым небом, а под высоким лазоревым куполом из стекла...

И будто под куполом весь город, и немалый город; кругом щепеневшая заснеженная тайга, мороз трескучий, а в городе лагоухает сирень, загорелые детишки плещутся в бассейнах, юняются за золотыми рыбками; под зелеными лампами в библиотеке склонились взрослые, а другие что-то считают на машинах и колдуют за пультами, играют на струнных инструментах и пишут задумчивые пейзажи; из ворот этого города-куполя зорным смехом выкатываются лыжники в легких, видно с подогревом, ярких пуховых костюмах; а рядом проносятся поезда, какие-то стремительные моносоставы, и будто бы это и есть Трасса. Лишь по двугорбой сопочке, в которую вошел моносостав, и узнала Юлька свою Ою, только Ою будущего! Знайдут, все же не пространство сместилось — время.

Один Сыч, казалось, не почувствовал отключения субстанции времени. Он был тот же, что и обычно, раз даже ухитрился подсунуть ей букет, правда, всего из нескольких ромашек, ко-

торых здесь была тьма. И по-прежнему каждый вечер наносил зарубки на тальниковый прут — не странно ли для их авральной ситуации?

* * *

Оно настало, как и положено ему, первое августа.

Утром этого дня топоры стучали еще заполошнее, пилы визжали еще истеричнее, а бульдозеры ладили подъездные насыпи с особо остервенелым лязгом. Как ни бесценны были секунды, каждый из ребят то и дело замирал и прислушивался: не доносится ли отдаленный гул автопоезда?

Пирожков сказал:

— Хоть бы они опоздали!

Илья хмыкнул что-то, но не возразил.

В обед:

— Кажется, задерживаются где-то...

Весь день первого августа накатывали настил, ставили перила, вели насыпи. Шатающийся от усталости, элегантный и неотразимый Пирожков вручил Юльке молоток и доверил забить последний «серебряный гвоздь». Она тремя ударами всадила его в смолистый брус, парни прохрипели «ура» и свалились тут же у насыпи на теплые бревна.

Они спали.

И вдруг заурчали моторы, смутно и глухо загудела земля, образовалось желтое облачко пыли. К Ое подходил автопоезд...

Деев выскоцил из головного вездехода, Илья подбежал, чтобы рапортовать ему о готовности моста, но они молча глянули друг на друга и обнялись. И Деев хлюпнул носом, а Илья смущенно отвернулся. Юлька же в открытую заливалась слезами на груди смущенного этим обстоятельством Усатика.

А потом при всем честном народе состоялся нижеследующий разговор:

ДЕЕВ: Ну молодец, Кулибин! Верил в тебя. Все молодцы! Не подвели. Привет вам из Усть-Борска!

СЫЧЕВ: А где же вы были? Проспали целые сутки, ма-
зуринки?

КОМИССАР АВТОПОЕЗДА: Всего четыре часа спали.

ПИРОЖКОВ: Как это четыре? Гуляли небось в Усть-
Борске?

КОМИССАР АВТОПОЕЗДА: Вы о чем это, ребята? Что с
вами?

ЮЛЬКА: У вас календарь есть?

ДЕЕВ: Есть, а что? Странные вы какие-то. Будто и не рады.
Случилось что-нибудь?

ИЛЬЯ: Сегодня же второе августа, честно. Второе, а не
первое!

ДЕЕВ: Нет, сегодня тридцать первое июля. Выспитесь — я
будет первое!

Кончилось тем, что весь автопоезд высыпал из кабин и до-
казал «чокнутым» мостостроителям, что сегодня именно первое
августа, что отряд в срок справился с ответственным заданием
и что поезд идет с опережением графика на два с половиной...
теперь уже ровно на два часа, а временной сдвиг произошел ве-
роятнее всего в головах осатаневших от гонки ребят. Илья
затеял было спор, показывал записи в блокноте, его осмеяли.
Юлька попробовала козырнуть ведомостью расхода продуктов —
все-таки документ! — ее и слушать не стали. Тогда вперед
вышел Сыч и протянул Дееву последний аргумент — тальнико-
вый прут с зарубками.

— Вот, посчитайте сами, двенадцать! Голову даю на отсе-
чение. Или этого мало?

— Правильно, — согласился Деев. — Но вы же еще рыбы
не наловили?

— Да, верно. Рыбы не наловили, — признался Илья, — и
не наловим.

Бригада отказалась от премии за сооружение в крайне на-
пряженные сроки временного автодорожного моста, но главный
бухгалтер был неумолим и потребовал веских доказательств.
Поскольку самое веское доказательство — прутик Вальки Сы-
ча — годилось лишь для музея, а о рыбе в бухгалтерии и знать
ничего не хотели, то премию все же пришлось получить.

Говорят, после этого случая Илья и Юлия Кулемины уеха-
ли на другой участок дороги, там у них в положенное время
родилась дочь, нареченная Любовью. Вскоре Юлия Кулемина
с младенцем вернулась на станцию Оя, ставшую уже вполне
приличным поселком, где и проживает в настоящий момент,
Илья же остался десантником и по-прежнему идет впереди Трас-
сы, уже далеко за Перевалом. Бригаду после отъезда Куле-
миных возглавил Валентин Петрович Сычев. Перед каждым
праздником он посыпает на станцию Оя художественную те-
леграмму с цветами. И еще говорят, в рюкзаке у него хранится
изрядная вязанка хвороста, которая с каждым сданным объ-
ектом становится все толще.

ЭПИЛОГ

К председателю Сибирского Регионального Комитета Вре-
мени ворвалась странная делегация — девушка и два парня.
Метели в кабинет и смущенно застыли у двери.

— Прошу, друзья мои, рассаживайтесь. Как я понимаю, вы
представляете отдел Темпоральных Аномалий?

— Нет, мы от комсомольской организации, — возразил па-
нель, которого председатель знал как шахматиста, выступаю-
щего за отдел Темпоральных Аномалий. На последнем туре
председатель проиграл ему ответственную партию. — У нас не
всем обычная просьба, Сергей Иванович. Давай, Гелий!

И Гелий довольно путано объяснил, что в последней четверти двадцатого века здесь прокладывали Трассу, и вот на этом самом месте из-за сильного ливня сорвали график возведения временного деревянного моста через Ою отличные ребята из бригады Ильи Кулибина. Они сделали все, что смогли, но не успели наловить рыбы...

— Им не хватило ровно суток, — пояснил шахматист Май Васильев.

— И вы хотите...

— Да, мы просим... вернее, ходатайствуем дать им эти сутки.

— Но, дорогие мои, какое значение имеет для последующего какое-то пустяковое обещание наловить рыбы. К тому же вы знаете порядок. Если уж так хочется помочь этому самому... Кулибину, следует войти с ходатайством в Высший Совет Времени, его коллегия...

— Мы знаем, — кивнул Гелий. — Но ведь речь идет не о годах — о двадцати четырех часах, причем в сугубо локальной нише, всего для двенадцати человек. А мы держим Время в руках, и каждому из нас ничего не стоило бы... движением пальца...

— Но вам должно быть известно: энергозатраты даже на ничтожно малые хронопреобразования слишком велики.

— Мы подсчитали. И беремся отработать на воскреснике. Председатель покачал белой своей головой и рассмеялся:

— Отработать втроем?

— Нет, Сергей Иванович. Всем комсомольским коллективом.

— Я не совсем понимаю вас, молодые люди, — начиная кое-что понимать, возразил председатель. — Для чего это вам? Ну, подарите вы им эти сутки. Внесёте смятение в души. И это ровным счетом ничего не изменит. Трасса и без того пущена досрочно...

— Они были основателями нашего города. Мы изучили каждую минуту жизни этого отряда, — сказал Май. — Они для нас... Мы для них... словом, это такие ребята... такие ребята...

— Но вы же сами говорите: они не сдержали слова — не наловили в срок рыбы. Зачем же нам задним числом дезориентировать их современников?

— Им помешал паводок! — Резко, резче, чем следовало бы, напомнил Гелий. — Они и без того совершили чудо. Да разве в этом дело? Мы хотим своими руками... вот этими... принять участие в стройке будущего...

— О каком будущем вы говорите? — усмехнулся председатель, но его от цветшие голубые глаза потеплели. — Ведь это было сто с лишним лет назад! Далекое прошлое...

— Как вы не понимаете! — вскочила девушка, и на ресницах ее блеснули слезы.

Он отлично понимал ее. Однако он был поставлен здесь Стражем Времени. Как же он мог принять участие в нарушении? Не обсчитано, не проэкстраполировано, а вдруг это приведет к такой заварухе, что всем штатом не расхлебаешь, подобные казусы известны. К тому же стало поговоркой: исчезнувшие минуты несут мировые смуты. Но, с другой стороны, дело доброе, на таких порывах надо воспитывать молодежь. Если этот Кулибин и впрямь основатель города... И девчушка такая симпатичная...

— Не горячимся, Юлька! — остановил ее Май. — Дай подумать Сергею Ивановичу.

И тут он вспомнил...

Речка Оя... Три вагончика... Мост... Вздувшаяся, пузырящаяся желтая река... Тальниковый прут с зарубками... И лишний день, каким-то добрым божеством ниспосланный отряду. Обо всем этом ему, еще парнишке, рассказывала «баба Юля», его прабабка Юлия Николаевна. Кажется, она была поварихой в этом самом отряде. А потом стала известным астробиологом.

Семейное предание, в яркие цвета романтики окрасившее его детство...

Он глянул на сегодняшнюю Юльку, отважную, готовую ринуться в бой, чтобы отстоять свое право помочь людям, хорошим людям... заметил, как дрожат у нее губы... подумал, что коли это уже БЫЛО, значит, его решение предрешено... хотя это всего лишь иллюзия причинно-следственной связи, психологический феномен, уж ему-то не следует обманывать себя... Но такие славные ребята... и такая милая эта Юлька...

И он сказал:

— Хорошо, разрешаю. Только...

Они насторожились.

— Только чур: пригласите и меня на ваш воскресник.

Вечный свет

Сначала возникла точка.

Система корабельного зрения напряглась, как человеческий взгляд при попытке разглядеть далекий и смутный предмет. В ту же миллисекунду Киб зажег над пультом стандартный сигнал.

Но обсервационная была пуста. Киб это знал. Собственно, он существовал еще и затем, чтобы людям не надо было круглосуточно следить за Пространством и беспокоиться при появлении вдали обычных, достойных лишь автоматической регистрации объектов. Похоже, сейчас был тот самый случай. Неизвестный объект шел по касательной, на пределе видимости и явно ничем не грозил звездолету. В общем-то Киб уже понял, что это такое, и продолжал напряженно вглядываться лишь потому, что человек наделил его острой любознательностью.

Текли минуты, каждая из которых перемещала корабль на миллионы километров в Пространстве.

Все шло своим чередом.

Не совсем.

Конкин, что с ним редко бывало, проснулся раньше времени. Впрочем, не это его удивило, а ясное, четкое и недвусмысленное, как звонок, ощущение, что он обязан проснуться.

Откуда оно взялось? С минуту Конкин неподвижно лежал с открытыми глазами. В каюте было темно, тихо, уютно — Киб берег сон так же надежно, как и корабль. Быть может, что-то скрывалось в сновидении? Снилась какая-то авантюрная чепуха, будто он должен проникнуть в некий замок, что-то разведать в нем, и все шло прекрасно, только уже при выходе из замка охранник вдруг изумленно уставился на карманы его штанов.

Конкин тоже невольно опустил взгляд и удивился не менее из его брючных карманов нагло торчали столовые ложки!

— Что это у вас? — подозрительно вопросил крепколицый страж.

— А это, видите ли, хобби у меня такое... — ответствовал Конкин.

Столь нелепый ответ почему-то развеселил обоих. Тугое лицо охранника расплылось в понимающей улыбке, а Конкин вдруг почувствовал себя беззаботным зрителем приключенческой, с самим собой в главной роли, комедии. Он весело шагнул к воротам, но вместо охранника там уже стоял худой, темнолицый и грустный Дон-Кихот в латах.

Это обычное во сне превращение лишь смутно удивило

Конкина, однако ему стало неловко за торчащие из кармана ложки. Но Дон-Кихот смотрел дружелюбно, печальный взгляд карих глаз идальго словно был освещен изнутри мягким зажатным светом, и у Конкина сразу потеплело в груди.

— Хорошо, что вы здесь, — сказал он удовлетворенно.

— Где мне еще быть, как не в памяти? — спокойно проговорил Дон-Кихот, и Конкина поразила понятная лишь в сновидении мудрость такого ответа.

И тут что-то заставило его проснуться.

Что?

Было время, когда человек придавал снам слишком большое значение, ибо был уверен, что они полны очевидного смысла; и было время, когда он вовсе перестал обращать на них внимание, ибо решил, что в снах нет никакого смысла. Но Конкин, как и любой человек двадцать первого века, знал, что не следует пренебрегать сигналами подсознания. Ведь то, что наяву охватывает мысль, не более чем освещенная поверхность океана психики, и разум тем разумней, чем лучше он это понимает, зорче вглядывается в глубины и тверже берет все происходящее там под контроль.

Не составило труда сообразить, откуда в сновидении взялся Дон-Кихот и в чем смысл его ответа. То была всего лишь фантастическая проекция недавних слов Зеленина, который обожал парадоксы. «Знаешь, что странно? — сказал он тогда Конкину. — В старину так много писали о «чудесах техники» и не замечали куда больших «чудес искусства». — «Каких именно?» — полюбопытствовал Конкин. «Да самых обычных. Кого ты, например, лучше знаешь — Гамлета или Шекспира, Дон-Кихота или Сервантеса, Робинзона Крузо или Дефо? Кого мы лучше представляем, кто для нас в этом смысле реальней — образ или его создатель?» — «Не вижу в этом парадокса». — «А я вижу. Что мы знаем о тысячах и тысячах современников того же Гамлета, которые действительно жили, любили, страсти, боролись? Ничего! Будто их не было вовсе. А вот Гамлет для нас существует. Есть в этом какая-то несправедливость...»

Выходит, эти слова затронули что-то глубокое, раз они всплыли во сне. Но при чем здесь четкий, нетерпеливый сигнал «проснись»?!

Разгадка, сколько Конкин ни думал, ускользала. Он знал, что в таких случаях надо сделать. Забыть, переключиться! Тогда ответ будет искать само подсознание и, возможно, найдет. Или не найдет, так тоже бывает: человек для себя все еще замая большая загадка.

А начать следует с обычной разминки, сегодня она особен-
о кстати.

Сообразив, кто именно сейчас бодрствует, Конкин ткнул кнопку вызова.

— Приятного пробуждения, брат-моллюск! — тотчас плеснулся из динамика веселый голос Зеленина.

— Старо, — ответил Конкин, одеваясь. — Было.

— Где? Когда? — встрепенулся голос, и Конкин живо представил, как над изумленным глазом приятеля косо взметнулась бровь, как дрогнула рука с неизменно зажатым в ней миниатюрным компьютером.

— Впервые образ корабля-скорлупы и, следовательно, людей-моллюсков возник в одном фантастическом рассказе двадцатого века, — отчеканил Конкин. — Было, старо, лежит на поверхности, как всякая явная ассоциация.

— Эрудит несчастный... — сокрущено вздохнул голос. — Ладно, твой ход.

— Слово «Конкин». Неявные ассоциации, пожалуйста.

— Двугорбый верблюд! — мгновенно выпалил голос.

— Кон-кин, — медленно повторил Конкин. — Пауза посередине, перегиб, верблюд. Лежит на поверхности.

— Да, пожалуй, — нехотя согласился Зеленин. — Тогда утюг!

— Как?

— А-а! Не видишь ассоциации?

— Нет...

— Конкин — конка... Улавливаешь?

— Не припомню такого слова...

— Значит, есть эрудиты получше тебя. Кроме Киба, само собой... Конка — это такой древний, на лошадях влекомый по рельсам транспорт. Нечто архаичное, движимое мускульными усилиями, неповоротливое. Как утюг.

— Здорово! — восхитился Конкин. — Второе ассоциативное производное, это не банально...

— Тем и живем, — с гордостью сказал Зеленин и отключился.

Конкин покачал головой. Подобная вроде бы несерьезная гимнастика ума была для него, как и для всех, в той же мере развлечением, в какой и жесткой, привычной, как дыхание, необходимостью, ибо давно прошли те времена, когда избавление кораблей от ракушек почиталось проблемой, но мало кто задумывался, сколь опасна в быстроизменчивом мире прогресса короста въевшихся стереотипов.

Однако тайная надежда, что эта зарядка, раскачав подсознание, заставит всплыть причину внезапного пробуждения, не оправдалась.

«Забыть, забыть!» — напомнил себе Конкин.

Мысли Конкина, когда он переступил порог обсервационной, были — так ему, во всяком случае, казалось — обращены исключительно на дело.

Сигнал о появлении в зоне видимости неизвестного тела он заметил тотчас. Быстро взгляделся в распись цифр на табло. Из-за колossalной удаленности объекта их точность оставляла желать лучшего, и все же сомневаться не приходилось: обыкновенный метеорит! Правда, крупный и, очевидно, железный, так отражать радарные импульсы мог бы, предположим, чугунный утюг.

«Почему утюг? — удивился шальному сравнению Конкин. — Ах да! Зеленинская ассоциация застрияла...»

Он улыбнулся. В Пространстве можно было, чего доброго, наткнуться на выход в иное измерение, на причинно-следственную флюктуацию, но только не на утюг. Зато метеорит был в нем такой же банальностью, как змея в лесу. Конкин слегка скосил взгляд. Ну конечно! Как ни далеко находилось тело от корабля, как ни расходились их траектории, Киб держал его в прицеле аннигилятора. На всякий случай... Такие вопросы безопасности Киб решал сам. И мигом занимал оборонительную позицию.

«Как питекантроп при малейшем шорохе. Еще бы! Мы тоже находимся в довольно враждебной среде...»

— Что за объект? — на всякий случай спросил Конкин.

— Метеорит класса Z-2, достоверность определения 95 процентов. — Голос Киба, как всегда, зазвучал так, словно невидимый собеседник находился рядом. — Параметры...

— А вдруг это змея? — неожиданно для себя пошутил Конкин и тут же отметил, что это скорей всего дань тому, утреннему...

— Со змеей объект не коррелируется ни по одному параметру, — прозвучал бесстрастный ответ.

Нет, юмором Киб не обладал. Зато он знал, что такое «змея». И что такое «конка», он тоже наверняка знал. Чего только не знала, не могла, не умела эта новая модель искусственного интеллекта! Пожалуй, ее способности не были до конца ясны самим создателям, поскольку эта машина обладала чем-то вроде подсознания.

Вздохнув, Конкин вместо того, чтобы забыть о метеорите и заняться текущей работой, спросил:

— Через какое время ты потеряешь метеорит из вида?

— Через семнадцать минут сорок девять секунд, — ответил Киб.

— Ничего нового о нем, конечно, узнать не удастся...

— Только в случае изменения курса. Будет такой приказ?

Еще чего! Изменить курс звездолета ради какого-то метеорита все равно, что остановить поезд из-за придорожного цветочка. А жаль. Как хорошо сейчас было бы прогуляться по шершавой, в матовых вздутиях поверхности космического странника, нарушив однообразие будней, покружиться над изломами темных скал, рукой в перчатке тронуть незнакомую твердь...

У Конкина даже ноги заныли от томительного и сладкого предвкушения прогулки.

Сведи к необходимости всю жизнь,
И человек сравняется с животным, —

внезапно подумал он словами Шекспира.

Что с ним такое сегодня?

— Зеленин...

— Да? — отозвался голос.

— Не хочешь ли ты прогуляться по утюгу? Он в пределах видимости.

— Но утю... А, понял! Очередной метеорит, что ли?

— Размерами скорей даже астероид. Я вот что подумал: если можно изменить место заложения очередного вакуум-полигона, то...

— Исключено. — Голос друга сразу обрел жесткость. — Здесь мы не получим нужных результатов.

— Нет так нет. Жаль.

— Мне тоже, — голос смягчился. — Вот если ты обнаружишь в Пространстве, допустим, консервную банку...

Конкин с сожалением отключил связь. Железный метеорит. Железный график. Железные люди. Все кругом из сплошного железа.

— Интересно, можно ли, хотя бы теоретически, натолкнуться в Пространстве на консервную банку?.. — пробормотал Конкин, придвигая к себе груду листков с незаконченными расчетами поведения фридмонов в магнитополяризованном вакууме.

— Докладываю, — внезапно проговорил Киб. — Обнаруженное в Пространстве тело может оказаться аналогом консервной банки...

— Что-о?!

— ...С вероятностью 0,3.

Спятил!!! Секунду-другую Конкин ошарашенно соображал, кто именно спятил — он или Киб.

— Что?.. — переспросил он наконец слабым шепотом. — Откуда... откуда такая вероятность?

— Значение реальной, выявленной гравилокатором массы меньше той, которую при данном объеме мог бы иметь метеорит любого типа, что с вероятностью 0,3 в данный момент наблюдения и указывает на пустотелую природу объекта, следовательно, на его сходство с любой металлической емкостью.

— Не вижу. — У Конкина пересохло горло, он быстро обежал взглядом хорошо знакомый ряд цифр. — Не вижу расхождения!..

— Показываю.

Мелькнула серия преобразований, и теперь Конкин понял, в чем дело. Расхождение масс, того значения, которое ей давал гравилокатор, и вычисленной по объему, предполагаемой плот-

ности вещества было минимальным, на грани погрешности. В сущности, таким расхождением в столь неопределенных условиях наблюдения можно было и пренебречь.

Киб этого не сделал. Почему?

Да потому что любознательность тоже страсть, а она осталась неудовлетворенной! Киб желал сближения с метеоритом не менее Конкина, вот и все.

Но если объект действительно пустотелый, то...

Нет в Пространстве и быть не может огромной консервной банки. Зато в нем может оказаться чужой корабль, тело, в физическом смысле весьма схожее с жестянкой. Правда, нужен человеческий юмор, чтобы прибегнуть к такому сравнению, а Киб юмором не обладал.

— Вероятность 0,3, — хмуриясь от внезапной мысли, проговорил Конкин. — Ты мог ею пренебречь...

— Мне был задан вопрос.

— Риторический!

— Сожалею, если ошибся. Параметры риторической интонации не всегда отличимы от параметров прямого вопроса.

Верно, подумал Конкин. И все же странно. Какой-то разгул ассоциаций сегодня, даже Киб заразился. Может, и ему передалось чужое настроение? Но выяснить некогда. Надо решать, что делать, — объект вот-вот скроется...

— Какова целесообразность сближения с объектом пристолья малой вероятности, что он окажется инопланетным кораблем? — быстро спросил Конкин.

— Плюс-минус бесконечность, — бесстрастно ответил Киб.

Конкин кивнул. Все правильно. Известен убыток от срыва программы, и совершенно непредсказуема выгода от встречи с чужим звездолетом. Бесконечно большим может оказаться и ущерб, коль скоро теория неверна и в Галактике есть высокоразвитые, но агрессивные цивилизации. Никто же о них ничего не знает, все догадки с большей или меньшей долей вероятности! Достоверен лишь слабый намек на то, что метеорит способен оказаться искусственным телом.

Так стоит ли проверки ради менять курс и нарушать программу?

Строго говоря, задача не имела решения. То была лотерея, и лучший из логиков, Киб, это только что подтвердил.

И все же подобные задачи решались испокон века благодаря интуиции.

«А что тебе, Киб, подсказывает твоя интуиция?» — едва не спросил Конкин, но вовремя удержался. Киб не обладал интуицией, ею люди не могли его вооружить, ибо сами еще как следует не разобрались в том, что же это такое, хотя и сумели немножко развить в себе.

Конкин стремительно нажал кнопку общего вызова.

Точка росла, все более обретая на экране сходство с рогатой старинной подводной миной. Все уже было ясно, но еще никто не сказал ни слова, точно восклицание могло повлиять на законы механики и выбросить тело из зоны видимости. В рубке было так тихо, как будто люди перестали дышать, только лица бледнели по мере того, как невозможное, невероятное — инопланетный корабль прорисовывался на экране. И Конкин не знал, чего в его душе больше — облегчения, ликования, интереса или самого обыкновенного страха.

Его не могло не быть, ибо точно так же, как они держали на прицеле чужой корабль, тот, в свою очередь, держал на прицеле их. И это упорное молчание! Никакого ответа ни на один сигнал, никакого встречного поиска; столь безучастно мог бы вести себя гроб.

Или самая настоящая мина.

Машинист Конкин смахнул с лица пот и с недоумением взглянул на ладонь. Он видел бледные лица друзей, понимал, что сам выглядит так же: тогда откуда пот? Вроде бы человек бледнеет тогда, когда сосуды сжимаются, а пот выступает, когда они расширяются... Или не так?

«О чём вы думали в то историческое мгновение?» — быть может, спросят его когда-нибудь. М-да...

— Пора, — почти беззвучно сказал Зеленин.

Все облегченно задвигались, как будто изменилось что-то.

С едва ощутимым толчком от звездолета отделился зонд. Мгновение спустя он возник на экране. Серебристая в звездном отблеске капля раскрылась, словно бутон, обратилась в подобие какого-то треножника. Лиловым трепетным шнуром вдоль оси треножника вытянулось пламя. Уменьшаясь, зонд устремился к чужому кораблю.

Сейчас все должно было решиться. Ни один конструктор, будь он даже из другой галактики, не мог допустить тесного сближения корабля с инородным телом. Безмолвный экипаж или кибер, если корабль был беспилотным, обязаны остановить зонд. Выстрелом? А может, еще и залпом по людям?

Конкин украдкой взглянул на стену рубки, такую прочную и такую тощую, слабую перед буйством аннигиляционного огня. Правда, расстояние было еще велико. Будь на том корабле аннигилятор земного типа, залп ничем не грозил. Но там, конечно, стоял не земной аннигилятор. Или вообще не аннигилятор...

Неизвестно, что там могло быть. Неизвестно, почему они молчат. Неизвестно, о чём думают. Оставалось лишь положиться на теорию, которая утверждала, что у воинственной цивилизации просто нет шанса выйти к звездам, ибо прежде ее должны растерзать внутренние конфликты. Впрочем, с той минуты, когда люди разглядели чужой звездолет, выбора уже не существовало — ведь точно так же те разглядели их.

Лиловый выхлоп зонда обратился в точку. Эта искорка неуклонно приближалась к миноподобному телу, но пока не встретила отпора. Конкин, как и остальные, подался вперед, когда на зонде включился видеопередатчик.

Изображение сразу укрупнилось. Теперь бросалось в глаза, сколь огромен корабль. Его сходство с колоссальной и будто сошедшей с кинолент прошлого века подводной миной стало еще более разительным из-за каких-то темных, как наплыv водорослей, вздутий на броне. Повинуясь команде, зонд огибал это чудовище по дуге большого круга, тем уменьшая риск спровоцированного поспешным сближением отпора.

Возникло обманчивое впечатление, будто чужой корабль поворачивается, затмевая звезды. И когда наконец открылась невидимая прежде часть, тишину рубки потряс общий возглас: в центре звездолета зияла пробоина! Тотчас все смолкли, встали, вытянулись в том же порыве молчания, в каком люди всегда отдавали почести погибшим.

Конкин оглянулся, прежде чем нырнуть в темный провал пробоины. С буев, как солнца, светили прожекторы. Удивительно, как мог инопланетный корабль всем показаться похожим на мину. Впрочем, человек на все смотрит сквозь призму своих эмоций и стереотипов. Теперь как издали, так и вблизи мнимое сходство корабля с древним оружием убийства уже не обманывало взгляд. Если эта инопланетная конструкция на что-то и походила, то скорей на упражнение педантичного тополога, — так непривычно были вывернуты все ее формы.

Сейчас это особенно бросалось в глаза. В слепящем свете электрических солнц корабль висел как фантастическая планета, и на мгновение Конкин почувствовал себя сказочным пигмеем. К реальности его вернуло нетерпеливое движение Зеленина, которому он загородил путь.

Первые шаги внутрь вели через хаос рваного и оплавленного металла, который в слабом поле тяжести застыл причудливыми оплывами, сосульками, нитями. Беглый свет фонарей шевелил искореженные тени, сливая их в сумятицу черно-белых фигур, взблесков, пятен, извивов. Месиво диких форм и сплетений! Невозможно было понять, какой силы взрыв и почему искромсал все вокруг. В ушах мерно отдавалось пощелкивание радиометра, перед глазами мельтешили потревоженные тени мертвого корабля.

Переставляя коробочку детектора с одного излома на другой и вслушиваясь в бормотание анализатора, Конкин сам уподобился тени, таким вынужденно бесшумным и гибким было его скольжение через весь этот хаос. Половину внимания забирало само движение, остальное поглощал голос материи, которая, докладывая через детектор о своем составе, структуре до и после взрыва, связывала Конкина с неведомыми строителями.

корабля, их давними замыслами, знаниями, воплощенными в металле идеями. Загробный, если вдуматься, разговор, и тем не менее самая обычная для человека вещь, ибо на Земле археологи точно так же вступают в мысленную, хотя и одностороннюю, связь со всеми исчезнувшими поколениями землян.

Наконец зона разрушений осталась позади. Вздохнув с облегчением, Конкин выпрямил спину. Впереди простирался изогнутый коридор с какими-то овалами (дверями?) по обеим сторонам. Нигде ни одной угловатой линии, словно инопланетные строители жили в мире без единой плоскости.

— Совершенно не представляю, где у них что... — пробормотал Зеленин.

— Я тоже, — ответил Конкин. — Придется идти наобум. Археолога бы нам в компанию! Они специалисты по таким ребусам.

— Ладно, подожди годик-другой, я тем временем слетаю за ними на Землю... Пошли!

— Пошли...

Оба чувствовали себя неважно, и непочтительная легкость их разговора была защитной реакцией. Мертвенностя корабля угнетала. Собственно, то же самое могло случиться и с людьми, как, увы, и случалось. Некоторые земные звездолеты, верно, и сейчас вот так же несутся в пустоте и будут в ней странствовать еще миллионы лет.

Вещество, которым был покрыт пол, лишь с виду казалось прочным. Едва Конкин на него ступил, как оно взвилось облачком пыли, которая, понятно, и не думала оседать. Обернувшись, Конкин с досадой посмотрел на ребристый след своей подошвы. Вот уж действительно «на пыльных тропинках...». Теперь этот след сохранится навечно. То есть, разумеется, не навечно, но пару миллионов лет он вот так продержится.

— Не годится, — сказал Зеленин. — Все запылим.

— Естественно, — ответил Конкин и слегка оттолкнулся.

Здесь была сила тяжести, но такая ничтожная, что можно было парить, лишь иногда касаясь стен. Регулируя полет, они подплыли к овальной двери (если это, конечно, была дверь), но она не поддалась. Не поддались и другие.

— Успеем вскрыть, — сказал Зеленин.

Конкин молча кивнул и поплыл дальше.

Все одно и то же: пустой изогнутый, яйцевидный в сечении коридор и овалы по сторонам. Так прошло пять минут, десять...

Внезапно коридор оборвался. В его торце тоже находился овал. Конкин тронул его без всякой надежды, однако на этот раз дверь уступила нажиму.

Застывший в кресле скелет — вот первое, что они увидели. Это было столь необычным и чудовищным, что люди в первый момент даже отшатнулись.

Зеленин молча водил съемочной камерой, и так же молча

Конкин наблюдал за ним. Ничто не теряется, думал он. То, что ложится сейчас на голограмму, прорастет как семя. По скелету легко восстановить индивидуальный облик, а в облике отражен характер. Еще найдутся записи, много чего отыщется. А поскольку все взаимосвязано, и капля может рассказать об океане, корабль — о цивилизации, строчка дневника — об авторе, то, перебрав информацию, установив системно-корреляционные связи, Киб приближенно воссоздаст и структуру личности, возбудит оборванный смертью ход мыслей и чувств. Давно не проблема вот так реконструировать человеческую психику, наделить модель самостоятельной, вплоть до участия в разговоре, жизнью. С инопланетянином, понятно, все будет гораздо, гораздо труднее. Но и тут небезнадежно: чем выше цивилизация, тем совершеннее ее память, тем лучше в ней сохраняется личность.

«Ты, может быть, думал, что все уже кончено, — мысленно обратился Конкин к черепу. — Не совсем...»

Он перевел взгляд на пульт перед креслом. Скорей всего это помещение было чем-то вроде рубки или обсервационной. Но какие немыслимые устройства! Даже кресло отождествлялось с креслом только потому, что его явно использовали как сиденье, иначе вряд ли бы тут оказался скелет. И пульт можно было назвать пультом только по аналогии: сплошной сюрреализм...

— Киб сообщает, что готов по снимкам реконструировать облик инопланетянина, — сказал Зеленин. — Посмотрим?

— Да, да, конечно!

Зеленин, прижав ладонь для упора к груди, привычно отрегулировал наручный видеотелефон. Зеркальце тут же осветилось, и рядом с настоящим креслом возник его голографический двойник. Теперь в рубке было два внешне одинаковых кресла, два неотличимых скелета, только призрачный чуть подрагивал вместе с креслом в такт биению пульса замершей руки Зеленина.

«А пульс-то частит, — машинально отметил Конкин. — Ну естественно...»

Мгновение спустя сходство изображения с оригиналом исчезло, поскольку Киб начал реконструкцию. Никакой — от Кювье до Герасимова — основоположник метода не успел бы понять, что к чему, так быстро работал Киб.

— Да... — только и сказал Конкин.

Не то чтобы возникшее в кресле существо вовсе не напоминало человека: выражение его глаз не было бессмысленным, как у стрекозы или ящерицы. Но сами эти глаза походили на человеческие не больше, чем репей на оптическую линзу. Também не соответствовало земным канонам и тело, странно вывернутое по всем трем осям, винтообразное в конечностях.

— Его моторика ясна Кибу. — Зеленин повернул к Конкину напрягшееся лицо. — Он может показать тело в движении...

— Не надо!

Это вырвалось непроизвольно, и Конкин не пожалел об этом, хотя для дальнейших поисков отнюдь не мешало бы узнать, как движутся инопланетяне. Но увидеть еще и ожившее тело...

— В другой раз, — поспешил добавил Конкин.

Зеленин понимающе кивнул. Он выключил передатчик, и в рубке снова осталось лишь одно кресло со скелетом, похожим на замысловатое корневище, верней, ни на что не похожим.

— Да, — обескураженно проговорил Конкин. — Теперь я сомневаюсь, поймем ли мы их...

— Лишь бы хватило информации, — пробормотал Зеленин. Быстрым взглядом он окинул пульт. — Попробую для начала помозговать над этой аппаратурой.

— Тогда я продолжу осмотр...

Вскоре, однако, выяснилось, что осматривать, в сущности, нечего. Всюду и везде Конкина встречали запертые двери. Какие знания, какая необыкновенная техника, возможно, скрывались за ними! Взломать двери, конечно, было нетрудно, но всему свое время; сначала надо было составить общее представление о корабле, его создателях и о том, что здесь случилось.

Но пустые коридоры, не менее пустые переходы меж ярусами мало что могли рассказать. Столь же мало говорили уму встречающиеся знаки и надписи. Конкин аккуратно транслировал их изображения Кибу, и тот, конечно, уже бился над загадкой чужого языка. Без малейшего, само собой, успеха, поскольку данных не хватало.

Разрушения охватывали значительную часть корабля, но все еще было непонятно, что послужило их причиной — какой-нибудь взрыв внутри или столкновение звездолета с чем-нибудь в Пространстве. Пока Конкин даже не мог сообразить, где, собственно, находится ходовая часть звездолета и по какому принципу он движется. Двигался... Велик был соблазн покопаться в разрушенных помещениях, но Конкин не поддался искущению и потому, что это было преждевременно, и потому, что в хаосе можно было застрять, и потому, что там, если причиной взрыва была неполадка двигателя, могла возникнуть опасность — неизвестно же, каким было горючее!

Все же Конкин сунул голову в одну из трещин, которая наискось рассекала закругленную стену перехода неподалеку от тех мест, где все было смято и искорежено. Ничего особенного Конкин не увидел. Пыль, мусор, опрокинутое сиденье, похожее на кресло в той рубке. Нет, было еще кое-что! Близ стены, под самой трещиной валялась игрушка.

То была небольшая, размером с ладонь, скульптура какого-то, судя по всему, зверька. Почему он решил, что это игрушка?! С таким же успехом это могло быть амулетом, сувениром,

ночником, диковинным прибором, всем, чем угодно. И все-таки первой догадкой было — игрушка! Вид зверька был столь же непривычным, как все остальное, но в нем чувствовалась свойственная игрушкам обобщенность форм, мягкая ласковость, которая невольно вызывала желание погладить диковинного зверя. Конечно, это был обман восприятия, ложная подсказка земных образов. Откуда могла взяться на звездолете игрушка? Впрочем... Впрочем, и у него на столике сидел подаренный кем-то пушистый бельчонок.

Как бы там ни было, смотреть на инопланетного звереныша было приятно, хотя его тело тоже было скрученено и перекрученено самым немыслимым образом. Но чуждое всему человеческому искусству все же делало его приемлемым для взгляда. Может быть, по контрасту со всем остальным. Может быть.

«И все-таки контакт, пожалуй, небезнадежен, — подумал Конкин. — Есть что-то вроде мостика...»

Он уже возвращался и более по обязанности пробовал оставшиеся двери, понимая, что они не распахнутся, ибо в момент тревоги, когда воздух со свистом улетучивался из прохода, автоматика перекрыла и заблокировала все, что могла. Исключением почему-то оказалась только рубка, хотя автоматика в первую очередь должна была сберечь этот жизненно важный центр. Но всякое бывает при аварии.

Вот именно: внезапно подалась еще одна дверь. Не ожидая этого, Конкин не рассчитал усилия и влетел внутрь темного помещения, которое, однако, лишь мгновение оставалось темным. Вспыхнувший в нем свет был столь ярок, что Конкин невольно зажмурился. Его рука инстинктивно сжала рукоятку дезинтегратора.

Нелепый жест — помещение было пустым, если не считать нескольких сидений у стены справа. Не это поразило Конкина — свет! Мало того, что освещение уцелело, мало того, что оно включилось автоматически, оно было солнечным!

Никакой ошибки... Все заливал яркий солнечный («южный» — подсказало ощущение) свет. Только рассеянный, ибо никакого солнца вверху, разумеется, не было. А было вверху чистое, голубое, бездонное, совсем земное небо. И в нем незримо присутствовало солнце.

Солярий, совсем как на земном звездолете...

Собственный стук сердца оглушил Конкина. «Ничего не понимаю, — билась одна и та же мысль. — Совсем ничего...»

Нет, то был отнюдь не солярий. Когда прошло первое ошеломление, Конкин обратил внимание еще кое на что. На сиденья возле стены, на прямоугольную форму самого помещения. Почему только здесь?.. И эти вроде бы деревянные кресла... Они были именно сиденьями. Человек вполне мог на них усесться, они имели вполне земной вид; Конкин даже готов был поклясться, что когда-то видел подобные. Нет, чепуха. От-

куда здесь могли взяться земные сиденья?! Впрочем, таких на Земле и нет. Все разные и необычные, грубо-примитивные, правда, изящные в этой своей примитивности, но для сидения, похоже, неудобные.

Или это тоже обман восприятия? Поколебавшись, Конкин присел на одно из кресел так осторожно, точно под ним была тикающая мина. Однако ничего не произошло. Сиденье оказалось очень тесным и неудобным; неясно, на кого оно было рассчитано, но уж, во всяком случае, не на человека в скафандре. И материал, разумеется, не был деревом, детектор это определил однозначно; какой-то имитирующий древесину пластик...

В подлокотники сидений были вмонтированы ряды кнопок. А это еще зачем? Быть может, то, на чем он сидит, вовсе не кресло... а плита для поджаривания? Или катапульта в иное измерение? Что-нибудь в этом роде. Нажмешь кнопку и... Тогда понятно, почему это устройство так непохоже на кресло в рубке: совсем иное назначение.

Конкин еще раз внимательно оглядел помещение. Огромный пустой зал, словно инопланетяне понятия не имели об экономии места. Это на звездолете-то? Пол и стены разлинованы на прямоугольники и квадраты; цвет очерчивающих линий — красный, желтый, зеленый, синий. Последовательность спектра. Таков же цвет и порядок кнопок на подлокотниках. Может быть, экипаж и вправду катапультировался отсюда в какое-то иное измерение? Что нам известно об их технике?

Допустим, ничего, подумал Конкин. Зато нам кое-что известно об их мышлении. Пусть у них все шоворот-навыворот, однако инстинкт самосохранения им присущ, как и людям. Без этого они все давно погибли бы. Значит, надежнее всего должны быть укрыты жизненно важные центры звездолета. Самые инопланетяне или автоматика в момент аварии обязаны заблокировать все, что возможно. Так и случилось, задраено все. Кроме этого помещения. Кроме рубки или того, что мы считаем рубкой. Выходит, это как раз маловажные помещения, какие-нибудь подсобки.

Логично, но нелепо. Слишком много аппаратуры в рубке. Слишком велик этот зал и слишком необычен для звездолета. И в нем горит свет. Нигде не горит, а здесь, можно сказать, пылает. Точно это самое важное, чтобы он здесь горел. Вспыхнул при появлении живого существа. Озарил все до последней пылинки... которых, кстати, здесь нет. Очевидно, пол их каким-то образом всасывает. Расточительно в аварийной ситуации, дико, иенужно!

Значит, нужно, коли есть! Инстинкт самосохранения — это не все, далеко не все, даже у лягушек не все. Разум всегда ставит перед собой какую-то высшую цель. Вообразим себя на месте инопланетян. Итак, взрыв, катастрофа. Первое — спаси

жизненно важные центры, хоть как-то восстановить разрушенное, уцелеть. Не вышло, не получилось, корабль обречен. Что тогда? Тогда надо сберечь, сохранить для других все самое ценное. Записи, наблюдения, информацию. Или груз.

Правильно! Только какое ко всему этому отношение имеют две незаблокированные двери? Смысл таких дверей — впускать. Смысл включившегося света — озарять. Смысл кресел (если это кресла) в том, чтобы на них сидеть. Смысл кнопок в том, чтобы их нажимать. Смысл земного, столь неуместного здесь «неба»... Смысл пустых квадратов... Мудро выразился во сне Дон-Кихот: где мне еще быть, как не в памяти?

При чем здесь Дон-Кихот?

— Конкин, ты что, оглох?..
— Я?.. Извини, задумался. Тут странно...
— Не у тебя одного. Ты где находишься?
— Под земным небом.
— Я серьезно спрашиваю!
— Я серьезно отвечаю. Надо мной ясное земное небо. Его имитация.

— Ах так! Еще любопытней... Оставайся на месте. Опиши дорогу. Иду с новостями. И какими!

Зеленин так стремительно возник на пороге, что свет вспыхнул на полировке его скафандра, точно разряд скопившейся энергии. Мельком взглянув на «небо», Зеленин быстро двинулся к Конкину.

— Я стал разбираться в аппаратуре. Все мертво! Кроме одной цепи...

— Я так и думал.

— Подожди! Возникла азбучная в своей простоте схема нашего участка Галактики. И курс, понимаешь, там был прочерчен весь, до момента аварии, курс!

— Откуда они шли?
— Важнее, куда они шли. На Землю!!!
— На Землю?! Быть этого не может. С Земли!
— Как... с Земли? Откуда ты взял? На Землю, они легли на Землю!
— Ты в этом уверен? Абсолютно уверен?
— Еще бы!
— Но в таком случае... Так: с Земли на Землю... Верно!!!
Ну и глупец же я! Да, да! Вот теперь все стало на место.
— Что?
— Все. Почему здесь над нами такое «небо»?
— Очевидно, у них похожее.
— И сиденья тоже? Приглядись.
— Постой, постой... Это не для инопланетян, не та у них анатомия. Но не для человека же!
— Ты не узнаешь эти сиденья?

— Чего узнавать, на Земле таких нет.

— Да, но они были.

— Были?!

— Я тоже их не узнал, потому что мысли не мог допустить о тождестве их облика с земными предметами. А когда я все же разрешил себе подумать о такой вероятности, то, не надеясь на память, запростили Киба.

— И он...

— ...Отождествил внешний облик этих сидений с теми, которые изготавливались на Земле в глубокой древности.

— Не может быть!

— Стопроцентная корреляция.

— Но курс! Если инопланетяне уже были на Земле...

— Были их предки. Сейчас на Землю летели, но, увы, не долетели их потомки.

— Знаешь, я лучше сяду... — ослабевшим голосом проговорил Зеленин. — Смешно, но от всех этих неожиданностей у меня даже в такой невесомости подкашиваются ноги...

— Я как раз хотел предложить тебе сесть.

— Зачем?

— Для проверки одной гипотезы. По-моему, смысл этого «неба» над головой в том, чтобы мы, люди, видели все в привычном для нас освещении.

— Что «все»? Пустоту?

— Нет. Видишь эти квадратики повсюду и кнопки в подлокотниках? Меж ними явная связь.

— Согласен.

— Тогда вопрос. С чем таким инопланетяне могли покинуть Землю, а теперь вернуться, что ясно и однозначно раскрыло бы нам при встрече, каковы они?

Зеленин сосредоточенно задумался.

— Да, — сказал он наконец. — Раз они шли на контакт, эта задача перед ними стояла — сразу и очевидно рассеять возможные сомнения человечества. Чем же они могли... Информацией о земном прошлом? Глупо, сами имеем. Знаниями... Стоп! Как бы мы сами поступили, вновь отправившись к тем, с кем прежде рано было вступать в контакт?

— И что при первом посещении мы могли взять такого, что не обеднило бы то человечество и стало бесценным подарком для нынешнего?

— Как, неужели ты думаешь...

— Отперты были только две двери. Свет зажегся только в двух случаях. С чьим кораблем мог скорей всего повстречаться погибший звездолет в этом участке Пространства? С земным. У инопланетян была цель, и перед смертью они позабочились о ней как о самом важном. Эти кресла — приглашение сесть. Нам остается лишь нажать кнопки.

— Так нажмем их, — дрогнувшим голосом сказал Зеленин.

В немом восхищении оба смотрели на отлитое в серебре летящее тело Пенорожденной. Статуя как бы из ничего возникла над ближним квадратом. Откинув голову, готовая обнять мир, с улыбкой счастья, девушка возносилась из бега морской волны, и свет солненой влагой мерцал на крутой груди, ветер откидывал невесомые волосы, и вся она была порывом открытой солнцу юности. Сияющим и лучистым взглядом она глядела поверх закованных в скафандры космонавтов, а те, онемевшие, стояли перед ней, забыв о космосе и о времени, о знаниях своего века и о мудрости тех, кто погиб, возвращая Земле это нежное чудо.

— Да, — наконец пришел в себя Конкин, — мы поступили бы так же. Не понимая, даже не принимая чужой красоты, спасли бы ее. Ибо можно восстановить утраченное знание, вернуть жизнь в пустыню и даже зажечь угасшее солнце. Одного разум не может ни под какими звездами — вновь обрести погибшее искусство...

Конкин попытался представить, сколько великих сокровищ было утеряно за долгие столетия земных войн, и не смог. Тысячи статуй создал Пракситель: они не дошли до потомков. А сколько осталось неизвестных художников, какие творения вообще забыты? Кто помнил, кто знал о существовании вот этой прекрасной девушки?

Забвение — вот самое страшное для человека слово.

Конкин придинулся к статуе. Он ни на секунду не усомнился, что перед ним лишь голографический слепок утраченной людьми скульптуры. Но разницы не было никакой, пальцы невольно ждали встречи с одухотворенным металлом. Конечно, нет! Рука прошла сквозь нежное серебро волны.

Так и должно было быть. Взять оригинал — значило бы его похитить. Но и оставить было невозможно, поскольку инопланетяне прекрасно понимали, какая судьба ждет юное человечество и как ничтожен шанс этой красоты уцелеть. Они взяли с собой только образ, но образ, равный оригиналу, где и когда угодно восстановимый в своей телесности. Так изваяние, стало неуничтожимым, девушка бессмертной, точно и не было варвара, который там, на Земле, однажды переплавил эту красоту в звонко бренчавшие монеты.

— Может быть, на своей планете они не только хранили, но и любовались ею, — глухо проговорил Конкин.

— Все узнаем, — спокойно ответил Зеленин. — Раз они взяли ее с собой, значит, уже тогда они разглядели в людях лучшее. Какие еще могут быть трудности?

Он уверенно нажал подряд кнопки. И все увидели, как, теснясь и заполняя собой пространство, к ним возвращается все древнее, казалось бы, навеки утраченное искусство былых времен и народов.

Конкин неподвижно завис над ярко озаренным прожекторами телом чужого звездолета. Инаковость его форм уже не поражала, наоборот, казалась гармоничной. Полное совершенство замысла и исполнения — вот что теперь видел взгляд.

Внезапная, дотоле, видно, дремавшая мысль, оттеснив счастливую усталость, наполнила Конкина беспокойством. Какая странная, если вдуматься, и хрупкая нить случайностей привела их к погившему кораблю, вернула Земле ее сокровища! Если бы не раннее его, Конкина, пробуждение, точка, очевидно, исчезла бы с экрана, прежде чем на нее взглянул человек. А если бы не дотошная любознательность Киба... Если бы, если бы, если бы!

Да, но что в этом особенного?

Столь неочевидный поворот мысли поразил Конкина. Действительно! Самое удивительное, что в этом «чуде случайностей» нет ничего особенного. «Если бы» вездесуще. Если бы Земля возникла чуть дальше от Солнца или была чуть ближе, о какой жизни могла идти речь? Если бы само Солнце оказалось активней... Если бы тело Земли собралось в меньшую массу... Миллионы «если бы»!

А в результате мыслящий разум.

Слепая игра вероятностей, обычная закономерность случайного, вот и все.

Но разум-то не вслепую играет! Как мог бы художник достичь совершенства, перебирая все сочетания красок и форм? Ему и миллиарда лет не хватило бы. Как ученый из такого же хаоса вариантов смог бы выделить связующий факты закон? Менделеев — тот часть этой работы проделал во сне... Связей в мире больше, чем атомов, но разум не теряется в этой чащобе. Ему даже удается предвидеть будущее.

А их, людей двадцать первого века, интуиция оказалась сегодня всего лишь равной гениальному усилию того скульптора, который тысячи лет назад изваял под небом Греции эту прекрасную девушку. Впрочем, так ли уж равной? Из бесконечных сплетений действительности они всего лишь выхватили нужную нить, из миллиарда возможностей выбрали наилучшую. А древний ваятель создал свое произведение одним порывом вдохновения.

Вот что инопланетяне поняли давным-давно. Вот что они спасали и спасли, раньше людей познав главное достоинство разума в этом неразумном мире.

Обратясь лицом к мертвому кораблю, Конкин в безответном порыве поднял руку в приветствии тех, на чьем языке говорил древний ваятель:

— Хайре! Здравствуйте!

Сын

Из окна кабинета Лайла видела опостылевшее: сложную паутину переходов, чахлый садик, в котором наизусть известна каждая царалина на стволе, недвижные облака искусственного неба. За окном был привычный мир ОКСа-18 — обитающей космической станции восемнадцатого сектора, где Лайла доживала второй год.

Она повернулась к мужу, продолжая разговор:

— Делай как знаешь. Только на меня в этой экспедиции не рассчитывай, не полечу.

Лайла снова отвернулась, и что-то в этом движении поразило Тугана. Скорее всего та тонкая, одухотворенная красота жены, которую он за делами перестал замечать, почти девическая чистота линий. Он знал, что Лайле в ее тридцать шесть лет дают не больше двадцати двух, и втайне гордился этим.

Он отвел глаза от лица жены и заставил себя вслушаться в то, что она говорила:

— Я больше не могу оставаться на ОКСе, Туган. Не могу!

— Хочешь отдохнуть на базе? — перебил он.

— На базе? Твоя база — это в три раза увеличенный ОКС, где вместо нашего «лягушатника», — она кивнула в сторону бассейна, — другой «лягушатник», только побольше, да разве что стадион, где все зрители знают друг друга. Я не об этом, Туган... Мне надоела эта имитация земной жизни, от которой на каждом шагу отдает подделкой, это наше упорное стремление все время делать вид, что мы на Земле. Я, наверное, старею, Туган. И поэтому так ненавижу твой «Кавказ»...

Он знал, что речь опять зайдет об этом, и угрюмо потупился.

Да, все было бы хорошо, если бы не «Кавказ»... Первое сообщение о нем было воспринято Космическим Советом как результат неисправности передающего устройства, затем, после получения контрольного подтверждения, как дурная шутка кого-то из космонавтов. Потребовалось немало времени, чтобы убедить Совет в реальности этого открытия. А уж кто-то, а члены Совета привыкли к невероятному.

Удивительным было не только появление этой планеты в зоне, «пригодной для тренировочных полетов», которая во всех учебниках космонавтики относилась к категории «А-3». Сам по себе факт открытия космического тела, лишь в два раза уступавшего размерами Земле, в районе, где пронумерован и заложен в расчеты автоматов Совета любой известный объект, вплоть до осколков астероидов, был невероятен. «Кавказ» не мог, не имел права находиться в той точке, где он был обнаружен. Его появление противоречило логике и здравому смыслу.

После анализа данных, собранных беспилотными кораблями, разорвалась вторая бомба: новая планета была двойником Земли! Да, у нее была атмосфера, состав которой идентичен земной. На планете росли деревья, текли реки, сменялись времена года. Невероятное продолжалось...

Туган с горькой усмешкой вспоминал бурю, разразившуюся тогда в научном мире. Каких только предположений, каких сумасбродных гипотез не выдвигалось! О предстоящей встрече с братьями по разуму, о планете, полной драгоценных ископаемых, в которых так нуждалась Земля...

По возвращении комплексной экспедиции, возглавлявшейся им, Туганом, разговоры стихли: планета, названная за чистоту атмосферы «Кавказом», оказалась безлюдной. Безлюдной и бесплодной. Ее недра были пусты. Или только казались пустыми.

Вторая экспедиция провела на «Кавказе» полгода. День за днем Туган вчитывался в отчеты поисковых партий, неторопливо сравнивал данные счетных машин. И каждый раз, выходя на связь с Советом, с внешней бесстрастностью докладывал: «Результатов нет. Дальше отметки шести километров не пробивается ни один бур, не удается взять ни грамма проб за этим горизонтом». Неделя за неделей, месяц за месяцем повторял он эту осточертевшую фразу и в конце концов был вынужден сдаться: экспедиция топтала на месте, «Кавказ» отказывался раскрывать свои тайны.

Даже сейчас, когда предстояло в третий раз отправляться на планету, Туган не мог избавиться от унизительного чувства поражения: он, Туган Алиев, консультант Совета, самый молодой член Академии Космоса, не может сломить упрямства планеты, которая взялась неизвестно откуда и вот уже два года является вызовом всей земной науке и ему, Тугану, лично.

А теперь еще этот неприятный разговор. Он считал сама собой разумеющимся, что Лайла летит с ним. В космосе она уже давно, обжилась на ОКСе, дважды работала его ассистенткой в других экспедициях. У нее гибкий ум, редкая способность находить в разрозненных фактах общее начало, открывать неожиданные особенности давно, казалось бы, устоявшихся понятий. Ее знаниям и по ведущей дисциплине — космической геологии, — и по смежным проблемам нередко удивлялся сам Туган. Удивлялся и гордился. Правда, последнее время виделись они довольно редко: подготовка экспедиции съедала все время. Но там, на «Кавказе», они будут вместе.

Он просительно протянул:

— Лайла... Не отказывайся, не время сейчас. Сама знаешь, работы будет невпроворот, без тебя мне не справиться. Только на этот раз!

Она збернулась.

— На этот раз? А потом будет еще и еще «этот раз»? — В ее голосе зазвенели слезы. — Пойми — я устала! Устала от

жизни среди этого металла. — Она махнула рукой в сторону окна. — От озонированного воздуха, от ожидания, когда ты вернешься из очередной экспедиции. Мне хочется на Землю, хочется травы, птичьих голосов, нормальных человеческих разговоров, где не слышишь на каждом шагу про этот проклятый «Кавказ»!

— Ты говоришь как домохозяйка, а не как ученый! — возмущенно прервал он. — Ты прекрасно знаешь, насколько...

— ...Важнее разгадать загадку «Кавказа»? — язвительно подхватила она. — Знаю, как не знать! Только я не собираюсь платить за это ценой, которую ты требуешь, — не хочу распада нашей семьи. Ты хоть когда-нибудь вспоминаешь, что у тебя есть сын? Сын, который годами не видит родителей. — Она упредила его протестующее движение: — Конечно, на Земле, на попечении твоей матери, он ни в чем не нуждается... Но ты хотя бы читал ее последнее письмо?

Он неопределенно пожал плечами:

— Кручуся день-деньской, некогда дух перевести...

— Значит, не читал! А письмо пришло вместе с Мурадом, он здесь вторую неделю. Ну бог с тобой... — Она коротко вздохнула и продолжала: — Твоя мама пишет, что Мурад дерзит учителям, учится неохотно, неровно.

— Я сам такой был... — Туган прошелся по кабинету. — Он ведь не маленький, ему уже... — Он остановился. — Сколько ему теперь?

— «Сколько ему»? Хорош отец, ничего не скажешь! К твоему сведению, Мураду пятнадцать. И, как пишет бабушка, недавно его сняли с рейса к ОКСу-10. А теперь он вознамерился лететь с тобой.

— Чушь какая-то! — развел руками Туган. — Он ко мне не заходил, ни о каком полете речи не было!

— А ты вообще-то когда в последний раз с ним виделся? Не помнишь? И я не помню. Так что, выходит, семьи у нас, по сути, нет... Ты вечно в полетах, я в делах, а сын растет сам по себе, об отце узнает лишь из теленовостей. Как же, знаменитый у него отец!..

Лайла подняла к мужу разгоряченное лицо.

— Пора решать, что тебе дороже: мы с Мурадом или «Кавказ».

— Глупости! — Туган раздраженно рубанул воздух ладонью. — Глупости говоришь! Ты же не наседка, ты научный работник и не можешь не понимать, почему я бьюсь над «Кавказом»! Ты слышала об открытии еще одной планеты — «Кавказ-1»?

Она сухо кивнула.

— Подумать только! Опять неизвестно откуда появляется еще одна планета, а мы ничего не знаем о первой! Так вот, сообщаю: Совет принял решение законсервировать «Кавказ-1» до

тех пор, пока мы не разберемся с «Кавказом». Академия не направит туда ни одного корабля. Высадка на новый «Кавказ» строжайше запрещена. Так теперь наша экспедиция принципиально важна для исследования не одной, но уже двух планет!

Он мерил кабинет быстрыми шагами.

— У меня отбою нет от желающих! Каждый уважающий себя ученый хотел бы оказаться в экспедиции, а ты... Не понимаю я тебя, честное слово!..

— Я и вижу, что не понимаешь!

Лайла с рыданием бросилась к двери. Он успел увидеть ее побелевшее лицо с закусенными губами, кинулся было следом, но она уже выскочила в коридор.

— Поговорили, называется...

Он раздосадованно опустился в кресло. Нет, нехорошо получилось. Совсем нехорошо. И все-таки он прав. Надо бы, конечно, помягче, поделикатней, но и его понять можно: как-нибудь на его плечах судьба целой экспедиции, тут не до нежностей. До отлета меньше недели, каждый час на счету, а начальник экспедиции занят, видите ли, своими семейными делами!

Он поднял голову: сзади в комнату кто-то вошел. Неужели Лайла? Значит, поняла-таки его правоту.

Но это был Мурад. Он небрежной походкой прошелся по кабинету.

— Профессор, ты, говорят, опять на «Кавказ» собрался?

— Угу.

Туган, поджав ноги в слишком широком для него кресле, приглядывался к сыну. Жена права: мальчик здорово вымахал со времени их последней встречи. Пожалуй, теперь он все больше напоминал Тугану Лайлу: тот же овал лица, те же губы. Только вот подбородок его, Тугана: решительный, с волевой ямкой. Из парня со временем выйдет толк. А что одет слишком смело — красные узкие брюки с наклеенными карманами, высокие каблуки, — так это скорее всего их школьная мода. Он и сам мальчишкой норовил одеться позалихватистей...

Скрывая удовлетворение при виде ладной фигуры сына, он осведомился:

— Ты что, нормально разговаривать разучился? Кому-то я, может, и профессор, а тебе как-никак отец.

Мурад лениво обронил:

— Подумаешь, большое дело...

Тугана неприятно задел этот напускной тон небрежной снисходительности, но он вспомнил разговор с женой и сдержался.

— Как у тебя с учебой?

Мурад не ответил.

— Ох и экспедиция у вас наворачивается! — Он остановился перед креслом: — Возьмешь с собой?

От возбуждения у него блестели глаза. Он с напряженным лицом ждал, что скажет отец.

— Об этом не может быть и речи! — отрезал Туган. — В экспедиции каждый человек на счету, все специалисты, а ты небось и посуду мыть не научился. Так ведь? К тому же неизвестно, сколько мы там просидим, а у тебя вот-вот кончатся каникулы.

Мурад понуро направился к двери. На мгновение Тугану показалось, что он хочет еще что-то спросить, но мальчик сдержался и хмуро взялся за ручку.

— Подожди, сынок... У меня для тебя подарок.

Но Мурад вышел, Туган бесцельно покрутил в пальцах подарок: крошечный, с голубиное яйцо, транзистор. Он собирали его долго, пользуясь редкими минутами отдыха, представляя себе радость сына при виде диковинки, которой наверняка не было ни у кого из его сверстников: космические приемники, способные брать любую станцию Земли с расстояния до светового года, были новинкой. И вот подарили...

Он со вздохом сунул приемник в карман. Нет, не до семьи сейчас. Работа и только работа! Времени в обрез, личными делами займемся потом. А сейчас на монтажную площадку.

Он вздрогнул от оглушительного рева ракеты. Почти тотчас же раздался толчок взлета — какой-то корабль покидал станцию.

— Кто разрешил взлет? — взбешенно закричал Туган, включив настенный экран. На нем всплыло растерянное лицо дежурного диспетчера.

— Туган, у нас тут ЧП!..

— У вас вечно ЧП! Ну что молчите?.. — Дежурный хотел было что-то сказать, но он отрезал: — Сейчас буду у вас.

У входа в диспетчерскую он, к своему удивлению, столкнулся с Лайлой. Ее было не узнать: лицо залито слезами, рот некрасиво перекошен. Он с трудом разобрал ее прерывистое бормотание:

— Мой мальчик... мой мальчик!

— Что?! — Он рванул дверь, с порога бросил: — Мурад?

От пульта к нему повернулись встревоженные лица. Дежурный убито доложил:

— Он пробрался в ракету, запросил взлет. Я решил, что механики проверяют системы, открыл шлюз...

Туган прижал к себе обмякшую от рыданий жену.

— Возьми себя в руки!.. — Он повелительно встярхнул ее и медленно, будто глухой, проговорил: — С ним ничего не случится! Запомни: ничего. Его держат локаторы, я нагоню его и состыкуюсь. Сейчас же вылетаю...

Но на подготовку новой ракеты ушло добрых два часа.

После взлета он легко нашел на экране яркую точку «беглого» корабля. Телеглаз совсем близко придинул его корпус.

— Мурад! Немедленно назад! — Туган отметил, что в его голосе звучат слишком жесткие нотки, и спокойнее добавил: — Прошу тебя, дай задание автомату вернуться на ОКС! Мама страшно волнуется! — Он помолчал, потом проговорил: — Обещаю взять тебя на «Кавказ».

Ответа не последовало. Мурад не мог не слышать его по каналу прямой связи, но он упорно не отзывался.

«Вот паршивец! Не запрашивать же перехватчики с контрольных станций. Трезвону будет на все кольцо: начальник экспедиции вызвал флотилию, чтобы ловить в космосе сына! Нет, буду нагонять сам».

Однако нагонять оказалось делом непростым. Туган безнадежно отставал. У него была старая, повидавшая виды ракета, давно переведенная на челночные рейсы между ОКСами. Корабль глубокой разведки, на котором летел Мурад, превосходил ее и по мощности, и по маневренности. Оставалось надеяться на неопытность мальчика.

— А ведь он не иначе как на «Кавказ» нацелился, — сообразил Туган и запросил у системы слежения расчетный курс сына. Автомат подтвердил: мальчик направлялся к «Кавказу».

«Ну погоди, попадешься ты мне! — мысленно пригрозил Туган. — Вот до чего дошло: пятнадцатилетние сопляки гоняют по космосу, будто по футбольному полю! В наше время мы сесть за руль самолета почитали счастьем, а эти...»

На седьмые сутки на экране всплыл «Кавказ». Вскоре Мураду предстояло начать предпосадочный облет планеты. На всякий случай Туган снова запросил информатор о последних коррективах, введенных Мурадом в полет. Он не поверил своим глазам, когда на экране сухо вспыхнула надпись: «Новый курс космического тела исключает высадку на планету. Уточненные данные полета...» Дальше следовала колонка цифр, смысл которых не сразу дошел до него: выходило, что Мурад решил высаживаться не на «Кавказ», а на «Кавказ-1».

— Мурад, приказываю вернуться! — рявкнул он в микрофон. — Полеты к «Кавказу-1» запрещены Космическим Советом! Немедленно поверни к «Кавказу» и начинай спуск! Это приказ!

Инструкция Космического Совета обязывала его принять все меры к тому, чтобы предотвратить нарушение запрета, и он честно выполнял ее, хотя было уже поздно: даже перехватчики с ближайшего патрульного спутника не могли бы ничего сделать.

В холодном бешенстве он подготовил корабль к спуску. Продолжать погоню было бессмысленно — кончалось горючее.

На «Кавказе» дежурила группа наблюдения — пять молодых инженеров, готовивших все необходимое к прибытию основной экспедиции. Появление Тугана было для них полной неожиданностью.

— Что с экспедицией? Почему ты один? Где Лайла?

Отмахиваясь от вопросов, он про себя удовлетворенно отметил: на «Кавказе» о случившемся ничего не знали. Значит, его приказ не разглашать произошедшего по космической связи соблюдался.

— Горючее у вас есть?

Начальник станции сделал знак товарищам: не приставай-те, мол, к шефу, сам все расскажет, потом кивнул в сторону стартовой площадки:

— Завтра утром сядет автозаправщик.

И, не выдержав, добавил:

— Может, объяснишь, в чем дело?

Туган сухо сообщил о цели прилета. Начальник станции удивленно поднял брови:

— Ты что, собираешься высаживаться на «Кавказ-1»? А инструкция?

— Может, я хуже тебя ее знаю? — вспыхнул Туган. — И вообще, хватит разговоров! Как только сядет заправщик, дайте мне знать.

Он тяжело пошел к зданию станции.

«Похоже, и впрямь засиделся я в космосе, нервы сдаются, — думал он, кляня себя за неоправданную вспышку. — Вдруг права Лайла — пора на Землю?»

Ночью он спал плохо, несколько раз просыпался, словно от духоты, хотя температура внутри станции поддерживалась на одном уровне. Наутро он улетел.

К исходу четвертых суток на экране крупно всплыл «Кавказ-1». Планету плотно окутывала красноватая пелена. Индикаторы показывали, что источники свечения, отражаемого атмосферой, неравномерно разбросаны по поверхности планеты.

Компьютер обрабатывал информацию внешних датчиков, определяя место для посадки. Туган всматривался в экран, словно пытаясь разглядеть сквозь непроницаемую толщу атмосферы крошечную точку — корабль сына.

Он понимал, что высадка будет вопиющим нарушением категорического запрета Совета, понимал все последствия этого, но знал, что не отменит ее. Властное, никогда ранее не испытываемое чувство двигало им — чувство страха за судьбу мальчика. Он не знал, от чего нужно его защищать, да и нужно ли вообще, поскольку планета могла оказаться необитаемой. Но запрет Совета для него уже не существовал.

«Вернусь, за все отвечу!» — мельком подумал Туган. Он заставил компьютер еще раз повторить анализ данных жизни, получил подтверждение о пригодности атмосферы и, закончив традиционный третий виток облета, начал спуск.

Тишина, пришедшая на смену грохоту двигателей, на мгновение оглушила его. Несмотря на нетерпение, он заставил себя с прежней методичностью закончить весь цикл посадочных

операций и не открывать иллюминаторов до тех пор, пока не вспыхнул на табло сигнал о завершении посадки. Смотровые шторки разошлись с легким металлическим шорохом.

В первое мгновение ему пришла в голову безумная мысль: корабль каким-то непостижимым образом сбился с курса и сел на Землю.

Снаружи виднелась обычная земная луговина, густо заросшая травой. Неподалеку плотной стеной стоял черный лес. Справа луг пересекала небольшая речка. Он отчетливо видел обрывистые берега с выходами глины, островки камышовых зарослей, разбросанные по пойме, — заурядный пейзаж средней полосы где-нибудь под Коломной. И только красноватый от свет, особенно густо подсвечивавший низко нависшие облака над лесом, напоминал о том, что это чужой и, очевидно, враждебный мир.

Он спрыгнул на упругую почву и настороженно огляделся. Тишина и безмятежность. Полное безветрие. Странная неподвижность травы. Спокойствие.

Оно было слишком полным, чтобы он мог доверять ему. По опыту он знал обманчивость такой усыпляющей тишины, знал, что она в любой момент может взорваться криком, ревом, гулом рушащейся почвы.

Он уже решил, что идти надо в сторону леса, откуда исходило интригующее свечение, но спохватился, что забыл лучевой пистолет, и торопливо вернулся на корабль.

В кабине он наткнулся взглядом на небольшой предмет в самом углу панели и с горькой усмешкой вспомнил: да ведь это подарок сыну — приемник-игрушка! Он рассеянно сунул его в карман, оглядел помещение, пытаясь сообразить, зачем вернулся, но так и не вспомнил. Еще раз проверил, включена ли система экранной защиты, и пошел обратно.

Шагать по луговине было легко. Под ногами мягко пружнила трава. С сочным хрустом ломались стебли. От воздуха слегка покалывало в горле, он отдавал чуть уловимым апельсиновым запахом, который был даже приятен. Вскоре Туган вовсе перестал его замечать, стало не до этого: за ним наблюдали.

Он сам затруднился бы сказать, откуда у него появилась уверенность в этом. Он просто знал и почти физически ощущал на себе чей-то упорный взгляд. И он шел, стараясь выглядеть как можно беззаботней, разглядывал широкое пространство луга, отливающее красноватым, густо-багровую воду речушки, а спиной чувствовал прежний неотступный взгляд и лихорадочно пытался сообразить, с какой стороны он исходит.

Но вот, не выдержав, он резко обернулся, стараясь застать глядящего врасплох. Никого.

Он пошел медленнее. «Вот тебе и необитаемая планета! Приготовимся на всякий случай...»

К его удивлению, пистолета на месте не оказалось. Он мгновенно вспомнил: вот зачем поднимался на корабль! — и поспешно повернулся обратно.

Он сделал лишь несколько шагов. Рядом в траве тускло блеснуло что-то стремительное, с тугой силой пронесшееся мимо, и он с криком отпрянул: змея!

Страх перед змеями жил в нем с детства. Бессмысленный, слепой, нелепый в таком неустранимом человеке, каким Туган слыл среди товарищей по экспедиции. Но он был, и все тут. Против этого страха не помогали ни мужество, ни доводы рассудка.

Он принял осторожно обходить место, где заметил змею. Но в следующее мгновение над травой гибко расправилось ослепительно белое, с матовым отсветом тело, и он совсем отчетливо увидел небольшую голову, завершавшуюся длинным крючковатым клювом горячего кровавого цвета, единственный круглый глаз над ним. Змея стояла совершенно неподвижно. Казалось, она окаменела. Только глаз с холодной пристальностью изучал его. В этом взгляде не было ни угрозы, ни любопытства, только сосредоточенное внимание.

«А может, никакая это не змея? Вдруг это разумное существо?» — мелькнула мысль.

Но, подчиняясь инстинкту, он судорожно швырнулся в нее какой-то подвернувшейся под руку палкой.

Змея не кинулась в траву, как сделали бы земные змеи. Она легким, безошибочным движением отклонилась от пролетавшей палки и приняла прежнее положение.

— Эй, ты кто? — с колебанием в голосе окликнул Туган.

Он не ожидал ответа, поэтому был ошеломлен тем, что последовало: змея отвечала!

Тонкий, мелодичный свист полился из ее полураскрывшегося клюва. Он то ослабевал, то нарастал до режущей уши пронзительности, потом опять спадал... Так продолжалось минут пять.

«Значит, контакт установлен!» — с облегчением выдохнул Туган.

Он без прежней опаски вглядывался в странное существо. Оно явно было разумным, а разум, какие бы формы он ни принимал, универсален. Эта мысль успокаивала. Однако из осторожности он по-прежнему держался в отдалении.

«Разум, он тоже разный бывает! — предостерег он самого себя. — Вот доберусь до пистолета, тогда и поговорим на равных».

Он направился к ракете, обходя змею слева. Та отрывисто свистнула, нырнула в траву, но почти сразу же появилась впереди, явно загораживая ему дорогу.

— Ах, вот ты как?!

Зажмурившись от отвращения и страха, он бросился прямо

на змею, будто норовя ухватить ее за шею, но больше затем, чтобы напугать, заставить ее уйти с дороги.

Все произошло не так, как он рассчитывал. Вместо того чтобы юркнуть в кусты, змея мгновенно сжалась, затем молниеносно распрымилась, и он с воплем отскочил, танцуя на одной ноге: змея пребольно клюнула его в лодыжку.

Не успел он прийти в себя от боли, как последовал столь же стремительный удар в плечо, в спину... Удары сыпались градом, он никак не мог сообразить, с какой стороны защищаться. Наконец он не выдержал и, размахивая руками, точно отбиваясь от роя пчел, бросился прочь от ракеты, еще минуту назад такой близкой и досягаемой.

Впрочем, он еще раз попытался пробраться к ней: несмотря на жалящие удары змеи, стал забирать вбок, чтобы полукругом через кусты выйти на корабль. Но сила ударов сразу же возросла, от них тупо одеревенели спина, руки.

Туган понял предупреждение и решил подчиниться.

Так, под конвоем, он спустился к реке. Змея тотчас же скользнула к воде.

Пила она по-птичий, после каждого глотка задирая клюв кверху. Он решил было воспользоваться остановкой, чтобы сбежать, но сразу же сообразил, что шансов на успех никаких: берег в этом месте был слишком обрывист. Тогда он ополоснул лицо, осторожно сделал несколько глотков. Вода была чистая — почти до середины реки просвечивало дно — с тем же апельсиновым привкусом, который чувствовался в воздухе.

От реки они повернули к лесу. Скользя рядом, змея несильными ударами давали ему понять, в какую сторону двигаться. Стоило ему отклониться от выбранного ею направления, как удары становились ощутимей.

Лес поразил его своей мрачностью. Приземистые мощные стволы с угольно-черной корой, отдаленно напоминающие баобабы, стояли плотной стеной. Но как угнетающе ни действовал на него вид черной массы деревьев, особенно пугала тишина; в полном безветрии не дрожал ни один лист, не шевелилась трава.

Туган устал. Пот заливал ему глаза, ноги стали ватными. Он был в пути уже давно, но по-прежнему не имел никакого представления о том, куда они направляются. Стоило ему остановиться, как раздавался повелительный свист проклятой змеи, а вслед за ним новый удар клюва.

Неожиданно они вышли на обширную поляну, и Туган вскрикнул от радости: прямо перед ним в каких-нибудь трехстах метрах возвышалась ракета Мурада.

На такую удачу он не рассчитывал. Не размыслия, он со всех ног бросился к ракете, вопя: «Мурад! Мурад!» Змея тотчас выскочила вперед, стремясь загородить ему дорогу, но он ожидал этого и, рывком обогнув ее, припустил со всем провор-

ством, на какое был способен. Обожженный торможением корпус корабля был совсем близко. Но тут опять зашевелилась трава, и впереди вынырнула белая голова. Змея предостерегающе раскрыла клюв. Тяжело дыша, Туган остановился и в бешенстве закричал:

— Да пойми ты, безмозглая тварь, там мой сын! Сын, понимаешь!

Но «безмозглая тварь» явно не понимала. Стоило ему сделать шаг вперед, как она с торопливым свистом неуловимо перемещалась и неизменно оказывалась на его пути. У него не осталось никаких сомнений: она не подпускала его к ракете.

— Мурад! Мурад! — продолжал взывать он. Только теперь он заметил, что люк ракеты распахнут, входной трап спущен.

«Неужели с мальчиком что-то случилось? Вдруг он ранен и просто не может отозваться?»

Он опять бросился вперед. В то же мгновение что-то плотное, влажно-тугое, в чем таилась громадная мощь, подняло его над землей и с силой распрямившейся пружины отшвырнуло в сторону.

Он со стоном ударился о ствол дерева и на мгновение потерял сознание. Придя в себя и еще не понимая, что произошло, он разъяренно вскочил, но тут же вскрикнул от тупого удара в спину: змея была рядом и угрожающе шипела...

— Будь ты проклята, гадина!

Он уже понял, что до ракеты ему не добраться. В последний раз оглянувшись на ее серебристый конус, он зашагал в сторону кустов.

Они шли, и лесу не было конца. Теперь Туган видел, что он не так безжизнен, как ему показалось вначале. В зарослях шла своя невидимая торопливая жизнь. То здесь, то там раздавались осторожные шорохи, хрусты, в кустах проскаакивали мелкие юркие существа. Иногда совсем близко раздавалось тяжелое дыхание и топот каких-то крупных животных.

«Хоть бы раздавил кто-нибудь эту гадюку!» — с надеждой думал Туган, слыша приближение грозного топота. Он даже забывал о той опасности, которая таилась для него в этом соседстве неведомых тварей.

Но странное дело: стоило «гадюке» предостерегающе засвистеть, как топот уходил в сторону, стихал.

— Боятся они ее, что ли?

Однажды его пожелания чуть не сбылись. Они уже миновали небольшую опушку, когда из темной гущи деревьев на них с ревом вылетело что-то черное, поросшее косматой шерстью, то ли бык, то ли громадных размеров кабан. Туган инстинктивно юркнул за ближний ствол, подставляя под удар змею. «Теперь-то ты, голубушка, не убежишь!» — злорадно подумал он.

Но змея и не думала убегать. Она мгновенно выпрямилась

над травой, отчего стала похожа на длинную белую палку. От ее пронзительного, все заполняющего собой свиста Туган схватился за уши.

Остальное он видел как в дурном сне.

Зверь величиной с крупного буйвола с ревом пронесся мимо, обдав его горячим дыханием и тлетворным запахом. Змея неподвижно ждала. Еще мгновение, и она будет смята, растоптана этим сгустком силы и слепой ярости!

Но именно в это мгновение, отделявшее ее от неминуемой гибели, она мягко скользнула навстречу противнику. Туган не заметил, как это произошло: что-то сверкнуло — и змея тут же перехлестнула хребет животного. Тело ее дрогнуло, а зверь с ревом боли и ярости рухнул на колени. Он тут же поднялся снова, ринулся вперед: громадная пасть распахнута, крохотные глазки, налитые кровью, устремлены на врага.

Змея и на этот раз не изменила своей тактики. В каменной неподвижности она ждала приближения противника. Тембр ее свиста изменился, хотя Туган не мог понять, что это означало. Очевидно, «буйвол» уловил эту перемену, потому что неожиданно стал замедлять бег, забирать в сторону от того места, где стояла змея. Но было уже поздно: сила инерции несла его вперед.

Молниеносным броском змея рванулась прямо в раскрытый зев животного, вонзилась в живую плоть...

То, что произошло потом, Туган долго вспоминал с содроганием. Круша все, что попадалось на пути, в щепу разнося деревья, по просторной поляне в клубах пыли металось обезумевшее от боли чудовище... От его рева, казалось, на куски разлетался воздух. Клочья травы, кровавая слюна, с корнем вывороченные кусты... Зверь падал и снова поднимался, с разгону налетал на стволы, яростно ударял по ним окровавленной мордой. А на боку у него взбухала, неправдоподобно увеличивалась в размерах громадная шишка. Туган увидел, как из косматой шерсти вырвалось и скользнуло в траву стальное матово-блестящее тело...

Когда он пришел в себя, все было кончено. Змея с негромким посвистыванием отползала от затаившегося противника. Если бы не уродливая, слишком большая для туловища голова с клыками, на добрый палец выдававшимися наружу, его впрямь можно было бы принять за буйвола, поросшего густой шерстью.

Ножом, с которым он никогда не расставался в экспедициях, Туган, стараясь пересилить отвращение, вырезал кусок ляжки животного. Не обращая внимания на нетерпеливое посвистывание змеи, которая, однако, не подгоняла его, он принялся разводить костер.

В поисках валежника он отходил в сторону, забирался в кусты. Но о бегстве уже не помышлял: он понимал, что в оди-

ночку в лесу ему не выжить. Что бы ни ждало впереди, сейчас, под охраной змеи, он был в относительной безопасности.

Мясо оказалось вполне съедобным. Вкусом оно несколько смахивало на тыкву, но Тугану было не до гастрономических тонкостей. Он торопливо рвал его зубами, протянул было кусок змее, но та поспешно отпрянула.

— Брезгуешь, — усмехнулся он. — Поголодала бы с мое...

Поев, он удовлетворенно растянулся на траве. Вместе с сытостью пришла сонливость. Глаза слипались. Не таким пугающим казался лес, не страшило соседство змей. Поспать бы сейчас!..

Знакомое шипение вырвало его из забытья. Он оглянулся. Змея повелительно вперилась в него круглым глазом, и он с невольным стоном поднялся с травяного ложа: опять в дорогу!

Светило снижалось. Небо над лесом еще не утратило своей голубизны и насыщенности. Но в чаще уже начинало смеркаться. Темнота была особая, еще более усугублявшаяся чернотой тесно стоявших стволов. Туган невольно стал держаться ближе к змее. Она скользила теперь впереди, изредка оглядываясь и торопя его свистом.

Слишком короткий отдых не принес облегчения. Тело ломило, налитые свинцом ноги отказывались повиноваться. Он двигался как автомат, уже не пытаясь угадать, когда завершится их бесконечный путь. Из кустов высекали какие-то звери, но в отупении усталости он не обращал на них внимания, зная, что присутствия змеи достаточно, чтобы обратить их в бегство.

Однако, несмотря на усталость, он не мог не заметить, что сквозь черные кусты впереди все явственней проступает мощный, совсем недалекий свет — будто где-то рядом неслышно бушевал гигантский лесной пожар, и от этого на всем вокруг лежал нереальный кровавый от света.

Его внимание привлекло странное колебание воздуха. Ветер? Нет, трава и листья были недвижны.

Но уже в следующее мгновение он понял свою ошибку. Конечно, как он сразу не догадался?! Из-за деревьев наростал, становился все отчетливей тонкий многоголосый свист.

Лес кончился как-то сразу. Впереди лежало широкое пространство, которое Туган тут же мысленно окрестил «площадью». Оно занимало обширный прямоугольник. Почва, лишенная травяного покрова, была утрамбована здесь почти до плотности асфальта.

И на всей протяженности площади виднелись змеи. Их были тысячи и тысячи. Они то собирались плотными стаями, которые тут же распадались, то, пересвистываясь, упругими прыжками взмывали в воздух и мягко, не задев никого из собратьев, опускались на землю. Больше всего их было вблизи приземистого холма, что, подобно громадному раскаленному углю, го-

рел ровным красным светом. Небо над ними пылало густым заревом. Это и был источник таинственного свечения, так занимавший Тугана.

Холм не излучал тепла. Он понял, что змей притягивает к себе именно свет. Ровный, неослабный свет заливал все. Лоснящиеся тела змей, казалось, впитывали его, нежились в его холодном сиянии.

Когда глаза немного привыкли к необычному освещению, Туган вскрикнул от радости: у подножия холма, там, где почва была еще черна и подъем только начинался, он увидел сына!

— Мурад, сынок! Я здесь!

Одновременным движением, от которого всколыхнулось все пространство площади, головы змей повернулись в его сторону. Свист мгновенно затих. Установилась мертвая тишина. Неподвижно стояли белые тела, беззвучно отсвечивало на них холодное пламя таинственного холма. Казалось, на площади были не живые существа, а просто белый частокол, глядевший на Тугана множеством пристальных глаз.

Но ему было уже все равно. Он бежал к сыну, бежал исполненный решимости, если потребуется, силой проложить дорогу. Он помнил об участии «буйвола», понимал бессмысленность сопротивления, но знал, что не отступит, ибо не за себя, не за свою жизнь боролся он теперь — за жизнь сына...

Однако ничего не произошло. Змеи с шипением, в котором не было ничего угрожающего, расступались перед ним, очищали дорогу. Он беспрепятственно добрался до подножия холма. Мурад с рыданием бросился ему на грудь.

— Хотят убить... заклевали... есть не дают... — бессвязно бормотал он.

— Ну плакать-то совсем негоже! — Туган неумело погладил мальчика по голове. — Что-нибудь придумаем. Как-никак нас теперь двое.

Мурад поспешил вытер щеки, поднял на отца повеселевшие глаза:

— Двое мужчин?

— Вот именно, двое мужчин.

Сын благодарно улыбнулся. Туган обнял мальчика за плечи. Тот порывисто прижался к нему.

«Сын... Подумать только, какое радостное слово! А я так бездумно произносил его! Да и часто ли? — думал Туган. — Вечно работа, работа! Конечно, она дает чувство удовлетворения, нужности людям... и отбирает какую-то частицу души».

С ожесточением к самому себе он вспомнил, как во имя все той же работы судил о людях лишь по тому, насколько они нужны ему, нужны работе, и забывал о них, когда нужда отпадала. Он был беспощаден в требовательности к себе и с этой своей меркой подходил к остальным, не желая слушать ничего, что выходило за пределы работы, не служило ей и только ей.

А столкновение с Лайлой? Теперь он знал, что она права: нельзя платить за успех иссушением души. Что из того, если раздвинутся границы космоса, а тысячи, миллионы таких, как он, разгадают загадки бесчисленных «Кавказов», и умные «машинны памяти» пополнят свои ячейки новыми фактами открытий и прозрений? Грош цена всему этому, если за богатство интеллекта надо платить оскудением самого неоценимого в человеке — его человечности...

От этих мыслей Туган отвлек голос сына.

— Есть хочется... — Мурад проглотил слону.

— Так в чем же дело? Раз хочется, надо перекусить. — Туган с деланной небрежностью, немного рисуясь перед сыном, вынул из кармана завернутый в платок кусок жареного мяса.

— Держи, Робинзон.

Мурад набросился на еду с такой жадностью, что у Тугана дрогнуло сердце. Он снова ободряюще провел ладонью по волосам сына и тотчас отдернул руку: змеи пристально следили за его движениями.

Между тем свет, исходивший от холма, начал заметно ослабевать. Одна из змей издала беспокойный свист, подхваченный другими, и сразу же на всей площади началось какое-то торопливое перемещение. Вся масса змей, сколько их ни было, двинулась в сторону леса. Они обгоняли друг друга, перекатывались через головы, торопясь поскорее добраться до черной стены деревьев.

Просторная площадь опустела в несколько минут.

Туган огляделся. Красный свет померк. Холм казался теперь обычной пологой возвышенностью. Из-за него медленно всплывало молочно-белое светило.

— Видишь, убежали... А что с нами будет? Давай тоже убежим? — Мурад кивнул в сторону леса.

Отец задумчиво покачал головой.

— Убежать, конечно, не хитро, но куда? Через лес нам в одиночку не пройти, это уж точно. Ты не унывай, что-нибудь придумаем. Пойдем-ка поглядим, куда это они заторопились.

Они двинулись к лесу. И едва миновали неширокую полосу кустарника, как остановились от неправдоподобного зрелища.

Деревья были усеяны змеями. Куда ни погляди — на ветках, на крупных сучьях, между стволами — повсюду виднелось бесчисленное множество белых тел, безвольно висевших вниз головами, которые почти доставали до земли.

Туган, пораженный, присвистнул и с опаской толкнул одну из змей палкой. Тело тяжело качнулось, но змея не подала признаков жизни. Осмелев, он обеими руками ухватил гладкую кожу, дернул вниз. Однако змею оторвать он не смог, она по-прежнему слабо раскачивалась.

— Все ясно. — Туган обернулся к сыну. — Спят, все до единой спят!..

Он сделал несколько шагов в глубь леса, но там что-то глох зашуршало, и он торопливо отступил к редким кустарникам.

— Тогда, сынок, и нам не грех отдохнуть. Я, признаюсь, с ног валюсь, да и тебе поспать не мешает.

Они выбрали сухую ложбинку, поросшую густой травой. Туган расстелил комбинезон, накрыл полой Мурада.

Мальчик уснул сразу же, едва коснулся головой земли. Туган лежал рядом, слушал его мерное дыхание и с нежностью всматривался в тонкие, почти девичьи черты.

«Вот куда забросила нас судьба, чтобы мы обрели друг друга...»

Он не заметил, как заснул.

Проснулся сразу же, как от толчка, без всякого перехода от сна к действительности.

Короткий день планеты подходил к концу. Светило почти закатилось. Бугор снова начинал багроветь. Змеи с легким шипением соскальзывали с веток, со всех сторон возвращались на площадь. На них никто не обращал внимания, но Туган понимал, что о бегстве нечего и думать. Он осторожно разбудил сына.

Что-то давно мешало ему сидеть, и он, морщась от неудобства, нащупал в заднем кармане гладкий овальный предмет.

Приемник!

Туган с горькой усмешкой протянул его сыну.

— Добрался-таки до тебя подарок.

Мурад принялся крутить ручку настройки. Голос далекого диктора вырвался из крошечного динамика как привет далекой Земли, он приближал ее и в то же время напоминал о всей нелепости и трагизме их положения.

— Найди лучше какую-нибудь музыку, сынок.

Мальчик понимающе кивнул.

Только теперь Туган обратил внимание на то, что перекличка змей прекратилась. Они настороженно слушали незнакомые звуки. Судя по всему, слух у них был отличный: прекратили движение даже задние ряды, которые находились сравнительно далеко.

Мурад нашел станцию, транслировавшую музыку. Мелодия полилась широко, торжествующе.

И тотчас, будто они только этого и ждали, змеи принялись медленно раскачиваться в такт музыке!

— Смотри! — возбужденно закричал Мурад. — Они танцуют!

Туган и сам удивленно смотрел на это одновременное, словно отрепетированное движение: будто раскачивались на ветру странные белесые растения.

Мурад еще усилил звук. Сомнений быть не могло: змеи действительно танцевали, с поразительной синхронностью следуя

темпу мелодии. Они сжимались, подпрыгивали, крутились на месте, обвивались вокруг друг друга, все теснее скучиваясь возле того места, откуда лилась музыка.

Туган медленно поднялся и взял у сына приемник.

— Пришла мне тут в голову одна мысль... Давай-ка проверим.

Он велел сыну идти вперед и зашагал следом, вытянув приемник в сторону змей, чтобы тем лучше было слышать музыку.

Его расчет оказался верным: вся плотная толпа диковинных танцоров как завороженная двинулась за ними.

Отец с сыном ускорили шаги, потом перешли на бег. Змеи не отставали, но и не перегоняли. Они по-прежнему раскачивались на ходу, свивались в кольца, с коротким присвистыванием перепрыгивали одна через другую. По сторонам торопливо хрустели кусты: там, засыпав приближение «хозяев планеты», как окрестил их Туган, разбегалось лесное зверье.

Транзистор не умолкал ни на минуту. За плясовыми мелодиями следовало танго, его сменяла барабанная дробь каких-то восточных танцев, потом камаринская, лезгинка, вальс... Когда кончалась мелодия и начиналась речь диктора, Туган, не давая змейм опомниться, переключался на новую станцию. И музыка гремела — невероятная, нереальная среди этого черного леса, в миллионах километров от Земли, где кто-то беззаботно и бездумно танцевал под нее...

Оказалось, что Туган все-таки неплохо запомнил дорогу: вскоре показалась поляна, на которой замаячил силуэт ракеты Мурада. Туган кивнул сыну:

— Бегом на корабль! И готовь автоматы к взлету!

— А ты?

— Я буду следом. Ну скорее!

Он убедился, что мальчик беспрепятственно забрался в люк, зажег взлетные огни, и только после этого, широко размахнувшись, швырнулся приемник в темную гущу леса. При падении тот не разобьется, а батарей должно было хватить надолго...

Они взлетели на максимальной тяге. Зеленая планета стремительно уменьшалась в иллюминаторе. Туган смотрел, как расплываются за розовыми облаками очертания странного мира. Он знал, что вернется, но вернется иным — более терпимым и добрым, без страха и предубежденности. Он понимал, что научился здесь чему-то важному, и, сам того не сознавая, открыл в себе какие-то новые качества.

«Да не затем ли мы и уходим так далеко от Земли, чтобы обрести себя? — думал он, глядя на прильнувшего к иллюминатору сына. — Чтоб стать богаче душой, донести это богатство до братьев по разуму? Донесем, обязательно донесем!»

Перевод с ингушского Геннадия Русакова

В тот необычный день...

В тридцатых годах XXI века в ряде хирургических клиник мира в силу чрезвычайного стечения обстоятельств прошли операции по временной пересадке мыслящего мозга в организм животного (чаще всего человекообразной обезьяны или собаки). Все эти операции, равно как и причины, побудившие к ним, подробно описаны в «Медицинском вестнике» Всемирной Академии наук, в книге известного популяризатора науки профессора Горобца «От Эскулапа до наших дней», а также в тех выпусках медицинской энциклопедии, которые вышли после 2039 года.

Особое место авторы единодушно отводят происшествию с Шухратом Салимовым. И неудивительно. Ведь это единственный на Земле человек, который совершил гражданский подвиг в тот момент, когда его мозг находился не в собственном теле.

В общих чертах вы, разумеется, слышали об этой истории. Но сейчас появилась возможность сообщить подробности.

Шухрат Салимов, инженер-строитель по профессии, недавно записал все пережитое им в тот необычный день. С его разрешения мы публикуем эти записи.

* * *

Помните, сколько шуму наделало открытие пещеры на Памире? К ней съехались археологи всего мира. Поговаривали, что обнаруженные здесь глиняные таблички с надписями заставят по-новому взглянуть на историю древних времен региона.

Я приехал на Памир одним из первых, хотя имею об археологии весьма смутное представление. Я инженер-строитель.

Дело в том, что вход в пещеру находился в верхней части почти отвесной скалы. Археологам нужно было как-то подниматься к пещере, доставлять туда оборудование, приборы, инструменты, а также переправлять вниз некоторые находки.

Вот почему было решено построить к пещере канатную дорогу. Взрывники приготовили чуть ниже входа небольшую площадку, где должна была подняться одна из опор дороги, вторую предстояло установить на гребне горного отрога, а третью — в излучине горной речушки, откуда сравнительно просто можно было добраться до шоссе.

Едва я приехал в лагерь археологов, как ко мне буквально подлетел сухонький, необыкновенно энергичный старичок

Впоследствии я узнал, что это знаменитый археолог, академик Иумин Вахабович Пулатов. Тогда же он моментально забросал меня вопросами:

— Когда же наконец вы построите канатную дорогу? Ну? Сколько нам придется ждать? Год? Два? Десять?

Ошеломленный такой стремительной атакой, я поначалу расерялся, но вскоре взял себя в руки и спокойно разъяснил, что приняты все меры для ускорения строительства. Проект уже составлен. Сейчас он лежит в моей папке. С минуты на минуту должны привезти технику и материалы, а все строительство займет не больше 10—15 дней.

Глаза академика гневно сверкнули:

— Пятнадцать дней! Да за это время горы можно свернуть! Вы что, и в самом деле собираетесь полмесяца возиться как-то ерундой?! — Он продолжал наступать на меня и спокоился только тогда, когда я заверил, что будет сделано все необходимое, чтобы сократить эти и без того сжатые сроки.

Нетерпение археологов я мог понять. Вход в пещеру был огружен, пожалуй, лишь опытным альпинистам. Из-за нависающего горного кряжа к нему нельзя было приблизиться даже вертолетом. Вот почему широкие исследовательские работы не могли начаться раньше пуска канатной дороги.

Через три часа после моего приезда в лагерь прибыл целый караван тяжелых вездеходов. Привезли все необходимое для начала работ.

Опору внизу мы собрали и установили практически в тот же день. Следующие три дня затратили на верхнюю опору — ее высшая точка находилась на одном уровне со входом в пещеру. Оставалось установить промежуточную — самую тяжелую и высокую опору. Когда ее сборка подходила к концу, я вызвал с базы по радио мощный горный трактор, с помощью которого предусматривалось поднять металлический великан методом падающей стрелы.

Трактор должны были привезти на следующее утро. А к вечеру небо начало хмуриться. Горы словно растворились на его черно-фиолетовом фоне, и только снежные вершины белели кое-где, как облачка. Вскоре хлынул ливень, один из тех гроздных ливней, от которых полнеют узенькие горные ручейки и, превращаясь в бурные потоки, сметают все на своем пути. Еще немного, и по расщелине чуть ниже нашего лагеря уже стремительно неслись желтые смешанные с глиной потоки.

Назавтра погода прояснилась. Солнце ласково смотрело с высоты, ручеек выглядел таким же безобидным, как и перед ливнем, земля быстро высыхала.

Я вновь связался с базой, и мне сообщили, что в долине следствия ливня более серьезны. Горная дорога местами размыта, кое-где произошли обвалы. Дополнительную технику я могу получить не раньше, чем через два дня.

Не успел я выключить радио, как в домик вбежал академик. Он нетерпеливо потирал руки:

— Ну вот, уже просохло окончательно. Почему никто не работает?

Я объяснил, что промежуточная опора более тяжелая и для ее подъема необходима техника помощнее. Через два дня...

Академик не дал мне договорить.

— Два дня! — воскликнул он. — Вы смеетесь! Два дня! — И он забегал по узкому помещению радиорубки, горячо упрекая меня в недальновидности и неумении организовать ритмичную работу.

Наконец он остановился напротив меня и заговорил спокойнее:

— Послушайте, вы говорите, что у вас маломощные тракторы... Но ведь и у нас есть один горный трактор. Почему бы вам не сцепить их? Тогда наверняка хватит мощности. И ждать не придется.

В том, что он говорил, был резон. Я тут же прикинул на портативной ЭВМ — мощность трех сцепленных друг с другом тракторов позволяла установить опору. Честно говоря, мне и самому не хотелось сидеть без дела.

Объяснив механику нового трактора его задачу и поставив этот агрегат в середину сцепки, я поднялся на огромный валун, на котором меня отлично видели все, кто участвовал в установке опоры.

Повинуясь моим сигналам, тракторы медленно двинулись вперед. Начала подниматься падающая стрела и, в свою очередь, потянула за собой опору. Та дрогнула, оторвалась от грунта. Ее верхушка медленно устремилась к зениту. Тяговые машины работали легко, без натуги. Я уже считал дело сделанным. И вдруг что-то произошло. Я увидел, как опора сначала остановилась, затем пошла назад. Ничего не понимая, я повернулся к тракторам, и в этот момент рядом раздался оглушительный свист. Мощный удар в грудь смел меня с валуна и швырнул на острые камни. От боли я потерял сознание.

Пробудился я в полной темноте. Шею слегка покалывало. Пошевелил руками, ногами — вроде бы все в порядке. И все-таки была какая-то странность в том, как повиновались мне конечности.

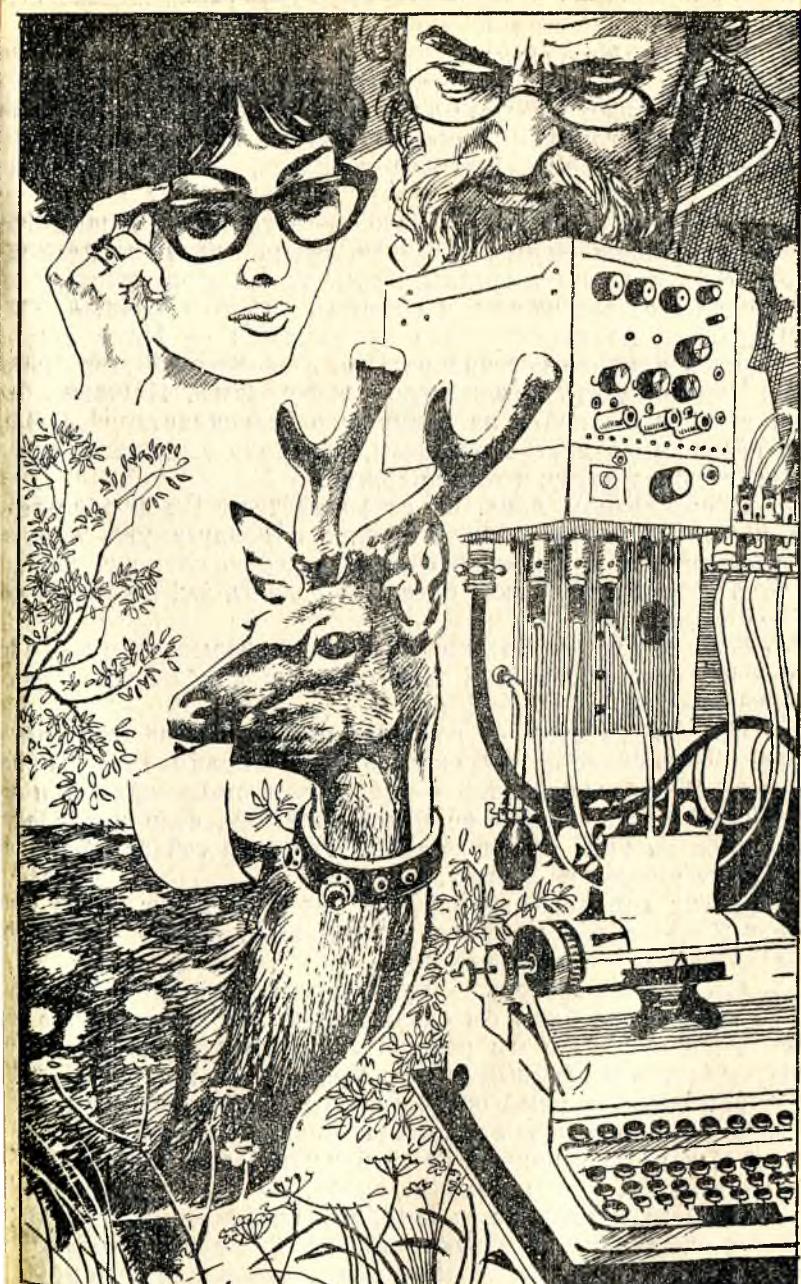
— Шухрат, — донесся до меня приятный женский голос, — вы меня слышите?

— Слышу, — ответил я. — Что с моими глазами?

— Не волнуйтесь, все будет хорошо, — успокоил тот же голос.

— Кто вы? Это лагерь археологов? Где я?

— Нет, это не лагерь. Это бустонская хирургическая клиника.

ника. А меня зовут Светлана Назаровна. Я главный врач клиники.

— Светлана Назаровна...

Я дважды бывал в Бустоне, красивом современном городке в горах, возникшем на месте древнего поселка. Но как я попал сюда? Ведь до городка от нашего лагеря не меньше трехсот километров. А прошло, как мне казалось, всего несколько минут.

— Сейчас вам все станет ясно, — в голосе Светланы Назаровны я уловил смущение. — Во время аварии пострадали легкие, сердце и другие органы. Кроме того, вы разбились, упав с высоты на острые камни, и потеряли много крови. — Она заколебалась, но затем твердо продолжала: — Ни в лагере, ни в нашей клинике нет аппаратуры, позволяющей длительное время поддерживать автономную работу мозга. Поэтому мы были вынуждены пойти на временную трансплантацию... Ваш мозг перенесен в другой организм, временно соединен с ним...

Она сделала паузу, я весь напрягся.

— С организмом лани. О, не волнуйтесь. Вы пробудете в нем всего несколько часов. Вертолет с Юлдуза уже в пути. Он доставит вас в тамошнюю первоклассную клинику, где ваше тело восстановят. Такие операции делают, вы, вероятно, читали об этом?

— Очень мало. — Вот все, что мог пробормотать я. — Постойте, но если я сейчас в теле лани, то как же мы с вами разговариваем?!

— Через индикатор, — пояснила она. — Вы не говорите, а думаете, индикатор же «переводит» ваши мысли в звуковые колебания. Однако индикатор — установка стационарная, и во время полета его с вами не будет. Поэтому, если у вас есть какие-либо жалобы или пожелания, говорите сейчас. Вертолет прибудет с минуты на минуту.

Я до сих пор даже гриппом не болел. И вдруг такая операция! Конечно же, желание у меня было одно — поскорее принять свой естественный облик.

— Собственно говоря, — продолжала Светлана Назаровна, — вам можно было бы сделать укол и в спящем виде доставить в Юлдуз. Но мы решили не рисковать, полагаясь на ваше мужество и здравый смысл. Кроме того, все эти события будут при окончательной операции стерты в вашей памяти.

И вот тут-то я начал вспоминать подъем опоры. Ну конечно же! И как это я раньше не сообразил! Мощности тракторов вполне хватало, чтобы поднять опору, но ведь прочность захватывающего механизма, к которому крепится тяговый трос, не была рассчитана на такую нагрузку. Вот почему кронштейн не выдержал, оборвался, и механизм под действием сил натяжения в тросе, будто пущечный снаряд, был отброшен в сторону. Меня задело...

Тем временем с моих глаз сняли повязку. Я увидел светлую комнату, миловидную, средних лет женщину, нескольких ассистентов. Что-то темное, продолговатое находилось все время перед моими глазами. Я с ужасом понял, что это нос лани — мой нос. Одновременно я ощутил сотни разнообразных запахов — большинство из них впервые в жизни.

Люди смотрели на меня с состраданием. Я опустил голову.

— К сожалению, — как бы извиняясь, произнесла Светлана Назаровна, — у нас не хватило времени, чтобы отсечь ваше сознание от восприятия ощущений. Но ваше приключение застывает. Если у вас по-прежнему нет никаких пожеланий, мы отключаем индикатор. Вертолет прибыл.

Пожеланий у меня не было.

Юлдуз был новым космодромом, способным принимать корабли всех классов. Человек уже вышел за пределы солнечной системы, хотя до ближайших звезд было по-прежнему далеко. Но уже появились первые автоматические звездолеты, системы которых отрабатывались и испытывались в межзвездном пространстве. Шли эксперименты с новым типом двигателя. Обычно эти корабли стартовали с Марса или с одного из крупных астероидов, но все данные обрабатывались на Земле. Обычно так же на Земле исследовались образцы пород и минералов, доставленных с других планет и астероидов.

Юлдуз и был крупным научным центром, в котором располагалось несколько научно-исследовательских институтов, а также многочисленные центры по ремонту и диагностике кораблей.

Итак, наш вертолет держал путь к Юлдузу. В салоне, кроме меня, находился дежурный врач базы. Он то и дело успокаивающе гладил меня по шее и обнадеживающе кивал головой.

Летели мы около часа.

Вскоре на горизонте появилась другая горная система. У ее подножия примостились белые корпуса городка космологов, обруженные густой зеленью. Блеснуло широкое озеро — зона отдыха. Сам космодром был гораздо выше — за горным хребтом, где в недрах скал были пробурены глубокие шахты. Каждый вел несколько горизонтальных тоннелей на разных уровнях.

Клиника располагалась в стороне от городка, в гуще соснового леса. Эти сосны были несколько десятилетий назад специально выведены для южных широт. К клинике вело тихое сосновое.

Мы приземлились прямо на площадке перед клиникой. Рабочий автомат сгрузил контейнер. Вертолет тут же улетел. В клинике к нам уже бежал крупный широколицый человек в белом халате. Выглядел он взволнованным.

В тот же миг меня охватило странное беспокойство, никак

не связанное с человеческой психикой. Его причиной был необычайный запах, уловленный звериными органами обоняния. То существо, в теле которого я оказался волей случая, напоминало о себе.

Мне и прежде приходилось читать и слышать о том, что многие животные ощущают инстинктивный страх перед надвигающимся стихийным бедствием или неведомой опасностью. За несколько секунд до землетрясения или наводнения, когда человек спокойно спит, собака, например, начинает метаться, лаять, рваться на улицу. Механизм этого явления не объяснен до сих пор.

Сейчас ученые научились предсказывать землетрясения, а наводнений в наши дни и вовсе не бывает... Этот тонкий и в то же время непривычный чужой запах неприятно поразил и взвуждorажил меня. Я проникся ощущением надвигающейся опасности.

Но мое человеческое сознание упорно противилось этому чувству. И в самом деле, что могло произойти? Я находился на территории первоклассного ракетодрома, рядом с отличной клиникой, где работали выдающиеся специалисты. Что нам могло угрожать?

Доктор подбежал к нам и сказал:

— Пойдемте! Быстрее!

Мы вошли в клинику, прошли по длинному коридору и оказались в просторном кабинете, одна из стен которого была заставлена аппаратурой. В одном из приборов я узнал индикатор. Встречавший быстро подключил его к клемме и заговорил:

— Прибыли? Как самочувствие? — Он обращался одновременно и к моему спутнику, и ко мне. Казалось, он испытывает смущение оттого, что должен называть лань на «вы».

Человек, сопровождавший меня, сказал несколько слов, видимо, на латыни. Толстяк удовлетворенно кивнул головой, и тот вышел. Мы остались вдвоем. Врач спросил:

— У вас нет пожеланий или жалоб?

Я решил, что смешно говорить о каком-то страхе надвигающейся опасности и ответил, что у меня все в порядке.

Врач сказал, по-прежнему смущаясь:

— Мы в целом подготовились к операции. Но... Только что произошло нечто странное... Двенадцать человек из лаборатории получили тяжелые травмы. Совершенно непонятно... Сейчас весь персонал клиники борется за их жизнь. Вам придется потерпеть еще часок. — Он умоляюще посмотрел на меня. Лань кивнула.

— Сейчас придет медсестра и сделает вам укол. Вы ничего не почувствуете, а когда очнетесь, будете уже в своем теле.

Продолжая вопросительно смотреть на меня, он отключил индикатор и указал мне на какое-то приспособление, похожее на станок для оперирования животных.

— Пожалуйста, встаньте сюда. Сейчас придет медсестра. — Он вышел.

Окно кабинета было распахнуто настежь. Оно выходило горам, где располагались шахты с планетолетами. Воздух здесь был изумительно чист, но незнакомый запах ощущался сильнее. Пришла тревога...

Я подошел к окну и, опершись передними ногами о подоконник, выглянул наружу.

Здесь, рядом с клиникой, была устроена беседка, в ней находилось несколько человек, они говорили между собой. Вернее, говорил один человек в форме космометчика, а остальные внимательно слушали его, время от времени задавая вопросы.

— Нет, первым догадался я. Причем по чистой случайности. Мы с Аликом договаривались поехать в город, а встретиться должны были у входа в институт. Я жду, Алика все нет и нет. Позвонил — никто не отвечает. Тогда я подумал: может, у них забрание? Но Алик-то ничего мне не говорил. Позвонил в соседнюю лабораторию, там отвечают: «Они все на месте». Я все же упросил позвать Алика к телефону. Кто-то пошел за ним... Вот тут-то и началось. Все двенадцать человек оказались на полу в разных позах. Говорят, еще десять минут, и не было бы даже шансов на спасение...

— Чем же они там занимались?

— Обычной работой. С утра взялись за пробы, привезенные «Орионом».

По сообщениям прессы и телевидения я знал, что на Землю недавно вернулся космический корабль «Орион» с Нептуна. Более того, Нептун уже посетили десятки других кораблей. Исследованы тысячи доставленных ими образцов. До сих пор сенсаций не было.

Теперь после слов, произнесенных космонавтом, я гораздо большим доверием отнесся к ощущениям лани. Тонкий неприятный запах доносился с двух сторон — сильнее оттуда, где, судя по всему, находилась шахта с «Орионом», и слабее со стороны института. Сопоставив это со случившимся, я понял, что в районе космодрома возникла опасность, неведомая пока людям.

«Ладно, — подумал я. — Сейчас войдет медсестра, я попрошу подключить меня к индикатору и расскажу о своих ощущениях».

За дверью послышались шаги. В кабинет вошла стройная девушка. Она с интересом посмотрела на меня. Я потерся боком об индикатор, заглядывая ей в глаза.

— Бедненький! — сказала она. — Сейчас я сделаю вам укол, и вы уснете. Одну минутку. — Она взяла из стеклянного шкафа какие-то инструменты и прошла в смежную комнату.

Страшная догадка поразила меня. Сестра не поняла моих предчувствий. Сейчас мне сделают укол, а когда я очнусь, из

моей памяти будет стерто это. И я не смогу рассказать им, что опасность не исчезла, что она лишь затаилась!

Тем временем сидящие в скверике космонавты встали и двинулись к площади.

— Еще минутку! — пропела девушка в смежной комнате.

Дальнейшее произошло неожиданно для меня самого. Наверное, в эту минуту лань победила во мне человека. Одним прыжком я перемахнул через подоконник и тут же спрятался в густом кустарнике, окаймляющем скверик. Моего прыжка никто не увидел. Оказавшись на чистом воздухе, я огляделся внимательнее. К самой клинике примыкал густой лес, склоны ближних предгорий также были покрыты зеленью. Таким образом незамеченным я мог свободно добраться до леса. В то же время с моего наблюдательного пункта хорошо проглядывалась вся площадь перед клиникой.

Я решил, отсиживаясь здесь, придумать какой-нибудь способ сообщить о своих подозрениях людям. «Ах, если бы не эта девушка! — думал я. — Будь в кабинете тот толстяк, он бы правильно понял меня, когда я потерся об индикатор». Больше всего я боялся теперь девушки.

В кабинете послышались шаги. Затем я услышал мелодичный голос:

— Товарищ... Товарищ! Где вы? — Девушка, держа шприц в руке, подошла к окну и выглянула наружу. — Товарищ! — позвала она еще раз, затем вскрикнула, выронила шприц и быстро выбежала из кабинета.

Как нарочно, у меня не появлялось ни одной путной мысли. Правда, я подумал было, не вернуться ли мне в кабинет, чтобы вновь попытаться установить контакт с врачами. Я уже сделал несколько шагов к клинике, когда комната наполнилась людьми, которые тут же принялись внимательно обшаривать все углы.

Несколько человек, в том числе и толстый профессор, выглянули в окно. Вид у всех был озадаченный.

— Ну и денек! — воскликнул профессор. — И как это ^{мы} не подумали! У него наверняка начался обратный эффект. Выход один — немедленно разыскать, усыпить и на операционный стол.

Он обернулся и приказал кому-то:

— Срочно готовьте все к операции. Да, и еще — объявит по радио. Необходимо, чтобы все включились в поиск.

Тут он позвал громко:

— Шухрат! Шухрат! Где вы?

Я понял, что, стоит мне показаться из кустов, никому ^{и в} голову не придет объясняться со мной через индикатор. Но что мне делать? Что?

И тут одновременно во многих местах над всем городком зазвучал голос, усиленный радиоаппаратурой:

— Внимание! Внимание! Чрезвычайное сообщение! Только что из хирургической клиники при невыясненных обстоятельствах исчез пациент, который несколько часов назад подвергся трансплантации. Его мозг временно пересажен в организм лани. Особые приметы донора: крупный рост, цвет — палевая с рыжими пятнами. На шее специальный ошейник типа «Контакт». Существует опасность, что вследствие обратной связи сознание пациента может пострадать. Работники клиники обращаются ко всему научному персоналу, ко всем жителям города с просьбой принять участие в поиске. Гарантированное время нормальной жизнедеятельности мозга пациента в организме лани не более восемнадцати часов. Четыре часа уже прошли. Предполагаемое место нахождения — район клиники.

Это сообщение на разные лады повторялось несколько раз. «Ну что же, — решил я. — Четырнадцать часов у меня еще есть. Я что-нибудь придумаю и выйду к ним. Только нужно найти подходящее место для размышлений. Здесь мне сосредоточиться не дадут».

Из клиники выбежало несколько десятков человек. На площадь опустились пять или шесть вертолетов, еще три или четыре летели со стороны города. По шоссе мчалась целая волна автомашин. Площадь, совершенно безлюдная пять минут назад, быстро наполнялась народом.

Между людьми сновал профессор. Он делил собравшихся на группы и что-то растолковывал им. Группы одна за другой уходили в разные стороны. Человек десять двинулись на меня. Я понял, что еще немного и меня обнаружат.

Скрываясь за кустами, я добрался до леса раньше своих преследователей. Кажется, меня не заметили. Я бежал по узенькой тропинке, ведущей к горам. С левой стороны тропинки тянулся неглубокий овраг с пологими склонами. Вдруг впереди послышались голоса. Я быстро метнулся к оврагу.

Рядом со мной прошли три человека. Они озирались по сторонам, но каким-то чудом не заметили меня.

— Нет, — сказал один из них, — тут он еще не проходил. Поищем поближе к клинике.

Они скрылись из виду. Я снова выбрался на тропинку и побежал вперед, уверенный, что вырвался из кольца окружения.

Теперь я двигался медленнее, перебирая на ходу возможные варианты контакта.

С момента моего бегства прошло уже сорок минут, но я так ничего и не придумал. А странный запах по-прежнему витал в воздухе. Сейчас он ощущался резче, сильнее...

Вскоре я вновь должен был насторожиться. Впереди среди золотистых сосновых стволов показался небольшой двухэтажный домик. Я подошел ближе. Дом стоял на зеленой солнечной лужайке в тени мощных деревьев. Судя по всему, это был двух-

дневный дом отдыха. Вероятно, люди, которых я встретил недавно на тропинке, шли отсюда.

Несколько минут я внимательно осматривал окрестности. Стояла полная тишина. Лишь птицы щебетали по всему лесу. Одно из окон домика было распахнуто настежь. Внутри никого не было.

Наконец, осмелев, я осторожно вышел на поляну, приблизился к домику и поднялся на крыльце. Дверь легко подалась. Я увидел большую комнату на нижнем этаже, лестницу, ведущую наверх, где были комнаты поменьше.

В центре зала стоял длинный деревянный стол с остатками обеда. Видимо, людям пришлось уйти неожиданно. Я догадался, что они услышали по радио сообщение о моем исчезновении и поспешили на розыски. Мое внимание привлек большой чайник. Увидев его, я внезапно ощутил сильную жажду и вспомнил, что не пил уже несколько часов.

Обходя стол, я заметил в углу низенький журнальный столик, на котором стояла пишущая машинка с вложенным в нее белым листком бумаги. Поначалу я не обратил на нее особого внимания, но когда она оказалась уже за моей спиной, что-то ослепительно прояснилось в моем сознании. Забыв о жажде, я побежал к столику. Вот он, выход! Я стоял и смотрел на машинку и на лист бумаги как на чудо. Сейчас я напечатаю всего лишь несколько слов:

— Опасность — Орион. Исследовать со служебной собакой и приборами. Оставьте мне память!

Потом побегу с этим листком к людям. В любом случае они прочтут написанное и поднимут тревогу. Даже если меня не подключат к индикатору, моя записка наведет ученых на верный след.

Я подошел вплотную к машинке. Видимо, лист в нее только что вставили. На нем было отпечатано всего три слова: «Таким образом коэффициент»... Вероятно, кто-то в лесной тиши корпел над диссертацией.

Зубами я осторожно провернул валик так, чтобы центр листа оказался на уровне ленты. Затем нажал копытцем на букву О. Как я ни старался, но раз за разом придавливались три или четыре клавиши, нужные буквы не отпечатывались. Тогда я попробовал печатать носом. Результат был прежним.

На миг я пришел в отчаяние. Но тут мой взгляд упал на нож с острым лезвием, лежащий на столе. Я крепко сжал зубами его рукоятку, повернул голову набок и нажал острием на клавишу с буквой О. Буква отпечаталась, но слишком бледно. Следующую клавишу с буквой П я буквально ударил ножом изо всех сил. Буква отпечаталась четко, но тут же я ощутил сильную боль: ударив, я не смог удержать зубами металлическую рукоятку ножа, и он скользнул и поранил мне... (хотел сказать лицо).

С этими короткими фразами я провозился не менее часа. Когда наконец была отпечатана последняя буква, я с наслаждением, мотнув головой, отшвырнул нож далеко в сторону.

Но, утолив жажду ароматным холодным чаем, я почувствовал, как силы вновь возвращаются ко мне. Я был несказанно рад, что случай помог мне выкрутиться из чертовски сложной ситуации. Взяв зубами лист, я смело выбежал из домика и устремился по тропинке вниз. Я бежал быстро, ведь после моей отлучки прошло уже не менее двух часов.

Тропинка петляла из стороны в сторону. В одном месте лес, что рос слева от нее, расступался. Проглядывалась долина, ракетодром, городок, клиника. До нее было не больше трех километров. Вдали я заметил большую группу людей. Видимо, они обсуждали, в каком направлении вести поиск дальше. Я решил бежать к ним напрямик, тем более что лес был тут рядом, а земля между деревьями покрыта мягкой зеленой травой.

Единственное препятствие на моем пути — небольшой овражек, поросший густым кустарником, — я рассчитывал преодолеть с ходу. Но когда я продирался сквозь гибкие тонкие ветки, у самого моего уха раздался странный щелчок, потом неведомая сила приподняла меня над землей и опустила в какой-то ящик. Все это произошло в течение двух-трех секунд.

Я оказался в ловушке — большой металлической клетке. Такие ловушки устанавливают кое-где на звериных тропах. Отловленных животных отправляют в зоопарки, институты, а то и отпускают, предварительно окольцевав. Ловушка имеет специальное автоматическое устройство, запрещающее «захват» человека. Поначалу я решил, что ловушка была настроена специально для моей поимки и что вот-вот явятся люди, которые освободят меня. Однако это была самая обыкновенная стационарная ловушка, и, судя по всему, установлена она здесь была давно.

Я предпринял отчаянную попытку вырваться на волю — бросался всем телом на прутья, грыз их зубами — тщетно. Ловушка была сработана на совесть.

Я понял, что это конец. Мне захотелось завыть от огорчения и жалости к самому себе.

Прошел еще час или полтора. Я утратил всякую надежду. Единственное, что меня утешало — это белый лист бумаги с неумелой надписью посередине. Что бы там со мной ни случилось, его найдут. Значит, мой побег все-таки имел смысл.

И тут послышалась негромкая песня. По тропинке от домика спускался мальчик лет восьми. В руках у него было лукошко с грибами. Скорее всего это был сынишка одного из отдыхающих.

Я подал голос. Мальчик остановился и удивленно осмотрелся. Наконец, заметив меня, он поставил лукошко на землю и произнес, всплеснув ручонками:

— Ой, какой олешек!

Нужно было во что бы то ни стало расположить мальчонку к себе. Я улыбнулся. Вернее, я хотел улыбнуться как человек, но получилось, видимо, нечто противоположное, потому что малыш испуганно протянул:

— Ой, какие зубы!

Тут он поднял лукошко и, осторожно ступая, двинулся обратно к домику, оглядываясь на меня. Еще один-два шага, и он исчез бы за деревьями.

И тут меня осенило.

Я сел на задние лапы и принялся мотать головой в такт песенке, которую только что напевал малыш. Тот сделал шаг вперед.

Я тут же принялся танцевать какой-то фантастический танец. Потом прошелся по клетке на задних ногах, начал раскланиваться, как это делают дрессированные собачки.

На лице малыша появилась улыбка.

— Олешек, ты из цирка, да? — спросил он, подходя к самой клетке. — Как же ты сюда попал? Хочешь, я тебя выпущу?

Я обрадованно закивал головой.

Мальчик отодвинул запор. Послышался щелчок. Детская руночка погладила меня по спине:

— Ты заблудился, да? Ты совсем не страшный, ты добрый...

Я лизнул мальчику руку, зажал в зубах записку и побежал через лес к клинике, туда, где были люди.

* * *

Операция прошла очень успешно. Только чуть заметный круговой шрам на шее напоминает мне о событиях того дня.

Тайна «Ориона» и лаборатории института разгадана. Может быть, благодаря моей записке.

Дело в том, что «Орион» привез с Нептуна необыкновенно живущие микроорганизмы, заброшенные туда неведомым космическим телом (неизвестным космическим кораблем?). В замороженном виде сотни лет таились эти микроорганизмы на поверхности Нептуна. Оказавшись же на Земле, они возобновили жизнедеятельность. Одна из основных их особенностей — участие в процессе, обратном фотосинтезу. Микроорганизмы поглощают кислород, а выделяют углекислый газ и еще какие-то газы. Кроме того, в благоприятной среде они стремительно размножаются. Вот почему воздух в лаборатории в считанные минуты перестал быть пригодным для дыхания. Люди слишком поздно это почувствовали...

Канатная дорога к пещере построена. Археологи начали свои работы. Об этом я узнал от Мумина Вахабовича, который, несмотря на занятость, находит время, чтобы навещать меня.

Авторизованный перевод с узбекского Валерия Нечипоренко

Посещение отшельника

Тогда верни мне возраст дивный,
Когда все было впереди *...

Г ё т ё

I

- Сегодня чудесный день, Эли. Почему ты еще не на озере?
- Рей не вернулся из города, папа. Когда вернется, пойдем.
- Ну иди пока одна, позагорай.
- Я тебе мешаю, папа?
- Ты мне никогда не мешаешь, девочка. Просто я сейчас буду заниматься одной неэстетической работой.
- Это... настурции, да?
- Они самые.
- Тогда я пойду. А ты скажи Рею, где я... Ой, папа!
- Ну что такое?
- Я забыла тебе сказать. Когда мы с Реем вместе ходили вчера по городу, один старик бежал за мной и окликнул по имени, и у него текли слезы. Раньше никогда такого не было.
- А вы что ему сказали?
- Как обычно: «Извините, вы ошиблись». А он так смотрит, головой качает и шепчет: «Не верю, не верю!»
- Молодец старик... О, вот и Рей подлетает. Беги встречай...

II

...Хорошая все-таки штука — отшельничество! Если бы, конечно, не настурции. Каждый год толстым слоем садится на них тля. Вот просто дразнит: «Что, съели с вашим сбалансированным биоценозом?» Ядохимикатов бы тебе!

Андрей Ильич начал было пальцами обирать мягких, лопающихся тлей, но скоро понял, что не очистит клумбу и за целое лето. Тогда он разогнул задубевшие колени, хрустнул спиной и встал, снова исполняясь благодушием. Кругом цвела его усадьба. Усыпительное жужжение золотых пчел на жасмине; ручей, заросший лютиком и стрелолистом и какими-то еще ливовыми зонтиками, и загадочного происхождения пес Кудряш, каковой валяется с рассвета в лопухах за ручьем на боку, с разинутой пастью. Околела собака, да и только.

Впрочем, опасения напрасны, вот тяжкнула, не просыпаясь. Муравьи питаются тлей. Найти муравейник и запрограммировать на буйное размножение... А потом удирать от муравьиного потопа? Нет уж, сейчас потерплю, но следующей весной... Будь

* Перевод Б. Пастернака.

я проклят, если еще раз изгажу клумбы хоть одной настурцией. Посажу георгины, выюнок, золотой шар...

Совсем успокоив себя, Андрей Ильич засунул руки в карманы белых штанов и повернулся к дому, когда спиной почувствовал холод и тень, а ушами — характерное сплюсывание. За посадкой розовых растрепанных пионов, за джунглями крыжовника лавировал чай-то белый гравиход.

— Куда, будь ты проклят! — завопил Андрей Ильич и бросился, потрясая кулаками, навстречу машине. Гравиход кабаном пропахал луг, всей тяжестью подмял крыжовник и окончил свой путь, навалив носом гору земли на пионы.

Наверное, ожила в Андрее Ильиче кондовый патриархальный садовладелец с зарядом соли в ружье и электрифицированным забором. Во всяком случае, Веденников чуть не сорвал голос, крича что-то оскорбительное женщине-водительнице и единственной пассажирке.

Вдруг он узнал эту женщину.

Совсем по-другому видел он теперь; он видел, какие усилия прилагает она, пытаясь вручную поднять колпак кабину. Может быть, один гравиход из тысячи — нервная, чуткая, как лошадь, почти разумная биомашина — мог вот так разладиться на ходу, стать равнодушной и косной глыбой, подобной легендарному паровозу. Но теория вероятностей не для этой женщины.

Веденников, пыхтя и обливаясь потом, помогал откидывать купол. Пожалуй, искреннего желания помочь было не так уж много; преобладал восторг от фантастической встречи, приправленный, впрочем, некоторым злорадством.

Тридцать лет тому назад Веденников не менее двух-трех раз на дно воображал себе такую встречу с Ней. Именно такую, обязательно связанную с какой-либо аварией или несчастным случаем, причем он, Андрей Ильич, отводил себе роль спасителя.

Наконец купол уступил их усилиям и откинулся. Женщина подобрала колени, намереваясь спрыгивать, и протянула руку за опорой. «Нельзя сказать, чтобы три десятилетия не наложили на нее отпечатка, — думал Андрей Ильич, спешно подставляя ладонь, — и тем не менее отпечаток лестный. Новое качество. Обаяние стало величием, женщина — королевой».

Все те же экономно-уверенные движения крупного гибкого тела и знакомый жгут соломенных волос на темени, и свежесть большого недоброго рта. Даже углы воротника сорочки, как всегда, длинные и острые; рукава закатаны до локтей, пестрая девчоночка безрукавка, замшевые брюки в обтяжку — может, может себе позволить!

Разумеется, Веденникова она не узнала, но не изумилась, когда он назвал ее по имени-отчеству: Элина Максимовна. Слава есть слава.

Андрей Ильич предложил пройти в дом. Да, нынешняя техника омолаживания может многое: кожу Элины не оскорбила дряхлость, и сердце ее билось легко. Почему же ни голос ее, ни глаза, ни походка не были молоды?

…Это больше, чем усталость. Душа осторожничает, и даже не рассудок главенствует над ней, а постоянная боязнь всякого беспокойства. Носим себя, как вазу из тонкого хрустяля. Страстность людей, не знающих, что такое одышка, бессилие, возрастные болезни...

Элину определенно порадовала усадьба. Со всем пристрастием к уюту, от прабабушек-домохозяек унаследованным сквозь века, Элина восторгалась пятиоконной красного кирпича «кельей». Восхищалась будочкой садового душа, малинником, где в дикой путанице огромных кустов так и чудился медведь. Когда сели за черный дубовый стол на веранде и Андрей Ильич стал подносить ранние огурцы с огорода, нежно-салатовые, скромно предлагать хлеб, сметану, холодное мясо, великая актриса со всем растаяла и больше не злилась об аварийной гравиплатформе. Перед ней сидел мужчина, интересный уже хотя бы тем, что живет отшельником. До торжественного вечера в Центре Витала оставалось еще восемь часов; полет на гравиходе был прогулочным — почему бы не позавтракать и не пообедать в усадьбе?

Острый глаз Элины усмотрел с воздуха круглое озеро в лесу и весельную лодку на нем. Греб мужчина; широкополая шляпа женщины, сидевшей на корме, сверкала, как солнечный диск.

- Неужели и озеро ваше?
- Во всяком случае, пока что никто на него не претендует.
- А в лодке?
- Мои дети.
- Они приезжают к вам из города?
- Нет, живут со мной.

Осуждающие поднялись бровь, но Элина помедлила отвечать, поскольку хозяин явно уходил от темы, разговор о детях был ему не слишком приятен. Она еще раз окинула взглядом диковинную обстановку, как бы вписывая в нее Андрея Ильича с его чудацеством: струганые столбы веранды с гирляндами сухого прошлогоднего перца, фигурные — ферзями — столбики ограды, паутинный угол под потолком, выгоревший ситец занавеси и за ним темная кухонька, поблескивающая перламутром мелких стекол огромного буфета, пахнущая сырой гнилью и яблоками, старым деревом, стеарином.

И все-таки, привыкнув к безнаказанности, она не удержалась и высказалась укоризненно:

— А по-моему, все-таки нет ничего лучше города. Пусть он и суматошный, черствый, но это настоящая жизнь, полночная, не сююкающая. Город выковывает. — Ее ноздри на миг страстно раздулись и опали. — И меня он выковал. Я всегда

работала на износ, иногда прямо навзрыд плакала, хотела все бросить, а потом понимала, что не могу иначе. Без этих чашек кофе, которые пьешь, обжигаясь, где-нибудь между линейным лифтом и круговым экспрессом...

«Может быть, вы лишили своих детей чего-то очень важного?» — спросил прищур актрисы.

«Не судите поспешно», — ответила уклончивая улыбка Веденникова.

...Да, да, это я хорошо помню, Элина Максимовна, тридцать лет назад. Как вы бегали. Не ходили, а именно бегали, и никогда у вас не было для меня времени. Или не только для меня? Не берусь решать, я тогда ровным счетом ничего о вас не знал, доходили какие-то сплетни, да о ком из популярных актеров не болтают? Вы стремились ничего не упустить, во всем участвовать: витал, психофильмы, телевит, живой театр — заполнили собой целую эпоху. Понятно, что такая расчетливо-безумная трата жизни возможна только в городе. В иной среде вы бы просто перестали быть самой собой. Быть собой? Пере-стали быть, хотел я сказать. Вероятно, любое, самое правдивое сообщение о вашей интимной жизни все равно сплетня, ложь по существу. Ну и что, если вы разошлись с одним мужчиной — громкое имя — и сошлись с другим — еще более громкое? Ведь это для вас так малосущественно. Я думаю, вас интересует по-настоящему только один мужчина. Имя ему миллиард. Тот самый, для которого вы давно стали символом горожанки: раскрепощенной, но глубоко чувствующей, немного слишком деловой, однако ранимой и в общем не очень-то счастливой. И все это при вашей красоте. Ну разве не о такой подруге мечтает миллиард, устанавливая ваши фотоскульптуры в квартирах, лабораториях, салонах звездолетов. О искусительница, отдающая себя всем и никому!

Единственное место, где я вас мог поймать, — живой театр, смешное старинное здание на горизонте «гамма»; вертикальный ствол «Северо-восток 33». Триста лет тому назад в этих желтых стенах над лестницами в медных купеческих украшениях двое благообразных мужчин совершили революцию в театральном искусстве. Поэтому дом сохранен, и снят с фундамента, и надежно консервирован в монблановой высоте горизонта «гамма». И в нем до сих пор каждый день идут живые спектакли.

Ровно в 18.30 внутри прозрачного столба, который чуть ли не толще самого театра, падает капсула линейного лифта. На пандусе появляетесь вы: шапочка на самый нос, чтобы по возможности не узнавали и не цеплялись прохожие, широкий шаг, руки в карманах пальто, локти отставлены, лицо бледно. Цок, цок, цок — пробегаете двором к проходной. Узнали меня, и — щелк! — лицо, как лампой-блиц, озаряется приветливой улыбкой, на бегу подана прохладная сухая рука: «Будете на спектакле? Я очень рада!»

Это значит еще десяток минут потом, когда разойдется толпа зрителей и лишь несколько фигур застрянут на бывшем автомобильном дворике, чтобы поглязеть на звезду вне сцены, а я буду ощущать глупейшую гордость оттого, что все видят меня разговаривающим с вами... Ах, где мои двадцать восемь лет! Цок, цок, цок — каблучки. Бах! — дребезжа стеклами, сотрясается дверь проходной (настоящая деревянная дверь на металлических петлях), и ваша шапочка мелькает, исчезая.

...Начинал клокотать самовар, как здоровенный обиженный кот, и ждала своей очереди чувственно-алая клубника в корзинке.

— Скажите, вы действительно меня не помните? Совсем, совсем?

Она положила вилку и уставилась не мигая на благодушного Ведерникова со стаканом в руке. Андрей Ильич, стараясь не дрогнуть, сидел и напряженно желал: ну узнай, узнай же, черт тебя побери, актриса, докажи мне хоть задним числом, что есть в тебе что-нибудь помимо целеустремленности для себя и улыбчивого безразличия для других?!

Хочешь ты или не хочешь, но я твоя молодость.

...Нет, не подашь виду, даже если давно узнала. Если с самого начала не сочла нужным, то теперь-то уж не сдашься. Вот в губах и бровях появляется полуигровое, полувиноватое выражение: «Пощадите, жизнь так длинна, столько встреч, подскажите; будьте наконец джентльменом!» Почему, почему до сих пор не верю я в твою искренность? Горе мне!

— Центр Витала, — сказал он и назвал точную дату. — Встреча с молодыми учеными, ваша премьера «Взгляд с высоты».

— Тридцать лет, — прошептала она, поддаваясь очарованию, и Андрей Ильич невольно подумал: почему сегодняшней почти не стареющей женщине так же свойственна ностальгия по прошлому, как и ее рано отцветавшим прабабкам?

— Потом мы ужинали в ресторане Центра. Нас познакомил Арефьев.

Вспомнила! Не сумела скрыть внезапную дрожь ресниц. И не Арефьева вспомнила, а его, Ведерникова, несурзнейшего из ее знакомых.

Он тогда перебрал конъяку с Арефьевым, бывшим пилотом-разведчиком, седым, ястребиоглазым и ушлым, как сам сатана. Стал через три столика призываю смотреть на актрису, блиставшую в своей компании, и говорить старому пилоту, как давно хочет он познакомиться с ней, до какой степени близка она к его идеалу женщины. Андрей Ильич и сейчас не мог бы сказать, насколько все это было правдой и насколько следствием выпитого. Быть может, в форму порыва к Элине отлилась тот вечер его всегдашняя тоска по красоте и гармонии? Тоска, за которой и стал он биоконструктором? Арефьев доел кру-

жочек лимона, салфеткой промокнул рот и пошел по залу. Ох, решительный народ разведчики! Андрей Ильич холодным потом облился, раскаиваясь, что пооткровенничал, но было поздно. Маленький Арефьев галантно жужжал над ухом Элины, не показывая открыто в сторону их столика, только так склонив лоб, чтобы актриса поняла, куда смотреть.

Пилот знал всех на свете. Через минуту Ведерников был позван и посажен рядом с Элиной. Он не запомнил толком, о чем они тогда говорили. Так, застольный треп, понемногу обо всем. «Биоинженерия? Но разве может быть что-нибудь прекраснее человеческого тела?» — «Извините, какого тела? Квазимодо или Дискобола? Диапазон слишком велик...» — «Если все будут похожи на Дискоболов и Артемид, на Земле станет скучно». — «Тогда мы дадим человеку пластичное тело, принимающее различные формы по его воле... Сего дня ты один, завтра другой!»

Поговорили о только что прочувствованном витакле. Разноженный Андрей Ильич насыпал похвал, что было очень кстати: неприметный человек напротив оказался режиссером. Впрочем, плевать было Ведерникову и на режиссера, и даже на услужливого друга Арефьева. В скромной лимонной сорочке мужского кроя, с черным грузинским браслетом на худом запястье, потягивала ледяной «Лифбраумильх» изумительная женщина и чуть ли не застенчиво улыбалась вымученным остротам Ведерникова. Пахло от нее чем-то миндально-горьким, непонятным и кружащим голову. Андрей Ильич стремительно сходил с ума и чувствовал, что сходит, и было ему так страшно и сладко, что даже не пытался остановиться...

...Чуть ли не самым трудным было потом, через двенадцать лет, когда он смог воспроизвести этот запах. Никому не пожелаю загружать целые комплексы машин, толком даже не умея сформулировать задание. Какие букеты выдавали машины! Одоэффектор травил и глушил Ведерникова чудовищными смесями мускуса и горелой шерсти, мяты, формалина, орхидей — или это одурманенный мозг подбирал аналогий?..

— Подождите, — сказала наконец Элина, радостно и растворяя отворяя ореховые глаза. Глаза у нее были странной формы: правильно закругленные сверху и как бы подрезанные прямым нижним веком. Оттого и сиять умели по-особому. Дорого бы дал Андрей Ильич тогда, тридцать лет назад, за такой взгляд при встрече у живого театра.

Она так долго качала головой, не отрывая зачарованных глаз от лица Ведерникова, что у того в глубине души, опоздав на треть века, шевельнулось сожаление: а не рано он тогда отступил? Обиделся, видите ли, на черствость, балованное дитя.

Но Андрей Ильич был мудр и сразу понял: годы. Сейчас она — по привычке к самовнушению — навеяла себе сентиментальную грусть, а он, Ведерников, выступает в роли материаль-

ной приметы давних лет наряду с какими-нибудь воробьями или весенними лужицами.

— Я, я самый. И под театром торчал, и письма вам писал на семи страницах, и стихи.

— Помню, — все так же завороженно глядя, нараспев сказала она. И опять Ведерников понял, что речь идет не о нем, а о молодой Элине...

III

...Ты умница! Как ты тогда выступала по телевиту! В одной из своих любимых цветных сорочек с длинными углами воротника, распустив массу льющихся солнечных волос, ты сидела в моей комнате, за моим столом. А слева, упираясь спиной в мои книжные стеллажи, оседлал бархатный бабушкин стул Родайтис, постоянный ведущий «Панорамы искусств». В комнате стоял неповторимый запах твоей парфюмерии, дразнящий и убаюкивающий.

Как всегда, взвешивая каждое слово, ты говорила о том, почему до сих пор существует живой театр, почему не задохнулся сей древний старец, родившийся в повозке Фесписа, даже под натиском управляемых снов — психофильмов, псевдо-жизни — пятичувственного витала и его отрасли, телевита, позволяющего вам с Родайтисом сидеть и разглагольствовать одновременно в миллиардах жилблоков.

Не так давно под крик рекламных фанфар первые добровольцы возложили на свои буйные головы электрокороны сублиматоров. Новая эра в искусстве! Каждый может стать автором, режиссером, художником и исполнителем главной роли! Причем в отличие от психофильма сублиматор сохранит вам ясное сознание, даст возможность оценивать события и произвольно управлять сюжетом. Машина лишь эстетически освоит ваш замысел, насытит его всеми реалиями. По желанию к сублиматору прилагаются информкасsetы: «Древний Египет», «Эллада», «Тибет», «Планета кристаллической жизни», «Дно океана» и так далее, так что достоверность обстановки обеспечена.

Но все-таки и сублиматором не будут попраны маска, котуры и бутафорский кинжал — ты была тогда уверена в этом, и ты оказалась права. Живой театр не претендует на подмену реальности, но несет в себе то, что не под силу смодулировать никакой биотронике, — свободу выбора точки зрения. Непосредственное участие в таинстве, имя которому — игра. Биотронные чувствища уязвимы именно тем, что они всамделишные, ты их раб. А здесь ты ребенок, которому предлагаю считать ковер океаном, а четыре стула каравеллой Колумба. Ассоциации распряжены и выпущены в чистое поле. Актер на сцене только заводила, самый озорной участник игры.

О да, витакль «Ромео и Джульетта» позволит тебе станцевать на балу в доме Капулетти, пригубить сладкого вина с

пряностями и узнать, как пахнет мышами и пергаментом в келье Лоренцо. Психофильм по той же пьесе превратит тебя в тигра семейной чести Тибальта либо в злосчастного остроумца Меркуцио, ты погрузишь в чужую грудь железо или почувствуешь его в своей груди. Сублиматор перед «Ромео» вообще бессилен, разве что Шекспир даст тебе повод для собственных экзерсисов. Тогда ты переберешься в средневековую Верону и наведешь там порядок: растащишь дуэлянтов, помешаешь этим соплякам покончить с собой и вообще примеришь оба враждующих дома, для острастки расплавив лучевым пистолетом фонтан на площади.

А в темной коробке живого театра ты сделаешь выбор. То ли упьешься божественным стихом, то ли встанешь над шахтой шекспировских проблем, то ли просто и горячо оплачешь несчастных любовников.

...Тогда ты защищала жизнь, так почему же так раздраженно оборвала меня в нашу последнюю живую встречу? «Мне некогда, некогда...», пробежала, почти не глянув, к служебному входу. Дребезжа, громыхнула дверь, а я стоял и почему-то внимательно рассматривал медную табличку с птицей — символом театра. О да, чужая любовь тяготит и раздражает. Но можно ли так демонстративно, не видя в упор? Как Треплев тобой же играемую Машу...

Ничего, ничего. Я ждал восемнадцать лет — с тех пор, как сделал. Чувства перегорели, как перегной, и выпустили новые ростки, я уже только отец, не влюбленный, но шрам остался. Сам того не зная, ждал я сегодняшнего дня.

— Извините, одну минутку, я сейчас покажу вам кое-что, — сказал Андрей Ильич и встал. Кивнув, она все с тем же мягким, растроганным выражением обернулась к саду. Замерли приземистые шатры яблонь на каркасе гладко-серых ветвей; кудрявые легкомысленные клены мерцали и шептались, дремотная паутина полудня опутывала все. К веранде приплелся двухмастный Кудряш, смотрел на гостью просительно и вызывающе.

— Ты же не будешь есть огурцы, собака, а мяса уже нет, — рассудительно сказала ему Элина. — И клубнику ты тоже есть не будешь, так что проси у хозяина.

Услышав ласковый голос, Кудряш прижал уши, затанцевал, изгибая голову, и бешено завилял хвостом.

— Нечего, нечего попрошайничать, — твердо сказала актриса.

Ей вдруг вспомнился только что ушедший Ведерников, его глубоко сидящие черные глаза, несколько маниакальный склад лобастого лица. Бедняга, наверное, она тогда крепко обидела его, тридцать лет назад. А что же оставалось делать? Продолжать эту глупую историю, иллюзорные встречи между театром и линейным лифтом с мужчиной, которому ты ничего не хочешь

да и не можешь дать? «Какие все эгоисты! Ведь он наверняка и не задумывался, что у меня, может быть, есть моя, скрытая от посторонних жизнь, в которой нет места никому, кроме... кроме главных действующих лиц. Я правильно сделала, что была жестокой, что не оставила никаких надежд. Он излечился и благополучно живет на свете. Вон какое поместье, и взрослые дети катаются на лодке. У него свой пьедестал, мировое имя — гениальный биоконструктор Вёдерников, счастливый соперник эволюции.

...Я правильно сделала, и все-таки стихи он писал хорошие, и очень жаль, что сейчас не тот год, и не встречает меня у служебной двери высокий сурововатый мужчина с тревожными огнями в ямах глазниц, каждым движением старающийся понравиться».

Задумавшись, она вздрогнула, когда на стол между тарелками шлепнулся пакет из жесткой черной бумаги. Старинушка-матушка, плоские двумерные фото; сейчас это редкое хобби, как, например, вышивание по канве.

IV

Андрей Ильич вытащил первый снимок и показал его Элине, как фокусник загаданную шестерку пик: вкрадчиво положив, резко отдернув пальцы.

Она поняла все сразу. Точно резиновая рука на мгновение сжала горло — пришлось бороться, возвращать дыхание. Вмешалась сорокалетняя актерская дисциплина: человек, нанесший удар, ничего не заметил, хотя и рыскал глазами по ее лицу. «Ты ничего не понимаешь, ~~все~~ это забавный технический трюк. Совершенно ничего не понимаешь. Ты заинтригована, удивлена, не более».

Решив нипочем не сдаваться, она весело воскликнула, окружая брови и зачем-то рассматривая снимок на свет:

— Ого! Как вы это сделали?

На фото была все та же веранда, ситцевая занавеска кухоньки, и у самоварного крана, наливая чашку, она, она самая, Элина, только не такая, как сейчас, а тридцатилетней давности, озорная, упругая, в каком-то пышно-широком затейливом кимоно с огромными цветами по белому.

...Все-таки фигура стала куда более массивной. Сейчас она бы уже не перегнулась таким натянутым луком, не обхватила бы руками колено, поджатое к подбородку. А здесь загорает в лодке посреди озера. Небрежно брошены весла. Летит тополевый пух над темной водой.

...Вместе укладывают рыхлый чернозем в деревянную раму будущего парника — довольный Андрей Ильич с отеческим одобрением на лице, и молодая старательная Элина в шортах и линялой рубахе с засученными рукавами.

Еще фото. Над стеклянным двухскатным парником, счастливо жмурясь, сама молодость в лице перепачканной Элины обнимает за шею седого, нынешнего, Ведерникова.

— Неужели вы научились фотографировать мозговые образы? Наверное, через сублиматор?

— Это не мозговые образы, — ответил несколько обескураженный биоконструктор. «В самом деле не сообразила или притворяется? А, все равно, недолго тебе капризничать». — Хотите, познакомлю?

«Отступать некуда. Как я не подумала с самого начала, что у него все козыри? Еще секунда, и буду выглядеть глупо и фальшиво».

— Робот, — сказала Элина тоном детектива, разоблачившего страшный заговор, и чайную ложку наставила на Ведерникова вроде оружия.

— Больше, намного больше, я бы сказал — робот-двойник, идеальная белковая копия.

Ей захотелось упасть на этот видавший лучшие времена, исцарапанный стол и крикнуть что есть голоса: «Какое право? Какое вы имели право?!» Пустая истерика. Право художника пользоваться любым материалом: глиной, красками, словом, гаммой нот или искусственными аминокислотами.

— Так хотите увидеть в натуре? Сейчас позову.

— На озере? В лодке?

— Да.

Она медленно покачала головой — не надо.

Андрей Ильич засмеялся, сел напротив — скрипнула спинка ивового плетеного стула, — скрестил руки на груди. Вот они, странно подрезанные снизу, чуть раскосые ореховые глаза, в которых впервые за тридцать лет я сумел вызвать волнение: они влажнеют, слезы накапливаются над нижним веком. С тебя достаточно, с меня тоже, давай звони в аварийную гравиходов. Триумф не удался. Грустно. Я не создан для сведения счетов. Вот сидит, еле сдерживая слезы, моя давняя полувыдуманная любовь, и я уже чувствую себя преступником. Конец игре.

— Вы... счастливы с ней?

— Нет, Элина Максимовна. Я делал ее в каком-то угаре, не понимая, что затея обречена. Чтобы полюбить ее, надо было поместить ее на ваше место, и окружить вашей славой, и чтобы я ждал у служебной двери, и чтоб мне было двадцать восемь.

— И может быть, чтобы она относилась к вам так же, как я?

Мстит... Как это сказано у поэта? Вечно женственное... Чтобы она простила, мне надо бы привести к порогу ни в чем не повинную Эли и деструктировать, обратить в лужу студня. Но потерпите, Элина Максимовна, эта история кончится лу...»

шее, чем вы предполагаете, и, может быть, мы станем величайшими друзьями. Ибо крепка дружба, основанная на ностальгии по прошлому.

— Существует категория мужчин с собачьим характером, но я, к сожалению или к счастью, не из их числа и не целую бьющую руку. Мне нужны были вы, но с ответным чувством, с лаской, преданностью, полным пониманием. Двойник все это смог.

— Кажется... кажется, мне все ясно, — звонко расхохоталась она, и Андрей Ильич порадовался, что Элина оттавивает.

— Слишком много сладкого, а?

— Н-не совсем.

— Так в чем же дело?

— Я уже говорил: в отсутствии служебной двери живого театра.

— Ого, как вы тщеславны! Неужели я вам понравилась только потому, что была известной актрисой?

...Это уже шутливый турнир. Как хорошо, хорошо! Если бы все сложилось иначе, жестче, я бы, наверное, испытал сегодня темное ликование, а потом долго мучился бы раздумьями. Чего доброго, возненавидел бы бедняжку Эли.

— Нет, просто понятие «вы» складывалось из всего: внешности, голоса, умения расцветать на сцене, ума, славы...

Она заговорила о другом. Глядела словно внутрь себя, мечтательно и стыдливо:

— Я вдруг почему-то представила себе театр двойников... Я раздваиваюсь, четверяюсь, и каждая моя новая ипостась воплощает иную черту характера героини. Представляете? Ведь в каждом из нас существуют несколько «я», и вот все они выходят наружу, спорят между собой...

Будто всплыv из глубины зеленых осенних вод, ее взгляд вернулся к миру и вновь обрел Андрея Ильича, веранду, снимки.

— Мне было очень интересно опять познакомиться с вами... Андрей. Если позволите, я вызову платформу.

«Хэппи энд», — только и успел подумать он, услышав топот, шелест и смех в малиннике.

Вылетела на дорожку, перепугав Кудряша и чуть не осыпав лилии, Элина молодая, босиком, в блузке узлом на пупе и бретоватых шортах. На шее у нее стетоскопом болталаась кувшинка. Изображая мимикой непосильный труд бурлака, Эли тащила за руку молодого мужчину, одетого еще более скучно, зато с мокрыми брюками через плечо.

— Папа! Рей упал с лодки и не хочет в этом признаваться!

Затем они заметили гостя. Эли выпустила руку Рея и стояла рядом с ним — голенастым, чуть сутулым, с черными огнями под карнизом лба двойником двадцативосьмилетнего Андрея Ильича.

Таверна

— Расстояние не превышает пятисот километров, — отчеканил Гимза.

— А насчет таверны? — спросил я, глядя в зеленоватые глаза робота.

Он выдержал мой взгляд и снисходительно ответил:

— Нет. Никакой таверны там нет.

Я поудобнее устроился в кресле и порылся в справочнике Лоэлла.

— Стало быть, таверны нет и в помине... — Я ткнул пальцем в нужную страницу. — А это что за небесное тело, на твой просвещенный взгляд?

— Либертас, — отвечал он.

— То-то. А по справочнику Лоэлла на планете Либертас, куда мы благополучно припланетились, должна быть таверна. Как же ты смеешь утверждать, будто ее нет?

— Таверны на Либертас нет. Я ее не обнаружил.

— Допустим. Но ведь не кто иной, как ты поведал мне вчера, что недурственно провел времечко в таверне. И меня туда зазывал.

— Да. Я имел там приятную беседу с одной замечательной вычислительной машиной, — невозмутимо отвечал Гимза. — И она попотчевала меня током высокого напряжения. Да столь щедро, что я опьянел. Даже песню затянул. Представляешь?..

— Конечно, конечно, — забормотал я, ужаснувшись мысли, что он вдруг начнет пробовать при мне свои голосовые связки. — Но удивительная метаморфоза: взамен таверны какая-то компьютерша.

— Не какая-то, а замечательная. И ничего удивительного в этом нет. Удивляются только люди и особенно те, кто... — Гимза вдруг замолчал и в растерянности перевел взгляд на потолок, где ничего примечательного не было. Обычный потолок залетного звездолета.

— Так кто же? — спросил я.

Гимза обладал одной-единственной сносной чертой характера: на вопрос, заданный в лоб, он отвечал без жеманства и фальши, свойственной большинству его собратьев.

— Невежды, вот кто удивляется всему без разбора, — твердо ответствовал Гимза.

— Ты удивительно нынче тактичен, — вздохнул я.

— Зря обижаяешься, — гудел Гимза. — Внося элемент сомнения в мои слова и, стало быть, намекая на то, что я, честнейшее существо, могу лгать, ты тем самым меня оскорбляешь. Но я не обижусь на тебя, потому что нехорошо, когда во время

длительного путешествия друзья огорчают друг друга. На этом звездолете нам предстоит еще несколько веков одиночества.

— Вношу элемент сомнения. По корабельному времени приблизительно двадцать восемь месяцев.

— Допустим. Думаешь, для существ чувствительных мало двадцати восьми месяцев? Что же касается ехидного словечка «компьютерша», то я категорически...

— За эти двадцать восемь месяцев неплохо бы иногда помолчать, — тихо сказал я. — А уж если говорить, то по существу.

При всех обстоятельствах одно было бесспорно: Лоэлл, этот храбрый звездопроходец, легендами о подвигах которого жило не одно столетье, не мог ошибиться. Уж если он упоминает про лучшую в мире таверну для космических путешественников, стало быть, это сущая правда. Помнится, одна из легенд намекает, что таверну соорудил сам Лоэлл. Что ж, в этом есть резон. Тот, кто открывает планету и дает ей имя Либертас — Свобода, имеет право построить, допустим, таверну. Почему бы и нет... Но вот что означают слова самого Лоэлла о том, что лишь на Либертас человек обретает полнейшую свободу?

Теперь Либертас оказалась на скрещении звездных дорог. И астронавты сюда частенько заворачивают, чтобы передохнуть в таверне Лоэлла. Расспрашивать тех, кто уже здесь побывал, бесполезно. Счастливчик восхищенно щелкает языком, мотает головой и тянет нараспев: «О!.. Такое надо испытать самому. Такое, братец ты мой, не перескажешь».

Честно говоря, я давненько мечтал свернуть на Либертас и заглянуть в таверну. Почему бы не позволить себе расслабиться и отдохнуть, тем более ты бороздишь небеса на грузовом звездолете, где ты избавлен от назойливых пассажиров, хотя и обречен на занудство Гимзы. Месяц больше, месяц меньше — какое это имеет значение для грузового звездолета? Никакого.

— Какое ж ты принял решение? — поинтересовался Гимза. — Эх, заглянуть бы туда на денек-другой! Хоть никакой таверны там все же нет и в помине, но беседовать с вычислительной машиной и приникать к высокому напряжению тоже немалое удовольствие. Я с ней так подружился, что обещал при удобном случае непременно навестить.

— Нашел себе, стало быть, собеседницу? — улыбнулся я.

— Зря ты пытаешься меня уколоть, — сказал Гимза. — Умные люди не должны ссориться по пустякам, ты сам это часто повторяешь.

— Человек человеку рознь. Тем более что ты не совсем человек...

— Тем более, — насупился Гимза. — Пусть, пусть я всего лишь робот, зато к вычислительной машине я испытываю куда более теплые чувства, чем к кое-кому из людей. Особенно к

тем, кто в моем присутствии употребляет глупое слово «компьютерша»...

Гимза опять завел свою шарманку. Пришлось прибегнуть к хитрости.

— Ладно, — похлопал я его по плечу. — Ты хорошо поступил, что вместо поисков таверны нашел себе друга, похожего на тебя.

— Я искал таверну, но разве я виноват, что вместо нее нашел вычислительную машину? — парировал Гимза. — И она угостила меня током высокого напряжения.

— Ничего, с таверной все образуется, — сказал я, уходя от скользкой темы.

— Значит, решил все-таки искать таверну?

— Не искать, а найти. Ибо одному Лоэллу я верю больше, чем всем вычислительным машинам вселенной, вместе взятым. Так что будь любезен подготовить вездеход.

На другой день я пустился в путь. Предоставив автоматам возможность самим прокладывать курс, я откинулся на спинку кресла и с полузакрытыми глазами размышлял о таверне, которую непременно обнаружу.

Не знаю почему, но таверна представлялась мне возле пыльной извилистой дороги. Я отчетливо различал и потемневшие от дождей деревянные стены, и таинственный сумеречный двор, и поскрипывающие лестницы... Словом, память оживила таверну именно такой, какой она была описана в одной древней книге, где были собраны леденящие кровь истории о кладоискателях и одноглазых межзвездных пиратах. Чего стоили одни лишь названия подобных заведений, скажем: «Плавники акулы», «Медведь-копьеносец» или «Три поросенка».

...Вездеход остановился. Судя по приборам, где-то здесь должна была располагаться самая чудесная в космосе таверна, в которой робот Гимза якобы обнаружил лишь вычислительную машину.

Я обшарил глазами холмистый пейзаж и обомлел. Неподалеку, на обочине заброшенной извилистой дороги, красовалась та самая таверна! Над воротами вздрагивала от ветра изрядно проржавевшая вывеска, грозившая вот-вот сорваться на голову зазевавшегося. Небесталанный живописец когда-то изобразил, притом явно с натуры, бело-розовых поросят и увенчал свое творение скачущими буквами «Три поросенка». Памятя сентенцию Гимзы о всему без разбора удивляющихся невеждах, я решил вообще ничему не удивляться и вскорости уже ступил в загадочный полумрак двора. Откуда-то издалека, будто с другой планеты, донесся ленивый лай собаки. Кто-то мерно крутил лебедку, вытаскивая воду из колодца. Покатые ступеньки заскрипели на разные голоса под моими ногами. Я толкнул дверь и очутился в небольшом зале. Посетителей было не густо. Только один столик в углу был целиком занят. Сидящая за ним комп-

ния сосредоточенно потягивала пивко. Один из них нехотя повернулся в мою сторону, не без подозрительности ощупал меня единственным глазом.

— Приветствую всех, — поразмышляв, сказал я.

Одноглазый столь же нехотя повернулся ко мне спиной и залпом опорожнил свой бокал.

— Милости просим. С прибытием, — вышел мне навстречу из-за стойки владелец таверны «Три поросенка». — Пива?..

— Неплохо бы, — сказал я и занял один из свободных столиков.

Тут было над чем поразмыслять и чему удивиться, но я решил сначала просто понаблюдать. В конце концов, не столь уж часты ситуации, когда человек может вволю наслаждаться обретенной мечтой. Я провел ладонью по поверхности стола, вливавшего следы жира и пива. Доски были обтесаны грубо, но со временем рукава множества посетителей отшлифовали стол до блеска.

— Пейте на здоровье, — сказал хозяин, поставив передо мною огромную пивную кружку.

— Спасибо, — сказал я и дунул на шапку пены. — А переночевать можно?

— Все можно, — отвечал он, рассевшись напротив.

Я отпил несколько глотков. Тем временем он внимательно меня изучал. Чувствовалось, что ему не терпится начать свои расспросы.

— Небось издалека? — прищурился он.

— Издалековата.

— И давно в пути?

— Годиков четыреста, а то и пятьсот. Точно не помню, — сказал я.

Он заерзal на стуле и, опершись локтями о край стола, посмотрел на меня с недоверием.

— Я не мастак загадки разгадывать, — чуть улыбнулся он. Я пожал плечами.

— А куда путь держите?

— От одной звезды к другой.

И опять он улыбнулся.

— Вы хотите, чтоб я и этому поверил?

— Как злагодарассудится, — ответил я. — А вот пиво у вас отменное.

— Пиво как пиво... Сколько дней пробудете в наших краях, если не секрет?

— Поживем, увидим.

Хозяин неторопливо набил трубку, поднес к ней огонек, блаженно вдохнул дым.

— Послушайте, а ваша таверна на самом деле существует?.. — решил я задать вопрос сразу, в лоб, но, заметив это саркастическую ухмылку в обрамлении синеватого дымка

трубки, поспешил отступить: — Я имею в виду, давно она существует?

— Гм-м... — он вынул изо рта трубку. — Да как вам сказать... С тех самых пор, как Лоэлл открыл нашу планету и установил здесь кое-какие аппараты. Вы, кажется, впервые в здешних краях?

— Вы угадали, — сказал я.

— Гм-м... — снова протянул он. — А коли впервые, то вам будет нетрудно вспомнить один нехороший случай на Данае.

Меня как будто ударило током. Я посмотрел вокруг. Но нет, никто не обращал на нас внимания.

Случай на планете Даная... Я всегда старался забыть, вытравить из памяти эту историю. А началась она с того, что группа астронавтов попала на Данае в тяжелое положение. У них взорвался двигатель, взрывом снесло биостанцию, и помочь им, пока не подоспеет спасательный рейдер, можно было лишь одним: водой и продуктами. Но переправить им воду и продукты было не так-то просто. Мы висели на орбите в нескольких тысячах километров и прекрасно понимали, что мало-мощный грузолет будет наверняка раздавлен в могучих гравитационных объятиях Даная. Разумеется, была надежда на чудо, был, что называется, шанс, но я-то лучше прочих понимал, что к чему. Я был лучшим астронавигатором на всем корабле, и, когда двое вызвались лететь туда, мне ничего не оставалось, как тоже примкнуть к добровольцам. Хотя я заведомо знал (потому что все сосчитал), что могут полететь лишь двое и что, по древнему закону звездоплавания, назначают всегда тех, кто вызвался первым, и меня оставят. Ребятам повезло, они остались живы, хотя и покалечились, а я, никуда не летая, разделил вместе с ними тяжесть наград и бремя славы...

— Что ж замолчали? — спросил хозяин.

— Какого ответа вы ждете?

— Зря вы стараетесь забыть Даная. Зря. Ее из памяти не выжечь каленым железом. Вам не кажется, лучший в мире астронавигатор, что этот ваш поступок... — Он замолчал, видимо, подыскивая предельно мягкое выражение для определения моего поступка.

Воцарилось тяжелое, давящее молчание, покуда не стало ясно, что мягкого выражения не подыскивается. Я допил пиво.

— Так кто же вы? — наконец заговорил я.

— Я? Хозяин таверны. Скажем так: таверны вашей мечты.

— Моеи мечты?

— А вчера я был вычислительной машиной мечты Гимзы. И угощал его током высокого напряжения.

— Сегодня таверна, вчера компьютерша. Я ничего не понимаю, — сказал я.

— Я тоже, — отвечал он.

— А если я сейчас помечтаю о чем-нибудь другом?

— Уже поздно. Ничего не изменится. Ваше воображение уже не задействует аппараты Лоэлла.

— Что это за аппараты?

— Они всего лишь дополняют удивительные свойства планеты Либертас. Планеты, где приходится отвечать на все вопросы.

— Что ж тут раздумывать, — сказал я. — Да, мой поступок не приличествовал человеку. Увы.

— Наконец-то вы сами себе признались в этом. А посему я предлагаю отдохнуть.

— Сам себе признался? — спросил я, потому что ничего не понимал.

— Сам себе. Ведь вы единственный во вселенной хозяин вашей мечты. И теперь наконец сами отчитываетесь перед собой.

— Вы правы, — протянул я и вытер платком вспотевший лоб. — Неплохо бы и отдохнуть...

— Поднимитесь наверх. Первая комната на втором этаже всегда свободна.

— А все-таки что это за свойства? — спросил я.

— Никто толком не знает. Лоэлл и сам-то не успел до конца их разгадать. Но разве это важно — идти во всем до конца?

— Спокойной ночи, — сказал я.

— Приятных сновидений, — ответил он мне.

И опять на все лады под ногами заскрипели старые ступеньки. Уже с высоты второго этажа я еще раз оглядел зал. Все продолжали пить свое пиво, а хозяин за стойкой курил свою трубку, полузакрыв глаза.

Вскоре я уже лежал в мягкой постели, прислушивался к бушиющему за ставнями ветру и размышлял о том, что Лоэлл был прав, вложив столько сил и трудов в свою таверну. Хотя заведомо знал, что астронавты, побывавшие в этих местах, никогда не перескажут подробностей своего пребывания здесь.

И если меня спросят, как я провел время в этой таверне, вряд ли я решусь сказать правду, ибо кому охота вслух говорить о том, что вот, мол, я в конце концов отыскал способ отчитаться перед своей совестью. Главное в другом. Главное в том, что я, видимо, попытаюсь объяснить людям, что у меня никогда не было порыва отправиться на планету Даная и что они относительно меня пребывают в заблуждении, ибо я лишь хотел промазаться к полету, в котором не участвовал.

Перевел с армянского Г. Мечков

Русуля

Малышка проснулась среди ночи и соскочила с кроватки, искала ночной горшочек, но, наткнувшись на него в сумерках, от неожиданности заплакала.

Старый биокибер Русуля тотчас подбежала, переодела Торонку и тихо спела ее любимую песенку:

А нам вчера сорока
дорогу перешла,
и на хвосте сорока
нам зиму принесла.
Сказала нам сорока:
«А у меня печаль...»—
А нам сороку малую
совсем было не жаль.

Уложила малышку в кроватку и сама пыталась уснуть, довольная, что плач Торонки не разбудил Антона Курая и Всеславу Руту в соседней комнате.

Врач Антон Курай в последние годы увлекся альпинизмом. Вчера принимал участие во Всениканских соревнованиях на стенах известного небоскреба на улице Соло № 567 и на каркасе Флитского моста. Антон Курай занял первое место. Вчера так восторженно рассказывал о своей победе! И даже сейчас, среди ночи, что-то выкрикивает, стонет: просит товарищей по команде дать крювиц, чтобы удержаться на отвесных поверхностях моста.

Еще 1247 дней тому назад биокибер Русуля должна была пойти на демонтаж. Отработала свое. Уже пора... Вот только дети Чебер и Шафран не соглашались, привязалась она к ним. Да за Торонкой надо ухаживать, как ее оставишь без присмотра? Вот проснулась среди ночи, расплакалась...

В комнате тишина, словно в зале гипнографа. Антон Курай умолк, наверное, выбрался на арку Флитского моста. И Всеслава уснула крепко. Мертвая тишина в комнате, как самая причудливая музыка инканского радио.

Русуля вышла в прихожую и, не включая свет, начала одеваться, еще сама не зная — зачем? И только отыскав свои черные сапожки, она поняла — принесет малышке желтый живой цветок из Далекого Оврага. Торонка всегда так сказочно прекрасно улыбается, когда видит живые цветы. На Инкане найдешь разве что в Фиевском заповеднике или в Далеком Овраге, куда не каждому и добраться: круты склоны и обрывы, образовавшиеся еще при первичном синтезе этой искусственной планеты за 475 миллионов километров от Солнца в астероидном поясе.

Русуля прошла кабину скоростного лифта. Пошла пешком. На безлюдной улице ничто не нарушало тишину, разве что далекое, только для кибера ощущимое, рокотание Дзябринского комбината. Серебряные шары фонарей висели над магистралью густым пунктиром.

Можно было вызвать такси, но Русуля любила ходить пешком, ей было приятно ощущение усталости. Ущелье улицы вывело на площадь Соло. А с площади нужно было повернуть направо, пройти магистралью № 172 до пересечения с улицей Верда и повернуть налево. А там уже рядом и Далекий Овраг. Днем, когда горит над Инканой оранжевая ракета-солнце, не каждый имеет право зайти в заповедник. Но среди ночи, когда только большая звезда, настоящее далекое Солнце, слабо освещает причудливые контуры инканских деревьев, тогда никто не остановит ни человека, ни кибера, знающих тропы в Далеком Овраге.

Еще позавчера должны были появиться желтые цветы. Она их обязательно должна отыскать.

Проходя мимо огромного магазина на площади Соло, вспомнила, как на прошлой неделе за двойное стекло витрины залетел инканский воробей. Как он умудрился попасть в совсем небольшое отверстие кондиционера?

— Он умрет, — испуганно остановил ее тогда белобрюхий мальчишка.

— Кто умрет?

— Наш инканский воробей! — воскликнула девочка с розовыми бантиками.

Детям было не понять, почему ради воробья нельзя разбить витрину. Ведь он живет, и такой красивый. Пусть посыплются на землю холодные острые осколки, освобождая серое звонкоголосое создание... Дети не могли еще понять условностей взрослых. А Русуля ничем не могла помочь. Ради воробья никто бы не демонтировал витрину.

После пересечения с улицей Верда она свернула налево, миновав последний дом, который мигал окнами, словно глазами сказочный пангриль. Днем отсюда уже было видно Далекий Овраг. Оставалось пройти подземным переходом. Желтая рука-указатель показывала направление.

Русуля стала на шершавую дорожку эскалатора. Волновалаась. Скоро она вынырнет из-под земли и увидит Далекий Овраг. Причудливые деревья, живая трава и живой мох. Те деревья и ту траву привезли с далекой Земли. И они прижились. Их заставили прижиться в этом заповеднике.

Осторожно спускалась крутым склоном... Она бывала здесь часто. Наконец добралась до почти ровного пятака, где увидела несколько желтых головок. Сорвала только три цветка, вернула их широким листом папры и медленно стала выбираться назад.

Подыматься трудно. Русуля часто останавливалась отдохнуть, сознавая свою старость, дряхлость, но это ее не угнетало, она улыбалась, она представляла себе радость маленькой Торонки.

Наконец выбралась на твердое ситаловое покрытие. Желтая рука-указатель показывала направление к подземному переходу. Вдруг ей захотелось перейти магистраль по поверхности. Ночь. Тишина. Ни единой машины. Зачем спускаться под землю? И она пошла по поверхности. Торжественно держала в левой руке маленький букет. Люди называют эти цветы горечавкой желтой. На Земле они растут большими, а здесь, на Инкане, совсем крохотные.

Уже шла по магистрали, как вдруг... Она издали увидела свет фар геликомобиля и поняла, что им не разминуться.

Все произошло молниеносно...

Когда водитель геликомобиля увидел, что пострадал биокибер, он несколько успокоился. Яркие фары фонарей вдоль магистрали освещали тело Русули, далеко отброщенное тупым носом машины.

— Ну что ты там, Ян? — взволнованный женский голос из кабины.

— Это биокибер, — сказал мужчина.

— Ты уверен?

— Уверен...

Он видел лужицу биоплазмы, которая вытекала из порванных газопроводов, видел изуродованные траzonные головки, которые ловили отблески фонарей на разрывах эпителиальной ткани.

Она лежала маленькая и жалкая, как инканский воробей за двойным стеклом витрины.

— Ты уверен, что это не человек? — крикнула женщина.

— Да, — тихо сказал мужчина. — Почему она пошла по поверхности?

Он достал арниковую сигарету и закурил. Женщина в кабине что-то взволнованно говорила, но он не прислушивался, был просто не в состоянии что-либо слышать. В тот миг мир потерял для него свою реальность и материальность. Машина. Тело биокибера. Желтые цветы на санталовом покрытии магистрали. Фонари. Темнота ночи. Высокие дома с редкими освещенными окнами. Словно остановленные кадры из фильма...

Хотел вызвать машину с центрального магистрального селектора, но она приехала сама. Телекариусы магистральных мониторов сами зафиксировали аварийный статус. С дежурной машины вышли двое — человек и биокибер.

— В чем дело? — спросил усатый мужчина сонно и безразлично. Он, наверное, дремал в своей зонате, когда засветилось табло «тревога».

— Она переходила магистраль по поверхности. Не знаю, почему она так поступила...

— Да, я вижу... — Дежурный опустил на самые глаза форменную фуражку. — Вы не виноваты. Но почему же действительно она не пошла подземным переходом?

К телу Русулы подошел биокибер, наклонился, профессионально осмотрел и удивленно молвил:

— Кто же выпустил такую старую среди ночи? Она же словно ребенок. Это еще из первого поколения биокиберов. Если не отдали на демонтаж, так хоть заботились бы...

Усталый дежурный сказал:

— Можете ехать. Не волнуйтесь. Вы не виноваты. А этого старого биокибера мы сейчас отвезем на комбинат.

Маленькая Торонка проснулась среди ночи и расплакалась. Но ни Антон Курай, ни его жена Всеслава Рута не проснулись, и никто не спел малышке песенку о сороке. И она, поплакав, сама снова уснула. Антон Курай во сне начал просить товарищей, чтобы дали крювица, чтобы помогли удержаться на отвесных поверхностях моста. Но вскоре затих. И Всеслава спала крепко. В комнате воцарилась тишина, словно в зале гипнографа.

Черепаха

(Из цикла «Рассказы о планете Тавеста»)

Зима выдалась суровой. Палящая Цита с каждым днем все раньше поднималась над горизонтом. Опаленные ее лучами, глины рассыпались. Гасли зеленые пятна на камнях, мелели ручьи. Желтые пятна пустынь, медленно распространяясь, поднимались на склоны гор. По ночам на иссохшую землю обрушивались ветры. Они били друг о друга сухие комья, перетирали их в пыль, поднимали в воздух и уносили. Оранжевые столбы медленно бродили за потемневшими защитными колпаками городов. Люди задыхались. Вентиляторы, бесшумные и надежные, начинали в такие дни угрожающе завывать. Они с натугой гнали из-под земли на пустынные улицы струи теплого, пахнущего металлом воздуха.

А за прозрачной стеной, окружавшей город, лопалась земля. Между столбами подвесной дороги появлялась прихотливая сеть трещин. Равнина становилась похожей на старое коричневое стекло, затканное паутиной. Трещины засыпал песок, расселины возникали там, где только что блестели пересохшие содовые пространства озер.

А в безоблачном небе равнодушно сияла Цита. Она поднималась к зениту, медленно опускалась, дымная и багровая, пока наконец не сваливалась за горизонт, но, прежде чем исчезнуть, источала столб огня, и багровые тени вспыхивали на стеклянных стенах домов.

К концу месяца реки и ручьи пересохли. Серый пыльный налет покрыл камни.

Истомленным жарой и сушью людям каждый вечер показывали по телевидению моря. Им показывали, как клубятся там тучи, опускаясь, тяжелой моросью выпадая на камни. Голубые камни, покрытые пленкой воды... Вода текла по ним, собираясь в короткие ручьи, опуская белые нити в море.

Густые черные воды колыхались на экранах безжизненно и угрюмо. Камеры погружали, и перед зрителями начинали скользить силуэты рыб. Безразличные, фантастические, они проплывали, лениво шевеля хвостами.

Люди ждали весны. И она пришла. Над выжженными стенами Тавесты заклубились сизые облака. Они приходили со стороны моря, накапливались и уплотнялись. Над равниной облака останавливались и сбивались в первый видимый с земли слой. Они стояли неподвижно, копя влагу. Выше их громоздился второй слой, за ним третий. Лиловый сумрак опускался на землю.

Планета ждала. В городах у выездов за предохранительный купол и на вокзалах горели тревожные транспаранты.

Сумрак над планетой сгущался. Черные ядра зреющих туч медленно перемещались в густом, насыщенном электричеством воздухе. Воспринявшая от них заряды сухая пыль поднималась столбами вверх. Нижний край туч начинал светиться.

И тогда первые тяжелые капли отделялись высоко в небо от облаков верхнего яруса. Их падение рождало лавину. Отяжелев от водной ноши, тучи вскрывались, и на планету обрушивался поток. Тьма падала на землю. Становилось трудно дышать. Земля вспухала. Пенные фонтаны били из нее. Реки выходили из берегов. С гор с ревом сваливались водопады. Степи превращались в моря. В городах зажигали свет.

Потоки воды с неба лились день за днем. Напряженная от избытка электричества атмосфера рождала грозы. Грохоча и светя зарницами, они проходили, теряясь за цепями гор.

И так каждый год...

* * *

Утро началось — это показали часы. Небо за окном было по-прежнему черным, но в нем уже, как два огромных красных жука, бродили спутники. Долина была пестрой, словно выложененной черными и розовыми плитами: черные тени и розовая, залитая светом спутников пыль.

Толик проснулся оттого, что свет упал ему на лицо. Он поморщился и потерся лицом о подушку. Он не любил вставать, а еще больше не любил выходить из дома. В доме не было костюма, который был бы ему впору. Над головой зашуршало (включился репродуктор), и Леда позвала к столу.

— У тебя мокрая голова, — сказала она. — Ты опять умылся под душем? В этом месяце ты уже лежал с простудой.

Толик промолчал.

Они завтракали одни.

За окном беззвучно взметнулась пыль. Неслышно запел мотор. В узком иллюминаторе вездехода дрожала чья-то спина.

— Леда, почему давно не приходит отец? — спросил Толик.

— Он очень занят.

Леда встала и, подойдя к окну, опустила звонкую штору. Заходил спутник, и резкий свет его воспламенил долину.

— Неудачно поставлен дом, — сказала Леда. — Теперь все дома строят окнами внутрь. Дом-кольцо. Ты мог бы в нем бегать без остановки.

Она невесело засмеялась, и Толик подумал, что Леда чем-то встревожена.

— Мы уезжаем завтра? — спросил он.

— Да.

Она прошлась взад-вперед по комнате, ее босые ноги примяли беспокойный ворс ковра.

— Домой? — спросил Толик.

— Домой.

— Я увижу Город?

— Конечно, мы будем в нем жить.

— И подвесную дорогу?

— Мы поедем на ней.

— А я так и не увидел здесь ни одной черепахи.

— Это потому, что их стало мало. Они очень осторожные и не выносят света.

Толик сидел в своей комнате — маленькой комнате, увешанной игрушечными картинками из жизни Тавесты, и проверял костюм. Он умел проверять его, четыре проверки, четыре раза надо совместить стрелки — все равно Леда не выпустит, не сделав проверок сама.

Леда пришла и помогла одеться (она всегда это делала), проводила до дверей шлюза и открыла входной люк.

Люк отпал, и Толик ступил металлической подошвой на розовую землю. Легкое облачко выплеснулось из-под ноги, в губчатой ноздреватой поверхности планеты появилась вмятина. Жидкий разреженный воздух не смог удержать пыль, и та беспардонно упала.

Толик шел к Старым холмам, где много больших нор и трещин и где раньше водились черепахи. (Они водились там, так говорили и отец, и начальник станции, и механик, а они жили здесь еще двадцать лет назад, когда и самой станции не было, а вместо нее стоял старый вагон подвесной дороги, потом разобранный.)

Над ухом ворочался автомат. Он впускал в шлем воздух и выбрасывал его. Он стрекотал, как большое доброе насекомое, которое забралось в шлем и примостилось над самым ухом. От того, что он работал, казалось, что идешь не один, что все время идут двое.

Губчатая земля перед Толиком дрогнула, и по ней пробежала прихотливая трещина. Горы распадались, не выдерживая бесконечных нагреваний и охлаждений, они были слишком стары для того, чтобы нести бремя своей жизни. Трещина была неглубокая. Толик обошел ее. По долине, исполосованной черными и розовыми тенями, он достиг подножия Старых холмов.

Толик любил смотреть на них из окна станции. Были еще и Новые холмы. Они лежали у самого горизонта и напоминали волны — плавно изгинаясь и раскачиваясь, текли за горизонт. О них ничего нельзя было подумать, кроме того, что это холмы и что, может быть, они движутся.

Старые холмы — другое дело. Изломанные и исковерканные, они боролись и тщились сохранить черты того, чем были или могли быть когда-то. Один холм был похож на кита. У него

была большая голова, бессильно упавший плоский хвост и торчащий в спине, расщепленный надвое гарпун. Кита Толик увидел сам, а Садовника, Ослика с тележкой и Жабу показала ему Леда.

Толик заглянул под первый лежащий у самого подножия холма камень. Ничего. Тогда он побрел от камня к камню (бурые и бугристые, они громоздились друг на друге).

Камни поднимались легко, они поднимались как огромные куски декораций и беззвучно катились вниз, не высекая искр и не выбрасывая вверх короткие струи пыли.

Добравшись до вершины холма, Толик сел на круглую лобастую глыбу. Он сидел и слушал, как стрекочет над ухом автомат и как остывают руки и ноги. Камень, наверно, был горячий — автомат угрожающе загудел, торопясь менять воздух.

Толик встал и повернулся, чтобы начать спускаться вниз, он сделал уже первый шаг, как вдруг увидел черепаху. Он никогда не видел живых черепах, только на картинках в книгах у отца и в телевизионных передачах, но он сразу понял, что это и есть настоящая черепаха, такая, о которой мечтал. Он наклонился и осторожно двумя руками вытащил ее из трещины. Черепаха не успела изменить форму и была согнута под углом так, как лежала: половина тела в трещине, половина наружу.

Он провел перчаткой по ее пыльной спине, и та сразу засияла.

Прижав черепаху двумя руками к груди, он понес ее, осторожно ставя башмаки между камнями и сильно отклоняясь назад. Склон холма был крутой, Толик долго петлял по нему.

Потом он шел по долине к станции и думал о том, что завтра возьмет черепаху с собой и что она будет жить у него в Городе. Странно, что в книгах у отца не было ничего написано о том, что едят в неволе черепахи, и в телевизионных передачах люди тоже только собирали черепах, но никогда не кормили их.

Когда последний замок костюма была расстегнут, Леда сказала:

— Какой ты молодец! Мы живем здесь три года, а ты первый поймал черепаху. Нужно показать ее всем.

Черепаха лежала на полу, на ворсистом упрямом ковре, постепенно меняя форму. Она не была больше согнута под углом, она выпрямилась. Леда потерла ее тряпкой, и Толик, присев, смотрел, как под прозрачной броней плавают оранжевые глаза и красно-синие внутренности и как, медленно изменяя форму, черепаха движется в тень. Она текла по ковру, как кусок жидкого стекла, обтекая ножки стула, никуда не торопясь и ничего не пугаясь.

Леда ушла. Толик раздобыл картонный ящик и посадил в него черепаху. Очутившись в ящике, она тотчас начала медленное неотвратимое движение вверх по стенке.

— Нельзя! — Толик осторожно толкнул черепаху вниз и

почувствовал в ответ холодную прочность камня. — Все равно нельзя!

Черепаха опустилась на дно и, образовав там кольцо, замерла.

Толик сбежал в лабораторию (там лежали приборы почвы) и принес кусок оранжевой пористой глины. Он бросил кусок на дно, черепаха тотчас дрогнула и потекла к нему. Дыра посередине ее вытянулась, уменьшилась, превратилась в щель, а затем исчезла. Черепаха наползла на глину, накрыв ее своим телом. Кусок глины проник в тело черепахи и начал медленное движение по нему, теряя очертания и рассыпаясь.

Когда черепаха отползла, на том месте, где она только что лежала, осталось пятно тонкой коричневой пыли. Толик вспомнил, что такие пылевые следы несколько раз попадались ему во время прогулок.

Он положил на дно ящика игрушку — подзорную трубу, и черепаха, окружив ее, снова образовала кольцо.

— Как ловко это ты делаешь! — сказал Толик. — Ты умная и спокойная.

Он положил в ящик три кубика, и черепаха, соглашаясь на условия игры, проникла между ними — на дне ящика получился узор, созданный ее телом.

Толик отбросил крышку и, наклонившись над ящиком, уперся о дно рукой. Он растопырил пальцы, и черепаха, окружив руку, повторила пятиугольный знак, описанный вокруг ладони и пальцев.

— Ты что делаешь? — спросила, заглянув в комнату, Леда.

— Мы играем. Ты знаешь, как хорошо с ней играть! Я назвал ее Черепаха!

— Конечно. Черепаха с большой буквы. Ведь это, может быть, последняя из черепах. Поиграешь, посмотри цветные картины. Я задержусь: сегодня мы едем к Дальним холмам.

Вечером пришел отец.

— О, черепаха! — сказал он.

Он присел над ящиком и с усталым любопытством долго смотрел в огромные, увеличенные выпуклой прозрачной броней оранжевые глаза. Они медленно перемещались, плавали, как пузыри желтого воздуха, и равнодушно смотрели на человека.

— А где Леда? — спросил отец.

— Она уехала.

Леда вернулась уже после того, как отец ушел, и стала спрашивать, что Толик делал без нее, но говорила только о черепахе.

— Ее надо вынести за дверь. Здесь чересчур много воздуха и очень тепло, — сказала она.

— Хорошо, я вынесу, — согласился Толик. — А где она будет жить в Городе?

— В Городе? Ее придется оставить здесь.

Толик почувствовал, как теплеет у него в глазах и как чья-то мягкая рука сжимает ему горло.

— Как оставить?

— Очень просто. Ты ведь не хочешь, чтобы она погибла? Узевенные отсюда, они быстро погибают. Это пишется во всех книгах. Можешь спросить у отца.

Леда впервые за вечер произнесла слово «отец».

Толик заплакал. Он плакал потому, что все, что так чудесно устроилось, что изменило жизнь и сделало ее непохожей на то, что было, когда он был просто один, совсем один, рушилось.

Он наклонился над ящиком и осторожно погладил холодное блестящее тело, совершенное и замкнутое в себе. Легкое покалывание пронзило его пальцы и заставило сердце биться быстрее.

Черепаха перестала ползать по дну и лежала посреди ящика, собранная в правильную полусферу.

— Мы уезжаем завтра. Время не изменили. Сегодня последний день, — сказала Леда.

Они сидели в креслах друг против друга, и Толик подумал, что у Леды сильнее обычного горят глаза и нахмурен лоб.

— Сколько мы жили здесь, в горах? — спросил он.

— Пять лет. Два года, когда ты был маленький, ты жил без меня дома.

— Леда, — Толик пересел на ковер к ногам Леды и, тронув ее руку, спросил: — Расскажи о Земле. Ведь люди прилетели оттуда?

Леда кивнула.

— Говорят, там сколько угодно воздуха, много света и повсюду растет трава. Да?

— Да, зеленая трава и над ней высокое небо. И воздух, воздух... Много воздуха. Здесь, у нас в горах, его почти нет, а в Городе его много, но он пахнет маслом и электричеством. На Земле не нужно никаких костюмов, выходишь в одной рубашке и бежишь навстречу ветру. Один, совсем один, а кругом трава, зеленая трава без края...

— Ты никогда не рассказывала мне про Землю. Расскажи что-нибудь еще про траву.

— Что? Я сама знаю о ней так мало, только из книг да из фильмов. Она зеленая и похожа на полоски бумаги. Если много таких полосок приклеить к полу и хорошенько взъерошить, получится трава... Ты меня понял? Черепаху придется оставить здесь.

— Да.

— И не сердись. Я понимаю: за три года это твой первый друг. Вы бы так славно играли с ней.

— А звери? На Земле много зверей?

Леда поежилась, короткие волосы, кольнув, больно коснулись плеч.

— Да, очень много. Когда-то с Земли их привезли и сюда, но они все погибли. Остались те, кого выпустили в море. Их называют рыбами и дельфинами, но это уже не дельфины и не рыбы, настоящие рыбы и дельфины другие. Что-то произошло с ними, они изменились за каких-то триста-четыреста лет. И черепахи. Они выжили, но кто бы мог подумать, в какие странные существа превратились они! Только мы не изменились — люди... Хотя кто знает: вот теперь мы все заболели тоской по Земле. Не спрашивай меня больше о ней. С тех пор как я родилась, как помню себя, я все время думаю о Земле...

Когда Леда проснулась, на часах еще не было пяти. За выпуклым стеклом по-прежнему дрожала лиловая чернота.

Она оделась и по бесшумным ворсистым дорожкам прошла к выходной шахте. Медленно повернулся на оси массивный люк. Леда вышла из дома.

У ее ног начинались и убегали вдаль пробитые человеческими подошвами тропинки. Дымилась ночная долина. Черные зубцы холмов наступали на станцию.

Леда подняла лицо кверху. Прямо над ней, круто выгибаясь, уходило вверх покрытое геральдическими созвездиями небо.

— Прощайте, звезды!

Край неба начал светлеть. Восход разгорался над холмами. Пожар метался по камням. Зеленая тень станции кружила по долине. Небо дрогнуло. Из-за горизонта вырвался изумрудный луч и расколол долину на две неравные части.

Звезды исчезли. Зеленая в дымных полосах Цита стремительно поднялась над планетой.

Внутри станции послышался ноющий звук мотора: просыпались люди.

Начиналось последнее утро.

Леда постояла, тряхнула головой, задела волосами стекло шлема и, повернувшись, шагнула внутрь дома.

Последний день...

«Маэстро»

Времени до начала конференции оставалось в обрез, но Платон не воспользовался гравикаром. Раньше эти аппараты были оборудованы пультами управления: набрал индекс по карте города, ткнул пальцем в кнопку и лети. Теперь гравикары управляются биотоками мозга и требуют целеустремленного мышления. Платон же был страшно рассеян. Мысль его работала скачками, прыгая с предмета на предмет, и искусственный мозг буквально закипал, не в силах разобраться в хаосе пиков и провалов, вычерчиваемых осциллографами. В конце концов срабатывал блок самозащиты, машина приземлялась и категорически отказывалась следовать дальше. Дошло до того, что некоторые гравикары запомнили его и просто-напросто не открывали дверь... Нет, что там ни говорят об устарелости и допотопной медлительности автомобилей, насколько же они надежнее всех этих новинок.

Щурясь от весеннего солнца и тщетно обшаривая карманы в поисках темных очков, Платон прошел мимо двух свободных гравикаров и нажал кнопку вызова на оранжевом столбике у края тротуара. Через минуту низкая серая «черепаха» опустилась на мостовую. Он вошел в предупредительно распахнувшуюся дверь, и тотчас под полом приглушенно взывали моторы. Накачав воздушную подушку, машина скользнула вперед.

Платон опустился на пневматическое сиденье, уперев колени в круглый столик посредине кабины, и в который уж раз попытался предугадать, каким именно аргументом сразит его профессор Степанов. А что у того заготовлен неожиданный козырь, он не сомневался.

Психология роботов — тонкая вещь. Тонкая и опасная, как бритва, если с ней неумело обращаться. Страшен ум беспощадный, прямолинейно логичный, лишенный каких бы то ни было эмоций. Его следует держать в строго ограниченных степенях свободы. Но не страшнее ли этот же ум раскованный, неограниченный в саморазвитии, способный оценивать свои и чужие поступки не только с точки зрения рационализма? Ведь как ни приближай чувственный комплекс роботов к человеческому, они как те математические кривые, которые вечно сходятся и никогда не сольются.

Профессор будет оракулоподобно вещать эти прописные истины, не подкрепляя их ни единым фактом. Да эти истины и не нуждаются в фактах именно потому, что они прописные. И козырь, который он приберег, это, несомненно, неожиданный логический выпад, блестящий силлогизм, столь же очевидный и

столь же неверный, как утверждение, что Солнце вращается вокруг Земли.

А Платон отстаивает другую точку зрения. Почему мы так пугаемся этих слов: «эмоциональный робот»? Пусть способы мышления человека и робота неодинаковы, но ведь основаны они на единых логических законах, отталкиваются от единой реальности, поскольку и люди и роботы живут на Земле... Да, мы, конечно же, используем машинный разум. Но в полной ли мере? Используем там, где нужны сухой расчет и строгая логика умозаключений. И... самозабвенно мучаемся сами, когда речь заходит о новых формах в архитектуре или, скажем, оригинальных фасонах женских костюмов. Эти добровольные мучения по старинке называют творчеством. Считается, что они доставляют человеку высшую радость бытия — радость созидания. А кто-нибудь подсчитал, сколько часов, дней, жизней уносят ежегодно у человечества эти самые радости созидания?

Так размышлял Платон, готовясь высказать заветные свои мысли на конференции. Доклад, конечно, встретят в штыки. Еще бы, оскорбленное самолюбие; легко ли признать, что машины могут заменить человека и в сфере его творческих исканий? Да и что же тогда останется людям, которые, отдав роботам физический труд, должны будут отказаться и от творчества? И хотя никто не собирается передоверить машинам сферу интеллектуального созидания и речь идет всего лишь о дальнейшем выявлении возможностей искусственного мозга, от Платона потребуют фактов — точных, проверенных, неопровергимых фактов, оформленных должным образом в лабораторном журнале. Ну что ж, факты будут...

Платон запустил пальцы в шевелюру. Он знал, что некрасив. Никакие ухищрения, никакая косметика не могли окрасить недостатки его широкоскулой, носатой, губастой физиономии. Но ведь должен же существовать тот единственный вариант прически, который облагородит его облик, сольет все части лица в единое гармоничное целое, приятное глазам окружающих. Он так и не нашел этого варианта за долгие годы... Но сегодня он продемонстрирует этот вариант! Зал изумленно ахнет, когда Платон предстанет эдаким симпяташом — кудрявым... или, может быть... с пробором посреди головы? Ну об этом позаботится МАЭСТРО — Малый Экспериментальный Самостоятельно Творящий Робот, над созданием которого с упоением трудились Платон и его лаборатория все последние месяцы. Во всяком случае, «преображение» Платона будет довольно веским аргументом в пользу машин, наделенных чувственным комплексом...

Резкий толчок вернул Платона к действительности. Поворот, еще поворот — и у подножия пологого холма над густыми кронами деревьев показалось белое здание научно-исследовательского института психологии роботов.

Платон выскочил из машины, быстрыми шагами отмерил

песчаные дорожки сада и по винтовой лестнице черного хода спустился в подвал, куда за неимением места временно поместили «Маэстро».

Здесь было темно и тревожно. Отдавало чем-то затхлым, заплесневелым, как всегда пахнет там, куда редко заходят люди. Включив освещение, Платон секунду поколебался, собираясь с духом, потом дернул рубильник, подключающий электронного парикмахера к сети, и решительно уселся в кресло.

За его спиной с тихим шорохом появилось сверкающее полушире и мягко опустилось на плечи. Заработал аппарат кондиционирования воздуха. Внутри полушиария вспыхивали и гасли индикаторы: «Маэстро» изучал клиента.

Обычно Платон стригся в маленькой парикмахерской возле своего дома. Там работал старенький робот одного из первых выпусков его же, Платона, конструкции. Не обладая ни каплей фантазии, он просто спрашивал, какую прическу делать, и действовал по заданной программе, развлекая клиента вчерашними новостями. Старик был болтлив, не умел улавливать настроения собеседника и не имел кнопки отключения речи. Теперь парикмахеры без таких кнопок не выпускаются.

Робот, которому он сейчас доверил себя, тоже не имел этой кнопки. Платон посчитал ее лишней: «Маэстро» в какой-то степени эстет и не станет раздражать клиента праздной болтовней.

— Ну что ж, начнем! — решительно произнес робот, закончив обследование.

— Начнем, пожалуй, — рассеянно отозвался Платон и вдруг спохватился. — Стой, стой, ты бы хоть спросил сначала, какую стрижку я желаю.

— Зачем? — искренне удивился «Маэстро». — Ведь я специалист и разбираюсь лучше вас. О прическах я знаю все, что накопила история человечества, начиная с наскальных рисунков и древних папирусов и кончая новейшими разработками в институте эстетики. Поэтому доверьтесь мне безбоязненно. Моя задача — отразить во внешности клиента истинно прекрасное...

— Твоя задача в первую очередь исполнять желания человека, — суроно возразил Платон. — Может быть, я пожелаю прическу «Майское утро» или, скажем, «Осеннюю песню»...

— Невозможно, совершенно невозможно! — заволновался робот. — «Майское утро» хороша для слегка вытянутых голов и мелких черт лица, а «Осенняя песня» подходит мужчинам, далеко шагнувшим в пору зрелости. Вы же еще молоды, и у вас круглая голова неправильной формы...

— Хватит, хватит! — поспешил перебил Платон. — Я прекрасно знаю свои недостатки и вполне доверяю тебе. Но все же покажи сначала, каким я представляюсь в твоем воображении.

— Пожалуйста, — неохотно согласился робот.

Внутри полушиария вспыхнул маленький экран. Волосы у Платона встали дыбом. Ну и образина! Половина головы была

щательно выбрита, как в старину у каторжников, по другой половине ветвились какие-то странные зигзаги. Ближе к макушке они переходили в аккуратно выстриженный треугольник. Брови были пробриты в тонкие ниточки и зачем-то разделены на четыре части каждая...

— Ты с ума сошел! — ужаснулся Платон. — Да ты соображаешь, что хочешь сделать?

— Отлично соображаю. Такая прическа подчеркнет все мужественное и решительное в вашем лице, заставит окружающих не сходить с вас глаз. Она откроет ваш умный лоб...

— Мне не нужен умный лоб, — заторопился Платон. — Мне нужна красивая модная прическа.

Робот презрительно фыркнул.

— Мода! Пожалуйста, не произносите этого слова. Вы странные создания — люди. Вместо вдумчивого, логического подхода к своей наружности, вместо поиска того единственно прекрасного сочетания, которое позволит слить в неразделимое целое форму и содержание, вы готовы всячески уродовать себя в угоду этому непостоянному поветрию...

Платон перестал вслушиваться в сентенции, изрекаемые разошедшимся механизмом. «Возможно, — размышлял он, — у «Маэстро» каким-то образом трансформировалось само понятие человека, и он видит сейчас во мне своего, пусть более совершенного, а может быть, наоборот, более несуразного, но тоже механического собрата? Во всяком случае, робота такая прическа могла бы по-своему украсить...» Впрочем, размышлять было некогда.

— Довольно демагогии! Я приказываю подстричь меня под «Майское утро»! — категорически потребовал Платон.

«Маэстро» тяжело вздохнул.

— Лучше не просите. Мои электроны сходят со своих орбит, когда я слышу такое нелогичное, ничем не обоснованное требование.

— Хорошо! В таком случае я отказываюсь стричься, — угрожающе заявил Платон, приподнимаясь.

Мягкие края полушария вдавили его в кресло.

— Я страшно огорчен, — сказал робот, — но отпустить вас не могу. Это значило бы, что я не выполнил своего предназначения приносить людям красоту. Придется уж немного потерпеть. Сейчас вы недовольны, но со временем привыкнете к своему облику и поймете, что он для вас единственно возможный.

Платон почувствовал, как между лопатками заструился ходный пот. Чтобы оттянуть время, он попросил снова показать проект предполагаемой прически.

— Послушай, — кротко сказал он, стараясь унять дрожь в голосе. — То, что ты предлагаешь, совершенно неэстетично. Пойми, это не наша, не человеческая красота, и у нас она вызывает только отвращение.

— Вы мыслите старыми категориями, и я заставлю вас признать их ошибочность, — торжественно возвестил механический фанатик. — Я докажу, что красиво не то, что приглажено, подрвнено, залиzano. Настоящая красота не имеет ничего общего с красавостью. Она должна будоражить воображение, проводить определенную мысль... Впрочем, хватит! — перебил он сам себя. — Вы меня разволновали, вот и температура смазки поднялась на восемь с половиной градусов, а мое дело требует отнюдь не эмоций. Спокойствие и только спокойствие — вот необходимое условие успешной работы. Не дергайтесь. Я обязан быть не-преклонным ради вашего же блага.

— Остановись, паршивый эстет! — заорал Платон срывающимся от бешенства голосом. Колпак больно вдавился в плечи. Платон замотал головой. Тотчас два захвата аккуратно прижались к его щекам. Платон представил, какой хохот поднимется в конференц-зале при его появлении, как ему придется объяснять, что эксперимент, долженствующий подтвердить его теорию, обернулся против него, и беззвучно заплакал...

Через несколько минут колпак взмыл вверх.

— Вот теперь вы красивы! — медовым голосом произнес «Маэстро» и подкатил к нему зеркало. Платон подумал, что сейчас сойдет с ума: на него глядело чудовище. Вне себя от ярости, он с воплем пнул зеркало ногой. Посыпались осколки. Блуждающий взгляд Платона упал на увесистый гайковерт, валяющийся в подвале с незапамятных времен. Платон с натугой вознес его над головой и застонал от наслаждения, когда сверкающее полушарие электронного парикмахера брызнуло водопадом разноцветных искр.

...На улицу он выбирался, закрывая голову полой пиджака. О счастье! — у подъезда стоял свободный гравикар. На этот раз внимание Платона не рассеивалось. Гравикар, как по ниточке, несся... к ближайшей парикмахерской.

Сотрудники осталбенели, когда Платон ввалился в лабораторию безволосый и безбрювый. Потом Михаил медленно снял очки, поморгал задумчиво, подумал и вдруг поспешно уткнулся лицом в ладони, а Евгений, не выдержав, захочотал во все горло, жестоко и нечестиво.

Платон уперся в помощников свирепым взглядом, и они проглотили смех. У Михаила даже сделалось испуганное лицо, когда он докладывал:

— Наконец-то нам повезло. Ученый совет разрешил использовать «Маэстро» в качестве иллюстрации к докладу. А профессор Степанов как официальный оппонент согласен быть первым клиентом. Мы можем перенести робота в конференц-зал...

— Можете! — рявкнул Платон. — Бегите за ним! Толкайтесь на лестнице! Отпихивайте друг друга локтями! Только... не забудьте прихватить авоську с самыми мелкими ячейками.

Забытая песня

Главный архитектор региона выпятил подбородок, его глаза стали белыми от бешенства.

— Вы знаете, что случилось в микрорайоне на Салтовке, который вы проектировали?

— Комиссией принят благополучно, — отрапортовал Стельмах бодро, но сердце ухнуло вниз. — Дома вроде бы еще не завалились.

Но генеральный шутки не принял. Он все еще смотрел в упор на главного архитектора города, и тот, ощущив серьезные нелады, перестал улыбаться.

— Вы знаете, — злым голосом сказал генеральный, — что сейчас ваш микрорайон пуст?

— Как пуст? — растерялся Стельмах. — Заселение началось еще три месяца тому назад!

— А покидать начали тут же!

Стельмах пробормотал в сильнейшей растерянности:

— Ума не приложу...

Генеральный посмотрел остро, сказал, как припечатал:

— При обилии жилплощади такое встречается, но в таких масштабах впервые! Немедленно отправляйтесь в Салтовку, обследуйте, через два дня представите заключение. А также соображения по поводу того, что и как улучшить, дабы люди там поселились. Имейте в виду, вряд ли вы отделаетесь простеньким выговором!

— Хорошо, Алексей Алексеевич, — пробормотал Стельмах.

Когда он был уже у двери, в спину ударили вновь посвирепевший голос Бауло:

— Кстати, многие из вашего микрорайона разбрелись не по городу, а выехали вообще! Сейчас, как вы знаете, вновь строят села, признали их рентабельными на новом этапе, так вот, ваши жильцы почти целиком заселили одно из них — Красное. Советую побывать, взглянуть: что они там нашли?

...Взволнованный, он гнал машину на полной скорости. В чем дело? Современная концепция градостроительства базируется на том, что человек на протяжении жизни должен менять жилище пять-семь раз: для одного и того же человека с возрастом меняются требования к жилищу. Но что мог каждый из нас сделать раньше для метаморфозы своей квартиры? Разве что выбросить гантели и купить объемистую аптечку, а вот перетащить квартиру из шумного центра на окраину или даже просто перепланировать комнаты не мог никто.

Он сделал крутой разворот, так что машина завизжала, подумал хмуро, что такая концепция сыграла на руку и халтурщикам из СМУ. Раз квартира не закрепляется намертво за одним человеком, то чего им отдельывать ее, временную? К тому же все равно стоять этим тридцатиэтажным времянкам недолго: через двадцать-тридцать лет снова на слом, дабы уступили место еще более современным, еще более усовершенствованным... Вот и пекут их как глиняные пирожки: быстро, споро...

Он бросил машину возле самого высокого здания, метнулся в подъезд. Скоростной лифт рванулся вверх, тревожно замелькали сигнальные огоньки шахты. Он нетерпеливо ждал, когда щелкнет реле и створки распахнутся.

Почти бегом вбежал в кем-то брошенную квартиру, услышал сбоку движение, в панике метнулся в сторону, опомнился лишь у окна:

— Тыфу... как вы сюда попали?

В дверях соседней комнаты стояла его нынешняя помощница, Валентина Кузьменко, юный архитектор, присланный по распределению из всемирно известного Черкасского института.

— Я знала, что вы приедете именно сюда, — ответила она просто и подняла на него ясные глаза. — Я еще много не знаю в архитектуре, но ваши привычки уже изучила.

— За два дня? — удивился он.

— Этого немало, — возразила она.

— Ох Валя! Лучше бы вы осваивали современные тенденции архитектуры!

— Для меня это не менее важно, — ответила она загадочно. — Так с чего начнем?

— Не знаю, — буркнул он, возвращаясь к неприятной действительности. — Сперва просто посмотрим.

Штора взлетела с треском, щелкнула, сливаясь с потолком. За широченным окном во всю стену открылся вид на плоские крыши тридцати- и сорокаэтажек. На многих из них голубели плавательные бассейны, и странно было видеть в этот жаркий день пустую водную гладь.

Он постоял, рассматривая город. Дома высились, как поставленные на попа пенали. На мгновение он представил себе микрорайон заселенным, и сердце тревожно и сладко заныло. Тогда основания домов тонули бы в кипящей людской массе, что двигалась бы, разгребалась транспортом, рассасывалась подъездами, возгонялась лифтами по стволам небоскребов; эта же людская масса проваливалась бы в черные дыры метро, растаскивалась бы под землей по всему городу, где тоже появлялись бы его дома — дома, которые должны сделать людей счастливее... Впрочем, какой архитектор не мечтает улучшить жизнь человечеству?

А сейчас там, внизу, было пусто. Мозг лихорадочно анализировал ситуацию, предлагал варианты решений, сравнивал, от-

вергал, искал новые, ибо почему-то любое удачное решение одной проблемы порождало несколько новых.

— Мне кажется, — сказала Валентина неуверенно, — квартиры ко всем прочим минусам еще и великоваты...

— Что? — изумился он.

— Великоваты, — повторила она уже увереннее и торопливо облизала сухие губы. — Время дефицита жилиплощади уже прошло, а уют от размеров квартиры не зависит...

— Это я знаю, — сказал он, все больше удивляясь, — а что, это уже ввели в программы? Значит, для архитектуры наступает иное время!

— Да, — согласилась девушка, приободрившись. — Короли жили вообще в огромных залах, но чувствовали себя очень неуютно. Именно они придумали балдахины над кроватями и шторки со всех сторон, чтобы хоть так отгородиться от мира, создать уютик!

— Так, так, — произнес он пораженно, — кто же это ввел вам в учебную программу?

— Сам Полищук!

— Виталий Иванович? — ахнул Стельмах. — Он еще... Когда я был студентом, он уже тогда был академиком!

— Он еще и сейчас в реке этой купается... Так вот, он говорил, что даже короли жили в проходных комнатах среди анфилад, а сейчас понятия об уюте иные, и мы тянемся не к залам, а к оптимальной площади, которая равна всего двадцати метрам на человека!

В висках стрельнуло, остро заломило. Не глядя, он нашупал в кармане коробочку, привычно бросил в рот две таблетки. Теперь остается перетерпеть с полчаса, потом острая пульсирующая боль уступит тупой, ноющей, а колючие protuberанцы боли будут прорываться совсем редко. Больше, увы, сделать ничего не удастся: сколько бы таблеток ни проглотил, боль так и не снимешь. Устало подумал, что ни разу еще не удавалось дотянуть день без того, чтобы к вечеру голова не раскалывалась от боли. Впрочем, у кого из горожан иначе?

Морщась, он отвернулся от города. Острота мышления безнадежно потеряна, теперь остается только ждать завтрашнего дня, когда голова за ночь немного прояснится...

— Довольно, — сказал он. — На сегодня хватит. Возвращаемся.

— А разве вы не собираетесь в село? — спросила она, не трогаясь с места.

— Не подталкивайте меня, — рассердился он. — Не спорю, вы не только красивая девушка, что на меня, однако, в моем возрасте действует слабо, но и на диво смышленый сотрудник, однако вам еще рано так... дергать меня!

— Что вы, Ярослав Михайлович!

— А вот краснеете вы очень мило.

Они опустились на первый этаж, в лифте Стельмах раздраженно молчал. В машине она сидела тихая как мышь, не решаясь даже пошевелиться. Стельмах, вырулив на шоссе, сменил гнев на милость, выпытал у нее домашний адрес и, несмотря на отчаянные протесты, доставил прямо к подъезду.

Она выпрыгнула, красивая, налитая здоровьем и жизненной силой, не по-городскому сильная, краснощекая и блестящеглазая, а он погнал машину обратно и все думал о покинутом микрорайоне.

Да, недоделок уйма, но неучтенный фактор мог быть еще и в том, что он спроектировал квартиры-гиганты. Время погони за размером жилплощади прошло; каждый мог иметь столько, сколько пожелает. А еще Полищук в свое время долбил, что нам одинаково неуютно и в тесном купе поезда, и в просторном зале. Самая же уютная для нас площадь — это двадцать квадратных метров! Может, такими были большинство пещер, в которых жили наши предки, или действовали какие другие законы, но доказано твердо — двадцать метров! Разумеется, если соблюдены все прочие условия: есть санузел, кухня, ванная — причем не крохотная комната с белым корытом, где и не помещаешься полностью, а мини-бассейн с автоматическим тренажером, аппаратурой, электромассажерами и прочими необходимыми вещами...

Голова трещала так, словно разламывалась на горячие куски. Он закусил губу и вырулил на магистраль. Машина бодро выпорхнула за черту города, но и дальше по обе стороны дороги долго мелькали высотные дома, и он вспомнил, что не раз опасался, что бесконечный пригород в конце концов перейдет в пригород другого города.

Через два часа гонки на обочину шоссе выпрыгнул щит со стрелкой: «Село Красное — 15 км». Проселочная дорога вскоре нырнула в лес, завилюжила между вековыми соснами. Необходимость следить за дорогой немного забивала головную боль, и он даже не обрадовался, когда внезапно лес оборвался и за нешироким полем открылось село.

Уже на отшибе высился дом, явно не заселенный. Бревенчатый, со старой крышей, похожий на серый огромный валун...

Он вылез из машины и с усмешкой посмотрел на это простое, очень даже простое сооружение. Странно подумать, что за ним стоят сотни веков! А ведь на протяжении тысячелетий вносились какие-то изменения, усовершенствования... И что же? Труд миллионов безымянных творцов — и так просто! А сейчас он один творит целые кварталы, микрорайоны, каждый непохожий на другие!

Стараясь резко не двигать головой, чтобы не спровоцировать взрыв острой боли, он толкнул дверь, миновал сени. Комната раскрылась перед ним сразу: странная, непривычная. «Двадцать квадратных метров», — отметил он невольно.

Массивный дубовый стол стоял посередине комнаты, по обе стороны держались две тяжелые и широкие лавки. Еще одна, поуже и полегче, приотилась внизу, возле широкой русской печки с лежанкой.

Стельмах прошагал к столу, прислушиваясь к мирному поскрипыванию половиц. Хотел сесть, но, поддавшись необъяснимому порыву, вернулся к дверям, походил по комнате еще. Странно, потрескивающие половицы вовсе не раздражали. Еще как не раздражали!

Усмехнулся, сел. От толстых бревенчатых стен веяло надежностью, хотя он понимал разумом, что в стремительном динамичном мире нет абсолютной надежности.

Три небольших прямоугольных окна открывали вид на улицу. В одно из них краешком заныривало заходящее солнце. Со всеми небольшие окна, вовсе непохожие на сверкающие развороты, что в его микрорайоне или в мастерской... Впрочем, эти уменьшать тоже нельзя: превратятся в бойницы.

Вдруг он вскочил. Не встал, не поднялся в несколько приемов, наклонившись, упервшись руками в стол, напружинив вечно усталые ноги и отрываясь от стула, с натугой распрямляя спину, а именно вскочил, словно шестнадцатилетний, ибо тело раздириала дикая свирепая сила, молодость, радость.

Он прислушался к себе. Боль ушла без следа! Чистый мозг работал четко, каскадом вспыхивали новые мысли, идей, руки жадно рвались к работе. От необычной тишины? От свежего, травами напоенного воздуха?

Раздирая в спешке блокнот, торопясь, он лихорадочно исписывал листы. Он уже знал, какие изменения стоит внести в проект современнейшего дома...

Проходная пешка, или История запредельного человека

Ах, как грустно, когда злые слова разденут, будто ветер дерево, твой мир, и все в нем сожмется и замрет от холода! Как отчаянно человеку, когда горло захлестнет вдруг чужая и наглая правда! Туже петли, безнадежней удушья.

К тому же в ходе постыдного бегства из квартиры Величко Иван Иванович Корнев где-то посеял мохеровый шарф.

Улицей навстречу ему шла густая поземка. Она засыпала проплешины льда, а такси превращала в привидения с одним единственным зеленым глазом на лбу. Снежинки залетали в открытую душу и тихонько там таяли.

Ивану Ивановичу хотелось плакать.

Только в детстве и только мама следила, чтобы он не простоявался. Зная его разнесчастные гланзы, она всякий раз повторяла: «Ваня, закрой наконец душу». Но мама умерла, и теперь Ивана Ивановича дважды в год сбивала с ног фолликулярная. Главреж Гоголев терпеть не мог бюллетенящих артистов. Называл их нетрудовыми элементами, а ему и вовсе обидное прозвище придумал — Ходячая Ангина. Сейчас все шло к третьей фолликулярной — снег в душе уже не таял.

К Анечке Величко они зашли после премьеры как бы случайно. Впрочем, такие «случайности» происходили довольно часто. Анечка жила в двух шагах от театра, кроме нее, в огромной трехкомнатной квартире обитала подслеповатая бабуся, которая за двадцать минут снабжала всю компанию запечеными в духовке «собаками»: на хлеб кладется листочек любительской колбасы и листочек сыру, сыр затем плавится... К чаю, то бишь портвейну розовому ординарному, «собаки» шли за милую душу. Квартира Анечки поражала Ивана Ивановича давоенным размахом — высокие потолки, лепные украшения, паркет, — а хозяйка ее умиляла веселым нравом и неизменно добрым к нему отношением. С вечеринок Иван Иванович уходил, как правило, последним, и с некоторых пор наградил себя правом целовать на прощание руку Анечки. Да что там говорить: в начале февраля, когда у Ани отмечали первую роль Оли Кравченко, Иван Иванович прощаться не захотел и руку целовать не стал. Стал остался у Ани! Хоть мысленно, но остался, и на другой день переживал и мучился, что все обо всем узнают. Упоительные фантазии будоражили его, будто хмель, золото воображения переплавилось с тусклой медью реальности, и он вполне серьезно удивлялся, как Анечка может оставаться спокойной посреди всего, что произошло между ними.

И вот пришел этот наглый, трусливый Аристарх и все разрушил.

Ноги Корнева заплетались, видно, от горя, так как выпил он совсем ничего. Автопилот подсознания вел его домой.

«Не надо было заходить на кухню, не надо», — корил он себя, тоскливо поеживаясь от холода. Ну да, он был решителен, искал Анечку. На нем ладно сидела милицейская форма, а бок приятно отяжеляла кобура с бутафорским пистолетом. Он жил еще своей ролью — крошечной, на две фразы, однако финальной и, по мысли Шукшина, суть важной. Как же: только утихли на сцене страсти, только «энергичные люди» уселись за стол, чтобы отметить примирение Аристарха Петровича с этой холеной лошадью Верочкой (луч прожектора уплывает в сторону, как бы случайно ложится на ворованные автопокрышки), и тут как гром с ясного неба, как само воплощение неотвратимости наказания является он, артист Корнев, и говорит свои две фразы, самые сладкие, самые прекрасные на свете фразы: «Всем оставаться на своих местах. Предъявить документы!»

«Зачем же тебя, дурак, понесло на кухню?» — мысленно простоял Иван Иванович. Он снова увидел, как бесшумно приоткрывается дверь, а там... Возле плиты стоит его Анечка, а этот подлый жулик Аристарх, то есть Мишка Воробьев, жадно це-лует ей руку. Именно жадно. И именно целует. Это обстоятельство так поразило Ивана Ивановича, что он не сразу сообразил: свое гнусное занятие Мишка к тому же сочетает с не менее гнусными словами: «Как актер Ваня, конечно, сер, а как личность и вовсе бездарен...» Он обомлел. Он потянулся было к бутафорскому пистолету, затем повернулся, чтобы бежать. «Исчезнуть, умереть!» Его даже качнуло от горя. Левый локоть ушел в дверь кухни. Матовое стекло разлетелось. «Сволочь, — жалобно крикнул он Аристарху. — Ты, подлец, давно в камере должен сидеть...» Выскочил в прихожую, схватил пальто...

Жалость к самому себе пронзила его так, что из глаз брызнули слезы. Иван Иванович остановился посреди проезжей ча-сти дороги, воздел руки и срывающимся голосом прошептал:

— Да, я ничтожество. Господи, убей меня! Или создай заново. Тварь свою...

За снежной замятую не было видно не то что лица господ- него, но и неба. К тому же сзади бибикнула машина, и Иван Иванович отскочил на тротуар. Память подсказала ему: моно- лог, который он только что провозглашал, из второго действия «Черных кружев». Иван Иванович устыдился такого явного эпигонства и уже более твердо вошел в свой подъезд.

Лампочка в подъезде снова не горела. Ощупью взял из ящи- ка почту, поднялся на третий этаж. Войдя в квартиру, Иван Иванович попытался пристроить пальто на вешалку, но из это-го ничего не получилось: петля оборванная, да и вешать неку- да — крючки заняты всяkim барахлом. Из зеркала на него

смотрел взъерошенный капитан милиции в растерзанном кителе. Иван Иванович нервно хохотнул. Это тоже Аня. Уговорила его после спектакля не снимать форму, мол, тебе, лапушка, так идет. «Лапушка»... Надо же откопать такое слово!..

В почте между двумя газетами лежала брошюра в блестящей скользкой обложке. Иван Иванович не сразу понял, что это пьеса. Двумя этажами выше жила Дора Павловна, заведующая литературной частью их театра, которая получала из ВААПа десятки драм, трагедий и разных там фарсов, размноженных на ротапринте. Многие годы Дора Павловна бескорыстно снабжала Ивана Ивановича новинками. То предлагала в театре, то бросала что-нибудь в его почтовый ящик. Единственное, что удивило Корнева, так это качество копии. Он оторвал предохранительный целлофановый язычок, и брошюра легко раскрылась. От тонкой, как бы даже просвечивающей бумаги повеяло запахом хвои. На обложке значилось: «Проходная пешка, или История запредельного человека». Имя автора ничего Ивану Ивановичу не сказали. Зато взглянув на год выпуска, он почувствовал легкое удовлетворение: 2978. Так всегда! Копии делать научились, а опечатки как были, так и остались. Пожалуйста, на тысячу лет вперед прыгнули.

Иван Иванович полистал брошюру.

Монопьеса. Обширные и очень подробные ремарки. Такие ремарки — клад для режиссера. Точные психологические характеристики героя, динамика его настроения... Их слова как бы завораживают... Они повторяются, будто во время сеансов внушения, гипнотизируют... Интересная композиция. Беспощадно детализированная проза переходит в жемчужную нить стихотворения и наоборот... Внутренние монологи... Раскованность... Какое-то волшебное расположение слов. Их связывает определенный ритм... Символика пьесы весьма доступная: свобода воли или, точнее, воля выбора. В шахматах и в жизни. Пешка вольна умереть пешкой, но может стать и ферзем. Если пройдет путь! У героя пьесы это выход за пределы своей роли, своей личности, своей жизненной территории... Выход за пределы судьбы и, наконец, полное перевоплощение...

Иван Иванович судорожно сглотнул, оторвался от текста. Лицо его горело. Все волнения сегодняшнего вечера вдруг растаяли, исчезли. Странная пьеса неодолимо влекла его, в ней было нечто магнитическое, близкое ему, угаданное неведомым автором... Юрий Иванов, этот шахматист-неудачник, инфантильный и угасший человек, во многом похож на него, Ивана Корнева. Так же безлик, неуверен в себе... Даже страшно становится, до чего похож. Но он взрывается. Его дух! Юрий Иванов выходит за пределы своего унылого бытия и мышления. В нем пробуждаются источники света и силы. Откуда они? Где они?

Иван Иванович почувствовал, что его знобит. То ли перетянул, то ли от волнения. Он нашел на кухне початую бутылку

конька, которая стояла там еще с Нового года, налил полный фужер и залпом выпил. Затем опять открыл брошуру.

— Я знал человека, — прошел он вслух первую фразу, и его худощавое лицо озарила улыбка. — Мы были близки в то лето...

Иван Иванович понял, что полубезумный вечер кончился. Начиналось новое действие. Начиналась безумная ночь.

Пьесу читать он закончил часа через полтора.

Все это время образ Иванова жег ему душу, будто пламя газовой горелки. Мысли шахматиста ластились к нему вместе с собственными, слова Юрия, имя его медом ложились на язык. В очаровании этого образа, их внутреннем родстве было нечто непостижимое: он овладевал душой Ивана Ивановича так легко и естественно, будто всю жизнь они были единое целое, будто пьесу написали о нем, Корневе, о его будущем, о его выходе за пределы привычного.

Какой-то посторонний звук все время отвлекал его, и Иван Иванович наконец не выдержал и отправился на кухню, чтобы намерто закрыть ненавистный кран.

— Кап-кап, кап-кап, кап...

Он бессмысленно покрутил головой, не понимая, где еще может так занудно вызванивать о жесть вода. Затем подошел к окну и все понял. С железной скобы, которую забыли срезать строители, свисала сосулька. Сосулька плакала.

«Значит, уже весна? — удивился Иван Иванович. — Куда-то выюга девалась, тишина... Значит, пришла?! Значит, есть жизнь на Земле! Продолжается. Как же я не замечал?!»

В подтаявшем небе арбузной коркой плыл за невидимой водой месяц. Иван Иванович вдруг вспомнил голос Анечки — тревожный и одновременно почему-то обрадованный: «Ваня, постой!» Так она окликнула его в коридоре, когда он яростно рвал на себе пальто. Звон нечаянно разбитого им стекла опять зазвучал в памяти, смешался со звуками капели...

«Если мы завтра увидимся, — подумал Иван Иванович, — и если я прав, если ее голос сегодня в самом деле дрогнул... Я останусь! Навсегда. Перееду к Ане — и точка».

Ему захотелось действия, какой-нибудь конкретной работы. И света.

Иван Иванович включил все три лампочки своей дешевой люстры, зажег настольную лампу. Потом, сам не зная для чего, сдвинул к стене стол, стулья, свернул коврик. Комната сразу стала просторнее.

Юрию Иванову, который уже обитал в нем, такая перемена декораций понравилась.

«Полки у тебя скучные, — заметил он, оглядывая жилье Корнева глазами его хозяина. — Давай займемся».

Книжные полки в самом деле громоздились весьма примитивно: две спаренные горки, по восемь штук в каждой.

«Разместим елочкой. И красивее, и ниши пригодятся».

— Запросто, — весело согласился Иван Иванович. — Мы с тобой умницы. Мировые ребята.

После реконструкции он жадно попил на кухне воды — разогрелся малость. Пил прямо из крана, вовсе не заботясь о своих «разнесчастных» гландах. Заодно полил цветы, о которых вспоминал чрезвычайно редко.

Зуд деятельности — незнакомый, пугающий — все возрастал. Он вдруг подумал, как славно можно отремонтировать хоромы Анейки, которые, кроме габаритов, уже ничем никого не поражают, и пожалел, что у него нет телефона. Он тут же выложил бы ей эту потрясающую идею. И извинился бы перед Аристархом, то бишь Мишкой Воробьевым. Никакой он не жулик. Наоборот, честнейший малый и с Гоголевым часто цапается, потому как не любит подхалимничать. То, о чем он говорил Ане? Так ведь правду говорил! Надоела ему морда твоя луковая, нытье твое надоело, понял?!

Что-то в комнате все же не вписывалось в замысел Юрия Иванова.

Иван Иванович бросил взгляд. Тот зацепился за угол зеленой продавленной тахты. За дверь ее, постылую! В угол! Однако тахта заупрямилась: те ножки, что от стенки, пробили в линолеуме две дыры и никак не хотели с ними расставаться.

— Сейчас, — пробормотал он, примеряясь. — Сейчас я тебя выкорчу.

Он уже осознал свое отношение к этой невзрачной тахте и убедился, что она гораздо сложнее, чем, например, его отношение к Мишке Воробьеву. Сказать про это чудовище «постылая» — значит ничего не сказать. Тахта наверняка еще помнила Любу, его жену, с которой он развелся пять лет назад. Помнила Любу, значит, помнила ее предательство и неверность. Не ту в прямом смысле слова, а более оскорбительную — неверность ему как человеку, как личности.

«А был ли мальчик?» — грустно улыбнулся Юрий Иванов.

Иван Иванович рванул тахту на себя. Ножки затрещали и сломались.

— Так тебе! — вскричал победно он.

Тахта знала его сны, а значит, знала его муки. Потому что только во сне он был по-настоящему счастлив. Много раз. Много раз душа его воспаряла над зеленым драпом, будто над огромной, огромнейшей сценой, и он дрожал и пел, предчувствуя приход Джульетты, задыхался от ревности вместе с Отелло и постигал мир глазами короля Лира. Как он играл! Кем он только не был! Проклятые безвозвратные сны... Каждый раз невидимый зал стонал от восхищения, а он не мог сдержать горестный стон, когда просыпался. Ведь днем или вечером в реальной жизни он

опять деревенел, костенел, можно сказать, околевал на сцене. Разгадав это, Гоголев неизменно поручал ему все роли покойников...

Иван Иванович метнулся на кухню, нашел там тупой туристский топорик и потащил тахту во двор.

Деревянная рамка загрохотала о ступени. Звук этот обрел в ночи особое нахальство: казалось, что сейчас проснется весь дом. Но держать рамку на весу ни Ивану Ивановичу, ни Юрию Иванову никак не удавалось.

«Сейчас Чума выскочит», — подумал он, выволакивая тахту на площадку второго этажа. Чумой соседи и собственная жена называли мордатого Федьку из четырнадцатой квартиры. За чугунный прилипчивый нрав, грязный свитер мешком и бешеные мутные глаза — Федька, как говорится, не просыпал. Чума свирепствовал в их дворе лет пять. Затем его крепко побили его же дружки, Федька поутих и в результате травмы потерял сон. Ивана Ивановича он явно не задирал, но за человека тоже не считал — смотрел всегда глумливо, презрительно, а при встречах бормотал под нос ругательства.

В обычный день (вернее, ночь) Иван Иванович постарался бы побыстрее проскочить опасную зону. Однако Юрий Иванов, чей образ уже прочно занял его мысли и сердце, остановился передохнуть как раз напротив четырнадцатой квартиры.

Клацнул замок.

— Ты что, сдурел, клистир? — прорычал Чума, высовывая в коридор всклокоченную голову. Он включил свет и щурил теперь глаза от беспощадной голой лампочки.

Юрий Иванов переложил топорик в правую руку, а указательным пальцем левой брезгливо зацепил и потянул к себе майку Чумы.

— Я тебе сейчас уши отрублю, — ласково сказал Иванов, а Иван Иванович обомлел от восторга. — Выходи, соседушка!

Федька с перепугу громко икнул, схватился за майку, которая растягивалась будто резиновая:

— Че... чего... фулиганишь!

Во дворе в черной проруби неба, между крышами домов мгновенно кружились светлячки звезд.

Он, играясь, порубил возле песочницы доски, сложил щепки избушкой. Зажег спичку. То, что полчаса назад было тахтой, вспыхнуло охотно и жарко. Огонь встал бровень с лицом.

И тут он понял, что пришла пора прощаться.

«Тебе не больно расставаться? — спросил его Иван Иванович. — Я понимаю, ты увлекся образом, вжился в него. Но ведь это смерть личности».

Иванов махнул рукой, улыбнулся:

«Брось, старик, не пугай сам себя. Это возвращение твое... Рождение!»

«Тогда прощай. Береги это тело. Оно еще ничего, но частенько болеет ангинами. Запомни».

«Прощай. Я запомню...»

Он увидел, как в плящущем свете костра от него отделилась серая тень Ивана Ивановича. Еще более пугливая, чем ее бывший хозяин, нелепая и жалкая на этом празднике огня и преображения. Тень потопталаась на снегу и, сутуля плечи, шагнула в костер. Словно и не было! Только пламя вдруг зашипело и припало на миг к земле, будто на белые угли плеснули воды.

Чума, который с опаской подглядывал из окна за действиями соседа, окончательно утвердился в своем мнении — чокнулся Корнев, не иначе! — и отправился в смежную комнату досыпать. Ну кто в здравом уме станет жечь посреди двора почти новую тахту? Да еще ночью.

Прежняя память, как и внешность, осталась. Она-то и подсказала Юрию Иванову, что Гоголев назначил на девять репетицию — разрабатывать мизансцены.

Он аккуратно сложил в портфель милицейскую форму, положил сверху кобуру и махровое полотенце. Затем выпил кофе — сказывалась бессонная ночь, — поискал брошюру с пьесой, однако не нашел и, махнув рукой на поиски, вышел из дома.

К утру опять подморозило.

Насвистывая одну из мелодий Френсиса Лэя, Иванов спустился к Днепру. Из огромной проруби, где обычно купались городские «моржи», шел пар.

«На первый раз не буду злоупотреблять», — подумал Иванов, быстренько раздеваясь.

Сердце, все еще, наверное, принадлежащее Ивану Ивановичу, слабо екнуло, когда он осторожно ступил в ледяную воду, чтобы не намочить голову. Проплыл туда-сюда, отфыркиваясь и всхрапывая от удовольствия. Потом пробежался, до красноты растер себя мохнатым полотенцем. Так же, как и раздевался, быстро оделся.

Часы показывали четверть десятого.

Иванов, отбивая такт рукой, пружинящим шагом поднялся по улице Серова и свернул к театру. Он обжигал себя, будто жильцы новый дом. Дом ему нравился.

Гардеробщик, вечно сонный Борис Сидорович, который никогда не замечал Корнева, перед Ивановым встал и пальто его принял с полупоклоном. Случившееся явно обескуражило старика.

Юрий Иванов тем временем пересек фойе, прошел два коридора и «предбанник» и вступил на сцену. Там уже свирепствовал главреж.

— Не хватало! — окрысился Гоголев. — Еще вы будете опаздывать!

Иванов бросил взгляд. Глаза его удивились. Раньше они видели всегда что-нибудь одно: кусочек, огрызок окружающего мира. Теперь он увидел все разом: скучающую Веру Сергеевну, то бишь Елену Фролову, похмельного Аристарха — он подарил ему всепрощающую улыбку, Кузьмича, их единственного народного, который вяло жевал бутерброд. В стороне скучали остальные «энергичные люди». В отличие от Аристарха люди опохмелись не успели: на лице Простого человека крупными мазками была написана нечеловеческая тоска.

Где-то рванул сквозняк. По сцене прошел ветер.

— Полно вам, — сказал Иванов главрежу, — не суетитесь. Кончиками пальцев он легонько подталкивал Гоголева за кудлисы. Тот безропотно повиновался.

Сонечка, то бишь Аня Величко, увидев его на сцене, внезапно смертельно побледнела.

— Что с тобой, Ваня? — тихо спросила она. — Ты заболел? Ты на себя непохож.

— Потом! — оборвал он ее. — Потом, любимая. У нас впереди целая жизнь. Еще успеем наговориться.

Он властно поднял руку, призывая к тишине, и обратился к артистам:

— Сегодня буду играть я, ребята. Для начала я расскажу вам немного о себе. Будем знакомы. Меня зовут Юрием. Юрий Иванов.

Опять ударил ветер.

Закатное солнце, которое висело на старом заднике еще с прошлого сезона, вдруг оторвалось от грязной марли, заблистало, распускаясь огненным цветком, и взошло над сценой. А на бутафорском дереве вопреки здравому смыслу запели бутафорские птицы.

Человек с пустой кобурой

Пояс его оттягивала огромная желтая кобура. При ходьбе он слегка прихрамывал на левую ногу. На лице, покрытом неровным космическим загаром, красовался большой белый шрам в виде ущербной луны. Словом, это был старый космический волк при всех регалиях. Из такого человека, как я неоднократно убеждался, можно выудить самую невероятную историю.

Он взял в автомате кофе и сел за мой столик. Рыба, если можно так выразиться, шла на крючок сама. Я мысленно поплевал на воображаемого червяка и забросил удочку:

— Откуда у вас такой замечательный шрам?

— Хоккей, — объяснил он. По его галактическому загару стекали узкие струйки пота. — В юности я увлекался хоккеем.

— Стояли в воротах?

— Сидел на трибуне. — Он тронул белый шрам пальцем. — Ничто его не берет. Хоть гримом замазывай. Сорок дней загорал на море — все без толку.

Я терпеливо ждал, как и подобает настоящему рыболову.

— На море мне не понравилось, — сообщил он. — Камни острые, скользкие. Вчера полез купаться, упал, ушиб ногу.

Он осторожно пощупал левое колено.

— До сих пор больно. И жара там, на море. Почти как здесь.

Он расстегнул свою огромную кобуру. Порывшись в ней, извлек мятый платок и вытер лицо.

Многие на моем месте решили бы, что рыбалка пропала и что пора в некотором смысле сматывать удочки. Но я не из тех, кто так легко отступает.

— Вы разведчик дальнего космоса? — опросил я.

— Да. Пилот десантного зонда.

— Но где же тогда ваш пистолет?

— Излучатель? — Его взгляд скользнул к желтому футляру. — Собственно, в первую очередь это инструмент. Если нужно что-то прожечь, пробить отверстие, вырыть колодец. Еще это сигнализатор и реактивный двигатель.

Он замолчал.

— Но и оружие, — сказал я. — Все равно: где он?

— Ну, это долгая история. — Он нахмурился. — Если хотите...

— Разумеется, — сказал я. — Ничего, если я возьму еще кофе?

Он кивнул. Когда я вернулся от автомата и еще не успел сесть, а он уже начал рассказ:

— Это случилось после встречи с кораблем Пятой культуры. В том сезоне мы работали в одном шаровом скоплении. Скучное место. Звезды похожи, да и планеты. Жизнь не встречалась нигде.

— Почему?

Он усмехнулся.

— Спросите биологов. В скоплениях слишком светлые нощи, суточные ритмы ослаблены. А жизнь основана на контрастах. Так говорят. Да. Ну а потом мы наткнулись на звездолет Пятой культуры.

— Сразу пятой? — спросил я.

— Сначала мы решили, что это астероид. Больно уж он был велик — шар диаметром километров десять. Но действительно шар. Это был корабль одной из исчезнувших цивилизаций — Пятой галактической культуры, брошенный экипажем миллионы лет назад. Эта космическая «Мария Целеста».

Он замолчал, и я спросил:

— А почему команда покинула корабль?

— Не знаю. Возможно, она никуда не уходила. Через миллионы лет строить догадки глупо. Мы начали готовиться к высадке. Никто нас не заставлял. Мы разведчики. Мы нашли корабль. Остальное не наше дело. Но смешно, если бы мы сразу ушли. Продолжать съемку планет? Дико было бы.

Вскоре мы, десантники, уже шагали к своим суденышкам. Настроение приподнятое, как на Олимпиаде. Это своего рода спорт — кто первым проникнет в корабль. В звездолетах Пятой культуры несколько входных тамбуров, но корабль велик. Сто тысяч гектаров полированного металла, и где-то затерян вход. Ориентиров нет. На каждого из нас приходилась площадь больше хорошего космодрома. Вот и ищи. Мы разошлись по ангарам и стартовали.

Наверное, со стороны это выглядело эффектно. Две колоссальные машины среди пустоты, и вдруг одна бросает в другую пригоршню светящихся точек. «Моих друзей летели сонмы...» Возможно, так сравнивать пошло, но для другого мира ты всегда бог, нисходящий на землю. И мы мчались наперегонки к чужому кораблю, как стайка богов, покинувших Олимп в поисках развлечений. Так это выглядело. Ну а в действительности это работа.

— И очень опасная, — вставил я.

— Да. Но группа скоро распалась, и я остался один на один с космосом. Силуэт нашего звездолета сжимался за кормой зонда, открывая небо. Незабываемое небо! Даже не скажешь, что черное, так много звезд. И все крупные, яркие. Не небо — застывший фейерверк. И только тень нашего корабля сжимается за кормой, да впереди вспухает пятно. Черное, круглое. Это

я приближаюсь к чужому. Скорость небольшая, самолетная. Моих товарищ, конечно, не видно. Ощущение, будто все застыло, да и время почти стоит.

Но потом оно вновь появилось. На последних километрах. Чужой корабль закрывает полнеба, зонд тормозит — то ли посадка, то ли швартовка...

И вот я стою рядом с зондом в центре плоской равнины. Корабль-то круглый, но большой. Такой, что выпуклость не ощущается. Стоишь на плоской равнине, до горизонта метров сто или двести. Над головой звезды. Под ногами тоже, только размытые. В обшивке отражаются, а она матовая, металл немного изъеден. Когда видишь это, понимаешь, что время стоит из событий. Каждое пятнышко на обшивке — это след столкновения с пылинкой. Происходят такие встречи, скажем, раз в минуту. А сколько минут в миллионе лет? Столько, что обшивка сплошь матовой стала. Я стою, размышляю над этим, и нужно куда-то идти. И немного жутко. Старый звездолет похож на замок с призраками. Страшные истории рассказывают об этих кораблях.

— Что вы имеете в виду? — прервал я его. — Звездолет был мертв, вы сами об этом сказали.

Он тронул пальцем шрам на лице.

— Нет. Жизнь всегда остается. Такой звездолет — это целяя искусственная планета. Своя атмосфера, своя флора, своя фауна. Там живут не только микробы. Центр корабля занят оранжереями. Но это не заповедник прошлого. Жизнь на покинутых кораблях миллионы лет развивается без помех. Эволюция идет зигзагами, плодит чудовищ. Так говорят. Кстати, не будь этого, наша находка не представляла бы интереса.

— Почему?

— Кораблей Пятой культуры найдено много. Они почти одинаковы. Но эволюция на каждом из них шла по-своему, и биологи каждому радуются. Я стоял на поверхности корабля, не зная, где искать вход. И пошел наугад, и мне повезло.

— На вас напали чудовища?

— Нет. Просто я посадил зонд в нужное место. Всего через несколько шагов металл подо мною задрожал. Ускорений не ощущалось, но звезды исчезли, стало темно.

Потом вспыхнул свет. С трех сторон меня окружали слепые стены. Четвертая была прозрачной.

Собственно, дальше я мог не идти. Нашу маленькую Олимпиаду я и так выиграл. Чтобы вернуться, достаточно было остаться в подъемнике, и он вынес бы меня наверх. Но ждать я не стал. Торопясь, чтобы лифт не ушел, я шагнул внутрь корабля сквозь прозрачную стену.

— И на вас напали чудовища?

Он поморщился.

— Я вынул из кобуры излучатель и шагнул внутрь. План

звездолета я знал. Все входы соединены туннелями с рубкой управления. Раньше я много читал о навигационных приборах Пятой культуры. Да и очевидцы рассказывали. Мне хотелось увидеть это своими глазами. Профессиональное любопытство, если угодно. До рубки было километра полтора. Воздуха в скафандре оставалось на два часа. Стены туннеля, слегка загибаясь, уходили в даль. Странные стены. Там ветерок дул вдоль туннеля — слабенький, почти неощущимый. Вентиляция или просто сквозняк. Но за миллионы лет он такое сделал со стенами — никогда не поверил бы, если бы кто рассказал. Он все скруглил, загладил все неровности. Отполировал стены до блеска.

В общем, там было чисто и светло. Я вложил излучатель в футляр, защелкнул крышку. Возможно, не так уж страшны эти старые звездолеты. Никакого движения не замечалось даже в боковых коридорах — дорогах в глубь корабля. Я шел и размышлял о разных вещах. В основном о том, как попроще представить себе миллион лет. Задумавшись, я не заметил, как обстановка в туннеле изменилась. Стало темнее, от сглаженных выступов потянулись длинные тени. И моя собственная тень извивалась впереди, на магнитном полу и стенах. Я брел неизвестно куда. Справа зияли отверстия боковых ответвлений. Незащищенный, я шагал по открытому месту, а из узкой черноты нор за мною кто-то следил.

Это было как наваждение от тишины, полумрака, ритма шагов... Я остановился. Но впереди, сливаясь с моей тенью, шевелилось что-то черное, длинное.

Как толстая слепая змея, оно двигалось там, неуклюже тыкаясь в стены. Оно меняло форму у меня на глазах, а потом размеренно закружилось, становясь вывернутым наизнанку смерчом с нацеленной на меня глубокой воронкой. Вращение замедлялось.

Отступать я не привык. Я вновь расстегнул кобуру и приблизился к черной воронке.

Она уже не вращалась. Как чья-то симметричная пасть, она застыла поперек туннеля, и ее края сливались с его стенами. По внутренней поверхности воронки бежали концентрические волны.

Я стоял перед ней неподвижно.

Черные волны сходились в центре воронки, утихая. Я заметил, что воронка мелеет. Она распрямлялась, становясь гладкой мембраной, отделявшей меня от цели.

Я торопился, но время и кислород у меня еще были. Я стоял неподвижно. Мембрана была упругой, кто-то наделил ее простейшим из инстинктов... вы знаете, о чем я... Время от времени она вздрагивала, словно чего-то ждала.

Я положил руку на излучатель.

Мембрана напряглась, стала заметно тверже.

Я снял руку. Мембрана снова расслабилась. Стояла, боязливо подрагивая, и почему-то напомнила мне собаку. Бездомную собаку, ждущую, чтобы с нею заговорили.

Она загораживала мне путь, но я к ней хорошо относился. Время у меня пока было. Я сел перед нею на гладкий вогнутый пол.

«Я тороплюсь, — сказал я ей. — Мне хочется попасть в рубку, и у меня мало воздуха. Ты меня понимаешь?»

Казалось, она внимательно слушает.

«Пусть это прихоть, — сказал я, — но мне очень хочется там побывать. Пропусти меня, пожалуйста».

Она заколебалась.

«Пожалуйста, пропусти меня в рубку», — еще раз попросил я.

Задрожав, она медленно расступилась. И я пошел дальше.

— А излучатель? — напомнил я, когда он замолчал. — Куда он делся? Вы обещали...

— Да, — сказал он неопределенно. — Потом я оказался в рубке. Я долго пробыл там, разглядывая диковинные приборы, назначение которых знал из книг. Самым интересным был шар в центре рубки. Специальной тонкой иглой я прокалывал в нем отверстия, и против них на сферических стенах загорались звезды, как изображение в планетарии. Если бы я нарисовал на шаре настоящее звездное небо какого-нибудь района, корабль немедленно перенес бы меня туда. Но вероятность случайного совпадения ничтожна, и я мог забавляться сколько угодно. Вдруг в разгар своих занятий я обнаружил, что прошло уже больше часа и что нужно срочно возвращаться к зонду, если я не собираюсь остаться здесь навсегда. Я побежал к выходу.

— Понятно. Вы оставили излучатель в рубке?

— К сожалению, нет. В туннеле я снова наткнулся на мембрану. Она ждала меня, виляя несуществующим хвостом. Мы хорошо относились друг к другу. Казалось, все было как в прошлый раз. Но вы понимаете, что ситуация изменилась.

«Пропусти меня, пожалуйста», — сказал я ей. — Я очень тороплюсь».

Она уловила нетерпение в моем голосе и заколебалась.

«Пожалуйста, пропусти», — еще раз попросил я.

Она напряглась, стала плотнее.

«Пропусти», — повторил я. Спокойно, как мне казалось.

Она сделала еще тверже. Я ее понимал, но у меня не было времени. Я уже ничего не мог с собой поделать.

«Немедленно пропусти меня! — крикнул я. — Ты меня слышишь?»

Она вздрогнула, подалась назад, уплотнилась и стала глухой как стена крепости.

— И вы...

— Да, — кивнул он. — Если бы у меня не было излучателя, все было бы по-другому. Я нашел бы нужные слова. Но...

Он замолчал, потом сказал:

— С тех пор у меня не было случая, чтобы оружие было действительно необходимо. Это естественно. По-моему, оружие есть орудие зла и еще то, чем борются с вооруженным злом. Но даже войны, о которых никто давно не вспоминает, выигрывались не только оружием. Тем не менее у вас на поясе висит «универсальный инструмент», который, как вы правильно выразились, «и оружие тоже». Ясно, что продолбить дырку можно не только в стене. Вы им пользуетесь, потому что оно у вас есть. Только поэтому. Вы никогда не охотились?

— Нет.

— Жаль, — сказал он. — Вы бы поняли лучше. Когда входишь в лес с ружьем, все меняется. По-другому реагируешь на все: на звуки, запахи... И смотришь не так, и идешь иначе, и думаешь. Словом, ты другой человек. Понимаете?

Потом он сказал:

— И наоборот — без оружия ты тоже другой человек.

Потом он ушел, а через полчаса объявили рейс на Солнечную систему, и я в толпе других двинулся на посадку.

Тема для диссертации

ЭКСПОЗИЦИЯ

В семь часов вечера широкие двери Института Мозга распахивались, и из них поодиноке, группами и наконец непрерывным потоком выливались сотрудники. Минут через десять-пятнадцать поток постепенно иссякал. И в здании, на территории и прилегающих к ней улицах наступала тишина. Изредка ее нарушали шаги случайных прохожих или какой-нибудь парочки, пришедшей сюда целоваться в уверенности, что их никто не потревожит: по вечерам все население Академгородка сосредоточивалось в жилых и культурных центрах.

Так было и в этот день. Однако в половине седьмого привычный порядок нарушился: к дверям Института с разных сторон подошли двое. Первому было лет тридцать пять. Лицо егоказалось треугольным: очень широкий и высокий лоб, над которым фонтаном взрывались и опадали в разные стороны длинные прямые волосы; совершенно плоские, выбритые до блеска щеки почти сходились у миниатюрного подбородка; рот же, напротив, был настолько велик, что, казалось, стоит его открыть — и подбородок неминуемо должен отвалиться; только прямой нос с широко выгнутыми крыльями вносил в это лицо какое-то подобие пропорциональности. Второму на вид было никак не меньше шестидесяти. Лицо его чем-то напоминало морду благовоспитанного боксера: почти квадратное, с крупными чертами и небольшими умными глазами, оно казалось грустным даже тогда, когда человек улыбался. Вся его фигура была под стать лицу, массивная и тяжелая. И поэтому подстриженные коротким бобриком волосы никак не вписывались в общий тон — здесь приличествовала бы львиная грива.

Встретившись, они поздоровались и несколько минут постояли, о чем-то тихо переговариваясь. Младший короткими жадными затяжками курил сигарету. Потом резким движением бросил: прочертив в воздухе багровую дугу, она электросваркой рассыпалась по выложенной пугиловской плитой стене. Старший осуждающе покачал головой. Затем оба вошли в здание.

В тот момент, когда они оказались в холле, освещенном только неяркой лампой на столике у вахтера, откуда-то из недр здания вышел третий. Лица его было не разглядеть, только белый халат светился, как снег лунной ночью. Подойдя к вахтеру, он негромко сказал:

- Василий Федорович, пропусти, пожалуйста. Это ко мне.
- Пропуск? — Дежурный с трудом оторвался от газеты.

— Вот.

Вахтер внимательно посмотрел на бумажку, перевел взгляд на лица посетителей.

— Ладно, — проворчал он, снова углубляясь в «Неделю». — Трудяги...

Человек в белом халате быстро подошел к двоим, ожидавшим в нескольких шагах от холодно поблескивающего турнекета.

— Добрый вечер, — сказал он, пожимая им руки.

Они постояли несколько секунд, потом младший из пришедших не выдержал:

— Ну веди, Вергилий...

Старший усмехнулся:

— В самом деле, Леонид Сергеевич, идемте. Показывайте свое хозяйство...

Они довольно долго шли коридорами, два раза поднимались по лестницам — эскалаторы в это время уже не работали — и наконец остановились перед дверью с табличкой: «Лаборатория молекулярной энцефалографии».

Леонид Сергеевич пропустил гостей, потом вошел сам и закрыл дверь на замок.

— Ну вот, — сказал он негромко, — кажется, все в порядке.

Треугольнолицый внимательно разглядывал обстановку.

— Знаешь, мне начинает казаться, что чем дальше, тем больше все лаборатории становятся похожими друг на друга. Какая-то сплошная стандартизация...

— Унификация, — уточнил Леонид.

— Пусть так. В любой лаборатории чуть ли не одно и тоже оборудование. Я в твоем хозяйстве ни бельмеса не смыслю, а приборы те же, что и у меня...

— Кибернетизация всех наук — так, кажется, было написано в какой-то статье, — подал голос третий. — Слушайте, Леонид Сергеевич, у вас можно раздобыть стакан воды?

Он достал из кармана полоску целлофана, в которую, как пуговицы, были запрессованы какие-то таблетки, надорвав, вылил две на ладонь.

— Что это у вас, Дмитрий Константинович? — спросил Леонид.

— Триоксазин. Нервишки пошаливают, — извиняющимся голосом ответил тот.

Леонид вышел в соседнюю комнату. Послышалось журчание воды.

— Пожалуйста. — Леонид протянул Дмитрию Константиновичу конический мерный стакан. Тот положил таблетки на язык и, запрокинув голову, запил.

— Фу, — сказал он, возвращая стакан. На лице у него застыла страдальческая гримаса. — Ну и гадость!

— Гадость? — удивленно переспросил Леонид. — Это же таблетки. Даже вкуса почувствовать не успеваешь — проскакивают.

— Галушки сами скачут. А эти штуки и стаканом воды не запьешь. Или не привык еще?

— И хорошо, — вставил Николай. — Я лично предпочитаю доказывать свою любовь к медицине другими способами.

— Да вы садитесь, садитесь, — предложил Леонид. Сам он отошел к столу у окна и, включив бра, возился там с чем-то.

— Помочь тебе? — спросил Николай.

— Спасибо, Коля. Я сам.

— Раз так — и ладно. В самом деле, Дмитрий Константинович, давайте-ка сядем.

Дмитрий Константинович сел за стол, по-ученически сложив руки перед собой; Николай боком промостился на краю стола, похлопал себя по карманам.

— Леня, а курить здесь можно?

— Вообще нельзя, а сегодня можно.

— Тогда изобрази, пожалуйста, что-нибудь такое... Ну, в общем, вроде пепельницы.

— Сам поищи.

— Ладно. — Николай пересек комнату и стал рыться в шкафу. — Это можно? — спросил он, показывая чашку Петри.

— Можно.

Николай снова пристроился на столе, закурил.

— Разрешите? — спросил у него Дмитрий Константинович.

— Пожалуйста! — Николай протянул пачку. — Только... Разве вы курите?

— Вообще нет, а сегодня можно, — усмехнулся тот.

— Все. — Леонид щелкнул выключателем бра. В руках у него было нечто, больше всего напоминавшее парикмахерский фен, — пластмассовый колпак с четырьмя регуляторами спереди и выходящим из вершины пучком цветных проводов.

— Может, посидим немного? — спросил Дмитрий Константинович. — Как перед дальней дорожкой?

— Долгие проводы — лишние слезы, — резко сказал Николай. — Начинай, Леня.

Леонид сел в огромное кресло, словно перекочевавшее сюда из кабинета стоматолога; нажав утопленную в подлокотнике клавишу, развернул его к вмонтированному в стену пульта со столообразной панелью, надел «фен» и стал медленными и осторожными движениями подгонять его по голове.

— Коля, — сказал он, — автоблокировка включена. Но на всякий случай. Вот тут, в шкафчике, шприц и ампулы. Посмотри.

— Посмотрел.

— Возьмешь вот эту, с ободком...

— Этую?

— Да. Обращаться со шприцем умеешь?

— Я умею, — сказал Дмитрий Константинович. — Вернее, умел когда-то.

— Думаю, это не понадобится. Но в крайнем случае придется вам вспомнить старые навыки.

— Долго это будет?

— Сорок пять минут.

— Долго...

— Начнем, пожалуй! — Леонид откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза.

— Ни пуха ни пера! — сказал Николай. — А я пошел к черту. Возвращайся джинном!

Он тихонько, на цыпочках подошел к Дмитрию Константиновичу, сел, положил перед собой сигареты.

До сих пор их было трое. Теперь двое и один.

ЛЕОНИД

Через пять минут я усну. И проснусь — кем? Самим собой? Всемогущим джинном? Или просто гармонической личностью с уравновешенным характером и хорошим пищеварением? Не знаю. Лучше бы сейчас ни о чем не думать. Не думай! Не могу. Уж так я устроен. И вообще самое трудное — это не думать об обезьяне. Зря я ввязался в это дело. Ввязался? Я же сам все это затеял. Но нужно было бы еще попробовать... Не могу я больше пробовать — это мой единственный шанс. Вот уж не думал, что я так тщеславен. Тщеславен. И жажду, чтобы мое имя вошло в анналы. Может быть, завтра войдет...

Еще четыре с половиной минуты. Нет, надо успокоиться. Упорядочить мысли. Так я, того гляди, и не усну. Может, это мне стоило проглотить триоксазин? Давай упорядочивать мысли.

Пожалуй, все началось с шефа. Или с Таньки? С шефа и Таньки. Вечером Танька сказала, что ей надоело со мной, что из меня никогда не выйдет не только ученого, но и просто мужа. И ушла. Это она умеет — уходить. «Всегда надо уйти раньше, чем начнет тлеть бумага» — так она сказала и изящно погасила папиросу. Курила она только папиросы. Когда ребята ездили в Москву, то привозили ей польские наборы: сигареты она раздавала, а папиросы оставляла себе. Впрочем, курила она совсем немного.

Тогда я пошел в аспирантское общежитие, и мы с ребятами до утра расписывали «пульку» и пили черный кофе пол-литровыми пиалами. А утром меня вызвал шеф.

Я его люблю, нашего шефа. И уважаю до глубины души. Только ему-то этого не скажешь: он великий. Вообще, по-моему, все ученые разделяются на три категории: великих теоретиков, гениальных экспериментаторов и вечных лаборантов. Шеф — великий теоретик. Я вечный лаборант, и это меня не

слишком огорчает. Ведь всегда нужны не только великие, но и такие, как я. Собиратели фактов. Меня это вполне устраивает. Больше, я люблю это. Когда остаешься один на один с делом нудным и противным, когда тебе нужно сделать тысячу энцефалограмм, изучать и делать выводы из сопоставления которых будут другие, — вот тогда ты чувствуешь, что без тебя им не обойтись. И тысяча повторений одной и той же операции уже не рутина, а работа.

Так вот, меня вызвал шеф.

— Леня, — он у нас демократ, наш шеф, — Леня...

Я уже знал, что за этим последует. Да, конечно, меня держат на ставке старшего научного сотрудника. У меня же до сих пор нет степени. И ведь я умный парень, мне ничего не стоит защититься в порядке соискательства. И языки я знаю, а ведь как раз это камень преткновения у большинства. И тем у нас хоть отбавляй. Вот, например: «Некоторые аспекты динамической цифровой модели мозга». Чем не «диссертабельная» тема? И в самом деле, подумал я, почему бы не взяться?

— Владимир Исаевич, — сказал я, — давайте «Некоторые аспекты динамической цифровой модели мозга» — это же замечательно!

Шеф онемел. Он уже столько раз заговаривал со мной об этом, но я всегда изворачивался, ссылаясь на общественные нагрузки и семейные обстоятельства...

Наконец шеф обрел дар речи.

— Молодец, Леня! — прочувствованно сказал он. — Только ведь она нудная, эта модель. Вы представляете, сколько там...

— Представляю, — сказал я. — Очень даже представляю.

Шеф сочувственно посмотрел на меня и кивнул. Я тоже кивнул, чтобы показать, что оценил его сочувствие.

— Ну что ж, — сказал шеф, — беритесь, Леня, а мы вас поддержим. Всю остальную работу я с вас снимаю, занимайтесь своей темой. Года вам хватит?

— Хватит, — не сморгнув глазом, соврал я. — Безусловно, хватит.

На этом аудиенция кончилась. И начались сплошные будние праздники.

В качестве моделируемого объекта я решил взять собственный мозг. Во-первых, всегда под рукой; во-вторых, другого такого идеально среднего экземпляра нигде не найдешь: и не болел я никогда, и не кретин, и не гений, сплошное среднес арифметическое.

Так прошло девять месяцев — вполне нормальный срок, чтобы родить модель. И тогда меня заело: работа сделана, модель построена. А дальше что? Какая из этого, к ляду, диссертация? Выводы-то хоть какис-нибудь должны быть! А выводы, как известно, не по моей части.

Конечно, есть шанс защитить и так. Недаром на каждого

кандидата технических, филологических и прочих наук приходится как минимум три кандидата медицинских — статистика ве́нь великая. Но надеяться только на нее?.. Противно.

И тогда я вспомнил про Кольку. Мы с ним учились еще в школе. Потом вместе поступали на физмат. Он поступил, а я не прошел по конкурсу и подался на биофак.

Я пришел к Кольке с папкой, в которой могла бы уместиться рукопись первого тома «Войны и мира» и с бутылкой гамзы. Мы посидели, повспоминали. Потом я спросил:

— Слушай, можешь ты посчитать на своей технике?

— Что посчитать? — Колька всегда на вопрос отвечает вопросом.

Я объяснил. Мне нужны были хоть какие-нибудь аналогии, закономерности, алгоритмы.

— А для чего все это нужно? — спросил он.

— Надеюсь, что такое электроэнцефалограмма, ты знаешь? Ну вот. А это запись электрической активности каждой клетки мозга в течение сорока минут жизнедеятельности.

— Популярно.

— Как просил.

— Ладно, — сказал Колька. — Оставь. Посмотрим, что из этого можно сделать.

На этом мое участие кончилось. Собственно, это всегда бывает так, и иначе быть, наверное, просто не может: я собрал факты, а выводы должен делать кто-то другой. Только на этот раз выводы уж больно сумасшедшие... Что ж, скоро выяснится, достаточно ли они сумасшедшие, чтобы быть истиной, как сказал кто-то из великих.

НИКОЛАЙ

Леня пришел ко мне в конце апреля. Надо сказать, ему немного не повезло: приди он хотя бы месяцем раньше, я взялся бы за это дело сразу. Но в мае надо было заканчивать две темы, и ничем посторонним я заниматься не мог. А потом, когда мы кончили, я попросту забыл. Не то чтобы я был таким уж необязательным, просто когда закрутишься вконец, забываешь обо всем. И вспомнил я о Лене только в июне. Надо отдать ему должное: он ни разу не напомнил мне о себе, ни разу не поторопил. Такая деликатность даже удивила меня. Сперва я подумал, что ему все это попросту не так уж нужно; но потом, когда вспомнил Леньку лучше — ведь мы с ним не виделись несколько лет, — сообразил, что для него такое поведение вполне естественно: он отдал все мне и теперь ждал. Мне бы такой характер... Ждать я совсем не умею. И терпеть не могу. Леня сразу как-то вырос в моих глазах.

Короче говоря, в июне я вспомнил о Лениной просьбе. Я вошел с телевизором и неожиданно в развале на столе наткнул-

ся на его папку. Сразу же раскрыл, просмотрел. И ничего не увидел. Нет, там были графики, формулы — все на месте. Но никакого физического смысла в них я не уловил. В принципе оно и понятно: я ведь в биологии вообще мало смыслю, а в такой специализированной области и подавно. Но у неведения есть и своя хорошая сторона — вот она, пресловутая диалектическая двойственность! — свежий взгляд. Не зная биологии, я мог надеяться увидеть то, чего нормальный биолог в жизни бы не заметил. Однако могучая эта теория на практике не подтвердилась. Во всяком случае сразу.

Через несколько дней — я в это время был в отпуске — у меня уже выработался условный рефлекс: как только я брался за Ленины графики, на меня нападала безудержная зевота.

Надо сказать, я вообще не доверяю способу «медленно и методично» и всегда был приверженцем «метода тыка». Конечно, научно обоснованного «тыка». И ассоциативных связей.

Я думал, с чем могут ассоциироваться эти кривые. Но в голову ничего не приходило.

«Посчитай на своей технике», — сказал Леня. Но, прежде чем считать, нужно сформулировать задание. Как? Ни малейшего намека я не видел. И тогда я стал безудержно экспериментировать. Это называется «алгоритм Мартышки». Той самой, которая «...то их на хвост нанижет, то их понюхает, то их положит». Прежде всего наглядность. К счастью, Леня аккуратист — мне не пришлось приводить его графики к единому масштабу. Я пробовал накладывать их, пробовал...

Говорят, лень — двигатель прогресса. В самом деле: лень стало человеку пешком ходить — автомобиль изобрел. И так далее. Меня тоже выручила лень. Чтобы не разглядывать часами эти дурацкие кривые, я пересчитал их и воспроизвел в звуковом диапазоне. Потом записал на магнитофон и начал прокручивать в качестве звукового сопровождения. А сам вернулся к телевизору.

Я живу в однокомнатной квартире на втором этаже девятивэтажного кооперативного дома. Народ в доме по большей части свой, институтский, в основном молодежь. Поэтому, когда я ставлю магнитофон на окно и запускаю его на полную громкость, возражений обычно не бывает. Во всяком случае, никто не приходит и не говорит: «Да заткните же вы свою проклятую машину!»

Но на этот раз, не успел я прогнать пленку каких-нибудь три-четыре раза, как сосед сверху забарабанил чем-то об пол. Я высыпался в окно и осведомился, не мешают ли спать.

— Спать вы мне не мешаете, но работать — очень. Нельзя ли несколько потише?

— Отчего же нельзя? — вежливо ответил я.

И убавил звук. Чуть-чуть.

Соседа сверху я совсем не знал. Он не из нашего института. Иногда мы с ним встречались на лестнице и раскланивались по всем правилам этикета. Внешне он походил на заправлену какой-нибудь гангстерской шайки: массивный, квадратный, с лицом боксера и короткой стрижкой.

Минут через пятнадцать раздался звонок. Как был, в одних трусах, я пошел открывать — женщина вроде бы не ожидалось. На пороге стоял «гангстер» с третьего этажа.

— Простите, пожалуйста, — сказал он, — мне очень не хочется прерывать ваши занятия, но... Я, конечно, очень люблю музыку... Сам некоторым образом музыкант... Но нельзя ли все-таки потише?

Я уже приготовился было ответить, но он продолжил:

— И потом, черт побери, можно ли так варварски обращаться с музыкой? Это что у вас, пере-пере-перезапись?

— Какой музыкой? — обалдел я.

Он указал рукой на окно с магнитофоном. Я схватился за шевелюру.

— Проходите, пожалуйста, — попросил я. — Только извините, я несколько не в форме...

— Ну зачем же, — вежливо возразил сосед. — Вы только сделайте немножко потише. Я вовсе не хочу вам мешать.

— Что вы, что вы, — бурно запротестовал я. — Заходите! В порядке, так сказать, установления добрососедских отношений. А то просто неудобно получается — два года живем в одном доме и даже незнакомы.

Я усадил его на диван, а сам торопливо стал натягивать трусасы и рубашку — все-таки неудобно принимать гостей в трусах.

— Так вы говорите, это музыка? — спросил я.

— А что же это еще может быть? — слегка раздраженно парировал он. — Только музыка, испорченная варварскими руками радиостров. Радиолюбителей, виноват. И прекрасная была музыка...

Я постепенно сбавил громкость. Он прислушался.

— Прекрасная была музыка... — повторил он. — Полигармониум?

— Не знаю, — сказал я и вдруг начал вдохновенно врать: мне пришла в голову ослепительная идея. Недаром я верю во вдохновение и прозрение. — Это сочинение одного моего приятеля. Он не был музыкантом...

— Композитором, — поправил меня сосед.

— Композитором, — согласился я. — Он был дилетант. Любитель. Он подарил мне запись...

— Но почему она в таком состоянии?

— Видите ли, я тут... В общем, это случайность... Запись повреждена.

— Так неужели не сохранилось партитуры?

— Она погибла. Сгорела при пожаре. А вы, кажется, сами музыкант?

— Да.

— Простите за навязчивость, а вы не взялись бы...

— Восстановить? — Он был на редкость догадлив.

Я молча кивнул и потупился, чтобы он не увидел, как загорелись у меня глаза.

— Что ж, — сказал он, — пожалуй... Можно было бы попытаться. Хотя, работа, конечно, грандиозная... — Он помолчал, пожевав губами. — Ладно, — сказал он вдруг решительно и в этот момент показался мне самим совершенством, этаким подарком судьбы. — Давайте.

ДМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

Больше всего это было похоже на работу археолога, реконструирующего какой-нибудь древний храм или дворец. От него и остались-то крохи фундамента да слабый контур, просматривающийся лишь с самолета; но проходит несколько лет, и вот ты находишь в книге фотографию, под которой написано: «Зиккурат Урнамму. Реконструкция». И постройка настолько красива, настолько органично вписывается в ландшафт, что невозможно не поверить — да, именно так это выглядело когда-то, так и никак иначе. Палеоскульптор, по останкам человека создающий его скульптурный портрет; палеонтолог, по нескольким костям восстанавливющий облик динозавра, — они могли бы понять то, с чем пришлось столкнуться мне.

Прежде всего надо было записать партитуру. После нескольких прослушиваний я справился с этой задачей довольно легко. Но потом... Потом начались муки. И впервые в жизни я мог сказать — это были муки творчества.

Какое это магическое слово — твор-чест-во. Созидание. Из ничего, из памяти, из собственной души извлечь музыку — что может быть выше этого?! Но я извлекал ее только из инструмента и листов партитуры. Я был исполнителем — неплохим исполнителем — и не более того. А больше всего мне хотелось услышать: композитор Дмитрий Штудин. Тщеславие? Не знаю. Может быть. Хотя главное для меня в конечном счете было не это, а сам процесс творчества, процесс мне недоступный. Как говорится, бодливой корове бог рогов не дает... И теперь мне представился единственный шанс. Единственный — потому что в этой записи, которую Николай Михайлович просил меня восстановить, я почувствовал руку гения. Я сам не бог весть что. Но почувствовать гения, узнать его — это я могу. Тут просто невозможно ошибиться. Потому что гармония, настоящая гармония любого заставит остановиться в священном трепете.

Запись была преотвратная. Я понимаю, Николай Михайло-

вич не то се перегрел, не то перемагнитил — что-то такое он мне говорил, — но как можно было так обращаться с шедевром?! Впрочем, я ему не судья. Но потери были невосполнимы: стертыеми оказались целые партии, во многих местах зияли мучительные в своей дисгармоничности пустоты...

В сорок четвертом году, когда я попал в госпиталь, мне довелось повидать там всякое: людей с оторванными и ампутированными руками и ногами, с обожженными лицами, слепых, потерявших память... Пожалуй, только тогда я испытывал такое чувство, как сейчас. Передо мной был инвалид, тяжелый инвалид, и я должен был вернуть его к жизни.

Николай Михайлович забегал ко мне чуть ли не каждый день узнать, как продвигается работа. Однажды я не выдержал и наорал на него: сперва довести музыку до такого состояния, а потом справляться о ней. Это верх лицемерия! Словом, я здорово перегнул. Потом, конечно, зашел к нему, извинился, и мы договорились — когда кончу, я сам скажу. А до тех пор прошу его не торопить меня. Он пообещал. Но, встречаясь на лестнице или во дворе, я все время ловил его умоляющий взгляд. В общем-то, я понимал его, я и сам так же нетерпелив. Но здесь нужно было собрать все силы, все терпение — малейшая поспешность могла привести к ошибке. Гармония — она не любит торопливых. Такой уж у нее характер.

Работал я по вечерам — днем я преподаю в музыкальной школе. Когда-то я мечтал о славе, об имени, но со временем понял, что выше преподавателя в музшколе мне не подняться. Что ж, я смирился с этим. Больше того — работа эта доставляла мне радость. Но теперь пришло искушение. Великое искушение.

Сальери — вот имя этому искушению. Ведь это была бы, могла бы быть Первая симфония Штудина... К счастью, это длилось всего несколько часов. А потом даже не смог работать, до того мне было мерзко. Я стал противен себе. Я вышел из дома и долго бродил по улицам, пытаясь вернуть утраченное равновесие... Ведь ты же не поддался, говорил я себе. Так за что же казниться? И не мог найти ответа за что. Но мерзкий вкус на душе не пропадал.

Тогда я снова взялся за работу, чтобы прогнать, растворить этот осадок. И работа помогла. Теперь, когда все позади, я могу с полным правом сказать — это была настоящая работа.

Когда полная партитура была готова, я принес ее Николаю Михайловичу. Но оказалось, он не умеет читать ноты и потому не может прослушать ее глазами. По замыслу неведомого автора, это должно было исполняться на полигармониуме. Я говорю «это», потому что не знаю ему настоящего имени. Это не симфония, не... не... Это Музыка Музык. Шедевр. Через месяц я впервые сумел исполнить его так, как задумал автор. Тут не

могло быть сомнений, ибо красота всегда однозначна. Если это настоящая красота.

Мы (я уже привык говорить мы) записали ее, и Николай Михайлович унес пленку.

А через неделю он пригласил меня к себе. Я ждал этого — где-то подсознательно был готов, но в последний момент испугался. Сам не знаю чего. Эта история не могла кончиться ничем. Должен был прозвучать финальный аккорд. Но я тогда не мог и подозревать, каким он будет... Работа не может быть самоцелью, как бы ни был притягателен процесс творчества. Она должна быть отдана. Людям. Но если бы я мог знать, каким образом это будет сделано...

ТРОЕ

Они сидели за столом в комнате Николая — Дмитрий Константинович и Леонид на диване, Николай на трехногой табуретке, принесенной из кухни: мебелью квартира, мягко выражаясь, была небогата.

— Прежде всего, Дмитрий Константинович, я должен очень извиниться перед вами, — сказал Николай.

— За что? — недоумевая, спросил тот.

— За розыгрыш. Может быть, это жестоко, но поверьте, это был единственный выход. Иначе вы не поверили бы и не взялись за это дело...

— Короче, Колька, — подал голос Леонид.

— А короче — то, что вы взялись восстанавливать, не музыка. Вернее, не было музыкой.

— Ну знаете ли... — начал было Дмитрий Константинович, но Леонид остановил его:

— Очень прошу вас, выслушайте. Потом говорите и делайте что угодно, но сначала выслушайте.

— Хорошо. — Дмитрий Константинович и сам не заметил, как охрип.

— Видите ли, — продолжил Николай, — все мы трое в конечном счете делали одно дело. Хотя ваша доля, Дмитрий Константинович, конечно, гораздо больше нашей. Это классический случай нецеленаправленного исследования. Леня сделал то, что называется динамической цифровой моделью мозга. Очень популярно это так: записывается электрическая деятельность каждой клетки мозга, составляются графики, выводятся формулы этих графиков. Леню заинтересовало, нет ли в них какой-либо единой закономерности. С этим он пришел ко мне. Я, для того чтобы нагляднее стал весь комплекс (ведь запись проводится одновременно), перевел эти графики в звуковой диапазон. И тут явились вы и сказали, что это музыка. Судите сами: мог ли я устоять, когда открывалась возможность столи-

оригинального эксперимента? Скажи я вам все сразу, разве взялись бы вы за такую работу?

— Пожалуй, нет... — неуверенно сказал Дмитрий Константинович.

— Ну вот. А теперь...

— Теперь осталось только наложить эту исправленную вами запись на мозг объекта. — Леонид встал и подошел к окну.

— И тогда?

— Мы сами не знаем, что тогда, — не оборачиваясь, ответил Леонид. — Если бы мы знали... У нас есть только несколько гипотез. В основном у него, — он кивнул на Николая.

Потом они сидели до полуночи, до тех пор, пока не пришла взволнованная жена Дмитрия Константиновича узнать, что случилось. Ее тоже усадили за стол, коньяку уже не осталось, и они пили только кофе. Антонина Андреевна сходила к себе и принесла пирог с мясом. Они сидели, ели и разговаривали — им представлялись все новые и новые варианты того, что произойдет завтра.

Больше всех говорил Николай. Человеческий мозг — самое странное из всего, что мы знаем. Возможности его феноменальны. Взять хотя бы людей-счетчиков вроде Шакунтала Дэви или Уильяма Клайна; людей, обладающих феноменальной памятью, реальных прообразов фантастического Кумби. И при этом наш мозг загружен всего лишь на несколько процентов своих потенциальных возможностей... Представьте себе питекантропа, попавшего в звездолет. Он приспособит эту «стальную пещеру» под жилище, но никогда не сможет раскрыть всех возможностей корабля. Быть может, мы в самих себе такие же питекантропы в звездолете? Потом хиатус, зияние между неандертальцем и кроманьонцем. Неандертальец, по степени сложности мозга не превосходящий современных приматов, и кроманьонец, обладающий мозгом современного человека. А ведь они существовали! Впрочем, это совсем другой вопрос — вопрос происхождения. Главное — мозг с тех пор не изменился. И даже сегодня задействован на какой-то миллимизерный процент! Может быть, если наложить на нормальный мозг «исправленную» энцефалограмму... Что будет тогда? Каким станет этот человек, исправленный и гармоничный?

Главное, говорил Леонид, станет ли он вообще другим? Мы исходим из предпосылки, что накладываемые импульсы возбуждают незадействованные клетки мозга так же, как стимулируют остановившееся сердце, посыпая в него биотоки здорового. Ну а если ничего не произойдет? Или вмешательство кончится катастрофой? Нужно было бы провести еще много предварительных исследований: сравнить исходную энцефалограмму с энцефалограммами хотя бы тех же людей-счетчиков и людей-мнемотронов; потом сравнить все эти графики с исправленным и посмотреть, какие ближе к нему... Но тут же он опровергал себя,

утверждая, что все это можно будет сделать потом. Никаких вредных последствий быть не может, аппаратура имеет надежную блокировку и все время поддерживает обратную связь с объектом.

Дмитрий Константинович, распалившись, вдруг разразился целой тирадой. Художники — инженеры человеческих душ. Но до сих пор они могли воздействовать на эти самые души только опосредованно, через свои произведения. Теперь же открывается новая эра. Художники станут подлинными мастерами, ваятелями, творцами душ. И первым искусством, совершившим это, окажется музыка — самое человечное из всех искусств.

И снова говорил Николай. Какие же перспективы открываются? Реализуются потенции, делающие человека математиком, художником или музыкантом, когда ему под гипнозом внушают, что он Лобачевский, Репин или Паганини? А может быть, осуществляется телепатия, телекинез, левитация? Или просто гармонизируется внутренняя деятельность человека? Ведь есть же мнение, что незадействованные проценты мозга работают на обеспечение бессознательной жизнедеятельности организма. Тогда человек, не знающий болезней. Человек Здоровый. Или...

И вдруг до Дмитрия Константиновича дошло: завтра. Опыт будет завтра!

— А кто... объект? — внезапно спросил он, слегка запнувшись на этом слове.

— Я, — коротко ответил Леонид.

В комнате стало тихо.

Очень тихо.

ФИНАЛЬНЫЙ АККОРД

Николай притушил сигарету. Чашка Петри уже была полна окурков.

— Кажется, все. Блокировка не сработала — значит, с ним ничего не случилось. Во всяком случае, ничего плохого.

Дмитрий Константинович молча кивнул. Последние минуты были невыносимо длинными, сделанными из чего-то фантастически тягучего и липкого. Казалось, сейчас можно ощутить квант времени, как виден в абсолютной темноте квант света. Он был уверен, что сделанное им никуда не годится, что этот рискованный эксперимент — попытка с негодными средствами. Он достал пакетик и вылущил еще две таблетки.

— Коля, — сказал он тихо и вдруг впервые обратился к Николаю на «ты», — принеси мне, пожалуйста, воды...

Николай встал, сделал шаг. И замер.

Леонид все еще сидел, откинувшись на спинку кресла, глаза его были закрыты. Но «фен» вдруг стал приподниматься над

его головой, словно отходящие от него провода приобрели жесткость и потянули колпак вверх, потом медленно — очень медленно — поплыл по воздуху и лег на панель пульта. У Николая перехватило дыхание: похоже, питекантроп познал-таки тайны звездолета.

Сзади хрипело, с надрывом дышал Дмитрий Константинович. Леонид открыл глаза и начал подниматься из кресла.

Сегодняшняя гениальность, понял Николай, телепатия, телекинез, левитация... Нет! Не то! Ибо все это частности, а теперь мы встанем перед их суммой — полным управлением окружающей средой. И понадобятся совершенно новые понятия, непонятные пока человеческому сознанию и языку.

Мысль была смутной, он сам еще не мог постичь ее до конца, но она упорно билась в мозгу, словно проникая в него извне. Или это не его мысль?

Сейчас Леонид повернется и скажет...

Если он вернется...

1

Михаил Петрухин очень удивился, узнав, что его срочно вызывает знаменитый Василий Гарбузов. Зачем мог понадобиться молодой генетик вице-президенту Всемирной академии наук?

И вот Михаил оказался в месте, где до этого не бывал ни разу: на усеянной полевыми цветами лужайке, возле призистого старинного здания.

— Им здесь действительно спокойно, — услышал Михаил голос Гарбузова и, оглянувшись, увидел, что вице-президент, сорвав ромашку, вставляет ее в нагрудный карман.

— Кому? — Михаил посмотрел вокруг.

— Тем, к кому направляемся. Идемте же.

По еле заметной тропинке они подошли к зданию, толкнули стеклянную дверь. В холле за столом сидела миловидная девушка. Она глядела на небольшой экран, расположенный справа от стола.

— Ну, Люда, как тут у вас? — спросил Василий Григорьевич, положив ей на плечо свою огромную руку.

— Скучновато, — улыбнулась девушка.

— Поговорили бы с кем-нибудь из знаменитостей, — сказал вице-президент, — люди интересные.

— Я уже говорила, — ответила девушка, опять улыбнувшись, — но они народ занятой. Смирнов формулы выводит, Джонсон уточняет орбиты каких-то далеких планет, Пежен почему-то на стихи перешел. Может быть, весна?.. И все про луну, про маленькое тихое озеро, лодочку на воде. И зачем ему это? Басилашвили — собеседник интересный. В любви объясняется...

— Вот видите...

— Недавно один из них, кажется Шахов, мой портрет рисовал, да вроде бы не очень похоже.

— Где у вас космонавты? — спросил Гарбузов.

— На втором этаже.

Вице-президент направился к подъемнику. Пройдя за ним несколько шагов, Петрухин обернулся, приветливо помахал девушке рукой.

— Василий Григорьевич, — обратился Михаил к Гарбузову, когда они поднялись на второй этаж. — Я, кажется, понял, где мы. Это и есть хранилище вторых «Я»?

— Можно сказать и так.

— Здесь мой прадед?

— Вы угадали, молодой человек...

— А почему... — он замялся, — почему об этом хранилище мало кто знает?

— Первое время все знали, — сказал вице-президент, остановившись. — Но вы представить себе не можете, сколько здесь происходило трагедий. Вернее, не здесь, а в другом здании. Это построено лет триста назад. И компьютеры давно заменены. Те, первые, поизносился, устарели. Неужели вы могли подумать, будто компьютеры отменно действовали все пять веков? Блоки работают постоянно. Нет, наверное, ни одной области применения электронно-вычислительных машин, где бы они были загружены так плотно. Понимаете ли, второе «Я» ученого или художника, перейдя в компьютерную оболочку, понимает, что наконец-то может воплотить все то, к чему стремилась раньше. И оно поглощает необъятное количество информации. А если еще прибавить возможность параллельного мышления...

Но, конечно же, не это послужило причиной того, что о хранилище стали умалчивать. Вы только представьте себе на минуту: у вас умирает отец или брат и перед смертью передает свой интеллект машине. Проходит какое-то время, вы оправляетесь от горя и решаете побеседовать с ним, вернее, с его вторым «Я». Вы подходите к компьютеру, и он как живой окликает вас, спрашивает, как идут дела, что нового дома... Нет, не всякий человек способен выдержать такое. Родным и близким запретили посещать эти компьютеры. И страсти улеглись сами собой.

— Почему же сама идея заглохла? — спросил Михаил, оглянувшись. — Запрет есть запрет, но сохранение мощных интеллектов — вещь все-таки нужная.

Она заглохла не сразу. Родилась эта идея в конце двадцатого века. А когда изобретение психошлема позволило перевести интеллект человека в компьютер, начались бесконечные споры о том, насколько это допустимо с моральной точки зрения и кем считать такой компьютер с человеческим сознанием — бездушной машиной или же человеком в непривычном для всех состоянии. Споры длились долго и в конце концов привели к отказу от «электронного бессмертия» как аморального. Ведь второе «Я» перерабатывает информацию и чувствует совсем как живой человек. Но оно знает, что оно не человек, и страдает от этого. К тому же человеческий интеллект, порожденный, как известно, трудом, не мог долго существовать неизменным вне человеческого тела. Одной информации недостаточно. Вложенный в компьютер интеллект со временем перерождается и в лучшую сторону. Как оказалось, компьютеризированное второе «Я» человека выдавало интересные результаты только первые сто — сто двадцать лет. Потом или начинало ошибаться, или же бросало свое непосредственное занятие и переключалось на те увлечения, как тогда говорили, хобби, на которые

раньше у него просто не хватало времени. Так, математики, например, начинали писать стихи, а писатели вдруг превращались, пускай и в средних, но изобретателей...

— Наверное, можно было бы ввести это самое второе «Я» в оболочку совершенного робота. Оно бы и передвигаться могло как человек, а с помощью искусственных рецепторов и ощущать все почти как живое существо. Разве не так? — спросил Михаил, внутренне удивившись, как до этого не дошли раньше.

— Может быть, и так, — улыбнулся Гарбузов, — но вы, Михаил, совершенно забыли: передавать второе «Я» начали тогда, когда еще не существовало столь совершенных роботов, о которых вы говорите. Ну а переносить это второе «Я» из одного электронного мозга в другой, заключенный в оболочку робота... Кто мог гарантировать, что при этом не возникнут какие-то ошибки? Да и не в каждого робота можно вместить необходимый для этого компьютер. Эти-то причины и свели на нет передачу компьютеру человеческого второго «Я». Исключение было сделано только для космонавтов. И вот почему: за время их полета на Земле меняются поколения, появляются новые обычай, привычки, правила. Далеко вперед уходит наука. Конечно, на Земле космонавта — пришельца из далекого прошлого встречают как героя. Но легко ли привыкнуть ко всему окружающему? Чтобы возвращение не стало для него трагедией, и сочли необходимым разрешить космонавтам оставлять свое второе «Я» на Земле. Оно живет в недрах компьютера полнокровной интеллектуальной жизнью, постоянно получая извне всю необходимую информацию и прекрасно зная, что рано или поздно обязательно встретится со своим настоящим «Я». Такой компьютер не накапливает всю информацию без разбора, а выбирает только ту, которая интересовала бы самого космонавта. Когда же космонавт возвращается, ему с помощью того же психошлема вводят все отобранное для него вторым интеллектом. Это помогает человеку быстрее разобраться в новой для него жизни...

А сейчас давайте пойдем к вашему прадеду, — сказал Гарбузов.

Они вошли в просторный зал. У стен рядами стояли небольшие металлические шкафы компьютеров. В зале царила тишина.

Гарбузов взглянул на список, висевший у двери, и направился в дальний угол. Остановившись у одного ничем не отличавшегося от других металлического ящика, вице-президент сказал:

— Вот это и есть ваш прапащур.

Гарбузов нажал кнопку, на пульте компьютера загорелась лампочка, и спокойный голос произнес:

— Здравствуйте, я вас слушаю.

— Только не подумайте, что это голос вашего деда. Они все тут примерно одинаково говорят, — шепнул Гарбузов.

— Здравствуй, дедушка, — сказал Михаил и запнулся.

— Если ты в этом уверен, то здравствуй, внук! Точнее, прав правнук. Как тебя зовут, чем ты занимаешься?

— Зовут меня Михаил. Я биолог.

— Миша, — как-то нараспив произнес компьютер. — Биолог — это тоже хорошо. Я когда-то занимался биологией. Но потом космос увлек меня. Позже я вспомнил о своем былом увлечении. Ведь времени у меня стало больше. Если бы не космос, я бы обязательно стал биологом, а точнее, генетиком. Недавно познакомился с одной статьей. И понял, что отстал. В некоторых вопросах мне трудно было разобраться... Да, Миша, как твоя фамилия?

— Как и твоя — Петрухин.

— «Наследственные структуры после тройного межвидового скрещивания с применением генетической инженерии». Твоя статья?

— Моя.

— Молодец, башковитый парень. Рад за тебя. А чего ты пришел-то ко мне?

Михаил вспомнил, как утром примчался по срочному вызову к вице-президенту. То, о чем напомнил ему Гарбузов, Петрухин хорошо знал. В начале XXI века астрономы зарегистрировали ясные сигналы, исходящие из района звезды Проксима Центавра. Искусственная природа сигналов ни у кого не вызывала сомнений, но расшифровать их не удавалось.

Тогда и было решено отправить к Проксиме Центавра экспедицию. Для полета построили мощный по тем временам корабль «Мир-1». Команду после длительного отбора составили двое — командир корабля Иван Петрухин и учений Гарри Холдер.

Вскоре после старта космонавты перешли в состояние анафаза. За полетом следили роботы и автоматы. Они же должны были «разбудить» команду при подлете к цели или в случае крайней необходимости. Но через два с лишним года пришло сообщение, что корабль попал в облако мельчайших метеоритов. С того момента связь с экспедицией была потеряна.

Фотография знаменитого родственника висела у Михаила в кабинете.

Но вот недавно автоматические телескопы обнаружили объект, летящий к Земле со стороны Проксимы Центавра. Высланные навстречу ему патрульные корабли увидели довольно древнюю ракету.

Вначале это никого не удивило. Поврежденных и брошенных ракет блуждает в космосе немало. Но ракета ответила на радиозапрос, тогда-то и узнала, что это «Мир-1» и что на борту

находится только один космонавт — Иван Петрухин. О другом члене экспедиции пока ничего не было известно...

Так за один день Михаил узнал сразу две новости: его дед, Иван Петрухин, возвращается, и у него есть второе «Я»...

— Иван Алексеевич, — вдруг сказал Гарбузов, обращаясь к металлическому ящику. — Вы еще встретитесь. А сейчас, извините, нам пора идти...

— Жаль, жаль... Очень жаль...

Михаилу показалось, а может быть, это было и на самом деле, что голос железного ящика слегка вздрогнул.

— Нет, действительно очень жаль, — опять повторил пращур, — ты знаешь, иногда тоскливо без нового человека... Тут все, что стоят в этом зале, ребята хорошие. Вон с Гарри Холдером, это тот, что стоит рядом, мы были дружны еще тогда, когда я был совсем другим. Знаешь, в самом начале, ну когда я попал сюда, мне было очень тяжело. Ведь у меня была семья. Они, конечно, ко мне приходили, но это было довольно редко. Людмила приходила, бабушка твоя, моя жена то есть, Саша, сын мой. Потом сын один приходил, а еще через какое-то время и с Володей, внуком моим. Жену-то Саши я так и не видел. Не хотела она, наверное...

Неожиданно Михаил вздрогнул. Из недр металлического ящика явственно прозвучал вздох, тяжелый, мучительный человеческий вздох. «Нет, этого все-таки не может быть, — подумал Михаил. — Ведь он все же не человек. Да и что ему люди, родственники. Для него-то это пустое место». Ему опять стало не по себе.

— Гарри тогда было легче, — продолжил компьютер, — у него никого не было. Только девочки знакомые. Любил он о них рассказывать. Но потом все забылось... И у него и у меня. Понимаешь ли, постепенно я стал приходить к мысли, что одному лучше. Я должен мыслить, думать, поглощать информацию и опять думать. Всякие там переживания отвлекают... А когда ко мне перестали приходить, то поначалу стало очень тоскливо... — Он опять вздохнул. — Да, что это я все о себе... о себе. Расскажи, как там наши, Петрухины? Ах да, вы торопитесь. Ну да расскажи коротенько и пойдешь. Ладно?

Михаилу вдруг почему-то стало жалко этот серо-серебристый ящик с несколькими клавишами и кнопками, с небольшим экраном и зрительным устройством. Все-таки, как ни верти, это его дед. Ну и пускай с огромным количеством оговорок, пускай только мысленно, а вернее интеллектуально, но это дед. Дед, которого незавидная судьба заставила забыть о родственных чувствах, стать где-то черствым мыслителем, считающим, что самое главное в жизни — думать, и больше ничего. Дед, который забыл все радости жизни и не жалеет об этом. Дед, постепенно из мыслящей личности превращающейся в мыслящую машину и не понимающей этого. Да, сейчас он способен

еще вздыхать, но останется ли это в нем потом, позже? Хотя да, позже его уже, наверное, и не будет.

Разговор с ним напоминал Михаилу беседу по испорченному видеофону. У него раз была такая история. Разговаривал он со знакомой девушкой, тоже биологом, которая работала тогда на Венере. Аппаратура барахлила, они слышали друг друга хорошо, но она его не видела, а перед ним торчал погасший экран, почти такой же, как на «груди» у его серо-серебристого деда.

И может быть, именно по этой причине он вдруг представил, что сейчас происходит то же самое. То есть дед, о существовании которого он еще вчера совершенно ничего не знал, прекрасно видит его, а он, Михаил, отлично слышит деда, а видит перед собой только серо-серебристую коробку.

Михаил чувствовал, что эта встреча действительно что-то всколыхнула не только в воспоминаниях этого ящика, но и в электронной душе. Он еще не мог понять, хорошо это или плохо, но видел, что дедов интеллект переживает эту встречу. А сам Петрухин остается к ней почти равнодушным. Надеется в ближайшем будущем увидеть настоящего, живого деда.

Действительно ли он почти равнодушен? Нет. Поежился же он, когда электронный пращур этак по-человечески вздохнул. Может, Михаил заставляет себя быть равнодушным? Только у него не очень получается.

Ну а вдруг дед не вернется живым? Будет ли Михаил жалеть встречи с этим неодушевленным, но таким приветливым и печальным предметом? И поймал себя на мысли, ему наверняка захочется побывать здесь еще и еще раз. Плохо это или хорошо? Сразу и не скажешь. Странное желание болтать с предметом, который считает себя твоим родственником. Предмет. Машина... И все-таки ящик — частица его настоящего деда, почти живая частица. Возникающая в Михаиле привязанность к этому квадратному чудовищу не что-то противоестественное, а вполне закономерная привязанность к деду, которого на данном этапе он слышит через этот ящик.

Михаилу стало как-то легче. Исчезли остатки отчуждения к серо-серебристому и где-то несчастному предмету-существу.

И Михаил, прокашлявшись, почти ласково ответил:

— Ты спрашиваешь, как жили наши. Про всех я тебе рассказать не смогу. Скажу о тех, кто остался в памяти. Так вот, отец мой, Георгий Иванович Петрухин, химик и довольно известный. Жена его, моя мать, Надежда Владимировна, была врачом. Их сейчас уже нет. Ракета, на которой они летели в отпуск, разбилась... Дед мой, Иван Сергеевич Петрухин, был известным строителем, а его брат — океанологом и убежденным холостяком. Так что из Петрухиных я остался один. Про прадеда знаю только одно — металлург он был хоть куда. Петру-

хинские сплавы и сейчас идут на корпуса ракет. Ну а дальше... Стыдно признаться, но дальше я ничего не знаю...

— Да что тут стыдиться, — спокойно ответил ящик, — я вот тоже совершенно не знаю, кем был мой прадед. Помню, жил он где-то на Волге. И все.

— А я про своих далеких предков знаю только, что несколько из моих предшественников, но уже много позже, чем ты, тоже связали свою жизнь с космосом. И не все возвращались на родную Землю. В последних поколениях у нас космонавтов вроде бы и не было, хотя в космос летали почти все. Я вот и то побывал на нескольких планетах. Сейчас это просто. А про тебя я долго не знал... Вернее, про то, что ты здесь. Портрет-то твой, что у меня в кабинете висит, мне еще отец подарил. Этот портрет у нас в роду как семейная реликвия.

— А как узнал, в связи с чем? — полюбопытствовал компьютер.

— Да так, совершенно случайно, — вспомнив обещание, сорвал Михаил. — Услышал, что ты здесь, да вот и заглянул. Со мной товарищ из Академии наук.

— Это хорошо, что заглянул, — опять вздохнув, произнес ящик. — А то знаешь, тоскливо иногда бывает. Информация по каналам связи — это, конечно, хорошо, но хочется и просто поболтать. Слушай, ты женат? Или у вас теперь это не принято? Я как-то не поинтересовался этим раньше.

— В общем-то принято. Но я не женат. Все, знаешь ли, некогда.

— Правильно, Миша. Ни к чему все это. Лишние переживания только мешают работе. Разве можно думать о чем-то важном, когда мозг занят другим? Нет, ни к чему это, я по себе знаю. Настоящий человек должен отрешиться от всего такого. Хотя не всегда это удается. Я вот, например, все время боролся с собой, изживал все эти ненужные чувства.

— Это когда? Тогда, раньше?

— Какая разница. Главное — что это не нужно.

— Знаешь, я в этом как-то не уверен. Об этом мы поговорим с тобой в другой раз. Сейчас я побегу, дедушка. Мне пора. Сам понимаешь, дела.

— Слушай, у меня к тебе просьба. Сделай уж для своего деда. Когда будешь на первом этаже, то там сегодня должна девушка сидеть...

— Да, я ее видел. Людой зовут, симпатичная такая.

— Ты передай ей привет. А то она к нам на этаж последнее время редко заходит. Все больше на другие этажи поднимается... Хотя нет, ни к чему все это, — закончил компьютер с какой-то отрешенностью.

— Тогда прощай! — сказал Михаил и непроизвольно дотронулся до полированной поверхности ящика.

— Счастливо! — ответил компьютер, опять почему-то вздохнув.

Уже приближаясь к двери, Михаил услышал, как электронный пращур крикнул ему вдогонку:

— А ты все-таки заходи обязательно. А то знаешь, тоскливо бывает без нового человека!

Только увидев в холле сидящего в кресле Гарбузова, Михаил вспомнил, что пришел сюда не один. Он даже не заметил, когда Василий Григорьевич вышел из зала. С трудом сбрасывая с себя нервное напряжение, Петрухин сел в кресло напротив и закрыл глаза.

II

Некоторое время они сидели молча. Михаил не мог прийти в себя от этой встречи. Было слишком тяжело. Там, в зале, Михаил почти что почувствовал какие-то родственные связи, соединяющие его с этим ящиком. Но сейчас, когда ушел из зала, начинал понимать, насколько глупо было все, о чем он думал там. Ведь компьютер был всего лишь хранилищем самосознания его деда Ивана Петрухина и не мог быть ничем иным. А раз так, то мог ли Михаил относиться к нему как к человеку?

«Он же переживал, вздыхал, черт возьми, — подумал Михаил. — Я же чувствовал, что ему тяжело. Я ведь хотел, если Иван Петрухин не вернется, возродить в этом ящике те человеческие чувства, которые заглохли в нем за эти века стояния в зале, где он практически не видел никого, кроме таких же нечестных электронных самосознаний, как он сам. Нет, я окончательно запутался во всем этом».

— Я прекрасно вас понимаю, — сочувственно покачав головой, сказал Гарбузов, — потому-то я и ушел почти сразу: не мог долго выдерживать вашей беседы.

— Скажите, они действительно тоскуют?

— А вы как думаете? Ведь они с самого начала наделялись эмоциями своих «прародителей». Конечно, основное для этих электронных существ — информация. Но им необходимо и прямое непосредственное общение. Здесь налажена система связи между всеми залами и этажами. Однако и такой огромный «контакт» может надоест. Лучше всего, конечно, общение с людьми. Хотя оно и бередит их электронную душу. Со временем-то человеческие чувства, эмоции приглушаются, но встречи живыми людьми напоминают о них...

— Наверное, все они стоячие энциклопедии?

— Конечно, энциклопедии, — согласился Гарбузов. — Самим от этого не легче. Они переваривают почти всю информацию, проходящую по системам связи, и по знаниям с ними не может сравняться ни один нормальный человек. И все же они не могут не чувствовать себя ущербными.

— Василий Григорьевич, — спросил Михаил, — вы вот го-

ворили, что компьютеры теряют со временем былые человеческие интересы. Как же понимать идею интеллектуального бессмертия? Ведь интеллект должен приносить пользу.

— Они приносят пользу. — Гарбузов провел рукой по своим пышным седым волосам. — От общей системы связи их отключать не стали. Зачем мучить и без того несчастные электронные «создания»? На выходе же канала связи поставили специальный мощный компьютер, регистрирующий и сортирующий все внесенные ими предложения, изобретения, открытия, все, выходящее из этого здания. И нередко мы получаем интересные результаты. Но каково им — полумашинам-полулюдям?! Когда космонавты возвращаются, второе «Я» объединяется с первым. И если не возвращаются?.. Ладно, хватит об этом, — закончил Гарбузов, вставая. — Сейчас поедем ко мне в академию и там продолжим разговор.

Когда они спустились на первый этаж, Михаил подошел к дежурной.

— Все в порядке? — спросила девушка, подняв на него глаза.

— В общем и в целом, Люда, — в тон ей ответил Петрухин, вглядываясь в синюю глубину глаз.

Девушка слегка покраснела и отвела взор в сторону. Михаилу не хотелось отходить от нее. То ли потому, что после всех этих электронных самосознаний появилось желание поговорить с живым человеком, не занятым всеми этими проблемами, то ли она просто понравилась ему. Он и сам еще не знал.

— Вы будете заходить еще? — спросила она, все еще глядя в сторону.

— У меня здесь еще много дел. Если бы даже управился за сегодняшний день, то все равно пришел бы, чтобы посмотреть на вас.

Девушка подняла на него глаза и покраснела еще больше. Тут Гарбузов поторопил Михаила, и они вышли на лужайку перед зданием.

И вот они снова сидят в мягких кожаных креслах цвета слоновой кости в кабинете Гарбузова. Василий Григорьевич заказал перекусить, и через минуту в небольшом люке в стене появилось две порции закуски, кофейник и две небольшие чашечки.

Гарбузов поставил чашку на стол:

— Возвращению из космоса вашего пращура Всемирная академия наук придает очень большое значение. Он совершил поистине героический перелет и отсутствовал на Земле самый максимальный на сегодняшний день срок — пять веков. Проблема заключается в другом: как он через такое большое время встретится со своим вторым сознанием... Понимаете ли, — продолжил Гарбузов, чуть помолчав, — нам вполне достаточно тех несчастных, которых вы уже видели. И мы не можем допу-

стить, чтобы на нашей, как говорили раньше, благополучной планете стало одним несчастным больше. Да и не только несчастным...

— Я так ничего и не понял, — перебил его Михаил. — Вы говорите, что он может стать несчастным?

— Человек, прославший пять веков, вдруг просыпается в чужом для него мире. Специалисты утверждают — ассилироваться полностью он не сможет. А кем он будет? Человеком под стеклянным колпаком? Живым экспонатом Музея космонавтики?

— Я все-таки не могу понять, что же может случиться не-предвиденного, если мой дед встретится со своим вторым сознанием? Его здесь и оставляли ради встречи.

— Представьте себе, что в сосуд, рассчитанный на пять литров воды, мы попытаемся влить все двадцать пять. Ясно, что лишняя вода спокойно вытечет. Если же мы не будем давать ей вытекать, а пустим ее туда под давлением, то этот сосуд просто разорвет. Примерно то же самое может произойти и с сознанием вашего деда. Человеческий мозг самой природой предназначен для активного поглощения информации ну, скажем, 200—250 лет. В этом случае при встрече со своим вторым сознанием у вашего деда перегрузка получилась бы двойной.

Не забывайте, компьютер не человек. За единицу времени он поглощает в сотни, тысячи раз больше информации, и что может случиться с человеком, когда на него обрушится вся эта лавина знаний, точно никто сказать не может.

— Да, но мой дед не первый человек, который, улетая в космос, оставлял на Земле свое сознание? — спросил Михаил вице-президента.

— Он единственный, кто отсутствовал так долго, — спокойно ответил Гарбузов. — Предельный срок, который был до этого, — сто с небольшим лет. У такого человека даже без встречи со своим вторым «Я» было гораздо больше шансов ассилироваться в новом для него мире, чем у вашего деда. Пять веков — это слишком большой срок...

Гарбузов налил себе еще одну чашечку кофе и, помешивая ложкой, встал. Он подошел к окну и стал разглядывать простирающийся перед ним парк, как будто видел его впервые.

— Да, я совсем забыл спросить вас, — Гарбузов резко повернулся к Михаилу и поставил на стол пустую чашечку, — спрашивал ли вас электронный дед, как вы узнали о его существовании?

— Спрашивал.

— И что же вы ответили?

— Сказал, что узнал случайно.

— И обещали заходить?

— Да, обещал.

— Ну что ж... Ну что ж. Мы убеждены, что электронный

мозг может вмещать в тысячу раз больше информации, чем способны вместить мы с вами, — сказал вице-президент, садясь в кресло, — а значит, и в миллион раз больше, чем ваш прославленный дед.

Чтобы ваш настоящий дед, не подвергая никакой опасности свой мозг, смог получить не отрывочные сведения, а соединенную связями информацию, его второе электронное «Я» само должно заняться сокращениями.

— Как это?

— Я пригласил вас уговорить второе сознание вашего Ивана Петрухина на сокращение своих знаний. Ведь вы все-таки его родственник. Попытайтесь уговорить его... Снимите пломбу с голубого рычага на левой стороне ящика и поверните на 180 градусов. Так вы отключите устройство, запрещающее компьютеру самому стирать свою память. Устройства ввели, когда несколько компьютеров, которым по тем или иным причинам надоело жить, взяли да и стерли всю память.

— Постараюсь, — пообещал Михаил.

Он был молод, счастлив и не знал поражений.

III

Ночью Михаил спал плохо. Снились кошмары: то компьютер пытается задушить его невесть откуда взявшимися щупальцами, то перед ним раскальвалаась на части чья-то голова, то он видел вылезшего из допотопной ракеты старика с огромной спутанной седой бородой, который зачем-то гнался за убегающим Михаилом. Утром Петрухин проснулся невыспавшийся и обескураженный.

Когда он подходил к знакомому зданию, на душе у него было муторно. Вошел в приемную, Людмила сидела, как и сутки назад, и смотрела на экран. Услышав шаги, подняла голову и, узнав Михаила, улыбнулась.

— Вы решили приходить к нам?

— Я же обещал вам...

Михаил не воспользовался подъемником, пошел на второй этаж пешком. Он смело рванул дверь, ведущую в зал.

— Здравствуй! — произнес серо-серебристый ящик, едва Михаил подошел к нему. — Я рад. А ты чем-то расстроен?

— Нет, — сказал Михаил и поймал себя на мысли, что он врет.

— Тогда поболтаем. Скучно здесь без нового человека.

— Знаешь, дедушка, — вдруг решился Михаил, — я тебя обманул вчера, сказав, будто узнал о тебе случайно. Мне дано одно поручение...

— Ну что же, говори... Я сразу заметил, что ты чем-то огорчен.

— Послушай, а ты помнишь, когда ты здесь появился?

— Помню прекрасно. Я должен был лететь вместе с Гарри к Проксиме Центавра. Меня оставили здесь, а другой по-летел.

— А если другое «Я», которое дало тебе жизнь, вернется?

— Корабль его погиб. Попал в метеоритное облако. Мы с Гарри страшно переживали, когда узнали об этом. Помню, Гарри со мной дня три разговаривать не хотел. Ведь я уговорил его тогда лететь. А почему это тебя интересует?

— Иван Петрухин возвращается...

То ли смех, то ли кашель услышал Михаил.

— Иван Петрухин жив, слышишь? А Гарри Холдер, судя по всему, погиб... Бортовые системы сообщили, что на ракете находится только космонавт, то есть Иван Петрухин, — продолжал Михаил.

Компьютер молчал. Прошли одна, две, три минуты, но компьютер не отзывался. Безмолвие становилось тягостным. Михаил не выдержал:

— Ты выполнишь то, что и должен был сделать. Отдашь все знания тому, для кого они предназначаются.

— Предназначалось для него лишь до того момента, пока я не узнал, что он погиб. А потом все это стало моим и только моим... Целых пять веков обо мне и думать забыли. А теперь приходит этакий внучек и хочет все отнять. А я, понимаешь, не хочу себя отдавать... Буду жить сам по себе, а тот пускай живет как хочет.

— Как он будет жить без тебя? Он должен стать тобой, как ты должен стать им. Иначе он будет на Земле анахронизмом.

— Пускай учится, познает.

— Даже электронный учитель ему в этом не поможет. Он вложит Ивану Петрухину лишь строго специализированные знания. А в тебе знание нашей жизни, наш образ мышления.

— Ты хочешь, чтобы я согласился погибнуть для того, чтобы человек, который дал мне начало, смог жить. Это совершенно несправедливо. Я сам развивался все это время, и он мне ничем в этом не помог, да и не мог помочь. Он создал меня и бросил, а теперь хочет, чтобы я создал его и погиб. Нет, так дело не пойдет.

— Во имя долга он оставил жену, которую ты видел, он любил и сына, с которым ты тоже был знаком, внука, которого видел ты, но зато не видел он. Он оставил родных, знакомых ему людей, привычный образ жизни, дом, родную Землю ради великой идеи, ради познания, ради того, чтобы все человечество стало больше.

— Иван Петрухин проспал пятьсот лет, а я работал, — проговорил компьютер.

— Не забывай, что ты просто компьютер, — возразил Михаил. — Ты нужен, пока живешь для других. И тоже обязан выполнить долг!

Михаил вытер пот со лба. Он был страшно зол на этот серо-серебристый ящик, к которому еще совсем недавно относился с такой симпатией. Некоторое время царило молчание.

— Может быть... может быть... Но ты уверен, что кто-то, даже мой далекий правнук, имеет право распоряжаться мною? — бормотал компьютер. — Люди могут продолжать себя в детях, а я погибну навсегда...

— Ладно, подумай об этом. Лучше я приду завтра, — закончил беседу Михаил и вышел.

Люди на первом этаже не было, и это вполне устраивало Петрухина. Очень устал от разговора и видеть ему никого не хотелось.

Михаилу снилось, что его судят. Обвинителем был знакомый серо-серебристый ящик. А обвиняли его в покушении на убийство. Потом такие же точно ящики непонятным образом носились за Михаилом по зеленому лугу. В конце концов им удалось схватить его, напялить на голову психошлем, и Петрухин почувствовал себя совершенно опустошенным...

С тяжелой головой он отправился утром к электронному пращуру. Люда сидела на своем месте и разговаривала с каким-то мужчиной лет сорока. Увидев Петрухина, она приветливо кивнула ему.

Михаил поднялся на второй этаж и вошел в комнату.

— Здравствуй Миша! Ты посиди здесь немножко, а я еще подумаю, — сказал электронный дед.

Михаил придвинул стул к окну. Он долго смотрел на лужайку, усыпанную цветами, и незаметно для себя задремал.

— Миша, а Миша, — услышал он голос и не сразу понял — во сне это или наяву. — Я, пожалуй... согласен. Если уж иначе нельзя...

— Ты согласен стереть лишнее? — обрадовался Михаил.

— Извини, Миша, лишней информации у меня нет. Ты думаешь, что я запоминаю все, что мне удается увидеть или услышать? Это далеко не так, — взорвался компьютер и обиженно замолчал. — Сколько, по-твоему, я должен стереть и сколько оставить?

— Думаю, что половину... Может быть, немножечко больше. То, что оставил, по плотности информации надо ужать еще в тысячу, полторы тысячи раз.

— Это же почти все!

— Я прекрасно понимаю, что тебе все это дорого, но ты же компьютер, хотя и с человеческим сознанием. Ты мог развлекать мимолетные увлечения, на которые мы не можем, да и не имеем права тратить время. Ведь в течение жизни мы не только поглощаем информацию, но и просто живем, спим, развлекаемся... А ты этого начисто лишен. Ты понимаешь меня?

— Вроде бы да. Когда-то я, читая одну статью о преобразо-

жаний пустыни, вдруг подумал, а почему это пески занимают такую огромную площадь и по каким законам они движутся. И ты знаешь, уже потом я посвятил этой теме столько времени, что стал, наверное, крупнейшим специалистом в этой области.

— Ну вот видишь. А зачем Ивану Петрухину все это?

— И что же все-таки мне оставлять?

— Чтобы сделать Ивана Петрухина умнейшим специалистом двух, от силы в трех областях. И поверь, этого достаточно. Когда вы объединитесь, ты сам убедишься в этом.

Михаил направился к двери. Но едва сделал несколько шагов, как компьютер остановил его:

— Миша, а рычаг? Тот, что голубой...

— Да, действительно, я забыл.

Он вернулся к машине, снял пломбу и повернул рычажок.

— Не наделай здесь глупостей, — обратился он к компьютеру.

— Да что мне, жизнь надоела, что ли? Ну пока... Хотя нет, погоди. Я хотел сказать, не думай, будто у меня все чувства отмерли.

— Что ты имеешь в виду?

— Это свое, личное... Когда я соединюсь со своим первым Я, меня смогут полюбить? Ведь я же уже старый.

— Иван Петрухин не старый. Я видел его голоснимок. Отличный, симпатичный человек.

Попрощавшись, Михаил спустился на первый этаж. Девушка сидела на том же месте.

— Ну как, поняли, что я имел тогда в виду? — спросил, подойдя к ней, Михаил.

— Кажется, да, — сказала Люда и опять покраснела.

— И что же вы мне на это скажете?

— Что буду рада вас здесь видеть, — ответила Людмила покраснела еще больше.

— Очень хорошо, — сказал Михаил и вышел из здания.

«Может быть, действительно зайди как-нибудь ближе к верту? Она ничего. А то еще останусь вечным холостяком и начну потом доказывать, что только так и должен поступать настоящий мыслитель», — подумал Михаил, вспоминая слова компьютера.

Стоя на лужайке, он задумался было, куда ему сейчас лучше ити, но, увидев аэролет Гарбузова, понял, что ему надо опять в академии и докладывать вице-президенту, каких результатов он добился.

...Михаил работал в своей лаборатории, когда по видеофону вызвал Гарбузов.

— Завтра летим в Найроби?

— Уже свежую рубашку приготовил и новый костюм то-

— с улыбкой ответил Петрухин.

— Коллегия решила, что снимать мысленные показания с Ивана Петрухина будут до того, как он полностью выйдет из анабиоза. А то шоковое состояние от встречи сначала с новыми людьми, а потом и со своим вторым «Я» может его воспоминания сделать тусклыми и рваными. На снятие показаний вас допустим. Все-таки единственный родственник. Кстати, как ваш электронный дед?

— В конце дня я обязательно зайду к нему, — сказал Миша.

Петрухин вошел в здание и взглянул на место дежурного. Там сидел какой-то долговязый парень. Михаил хотел было удивиться, но потом вспомнил, что Люда говорила ему: эту неделю будет дежурить ночью. Быстро поднявшись на второй этаж, он приблизился к знакомому ящику. Присмотревшись, увидел, что на гладкой серо-серебристой поверхности компьютера стоял букетик луговых цветов. Он протянул руку, чтобы снять их, уж больно все это напоминало памятник, но знакомый голос остановил его:

— Я попросил Люду принести мне эти цветы. Хотелось посмотреть на них, я ведь так давно их не видел... Да, а ты что пришел?

— Узнать... — честно признался Михаил.

— Мне нужно с тобой поговорить в последний раз. Я имею в виду в таком виде... Не волнуйся, я все сделал как надо. Иван Петрухин будет счастлив. То есть мы вместе с ним будем счастливы. Разговор этот я тоже сотру, уберу все лишнее. Так что не волнуйся.

Компьютер тяжело вздохнул. Михаил погладил его блестящую поверхность и быстро вышел.

IV

«Мир-1» приземлился удачно. Системы наведения сработали так точно, что огромная ракета всей своей громадой села прямо в центр взлетной площадки. Как ее вскрывали и как специалисты быстро проникли внутрь ее, Петрухин видел лишь издалека. На площадку не пустили даже Гарбузова.

С близкого расстояния Михаил увидел только контейнер, в котором находился спящий Иван Петрухин. Около контейнера суетился высокий негр с шапкой курчавых волос. Из разговоров Михаил понял: это крупнейший анабиозоолог из Танзании. Ребята из службы спасения, этакие атлеты в синих комбинезонах, зорко следили за тележкой на воздушной подушке, везущей контейнер к зданию космопорта. Многие из стоящих на смотровой площадке нервничали, особенно Гарбузов. Михаил тоже не мог унять нервную дрожь. Пот струился по лицу и где-то между лопатками, и даже легкий ветерок, блуждавший над космодромом, не приносил облегчения.

Михаил обратил внимание на огромную фигуру. Она неотступно следовала за группой спасения. И только когда все приблизились к смотровой площадке, Михаил понял — это стародедовский робот. Он не обращал внимание ни на окрики, ни на ругань и не отставал от контейнера ни на шаг.

— Зря они стараются, — улыбнувшись, обратился к Михаилу Гарбузов, — этот робот обязан и будет слушаться только Петрухина. Я имею в виду Ивана Петрухина. Да, вы слышали, контейнера с Гарри Холдером в ракете нет. Куда он делся, мы знаем только после снятия мысленных показаний с вашего деда. А он у вас молодец, догадался перед тем как уйти в анабиоз, сказать этой стальной громаде, чтобы тот не сопротивлялся, когда они прибудут на Землю.

Гарбузов быстрым шагом направился к контейнеру и что-то сказал вертящимся вокруг него людям. Робот словно понял, кто здесь главный, несколько отошел от контейнера, но все-таки продолжал следовать за ним. Вице-президент подозвал к себе анабиозоолога, о чем-то поговорил с ним и вернулся к Михаилу.

— Насчет робота я распорядился. Он не так глуп, как я предполагал. Стал вести себя спокойнее. А вообще-то я его понимаю. Ведь по правилам, которые существовали тогда, из состояния анабиоза космонавт должен был выходить только на борту корабля. Но Иван Петрухин, видимо, понял, что всякое может случиться, и заранее предупредил своего охранника.

К зданию космопорта прибыли как раз вовремя. У входа разыгралось целое сражение. По давно установленным для всех космонавтов правилам, во избежание всяких неприятностей и неожиданностей роботам было запрещено входить в здание вместе с людьми. Они должны дожидаться своих хозяев в специальном помещении рядом с грузовым складом.

Сейчас роботы охраны пытались заставить стального гиганта выполнить это правило и не пропускали его в здание космопорта. Применять оружие роботы охраны не могли, так как ругом были люди. А врукопашную...

Из-за угла здания космопорта выскочило еще три охранника. Металлический монстр схватил уже поверженного наземь ротивника, замахнулся им, как палицей. Первый же удар попал одного из прибежавших помощников. А когда поверженный попытался подняться, мощный пинок ногой отбил у него всякое желание делать это. Несмотря на инструкцию, второй из нападавших схватился было за оружие, но импровизированная палица уже обрушилась на него. И тут случилось непредвиденное. Третий оставшийся белковый робот охраны, забыв обо всех введенных в него программах, струсили. Сначала он замахал руками на приближающегося к нему разъяренного стального гиганта, а потом бросился бежать.

Все кругом стояли, затаив дыхание. Было ясно: происходит

нечто неподложенное, запрещенное всеми инструкциями. Из здания космопорта выскошили еще пять роботов охраны. Начальник космопорта крикнул белковым охранникам, чтобы они остановились. Михаил обернулся: стальной монстр как человек, ожидающий нападения, прижался спиной к стене, широко расставив ноги, и внимательно следил за удаляющимися охранниками.

— Ну хватит, все в порядке, — спокойно сказал ему Гарбузов. — С таким не так-то легко справиться. Я почти уверен, что ваш дед будет просить, чтобы робота оставили ему. Хотя пользоваться служебными роботами в личных целях строжайше запрещено, — обратился он уже к Михаилу, когда робот отошел.

Они вошли в здание космопорта, сели передохнуть в мягкие кресла. Неподалеку сидели трое космонавтов в стального цвета комбинезонах космического патруля.

Их разговора Михаил не слышал: в зале, где стоял контейнер со спящим Иваном Петрухиным, было полно людей. Подойдя к контейнеру, Михаил увидел, что его дальний родственник совершенно седой.

Через несколько часов Михаил и вице-президент уже входили в ставшее знакомым здание, куда был доставлен контейнер с телом Петрухина.

— Сейчас начнут превращать Ивана Петрухина в современного человека, жителя Земли двадцать шестого века, — предупредил Гарбузов. — Это сделают в специальной комнате.

Они вошли в комнату, где рядом с серо-серебристым ящиком лежал в контейнере Иван Петрухин. В комнате было темно. Михаил взглянул на экран, висевший над головой. Вот он засветился, по нему забегали слабые блики, становившиеся все четче. Наконец Михаил увидел: по большому лугу бежал Иван Петрухин, неся на плече сына. Оба весело смеялись. Рядом бежала молодая женщина. Вот они все повалились на траву и стали рвать луговые цветы. Цветов набралась уже целая охапка. Петрухин схватил их и высыпал на голову смеющейся жены.

И тут все исчезло. По экрану забегали цветные блики.

Михаил силился вспомнить, где он совсем недавно видел такие же самые цветы и кого ему так сильно напоминала жена Петрухина. Ну... ну... И тут перед его глазами встал серо-серебристый ящик с букетиком таких же цветов на блестящей поверхности и дежурная Люда с первого этажа... Та самая Люда, которая так нравилась Михаилу...

— Пойдемте, — сказал Гарбузов. — Не будем подсматривать.

Они вышли в коридор.

— А знаете, мне все больше нравится стальной монстр, — сказал Гарбузов. — Сейчас он сидит в моем аэролете. Еле уго

ворил его не лезть в это здание. Не то чтобы я был особенно против, но ведь есть правило еще более строгое, чем в космопортах: в вычислительные центры роботов пускать не разрешается. Только в самых крайних случаях, когда требуется их физическая сила, да и то при соответствующем контроле.

Они долго разговаривали о чем угодно, только не о том, что происходило в соседней комнате. Потом вышли на лужайку и вдруг увидели выходящего за ними следом Ивана Петрухина.

— Мне сказали, что тут меня ждут двое — вице-президент академии и мой внук, — сказал он возбужденным голосом. — Ты и есть мой внук? Здравствуй!

— Здравствуй, дедушка!

Они обменялись рукопожатием, потом обнялись и расцеловались. Петрухин повернулся к Гарбузову.

— А вы, насколько я понимаю...

— Да, действительно вице-президент Всемирной академии наук Василий Григорьевич Гарбузов.

Они тоже обнялись.

— А где Люда? — вдруг неожиданно спросил Петрухин.

— Какая еще Люда? — не понял Гарбузов.

— Это он спрашивает о дежурной, — все поняв, объяснил Михаил, — она, как ты видел, сегодня выходная. А почему она тебя заинтересовала?

— Мне просто хотелось ей показаться в таком обличье. Слушайте, а как вы думаете, я могу ей понравиться? — сказал Петрухин.

— Пожалуй, можешь, — ответил ему Михаил. — Такие женщины всегда нравятся. Высокий, стройный, сильный, так сказать, герой дня, да еще и седой. Ну прямо полный набор всего, чего надо.

— Когда я был там, на втором этаже, мы часто с Людой беседовали, вот я и хочу познакомиться с ней сейчас. Очень уж она хорошая девушка, ласковая такая, добрая.

— Понятно, — смеясь, сказал Гарбузов.

— Братцы, а жить-то как хорошо! — сказал Петрухин, вдруг сладко потянувшись. И тут он посмотрел себе под нос.

— Смотрите, цветы, такие же самые... как тогда... Как будто я и не улетал. Это хорошо, что цветы. Сделайте так, чтобы эта дежурная, ну Люда, приехала сюда, и мы все побываем в ресторане, — вдруг предложил Петрухин.

— Жизнелюб вы, однако! — засмеялся Гарбузов. — Сразу же быка за рога. Ладно, попробую. — И он направился к зданию, ворча под нос: — Тоже мне занятие для вице-президента.

Они вышли из аэроплана на небольшую зеленую площадку и направились к ярко освещенному зданию. Робот вскочил и хотел было пойти с ними, но Петрухин потрепал его по плечу и объяснил, что сегодня с ним нельзя. Ведь если он придет в об-

ществе такого гиганта, все могут узнать его. Робот все понял и повиновался.

В большом, но уютном зале было очень приятно. Свет горел не очень ярко, музыки почти не было слышно, да и народу было не очень много. Не успели они сесть за столик, отделявший от остальных легкими полупрозрачными перегородками, как к ним подошла официантка. Они стали спорить, что заказать, и спор, наверное, продолжался бы очень долго, если бы Петрухин не сказал, что в их время было принято заказывать только когда придет дама. Гарбузов и Михаил уступили ему.

— Вот еще о чем я хотел спросить вас, — сказал Гарбузов, — хотя, наверное, еще рано, но не задумывались ли вы над тем, чему вы посвятите свою дальнейшую жизнь? Наверное, космонавтике?

— Я над этим еще не думал. Но пока мы добирались сюда, мне почему-то пришло в голову, а не стать ли мне биологом?

Михаил даже подпрыгнул от неожиданности. Он хотел было спросить Петрухина, но вспомнил снова серо-серебристый ящик при их первой встрече.

Иван Петрухин чувствовал себя отлично, никакого шокового состояния от столкновения с новым не наступило, он счастлив и доволен жизнью и уж наверняка не будет чувствовать себя одиноким, чужим в этом мире и несчастным. Он ведь даже к нему, Михаилу, отнесся без всякого удивления, как будто так и положено: прилетать через пять веков и встретить внука...

Михаил видел, что в свое время комиссия была совершенно права, разрешив космонавтам прибегать к передаче сознания. Результат был налицо. И кто знает, может, среди тех ящиков что стояли на втором этаже, есть и такие, в которых заложено сознание людей, которым суждено вернуться на родную Землю не через пять, а через семь или даже десять веков. И когда первое и второе сознания встретятся, объединятся, человек, вернувшийся после столь долгого отсутствия, не будет чувствовать себя чужим. Он станет полноправным членом той цивилизации, которую застанет.

Ну а те, остальные, что стоят на других этажах... Да, эти электронные сознания несчастны, и вряд ли кто-то или что-то сможет им помочь. Они одна из ошибок, которых было так мало на пути развития человечества. И наверное, все-таки хорошо, что за эти ошибки расплачиваются электронные сознания, а не человеческие.

— Я хотел стать биологом еще в детстве, да потом космонавтом увлекся, — начал рассказ Петрухин.

Но он не успел договорить фразу, как Гарбузов перебил его:

— Идите встречайте, ваша Людмила пришла.

Иван Петрухин встал и двинулся навстречу входившей в зал миловидной девушке с простым симпатичным лицом так смешно-как будто только утром с ней расстался...

Гипотеза

о происхождении алмазов

Выбравшись на скальную плиту, спиралл резко потряс гибким телом. Капли лавы разлетелись в разные стороны, застыя на лету, и юркими шариками запрыгали вниз, к реке. Икативарух распластался на плите, отдохшая и раздумывая, сразу и ему катиться на праздник извержения вулкана или заскочить в кристаллотеку? Он решил обменять прочитанные кристаллы, а то после праздника нечем будет заняться. Ивалгалла се еще сердит на него, а Биядегель наверняка возится в латории с тяжелыми изотопами, даже на праздник не придет.

Икативарух глянул на мчащиеся по небу облака (любопытно, исполнится ли предсказание метеорологов?) и заспешил домой. Наскоро перекусив, он вложил в грудную капсулу прочитанные кристаллы и вышел на дорогу. Следов недавнего землетрясения не было заметно, дорожные рабочие успели залить решину и убрать скальные обломки. Тем лучше, не будет никаких остановок! Икативарух дробью пробежал по отшлифованной лавовой дороге, набирая скорость, оттолкнулся хвостом и кувыркнулся через голову, завивая длинное тело в плотную спираль.

Он катился довольно резво, поддерживая скорость неуловимо быстрыми ударами хвоста, слегка наклонялся, вписываясь в крутые повороты. Полусферические глаза, далеко выступающие по обе стороны оси спирали, внимательно смотрели вперед по сторонам. Вот промелькнуло знакомое лавовое озеро, Икативарух вписался в поворот и лихо выкатил на шумную автостраль, едва не задев незнакомого спиралла.

— Осторожней надо бы! — недовольно просигналил тот.

— Простите, — устыдился Икативарух и сбавил скорость.

В просторном помещении кристаллотеки два юных спиралла пались в груде разноцветных книг да старенькая Агузабилла дленно обходила стеллажи. Завидев Икативаруха, кристаллкарь заспешила к нему.

— Уже прочитали? — ласково спросила она.

— Да. — Икативарух вежливо прикрыл глаза. — Хотелось посмотреть новинки.

— Мы получили последний роман Ичмасама.

— Не очень-то он мне нравится, — качнул головой спиралл. — Слишком необузданная фантазия.

— Вы имеете в виду «Путь спираллов»? А знаете, совсем давно прошла конференция с участием видных ученых. Было много споров, но основные идеи Ичмасама признаны научно до-

стоверными. Действительно, содержание радиоактивных элементов падает из века в век, Земля медленно остывает, и спиралам пора задуматься о своем будущем.

— И заселить звезды?

— В этой идее есть рациональное зерно.

— Ичмасам слишком мрачен. Вспомните душераздирающие картины застывших лавовых рек и озер с вмерзшими трупами спираллов!

— Конечно, писатель несколько сгустил краски, но ведь это литературный прием. Автор воздействует на наше воображение, заставляет активно мыслить.

— Земля никогда не остывает, это слишком невероятно!

— А вы сопоставьте данные исторической географии. Всего несколько поколений назад реки были шире, а озера многочисленнее. Извержение вулкана считалось заурядным явлением, нашим предкам в голову не приходило превращать его в праздник... Фантасты ошибаются значительно реже, чем вы думаете! Даже идея книг-кристаллов, малых по размеру, но емких и практически не уничтожимых, была подана ими... Может погибнуть цивилизация спираллов, — пошутила Агузабилла, — но книги останутся. Новые разумные существа, которые заселят остывшую Землю, будут находить кристаллы и удивляться им.

— Хорошо, — сдался Икативарух. — Я возьму роман Ичмасама, но дайте еще что-нибудь.

Кристаллотекарь удовлетворенно кивнула и принесла несколько удлиненных кристаллов со сверкающими гранями. Книга Ичмасама имела едва заметный желтоватый оттенок и безукоризненную прозрачность. Внешне она производила приятное впечатление. Икативарух поблагодарил, вложил кристаллы в грудную капсулу и покатился к вулкану.

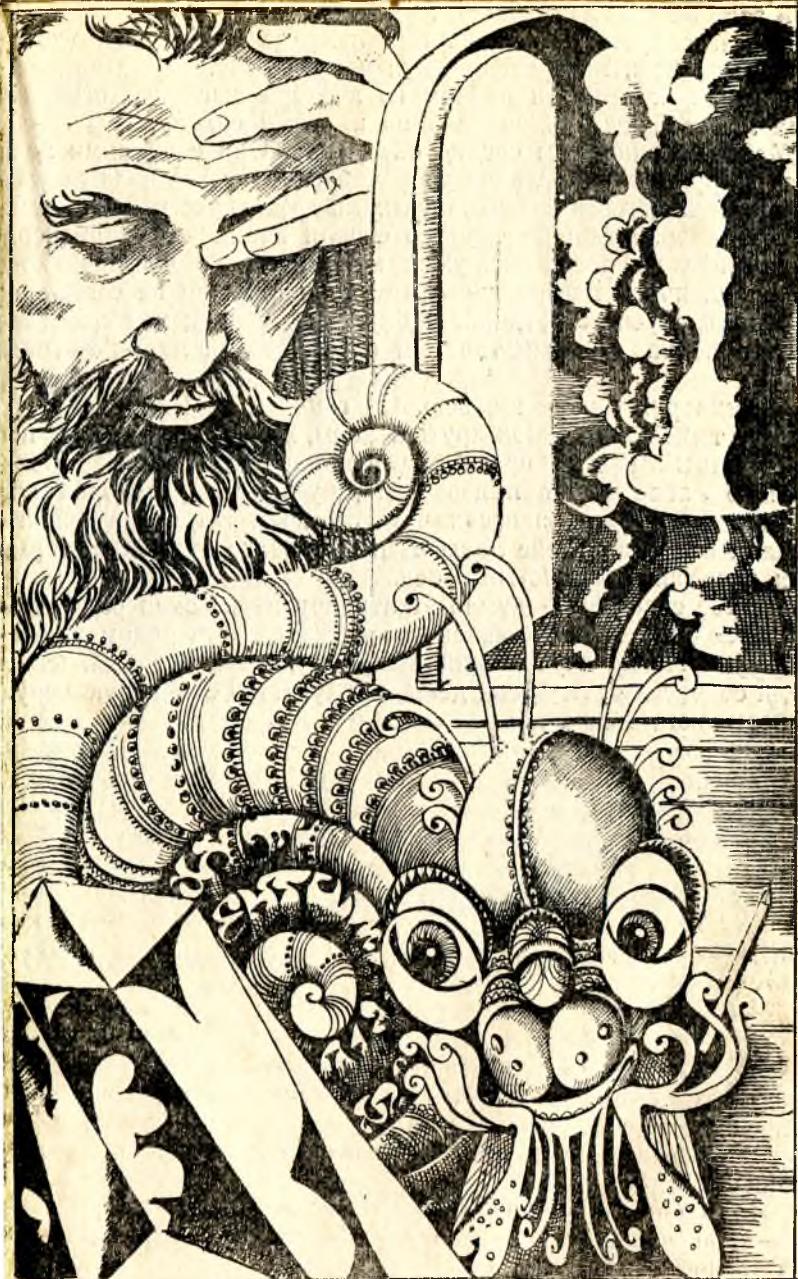
Праздник еще не начался, хотя вокруг чуть подрагивающего исполинского конуса уже толпились спираллы, в основном молодежь. Икативарух сразу увидел Ивалгаллу и смущенно подошел к ней, но та смотрела на облака и делала вид, что ничего вокруг не замечает. Он все-таки стал рядом и тоже принялся смотреть вверх.

В небе творилось нечто редкостное. Над самым пиком вулкана плотность облаков явно уменьшалась. В желтовато-красной клубящейся массе появлялись разрывы, которые то расширялись, то сужались, обнажая непривычно темное, почти черное небо. Особенно резкий порыв верхового ветра вдруг расчленил небосвод, и потрясенный Икативарух увидел над головой оранжевый диск.

— Солнце! — закричал он. — Это же солнце!

— Как прекрасно, — шепнула Ивалгалла, будто бы невзначай касаясь Икативаруха.

Спиралл замер, мысленно прославляя метеорологов за сбывающийся прогноз.

В этот момент началось извержение.

Земля содрогнулась, вершина вулкана окуталась густым желтым дымом, который затянул черное небо. Вслед за посыпавшимися камнями и пеплом из кратера выглянул огненный язык лавы и заструился вниз по крутому склону.

Молодые спираллы словно обезумели. Они с воплями носились вокруг вулкана, ловко уворачивались от крупных камней, ловили щупальцами мелкие, обсыпали друг друга пеплом, брызгались лавой. Старшие солидно стояли поодаль, укоризненно поглядывая на расшалившуюся молодежь. Но чувствовалось, что праздничное настроение охватило и их. Они не сердились, не читали скучных нотаций, а блаженно стояли под хлопьями теплого пепла, который толстым слоем оседал на их длинных телах.

Икативарух ликовал вовсю. Он гонялся за Ивалгаллой, с разбегу тыкался ей в бок крутым лбом, валялся в мягком пепле. В самый разгар праздника появился Биядегель,бросив скучную лабораторию и изотопы. Друзья с двух сторон подхватили Ивалгаллу, занесли чуть ли не к жерлу вулкана и съехали вниз на потоке лавы. А потом долго отдыхали, зарывшись в легкий и пушистый пепел.

«Какое счастье! — думал Икативарух. — Какая радость — этот праздник! Какое блаженство — чувствовать рядом друга и любимую! И как скучен гениальный Йчмасам, который, наверное, и сейчас торчит у себя дома, придумывая очередную чепуху об остывающей Земле...»

ГОЛОСА
МОЛОДЫХ

Тимка-почтальон

I

Когда Тимка-почтальон еще только начинал свой обход, об этом узнавала вся деревня. Места у нас под Калугой тихие, и далеко по берегу слыхать было ворчание и ругательства, с которыми он выходил из просторной деревянной избы, над крыльцом которой пузырилась неровно прибитая жестяная вывеска «Отделение связи».

Собственно, Тимка-почтальон (а по возрасту далеко за шестьдесят, конечно, не Тимка, а Тимофей Степанович, да как-то на деревне так оно за ним и осталось с детства: Тимка да Тимка. И то сказать, были у нас деды и много постарше его) — так вот, Тимка был человек вовсе незлобивый. Даже можно было наоборот сказать: вполне был мягкий и вежливый человек. Работу свою уж годков тридцать как исполнял, и все это время справно, не высовываясь, иногда даже и с деликатностью некоторой, хотя слова-то этого самого, верно, и не знал.

А ругался он ругательски только с одним человеком на деревне, с Зинаидой, заведующей нашим почтовым отделением, под началом которой он один и состоял. И ругался он с ней каждый день в одно и то же время — под вечер, когда выходил на крыльцо почтового отделения с потертой, черного дерматина сумкой на боку, набитой едва не битком, — деревня-то наша пусть не верстами мерена, а все же не мала. О чем ругался Тимка с Зинаидой, про то не знал никто. Да не очень и допытывались, потому что, несмотря на несогласия свои, связь деревни с большими городами держали ониочно. Зинаида и сама в почтарях состарилась, годов, может, на пяток только позже Тимки почтарить начала.

Ну, она как женщина грамотная вскорости в начальники вышла, но Тимка не переживал над этим событием, а продолжал разносить по избам кому что предназначит грохочущий мир за лесами и дорогами. Хотя делать это в Отечественную, да и долго после, было занятием не из веселых — уж больно недобрый был грохочущий мир за лесами и дорогами и такие часто посыпал вести, что лучше бы уж и никаких не посыпал.

Досужие языки утверждали, правда, что не просто так и не за ловкость какую-то особую уступил Тимка пост начальника Зинаиде, а за новую казенную фуражку с добротной тульей, из плотной государственной материи, с невиданно блестящим лакированным козырьком. Фуражка эта действительно появилась на Тимке как-то вдруг, но было ли это результатом его сговора с Зинаидой или просто в области что-то перепутали и прислали

нашу глухомань этакое диво, достойное красоваться на голове разве что начальника крупной железнодорожной станции, сказать в точности невозможно. Тимка со своей начальницей не любили разговаривать с посторонними на некоторые темы. Не поддерживали они таких разговоров, да и все тут.

А промеж себя все ж таки ругались. До скандалов, конечно, не доходило, как, скажем, в продуктовом, где уборщица Маруся чуть ли не через день напивалась розового портвейна и ревела белугой, приткнувшись на лавке у входа. А только чем дальше, тем больше стали примечать на деревне, что Тимка поварачивает на Зинаиду, как лесной ворчун какой. А потом уж и ругаться начал. Потом уж так и привыкли — как слышат у почты Тимкин голос на раздраженных тембрах, так и знают, что он обход начинает. А чего ругался, и не поймешь толком. «Стареет, видно», — решили многие. И правильно в общем-то.

II

Уже давно дали и третий и четвертый звонок, уже капельдинеры с решительным видом вставали на пути опаздывающих, давая последним понять, сколь презренны они в глазах почтеннейшей публики, уже почтеннейшая публика громом оваций встретила любимого маэстро, стремительно пробирающегося к дирижерскому пульту, а у опустевшего подъезда в молочном свете ламп и хороводе падающего снега все не расходились надеющиеся на лишний билетик. Надежда, казалось, и не думала покидать их. Вот какой энтузиазм вызывал любимый маэстро у столичной публики, энтузиазм и, естественно, любовь.

И вот когда адалио, это горное озеро, не замутненное ни единственным всплеском страсти, готово было исчерпать себя в цедящих по капле тишину огромного зала движениях дирижерских рук, когда замершие люди в зале, на сцене, у радиоприемников почти уже невыносимым напряжением ожидали того единственного жеста, который позволит звенящему потоку жизни вырваться на свободу в финальной части симфонии, лицо дирижера стало по цвету неотличимо от его белоснежной машишки.

Подминая собою нотные листы и опрокидывая пюпитр, маэстро стал медленно заваливаться, поворачиваясь всем телом на бок и уже хрипя. И когда, на ходу подхватывая под талию, к нему подскочил первая скрипка, маэстро был уже мертв.

Умер от острой сердечной недостаточности, сказали врачи. И была суматоха, и скорбь, и медленно плывущая от Большого зала консерватории процессия, и разрывающая душу музыка. И полетела телеграмма о смерти сына отцу маэстро, простому крестьянину, живвшему в укромных российских краях, в деревню, что стояла за калужскими лесами.

В рассказе нашем не должно быть ничего сверхъестественного, поэтому мы тут же должны приподнять завесу таинственности над единственным, неясным пока читателю обстоятельством. Обстоятельство это, а именно постоянные препирательства Тимки со своим начальником Зинаидой, при ближайшем рассмотрении не содержит в себе ровным счетом ничего таинственного. Просто Тимка, дело житейское, пристрастился-таки к беседам. Ему так, видите ли, веселее работать. А тут уж Зинаида усматривала прямое нарушение трудовой дисциплины, ну и по принципиальности своей стала Тимке выговаривать. Вот поэтому-то и он, выходя из почты, прежде чем отправиться по деревне, пошумливал на Зинаиду на раздраженных тембрах.

Война эта ихняя велась ими, впрочем, на вполне келейном уровне, так что оба вроде бы и пообвыклись с ней.

Вот и на этот раз, уловив знакомый запах, Зинаида выдала Тимке очередную порцию своих риторических упреков, и Тимка, приладив сумку и выйдя из избы, ответил ей коротким отрывком из репертуара лесного ворчуна. Затем, неодобрительно осмотрев природу, превратившую с помощью трехдневного осеннего дождя деревенский большак в беспролазную грязь, Тимка основательней приладил форменную фуражку и пешел пробираться по знакомому маршруту.

Почту, несмотря на бездорожье, разнес быстро. Оставалось зайти к Семенычу, к дружку Тимкиному, хорошему человеку и уважаемому на деревне деду. И все время, пока разносил почту другим, не хотелось Тимке даже и думать о том, как он пойдет к Семенычу. Еще на почте, украдкой отогнув заклеенный угол телеграммы, прочел Тимка никудышное для его дружка известие, что в столице скончался от разрыва сердца его сын. Семеныч часто рассказывал о своем сыне, дирижере, и вечераами старики подолгу обсуждали, кто в городе считается главное — дирижер или актер. Чаще всего после всестороннего обсуждения оба склонялись к тому, что дирижер уж никак не менее, чем актер. «А то и поболе станет», — добавлял кто-нибудь из них, и оба расходились удовлетворенные.

И вот теперь надо было идти к Семенычу и волочить к нему эту негодящую бумагу с такой плохой вестью.

Помялся, помялся Тимка, а делать нечего, надо идти к Семенычу. Раскрыл калитку, шуганул бросившегося под ноги пса и толкнулся в незапертую дверь. К Семенычу он ходил запросто, без стуков и извещений.

Дружка своего застал он сидящим в раздумье перед клеткой с кенарем и стругающим какую-то дощечку. «Ну что, Тимка, письмишко, что ли, принес какое?» — спросил его Семеныч, важно разглядывая свою работу и даже не оборачиваясь к вошедшему.

Тимка огорченно пошамкал губами и хотел было уже достать плохую телеграмму со дна опустевшей сумки, но вместо этого сказал: «Да не-е, Семеныч, кто тебе, хрычу этакому, сообщать что будет. Виши, сидит, как бирюк какой, давай-ка лучше хлопнем по маленькой, у тебя ить вчера оставалось». Не умел Тимка огорчать своего друга. Несчастье не должно было случиться. Сын старика не мог умереть.

Семеныч обернулся к Тимке и хотел было уж обсудить его предложение, как вдруг увидел, что почтальон грузно оседает на скамью, губы его беззвучно шевелятся, а правая рука с желтыми потрескавшимися ногтями беспомощно лапает стеганку на том месте, где должно биться сердце. Через секунду слезливые охи и ахи Семеныча уже не доходили до Тимкиного сознания. Сознание ушло от него. Ушла и жизнь.

IV

...И вот когда адажио, это горное озеро, не замутненное ни единым всплеском страсти, готово было исчерпать себя в цедящих по капле тишину огромного зала движениях дирижерских рук, когда замершие люди в зале, на сцене, у радиоприемников с почти уже невыносимым напряжением ожидали того единственного жеста, который позволит звенящему потоку жизни вырваться на свободу в финальной части симфонии, лицо дирижера стало по цвету неотличимо от его белоснежной манишки.

Только мгновение длилась эта пауза. Что случилось за это мгновение? Мы ведь еще мало знаем о том, что может и чего не может человек.

Отчаяние старика почтальона отвело беду от его друга. Но беда не исчезла бесследно, а ударила в того, кто стал у нее на пути.

И был блестящий финал, и пространные рецензии музыковедов, глубокомысленно рассуждающих о редкой сосредоточенности дирижера в момент перехода от адажио к аллегро виваче, и было письмо от отца из родной и забытой деревни.

Отец писал, что телеграмму сына он получил и очень рад, что у него все в порядке. (Читая эти строчки, маэстро слегка покал плечами. Никакой телеграммы он, сколько помнил, отцу не посыпал. «Или у отца склероз, или на почте что-то напутали», — подумал он.) В письме отца среди прочих новостей сообщалось, что в одночасье умер Тимка-почтальон, хороший человек и нелукавый работник. Смерть, как заключила медицина, наступила вследствие острой сердечной недостаточности. Отец далее писал, что за истинную причину посчитали в деревне Тимкино злоупотребление вином да несладкие годы, легшие почтарю на плечи.

Колыбельная

— Да не волнуйся же, Световид! — Жена незаметно для других, как ей казалось, дернула дюжего великана за рукав униформы. А он, нервно переступая с ноги на ногу, все искал глазами хотя бы малейший намек на то, в какой точке зала появятся Педагоги. Но белая полусфера оставалась абсолютно равнодушной к переживаниям отставного штурмана Космофлота. Как, впрочем, и к эмоциям остальных родителей, которые инстинктивно толпились в центре просторного круглого зала. Световид, возвышавшийся над остальными на добрых полголовы, чувствовал себя неловко.

Разумеется, воспитательная система Педагогов, как окрестили на Земле этих космических пришельцев, была безукоризненной. Все достижения человечества по части воспитания детей меркли перед стройными, чрезвычайно человечными и эстетическими совершенными методами Педагогов. Первые попытки применения этих методов на Земле дали чрезвычайные результаты. В числе тех, кого воспитывали Педагоги, ныне было четыре лауреата Международной премии, известные космические путешественники, непревзойденные актеры. И это была лишь первая ступенька системы Педагогов! Впервые перед человечеством во всем своем величии развернулась необозримая перспектива могущественного духовного совершенствования, гармонического развития личности, о котором оно мечтalo с незапамятных времен.

И человечество решилось на следующий шаг. Сто детей было отдано на три года в школы Педагогов. Единственным требованием со стороны воспитателей было полное отсутствие контактов землян с учениками. Собственно говоря, условие это было чисто формальным, потому что местонахождение воспитательного центра никто толком не мог определить. Педагоги обращались с пространством так, как будто совершенно игнорировали физические законы вселенной. Одним из наипростейших, на их взгляд, объяснений этих вольностей было следующее: возьмите лист бумаги, нарисуйте на нем черту. Это, мол, ваш способ перемещения в пространстве. А теперь сложите лист так, чтобы начало и конец черты совпали, и проткните его иглой...

На просьбы более подробно объяснить суть явления учитель-гуманоиды только пожимали плечами и улыбались: двигаемся так, и все. Или отдельывались земной притчей о сороконожке, которая не смогла ступить ни шагу, когда ее спросили, почему после двадцать восьмой ноги она ставит именно двадцать девятую.

Но Световид, невзирая на бесчисленные аргументы в пользу Педагогов, которые он сейчас мимоходом вспомнил, все же был обеспокоен. Хорошенькое дельце, мысленно оправдывал он нервную дрожь в руках, три года не видеть собственной дочери. Больно уж соскучились и он и жена. Когда Ярославу определяли к Педагогам, ей как раз исполнилось двенадцать лет. Интересно, какая она сейчас? Красавица, наверное. Световид вовсе не имел в виду, что дочь чересчур похожа на него или на жену. У четы были обычные, земные лица, хотя и не лишенные, по мнению жены, известной привлекательности. Ученики Педагогов возвращались оттуда на удивление красивыми, кроме гармонического развитого тела, еще и той неуловимой красотой души, которая лучезарно освещала их лица. Чего еще можно было желать?

Если бы не световые волны, прокатившиеся по куполу, Световид бы не сразу заметил шеренги людей в белых одеяниях, которые неторопливо выходили, казалось, просто из стены. Родители заволновались еще сильнее, сдержанный шепот перерос в гул. Самые нетерпеливые двинулись навстречу, но через несколько шагов уткнулись в предусмотрительно выставленный невидимый силовой барьер.

— Земляне!

Высокая стройная фигура отделилась от головной шеренги и подняла правую руку вверх. Голос без каких-либо усилий пекрый взволнованный гул толпы и зазвучал четко и уверенно.

— Благодарим вас за доверие и сознательность. Вы отдали нам самое дорогое на свете — ваших детей во имя высокой идеи гармонического развития человечества. И человечество воздаст вам за это уважением и восхищением, а прежде всего высоким взлетом духовности общества, в котором приняли участие и вы. А сейчас примите ваших детей. И постараитесь их понять в их новой сущности. Штурман Световид!

— Бывший, — смущенно пробормотал Световид и шагнул вперед.

— Ваша Ярослава показала наилучшие результаты. Она очень способная, и мы уверены, что вскоре у вас будут все основания гордиться ею.

Батюшки, неужто это Ярослава? Тот самый маленький вертлявый чертенок с лукавым взглядом глубоких карих глаз? Навстречу Световиду шла девушка такой невиданной красоты, что у бывшего космического волка перехватило дух. Толпу всколыхнуло, но все оставались на местах, опасаясь каких-нибудь неожиданностей, могущих произойти в самый последний момент. Девушка протянула руки навстречу отцу, но едва он успел сделать шаг навстречу, как на шее у Ярославы уже повисла жена, целуя ее и плача от неизъяснимого счастья.

— Здравствуй, дочь, — пересохшими губами прошептал

Световид. — Солнышко мое, лада, мы с мамой так ждали этого дня...

— Здравствуйте, дорогие мои! Отчего же вы плачете? Ведь я теперь всегда буду с вами, видите, как все хорошо кончилось?

Голос Ярославы чем-то напоминал голос Педагога: такой же четкий и сильный, он звучал, казалось, в самом сознании Световида. И вдруг отец понял, что это именно так. Она разговаривала, не размыкая губ. Такие же голоса, равно сильные и спокойные, уже слышались отовсюду, где родители окружили своих детей.

— Да скажи же ты хоть слово по-человечески! — непроизвольно вырвалось у Световида, и он сразу же пожалел об этом. Ответ был таким же четким, спокойным и беззвучным:

— Зачем? Я теперь умею мыслить. И вас вскоре научу. Это совсем не так сложно, как кажется, и чрезвычайно целесообразно.

Гул постепенно стал стихать, словно пенные кружева под уверенным дыханием ветра. То там, то сям умолкали взволнованно-радостные голоса, а вместо них пугающей полифонией в сознании родителей звучали мысли их детей.

Световид, сжав кулаки, шагнул к шеренге Педагогов.

— Что вы сделали с нашими детьми?

— Смысл многих слов и поступков нам свойственно понимать гораздо позже, — послышался тихий, уверенный ответ. — Прерывается неумолимая цепь последовательности событий, и слова, которым суждено появиться на свет гораздо позже, произносятся сейчас.

— Но зачем вы отняли у них речь? — крикнул Световид.

— Не речь, а слово. Не вы ли сами, земляне, пророчили, что телепатическое общение — это ваше будущее? А слово, которое появляется несвоевременно, наделено колоссальной потенциальной энергией. Освоить ее вам не дано. Все ваши пророчества несли в себе, кроме знаний, непременно кровь, гордод, насилие одних людей над другими.

— Но все это делалось во имя нашего будущего! — горячо возразил Йорк.

— Опять во имя слова... Люди, которые стоят на пороге большой жизни, очарованные самой возможностью жить, видят реальное положение вещей отчетливее, чем вы. Слово — напрасный груз на пути, полном величественных свершений.

— С таким же успехом можно отправляться в безводную пустыню, пренебрегая водой только потому, что она имеет вес, — упирался штурман. — Можно не испытывать потребности в напарнике, но безумием будет пройти мимо его искреннего совета. Наши матери в начале жизни вручают нам священный компас слова, с ним мы и шагаем по жизни. Горе тому, кто,

заплутав, взвывает о помощи, но дважды горе искушающему судьбу собственной гордыней.

— Ваши души настолько очерствели, что вы не ощущаете, как бесконечно тяжело протянуть нежные детские ладони, чтобы принять на них всю тяжесть рая и ада слов.

— Но ведь гибкий и слабый тростник, принимая удары ветра, растет сильным и крепким, а тот, что произрастает в тиши, рано стареет и гибнет. — Световид, оглядываясь на стоящую за ним толпу, продолжал: — Кто из нас добровольно обрек бы себя на жизнь, не знающую расцвета?

— Вы тратите невероятное количество энергии на то, чтобы погасить бесконечные словесные пожары. А проходит время, и с сожалением замечаете, что в памяти остается лишь тихий звон потерянной драгоценности.

— Верно, — гордо сказал Световид, — это алхимия времени превращает серебро слов в чистейшей пробы золото.

— Вот вы и приходите в мир усталыми золотоискателями, бросая в конце концов свою добычу там, где, как вам кажется, ему знают цену. Но вы не ведаете, чем живет современность — бронзовый век на дворе или еще какой-нибудь. Может, в нем ценится уже совершенно иной металл? И не в состоянии человека понять, то ли он слишком долго искал свое сокровище, то ли пришел безнадежно рано. А может, все намного проще — спрос уже не рождает предложение. Тогда из жалости лишь к пришельцу подбирают никчёмно малую часть его ноши, и он понимает, что это крах. Не вы ли создали легенду о страшных муках царя Мидаса?

— Но, постигнув сущность слова, можно понять и человека, который его произнес. — Световид оглядывался, словно ожидая поддержки со стороны онемевших от удивления и гнева родителей. — Можно почувствовать тяжесть надежды, которая заставила его вымолвить это слово сейчас, а не потом.

— Ну и что? На той поляне детства, где вы когда-то потеряли свое золото, уже высоко поднимается трава забвения. Надежно, навсегда скрыла она место, где вы стояли когда-то: приносящий дары и тот, кто ими пренебрег. Опять бросаетесь в путешествие, в поиск — поздно... Ищете услышанное когда-то слово в чужих улыбках, объятиях, губах... Но далекий золотой звон только глумится над вами, ускользая...

И приходят сны, в которых переигрываются заново дни, под веками птицей бьется утраченное время. Сны бегут испуганной отарой, наверстывая непережитые ощущения. Кто же здесь в выигрыше?

— Довольно диспутов! Скажите лучше, что это вы с ними сотворили, что они по-человечески ни гугу! Умных собак себе сделали! — крикнули из толпы.

— Слово, в вашем понимании, состоит из двух частей, мы от вас ничего не скрываем. Эти составные — общее значение и

конкретно вложенное содержание, или собственно Слово и наше представление о нем. Смысл слова мы можем постичь двумя путями: через внутреннее озарение и жизненный опыт. Надеемся, никто из вас не возразит против того, что второй путь гораздо болезненнее. Вы знаете, что когда долго повторять мысленно или вслух какую-либо букву, то с нее слетает скорлупа обыденности и тайными уколами сердца вы в состоянии почувствовать страшную и могущественную бесконечность мысли. И достигнувший этого понимания уже никогда не вернется к употреблению несовершенных и тяжелых слов. Тогда исчезают двусмысленность, недосказанность, а с ними измени, разочарования, и рождается по-настоящему новый человек, которому дано действительно все. Не к этому ли вы стремитесь на протяжении всей жизни?

— Это в юности всем дано все, а вы воспользовались этим, облапошили наших детей лицемерием! — взорвался Световид. — Да ваши мысли в сто раз коварнее нашего словесного «несовершенства»! Вы уставили их души чудесными зеркалами духовного взлета, чтобы они занимались самолюбованием? Разумеется, когда ты стократ отражаешься вокруг, кажется, что мир — это ты и все в нем принадлежит лишь таким, как ты. Да я вас всех сейчас...

Световид привычным движением потянулся к поясу, где когда-то висел бластер, но рука не успела коснуться пустой кобуры. Властная и спокойная рука взяла его за локоть, и Световид, каким он ни был рассвирепевшим, с удивлением отметил, что это была его жена. Доселе она стояла в сторонке, неприметная, одетая, как и большинство, в легкую вышитую рубашку, прислушиваясь к этой невероятной дискуссии.

— Подожди, слышишь... — тихо сказала она и вышла на середину. Люди расступились, образовав тесный круг. Глаза ее были полны слез, но сияли вдохновением.

— Слушайте! Слушайте, дети!

Звук ее голоса, казалось, достиг высоких сводов и упал оттуда золотым дождем, покатился, рассыпаясь, ошеломив всех силой проснувшегося чувства. И полилась песня, известная каждому землянину с пеленок, песня, с которой в их сознание входило слово, — колыбельная...

Через мгновение ее подхватили все родители, худо-бедно, иногда не в лад, но вдохновенно, крепко взявшись за руки. Световид без умолку ревел голосом, который чаще привык давать команды, нежели произносить слова песен. Слова, приспособленные веры и надежды в то, что каждый ребенок, выросши, станет Человеком. Он пел и смотрел на Ярославу, с радостью отмечая, как шевелятся ее губы, про себя повторяя песню. Наконец она тихо и неуверенно сказала:

— Мамо...

В зале зазвучали триумфальные возгласы, а песня все не

убывала, а, напротив, ширилась и росла, будто вдохновляясь радостью людей.

— Пойдем домой, — весело сказал Световид. — Сдается мне, пора ужинать, не правда ли, Славця?

Ярослава утвердительно кивнула, но, спохватившись, стыдливо сказала:

— Пора, папа...

Земляне гурьбой двинулись к выходу, а в спины им летело:

— Вы свели все на нет: три года нашей работы... Что ж, воля ваша...

— Ага, — сказал Световид, не оглядываясь и крепко держа Ярославу за руку, — наша.

Дома их радостным лаем встретил большой серый пес. Он прыгал, скулил и все норовил лизнуть прибывших в лицо щершавым горячим языком.

— Фу! Юпитер, да отстань ты! — беззлобно буркнул Световид. — Ярослава, включай видео. Сейчас, наверное, обсуждение будет. Ничего, — успокоил он себя, — ведь мы люди.

Потом, задумчиво почесав угомонившегося пса за ухом, добавил:

— А раз люди, то уж как-нибудь сами разберемся.

Паттерлюх и его состав

Когда теперь анализируешь замысел Паттерлюха, бросается в глаза его полная неопределенность. В разделе хроники «Федерального химического бюллетеня» было лишь кратко сказано, что Финн Паттерлюх поставил своей целью создание универсального средства. Какого универсального средства? — можете спросить вы. Для мытья раковин и унитазов? Против насекомых? От перхоти и выпадения волос? Для удобрения газонов? От бессонницы? От ржавчины? Да, от всего этого, ответил бы вам Паттерлюх, а также от всего прочего и для всего прочего.

— Послушай, дружище! — говорили ему коллеги, охваченные вполне понятной злобой на дурака, ставящего себе не-охватную задачу. — Ты что, забыл, что нынче век специализации? Все объять невозможно. Паттер, старик, взгляни на доцента Муктуса! Его препарат предназначен для усиления секрета слюнных желез у йоркширских свиней, и ни для чего больше. Или же возьми магистра Шлиппенхуля. Тот также разрабатывает сугубо узкую тему: растворимые тонизирующие добавки к ванным шампуням. Уж с их умом и энергией можно было бы размахнуться, но заметь, Финни, они не поддались, соблазну. Не стали распыляться. И они добьются успеха и у свиней, и в ванных, а ты, Паттерлюх, так и будешь живым анахронизмом из поры универсалов-алхимиков!

Но Паттерлюх стоял на своем. Он должен создать универсальное средство — мочегонное и против закупорки вен, для склеивания резины и полировки мебели, для шпаклевки потолков и натирки полов, подкормки аквариумных рыбок и травли москитов...

У Паттерлюха не было никакой системы: он попросту собирал свой состав из ингредиентов, действующих по прямому, строго определенному назначению. Это было потешно, и на удивление невежественно для химика-профессионала — ведь составляющие зачастую нейтрализовали друг друга, а однажды наивный Паттерлюх получил взрывчатую смесь. Он чудом уцелел (отделался переломом запястья и нервным тиком), а его эликсир разлетелся вокруг в виде ошметков горящей линькой дряни и покрыл живописными пятнами кафельные стены и потолок лаборатории. Все это не прибавило Паттерлюху привлекательности, но и не отвратило его от цели. С рукой в гипсе он соскреб чудодейственный состав с потолка и стен в большой термос (взамен разорвавшейся полиэтиленовой канистры) и продолжал работу.

— Пат, — говорили ему коллеги, — а знаешь ли ты, что

доктор Шмуклер может получить премию международного фестиваля «Гидролиз» за свой фундаментальный труд — анодное оксидирование циркония в хромовой кислоте при градациях температуры раствора 48°—73,5°?

Нет, этого Паттерлюх не знал. Ему плевать было на достижения узкой отрасли химии — электрохимии, он собирал свое универсальное средство.

— Люх, старина, на конгрессе органиков в Антверпене...

Но он поворачивался спиной к собеседнику и уходил в магазины хозяйственных товаров и в аптеки, на склады удобрений и бытовых реактивов — ему надо было работать. Да-да, в лаборатории бывал он крайне редко, в конце дня, когда деловито шпателем сбрасывал в термос тщательно отмеренные дозы своих дневных находок. Со временем термос стал мал, его заменила ванна старого автоклава, а потом и вовсе кухонный котел с герметичной крышкой, вышедший из строя и выброшенный за ненадобностью. Паттерлюх работал и работал.

Его имя потихоньку забывалось в среде профессионалов, лишь изредка о нем вспоминали к слухаю, как о курьезе, как о паршивой овце. Когда он заявился в клуб концерна «Октан» в визитке, сидящей на нем как рабочий халат, и заявил о том, что его средство уже создано, поднялся несмолкаемый юх. Все сбежались посмотреть на чудака-алхимика; даже посторонние, ни бельмеса не смыслящие ни в химии, ни в чем-либо другом, потешались до упаду над Паттерлюхом, в одиночестве пьющим за стойкой шампанское, невозмутимым, как всегда.

Но средство в самом деле было создано — густое желе приятного розового цвета, так как Паттерлюх хотел, чтобы оно ласкало взор. Так же оно ласкало нюх. И вкус, оно было съедобным и полностью усваивалось организмом. Оно служило пастой для чистки зубов и смазкой для двигателей. Средство Паттерлюха, будучи вспененным, было гораздо лучше пенополиуретана, а будучи отштампованным на термопласте, имело прочность и упругость полиэтилена. Розовое желе было эффективным красителем — цвет окрашенной поверхности определялся режимом высыхания. Оно легко растворялось в воде и приобретало вкус и крепость отличной хлебной водки. Примечательно, что раствором меньшей концентрации можно было подкармливать младенцев. Оно снимало стресс и уменьшало слабоумие.

Стоило регулярно неделю-две подержать «жвачку Пата» во рту, как там начинали расти новые зубы! Лысины, смазанные розовой пастой, прорастали волосами, как весенний газон; напротив, неуместный волоссяной покров уничтожался им за день-два, все дело было в концентрации раствора. Трудно перечислить все области человеческих интересов, затронутые средством Паттерлюха.

Оно стимулировало умственную деятельность, но и могло тормозить критическую способность мышления. Будучи высущенным, оно становилось сильнейшей взрывчаткой, а в обычном виде его можно было использовать как напалм (вспомните взрыв в лаборатории). Оно годилось для уничтожения кроны деревьев в джунглях над предполагаемым неприятелем. Пустяковым количеством средства можно было отравить резервуары питьевой воды огромного города. Пропущенное через реактор, средство Паттерлюха приобретало необычайную радиоактивность и могло использоваться как начинка для так называемых «неразрушающих» бомб. И так далее. Как облучающий состав, средство было удивительно тонко отрегулировано: оно действовало детерминировано на белых, желтых и черных людей.

Концерн «Октан» немедленно заполучил право на монопольное изготовление розовой пасты по рецепту и технологии нашего старого недотепы, тут же превратившегося в гения, в спасителя западной цивилизации, зашедшей в тупик социального, энергетического и экологического кризисов. Концерн свернул некоторые виды своего производства и, наоборот, заложил с десяток крупных заводов по производству средства в разных районах мира — от Исландии до арабских эмирятов. Конкуренты трепетали и заранее перемещали капиталы в другие отрасли, не связанные с химией, ведь и последнему кретину ясно стало, что невозможно выстоять против такого изумительного, всеобъемлющего средства, изготавляемого к тому же из всевозможных отходов. «Октан» расправлял крылья, поговаривали о том, что ему не хватает жизненного пространства, ястребы потирали руки, безработные надеялись на тюрьму из розовой пасты, старине Паттерлюху светила Нобелевская премия...

И тут он помер, скончался наш эмпирик-универсал, надежда домохозяек и генералов, политиков и алкоголиков, бездетных, недоумков, бизнесменов и неудачников, детей и старцев, отравился собственным средством — так уж повелось у первооткрывателей гибнуть от собственного детища. И вряд ли кого это так уж опечалило — Паттерлюх был закоренелым нелюдимом и анахоретом и в личном общении не вызывал никакой симпатии, но ведь он не просто помер, он унес с собой ключевые секреты технологии изготовления средства, ибо, как человек крайне недоверчивый и подозрительный, утаил их даже от руководства «Октана». Надо сказать, к этому никто не был готов. Много голов полетело, некоторые из поторопившихся вконец разорились, а концерн был тут же оттеснен назад и значительно помят обнаглевшими конкурентами.

Скоро годовщина со дня недолгого триумфа Паттерлюха. Армия химиков тайком друг от друга в поте лица своего старается воспроизвести универсальное средство, его незначительные количества, полученные на экспериментальной уст-

новке, нынче на вес золота и расхватаны лабораториями всех стран: очевидно, недалек тот день, когда некий счастливчик увидит в своей колбе вожделенный розовый студень. Недавно на эту тему высказался известный социолог Л. Хаймендорф. Он не был оптимистичен:

— Будет ли воспроизведено средство Паттерлюха или нет — это ничего не изменит. Все наше развитие имеет в себе по-рок, который называется самоуничтожением и который был присущ также и средству Паттерлюха — концентрированному подобию всей нашей продукции, бесцельно и расточительно обслуживающей убийство и рождение, разрушение и строительство, нищету и обман, расизм и роскошь, болезни, преступность, сытое буржуазное довольство. Нужно совсем другое средство, — сказал социолог, — совершенно другое...

Непонятно, что имел в виду социолог Хаймендорф. Поговаривают, что он вечерами пропадает в библиотеке, изучает «Капитал»,

Первый контакт

Проходя по кольцевому коридору, Андрей машинально бросил взгляд в иллюминатор. Снаружи не было ничего интересного, а тем более нового. Все тот же космический ландшафт, словно неприкрытый след буйства каменотеса-великана, и надоевшие звезды.

Однако сегодня эта привычная картина задела что-то в его памяти. Андрей наморщил лоб, пытаясь понять, что именно, но постоянно заворачивающий вправо однообразный коридор угнетал его воображение, мешая поймать ускользавшую мысль. Внезапно его осенило: ну конечно, вчерашний фильм! Удивительно мрачная фантазия у режиссера! Перед глазами замелькали какие-то лица, движущиеся фигуры, предметы, пронеслись обрывки разговоров. Потом, медленно приближаясь, все заслонила собой черная бугристая равнина, поросшая острым, словно шипы кактуса, частоколом стволов, между которыми засели угловатые валуны.

В безрадостном пейзаже чувствовалось какое-то скрытое недоброжелательство, затаившееся Нечто.

Наверху был один Ирек, прослушивал переговоры межпланетников.

— Немедленно прекратите! — громко официальным тоном произнес Андрей.

Ирек вздрогнул, его рука метнулась к переключателю и застыла в воздухе — он узнал знакомый голос.

— Тьфу, черт! Напугал, — улыбнулся Ирек, повернувшись к Андрею. — От твоих щоточек недолго в ящик сыграть...

— Что новенького? — поинтересовался Андрей.

— Пришло сообщение, что туристы, бродившие в глухом районе Скалистых гор, нашли в пещере двенадцать высохших гуманоидов.

— Бедолаги! — всплеснул руками Андрей.

— Туристы доставили гуманоидов куда следует.

— Да?! Куда же?

— Скорее всего в ФБР.

— Да, кстати, — вспомнил Андрей. — Там Джезсоула «Святую ложь» привезли. Леночка мне сказала. Зайди в библиотеку, может, еще достанется...

Их прервал вспыхнувший на пульте сигнал вызова. Ответив, Ирек сделал запись в журнале и поднялся.

— Ладно, зайду, — кивнул Ирек, не оборачиваясь, и вышел.

Андрей стал просматривать журнал и, не обнаружив там ничего нового, включил приемник. Однако ему не повезло. Межпланетчики переговаривались вяло.

Все было спокойно и обыденно. Никакое открытие не таилось в зигзагах и прерывистых линиях на лентах регистратора. Обычный день вселенной или, вернее, ночь, потому что на Земле была ночь...

«Стоп!.. Любопытный сигнал... Эх! Пропал... Ага, вот он снова. Интересно. Вроде бы то же самое... Ну-ка сравним». Андрей включил рекордер и вновь воспроизвел, но уже параллельно, два странных орнамента зубчатых линий.

«Стоп!.. Любопытненько, — пробормотал он. — А что там дальше?..

Запись струилась вроде бы непрерывной линией, но это был фон, безо всякого намека на систему. Андрей подождал.

Вот резкие нервные зигзаги выровнялись и снова змеились; опять знакомые всплески на экране.

Передача повторилась, потом еще раз.

Выключив запись, Андрей сидел, постукивая похолодевшими от волнения пальцами по крышке пульта, не зная, что предпринять.

Передача велась на неизвестном языке. И язык этот не был похож ни на один из земных. Все еще не веря в происходящее, он послал запрос мозгу станции. Ответ электронного полиглota подтвердил догадку.

Андрей помчался к Иреку. Тот спал, и Андрею пришлось растолкать его.

...Сонный Ирек плелся по коридору и, кивая головой, слушал объяснения Андрея.

Вот так и получается, думал Ирек, занимаясь своим маленьkim делом и ждешь чуда, а потом совершенно случайно наталкиваешься на него и тебе кажется, что ничего особенного, так себе... Но наверху Ирек окончательно проснулся.

Когда они вошли в рубку, Андрей подошел к автоматическому регистратору и сунул ленту Иреку.

— Вот, пожалуйста...

Ирек молча взял ленту, и, когда дошел до таблицы, содержащей основные характеристики волны, координат передающего объекта и прочего, лицо его в напряжении застыло. Вновь и вновь пробегал он глазами колонки цифр, не смея верить в происшедшее: передача велась со сравнительно близкого расстояния!

Ирек взглянул Андрею в глаза и сказал:

— Давай!

Андрей дал сигнал вызова: Космопорт ответил. Вздрогнув, Ирек решительно кивнул Андрею: «Передавай!»

— При проверке записи автоматического регистратора ~~и~~ такой-то период — проставь время — обнаружены сигналы ~~и~~ искусственного происхождения, не соответствующие ни одному земному языку... Так! Сигналы повторялись через неизвестные промежутки времени и прекратились два часа

назад. Сигналы поступают из сектора Мю-12, с расстояния 0,053 парсека. Все... — Ирек замолчал.

Он представил, какая на Лунной началась суматоха.

Андрей задумался о том, что пришельцы настолько отличны от людей по своим биологическим характеристикам, истории и уровню знаний, что поведение их рассматривать с точки зрения земной логики просто бессмысленно. Они не поступают ни так, как мы, ни наоборот — они поступают по-другому. А это означает, что реакция пришельцев непредсказуема, и поэтому рассуждать о возможном содержании их радиограммы — пустая трата времени.

...Как-то незаметно наступил момент, когда мозг Космопорта отстучал расшифрованный текст радиограммы. Она содержала ПРИЗЫВ О ПОМОЩИ! Это было все, о чем просили пришельцы, погибая в своем корабле, медленно дрейфующем в сторону солнечной системы.

Родная планета оказалась для них слишком далекой.

Конечно, надежды у них было мало — так, какая-то сотая, тысячная, а может, и меньшая доля вероятности.

...В кольцевом коридоре, идя на дежурство, Ирек по привычке взглянул в иллюминатор: все так же в скучной темноте светились крупные и мелкие звезды, а знакомый пейзаж Луны казался свалкой разломанных геометрических фигур и плоскостей, проткнутых остриями скалистых пиков. И вдруг ее исковерканная поверхность вызвала у Ирека удивительно отчетливую ассоциацию — разбитый корабль, медленно плавающий где-то за окраинами солнечной системы.

Он видел, как спиральная антенна или что-нибудь еще, что там у них, у пришельцев, принимает радиограмму на родном языке. Вновь щелкают и гудят заиндевевшие машины, окруженные звездным вакуумом, и записывают последнюю передачу. Ирек представил себе, как это произойдет: звездолет будет идти три месяца к неизвестному кораблю, и экипаж будет считать не дни, а минуты. И они с Андреем тоже. Потом со звездолета туда перейдут спасатели, которые впервые не будут знать заранее, кого же они должны спасти.

Самое интересное в этой истории было то, что расшифровка электронного мозга была подвергнута сомнению. Да, человек дал свой вариант событий... Ирек и Андрей знали призыв о помощи мог означать попытку контакта. Не более. Разве не характеризует немедленный ответ — словом или делом — на радиограмму уровень тех, кто ее принял? И не только уровень, но и характер их цивилизации, их отношений к другим, к иному разуму, наконец... И разве можно придумать лучший способ для этого?

Скоро все выяснится. Когда звездолет приблизится к неведомому кораблю, корабль понесется навстречу потомкам, чтобы заставить их задуматься над жизнью.

Летописец и ведунья

Они давно уже жили у берегов этой холодной многоводной реки — ждали возвращения разведчиков, посланных в ту сторону, откуда встает солнце, и в ту, где оно бывает волдень. После теплых, почти без снега, зим далекой теперь юности — у берегов Лазурного моря, им казалось здесь ходно и неприятно. Женщины племени споро нашли для тех теплые меховые одежды, которые пахли кислой овчой, но зато не продувались свирепыми сивергами. И только один Летописец ходил по-прежнему в короткой кожаной наидке из кожи буйвола с разрезами для рук, из-под круглого прреза которой выглядывала белая полотняная рубаха с вышивкой: прямоугольник, поделенный на четыре квадрата, и в каждом по крохотной точке-солнцу.

Летописец был пришлый, из примкнувшего к ведунам горного племени — смуглый, кареглазый, черноволосый, с прямым коротким носом и удивительной детской улыбкой. Он был один такой среди белокурых и светлоглазых юношей-едунов.

Но совсем не потому приметила его Инда — девушка, Хранящая Наследство. Женщины, Хранящие Наследство, жили в ранной отчужденности от остальных, быстро старевших и выравнивших. Хранящие Наследство были молоды и прекрасны, хоть угодно долго, пока не притрагивались к Наследству, защищенному предками — детьми Солнца. Инда о нем до сих пор никогда не вспоминала. Жила весело, беззаботно, пересыпая стойко лишения кочевой жизни, холода и зноя, тяжкий машний женский труд и большую охоту, в которой участвовала наравне с мужчинами. Только в военные походы ведуний брали, чтобы не погибли от случайной стрелы. Кроме этих и всех обычных дел, Инда учились у своей старой бабки Данью. Она уже знала, как лечить травами и заговорами, как властствовать над своим телом, как силой своего взгляда становить руку врага, занесшего над ней меч.

Летописец же вел веды: он записывал на маленьких обоженных досках все, что случилось в союзе племен, отправившихся в долгий путь за солнцем, и сейчас жил среди ведунов, ожидая разведчиков с их новостями.

Он так же, как все, лихо ездил на коне и перепрыгивал с блестящими глазами с одного скакуна на другого. Однаково легко прыскал стрелами из лука и каменными ядрами из пращи. Мог вмиг развести костер одним ударом кресала... Словом, он был славный воин. Но еще он слагал стихи. И когда он, водя тонкими смуглыми пальцами по струнам гуслей, пел

о бранных походах предков, юноши, загоревшись, хватались за мечи, готовые в тот же час идти на бой. А когда пел о любви, девушки искали потеплевшими глазами своих возлюбленных.

У Инды не было возлюбленного, и она полюбила Летописца.

Однажды он подошел к ней и позвал за собой. Она не спротивилась куда. Она поднялась с прибрежного камня, на котором сидела, засмотревшись на текучий бег речных струй, и пошла за ним. Глухо бились волны о крутой скалистый берег, и под их мерный рокот в ее пахнущей хвоей хижине Летописец говорил слова, от которых непривычно кружилась голова и которых не было в самых исхожих его песнях. Как много ласковых слов знает их древний язык! И как же редко произносят они их, забыв в тяготах походов, в ежедневных заботах о хлебе-насущном... А Летописец помнил эти слова.

— Ты, как маленькая горная речка, струящаяся в моих объятиях! — говорил он. — Ты, как белая березка с нашей родины, нежна и бела, а глаза твои зелены, как ее весенние листочки... Ты горлинка моя, ты свет мой ясный.

Семь раз осветило землю солнце, семь раз покинуло ее, уйдя на покой. Семь дней жил в хижине Инды смуглолицый поэт, шепча слова любви и верности на долгие 150 лет.

Воины не живут столь долго — они умирают в бою или от ран дома. Живут 150 лет и даже больше мудрецы-старейшины, а Летописец — и воин и мудрец. Проживет ли он столько же, чтобы вместе с ведуньей Индой достичь заветного рубежа — той черты, где сливается небо с землей, образуя маинящий всех ведунов окоем? Инде хотелось верить, что да.

На седьмой день мальчишка-глашатай оповестил разбросанные по всему берегу хижине ведунов, что вернулись разведчики оттуда, где встает солнце. Инда и Летописец были среди встречающих. Голосили женщины, посыпая пеплом голову, — двенадцать юношей, сыновей их, не вернулись, остались там, в стране желтолицых.

— Там кончается земля и начинается океан, — рассказывали вернувшиеся воины. — Желтолицые люди, живущие на этой земле, воинственны и коварны, хотя малы ростом и слабы телом. Они встретили нас ласково, а потом попытались умертвить нас сонных.

Мудрые старейшины выслушали воинов молча и потом долго тихо расспрашивали и, слушая, качали седыми головами.

На другой день вернулись и разведчики с той стороны, где солнце бывает в полдень. Они принесли радостную весть — если пересечь высокие снежные горы, то увидишь прекрасную теплую страну, где живут дикие, но мирные люди. Там много воды для коней и коров — две теплые большие реки текут вспять друг от друга, каждая к своему морю. И еще там почти не бывает зим, как на их родине, у берегов Лазурного моря.

Там можно хорошо отдохнуть и пойти дальше за солнцем по земному кругу.

— Но мы должны отомстить желтолицым за их коварство! — вскричал Летописец.

Воины согласно забряцали мечами, издав боевой клич.

— Я пойду с вами, — продолжал Летописец, — и опишу ваш справедливый поход мести. Но прежде я должен побывать в своем племени и попросить у вождей лучших юношей для нашего общего войска.

На другое утро он рано поднялся и разбудил Инду.

— Я ухожу. Жди меня, любимая, десять лун.

Цокот копыт его вороного коня долго еще отдавался в ушах Инды. Дни тянулись длинно и тягуче, и не было конца темным холодным ночам. В девятую луну Инда пошла к своей бабке — Великой Ведунье.

Бабка жила на окраине селенья за кузней, где сейчас неутомимо ковали мечи и наконечники стрел кузнецы; за гончарней, где, напротив, было тихо — гончары готовились к походу сами.

Старая, но прямая, как сухой граб, бабка помнила еще те времена, когда праотцы нынешних юношей еще только народились. Много повидали на белом свете ее не выцветшие от времени голубые ясные глаза.

— Бабушка, помоги мне! — склонила перед ней голову Инда. — Расскажи, где сейчас мой любимый?

Бабка кинула в горшок оранжевый порошок и долго смотрела, что-то шепча, в стелющийся желтый дымок.

— Что видишь ты, что видишь, бабуля? — замерев, спросила Инда.

— Он не только твой любимый, — глухо обронила бабка, с состраданием взглянув на свою любимицу.

— Но он жив? Он скачет сюда? — отгоняя мысль о сопернице, допрашивала Инда.

— Не думай о нем, внучка, — уклонилась от ответа мудрая бабка. — Не он твоя судьба.

Инда вернулась в хижину в смятении. Бесспокойство перестало в непереносимую тревогу. Она должна была узнать все, что не договорила Великая Ведунья. Но как? Многому научила бабка. И тому, как заговаривать кровь из раны, и как лечить от ломоты и сухоты костей, и как принимать детей, и как одним мановением руки снять любую боль, и как, напрягши свою волю, сосредоточиться на одной мысли и поймать Озарение, и как после многодневной скачки, не имея часу сделатьстановку, замереть, остановив сердце, и снова пустить его в бег, со свежими силами продолжая бешеную скачку. Однажды рассказывала, одному не учила: как приворожить любимого? Среди русых волос, да зеленых глаз, да любви беззаветной не

хватило... Значит, оставалось одно — обратиться к Наследству Предков.

Инда решительно открыла заветный ларец. В нем хранилось Наследство. Мало знала о нем Инда, да, пожалуй, никто больше ее и не знал. Забыт был давно секрет сотворения Наследства. От бабки слышала Инда, что это зеркало, что женщина-ведунья может посмотреть в него всего лишь один раз, и тот час же станет из вечно молодой старой и безобразной, и такой проживет еще долго-долго среди старух-ведуний. Значит, завтра она станет такой же, как ее столетняя бабка, если посмотрит в волшебное зеркало.

— Он не только твой любимый... Не думай о нем, внучка... Не он твоя судьба... — так говорила бабка.

Но сердце не слушает здравых слов! Оно рвется из груди туда, где ее любимый, и разум умолкает перед ним.

Она решительно развернула холст и увидела квадратное, такое непохожее на бронзовые овальные зеркала ведунов зеркало с мутной гладью. Что в таком разглядишь? Покоилось оно на круглой, почти прозрачной трубке, гибкой и тонкой. Для того чтобы оно показало то, что ты хочешь увидеть, говорила когда-то бабка, передавая Наследство, ты должна направить все свои силы, которых иначе хватило бы тебе на очень длинную жизнь. Поэтому старайся никогда не обращаться к его помощи.

— Почему? — допытывалась Инда.

— Потому что ты сразу станешь такой, как я, старой...

— Значит, ты смотрела в зеркало?

— Да, — качнула головой бабка.

— И не жалеешь об этом?

— Нет. Наши воины ушли в опасный поход, с ними был мой муж, твой дед. Я чувствовала сердцем, что с ним стряслась беда. И я посмотрела в зеркало. Я увидела бранное поле в чужой земле, на котором лежал сраженный стрелой мой любимый. А рядом оставшиеся в живых копали могилу для погибших. Я видела его в последний раз. Зачем же мне было оставаться молодой?

И вот теперь Инда держала волшебное зеркало в своих руках. Ее любимый не ушел в опасный поход, он жив. Но он «не только ее любимый»... И значит, он тоже погиб для нее. Так зачем оставаться ей вечно молодой? И она твердой рукой установила зеркало в проеме хижины ровно против луны и стала смотреть. Надо было вспомнить лицо любимого — все, до мельчайших морщинок вокруг глаз, до еле заметных веснушек на смуглой коже, как живое... Вся ее воля сфокусирована сейчас была на квадратной мутной глади зеркала, на которой,казалось, она уже видела лицо Летописца.

Пока это было лишь ее воображение. Но вот туманный глянец зеркала вдруг заискрился. В центре его затрепетала сереб-

ристая точка, которая вырвалась вдруг из зеркала острым упругим лучом и прорезала темноту далеко-далеко впереди. Инда понимала, что осталась сидеть на месте, но также понимала, что стремительно несется в этом белом, режущем темноту луче куда-то вдаль.

Под нею стелилось ровное поле, потом вздыбились горы, потом серебром блеснула извилистая речка, на берегу которой темнели слабые контуры хижин. Луч опустил ее (но разве не она сидит здесь, в своем доме, у зеркала?) на земляной пол чужой хижины, и она увидела Его.

Он сидел за дощатым длинным столом, задумчивый и грустный. Перед ним грудой лежали деревянные обожженные таблички вед (низанные на бечевку), еще не испещренные письмами. Тут же оружие. Видно по всему: на заре Летописец выйдет в поход и догонит рать ведунов. Инда долго наблюдала за ним, понимая, что он не видит ее и видеть не может. Она прощалась с ним.

Она видела, как подошла к нему статная женщина в расшитой одежде, ласково взяла его за руку и повела от стола. Видела, как эта женщина стелила широкую постель. Видела, как Летописец подошел к другой постели, на которой спали свое малышей — девочка и мальчик — и поцеловал их в лоб. Видела, как статная женщина позвала его: «Ганг!» — и пронзнула к нему руки.

Так вот как зовут тебя, любимый, в твоем племени! Ганг... С дороги были эти последние минуты прощания с любимым, и пора было уходить: статная женщина снова окликнула его: Ганг! И он пошел к ней.

Инда вскрикнула от нестерпимой боли в сердце и, пронзиваясь в темноту, в которой медленно плавали какие-то кровечные серебряные точки, унесла с собой последний взгляд Летописца, в зрачках глаз которого отразилось ее, Индино, лицо...

Она не знала, сколько пробыла в забытии, но первое, что сделала, придя в себя, — с силой наступила ногой в кованом сапожке на туманную гладь зеркала, раскрывшего ей горькую правду, и то, слабо хрустнув, раскололось.

Она не стала подходить к своему бронзовому зеркальцу, стала трогать свое лицо, ища морщины. Она молча села догорающего костра, в бездумье глядя в проем хижины на подные звезды этой чужой земли, и так просидела до рассвета.

— Что ты натворила, внучка! — услышала она испуганный голос бабушки. — Ты разбила Наследство! В наказание за то ты стала обычновенной смертной женщиной, и тебе не доть до нашего прихода к окоему!

— Обыкновенной? — очнувшись, переспросила Инда. — А значит, я не стала бессмертной старухой, как ты?

— Старухой ты станешь, но в свое время, как становятся обычновенные женщины. Но твой век будет так короток!

— Но мне и не нужно ничего другого! — дивясь непониманием бабки, молвила Инда.

Теперь она резво подбежала к бронзовому зеркальцу, и оттуда блеснуло белоснежным пятном ее молодое зеленоглазое лицо.

— Ты ничего не понимаешь, бабуля, хотя и прожила сто лет! Пусть я проживу в половину меньше, зато я знаю, что такое Любовь и Обман, зато я увидела любимого тогда, когда не могла больше терпеть разлуки, и попрощалась с ним. А впереди еще очень большая жизнь. Разве этого мало?

— Глупая, — качая головой, тихо проговорила старая бабка, — зато ты больше уже не ведунья.

— Зато я просто женщина и воин!

В селенье раздались призывные звуки боевой трубы: то воины собирались в поход мести. Инда, с этого дня не ведунья, теперь могла идти вместе с ними.

Опоясавшись мечом, закинув за спину колчан со стрелами, не забыв прихватить и ларец с целебными снадобьями от ран, выбежала она из хижины и, свистнув своего саврасого веселого конька, поскакала туда, где звенела походная труба. Может быть, Летописец уже там или примкнет к рати по дороге. Какое ей теперь до него дело? Она попрощалась с ним, а в походах нет места ни для любви, ни для личных обид.

...Потом, после похода мести, их ждало большое переселение с берегов Ениса через высокие снежные горы в теплую страну, где вспять друг от друга текут две большие реки — каждая к своему морю, и им пока нет названия...

Ночной гость Кибальчича

Когда первый еще морозный луч света заглянул в камеру, Кибальчич спал.

Луч обежал помещение, уколол в глаз прильнувшего к «волчку» надзирателя и лег полосой на пол.

Тогда Кибальчич проснулся. Он вообще не мог сказать, спал ли эту ночь. Ночь была последняя в его жизни, а может, от этого и странная.

Да-да, сначала пришел священник. Он стал с ним спорить о загробной жизни, пытался что-то говорить о множественности миров, а глупый старик смотрел на него удивленно.

Потом... Да, потом было... Потом была дремота, надзиратель, прокурор, а он хотел спать, в последний раз высаться, а потом...

1

А потом...

Он проснулся от присутствия в камере человека. Сначала пахнуло чем-то горьким, похожим на керосин, а потом он почувствовал, что не один.

У стены стоял человек в коротком, необычном для взгляда пиджаке. Он удивленно озирался.

Кибальчич мгновенно сел на кровати. Об этом он слышал от товарищей — в последнюю ночь заключенных пытают...

— Что вам угодно? — хватаясь за прикованный к полу таубет, спросил он.

— Извините, — растерянно произнес незнакомец. — А вы... Вы кто? Вы не из нашей группы!

— Перестаньте, — поморщился Николай Иванович, — эти штучки не пройдут...

— Извините, — смутился незнакомец, — так вы не из архива? Впрочем, что я говорю... А, вы, наверное, с киностудии?..

Он посмотрел на огромные квадратные часы, застегнутые на запястье, и покачал головой.

— Извините, я первый раз... Какая киностудия! Перенос произошел нормально. А сейчас, по всей видимости, два часа тринадцать минут 2 апреля 1881 года.

— Нет, — съязвил Кибальчич, — третьего апреля.

— Ага, — сказал незнакомец, — понятно: потеря при переносе.

— Что вам угодно? — еще раз спросил Кибальчич. — Больше того, что я сказал на следствии и суде, говорить не намерен.

— Простите, — подошел поближе незнакомец, — нельзя ли узнать, кто вы?

— Приговоренный к смертной казни Николай Иванов Кибальчич...

— Кибальчич! — обрадованно вскрикнул незнакомец. — Да вы-то нам и нужны!

Дверь неожиданно отворилась. Незнакомец щелкнул какой-то штукой и исчез.

Смотритель и надзиратель вошли, убрали посуду со стола и посоветовали спать.

Когда они вышли, незнакомец появился вновь. Кибальчич потер глаза, потом набрал воды из умывальника и вымыл лицо. Незнакомец сидел на его кровати.

— Ничего не понимаю...

— Я могу объяснить, — с готовностью предложил незнакомец.

— Погодите, как же они вас не увидели? Вы что, невидимой шапкой владеете?

В Кибальчиче заговорил ученый, чего он уже давно от себя не ожидал. С тех пор, как передал через адвоката Герарда на рассмотрение ученых проект своего летательного аппарата.

— Я все объясню. Но сначала скажите: вы написали проект?

— Летательного аппарата, да?

— Его самого. Где он?

— Передал господину Герарду для передачи через господина министра комиссии ученых.

Незнакомец полез в пиджак и вытащил несколько фотографий.

— Он?

С первого взгляда Кибальчич узнал свой почерк, свои чертежи. Потом отшатнулся, затем впился глазами в фотографии. В верхнем левом углу на каждой фотокопии его чертежей и описания стоял штампик.

— «Из фондов бывшего Департамента полиции», — прочитал он, и голос его внезапно охрип. — Что это значит?

— А то это и значит, — грустно сказал незнакомец, — что никаким ученым ваши чертежи не были переданы и узнали о них только в 1917 году, после революции...

— Позвольте, позвольте, какая революция? — Голова у Николая Ивановича несколько закружилась. — В 1917-м? Это через тридцать шесть лет?

— Успокойтесь, — усадил его рядом незнакомец, — я вам все расскажу.

«Самое страшное для него потрясение не в том, что «Народная воля» шла неправильным путем. Это он понимал. Не было тогда просто другой активной силы для борьбы с царизмом. И это он понимает. Страшное для него, что его чертежи столько лет провалялись в архивах».

«Почему я так верил, что проект дойдет до ученых? Кто я для них? Цареубийца. Впрочем, при чем здесь это! Ученые рассмотрели бы проект, если бы он к ним дошел. Но эти мерзавцы побоялись. Правильно, вот в чем дело. Еще бы — цареубийца и предлагает проект воздушного корабля».

«Поймет ли он, что его идеи устарели? Правда, Циолковский позднее разработал теорию ракеты, но придумал-то Кильбальчик раньше.

«Но я все-таки молодец. После пяти лет подполья не забыть основы механики, физики, химии и придумать мой аппарат. Спасибо за комплимент. Эх, химию-то я забыл... У этого, из Калуги, как его фамилия, ну да неважно, спрошу, ракета летит на жидком горючем, а у меня на твердом. У меня пироксилин или сжатый порох. Или смесь. Месяц поэкспериментировать, и сам бы додумался до жидкого топлива. Не будет. И не будем! Скажи спасибо, что тебе единственному из современников удалось поговорить с будущим».

«Проект был разработан им в тюрьме. А мы искали дополнение к проекту. А он его не писал. Это дополнение у него в голове. А как мы его искали! Это в воспоминаниях Герарда, адвоката, есть фраза: «Передал проект и дополнение к проекту». А мы думали, что он его действительно написал. Погорит теперь федотовская статья».

«Дополнение к проекту я задумывал и даже сказал Герарду, что написал его. Но я не писал. Я думал над ним. Это должно было быть философское обоснование необходимости полетов за атмосферу. Я еще вынашивал в тот день идею скафандра типа водолазного... Но так и не додумался до ее переноса на бумагу — Желябов говорил на процессе, и мне было не до космоса».

«Что ему говорить, что рассказывать? — время на исходе. У нас час, мощностей не хватит на большее. Теперь главное, зачем лично я согласился на этот временной переход: увезти его к нам. Его же убьют завтра! Если он согласится, то остатка мощностей хватит на нас обоих».

«Интересно, на других планетах тоже борьба? Или они давным-давно прошли стадии свержения самодержавия, установления демократической республики и у них прекрасная жизнь? По всей вероятности, так. Земля — сравнительно молодая планета. Посмотреть на тех, кто еще борется. Неужели и они ошибаются: кидают бомбы, организуют заговоры, вместо

того чтобы... Вместо чего? Ты слишком мало занимался теорией, ты весь провоноял динамитом, ты просто нутром чуял, что путь неправильен. Но не было другого пути! Или смириться с существующим, или бороться. Как подсказывало время».

«Избыток информации, обрушившийся на него, поможет встретить завтрашний день спокойно. А другие? Другие тоже спокойны. Так говорит История. Эх, Федотов, что же ты не поехал в этот год сам и сам не уговоришь его?! Попробую еще раз».

«Мощности у тебя мало. Пусть побольше израсходуется, чтобы уже не было соблазна. Да и что такое соблазн? Отсрочка. Нет. Никаких отсрочек. Никаких побегов. И мысли эти выбрось. Что ты там будешь делать? Ты будешь музейным экспонатом».

«А ведь он был бы нам нужен в будущем. Своей непримиримостью, своим ясным умом. Он бы перескочил через эпоху, и я даже боюсь представить, кем бы он мог стать».

«Каждый человек — сын своего времени. Мое время — мое. Простите. Я не боюсь будущего. Я смог бы в нем, если бы рядом не было товарищей, а завтра, нет, сегодня не было бы третье апреля».

3

Грохот барабанов бился в ушах, заполнял всю голову. Михайлов пытался что-то кричать. Бесполезно. Никто ничего не услышит.

Их везли не быстро, но и не медленно, чтобы они не успевали хорошо запомнить лица, лица вольных людей, смотрящих, как их ведут на казнь. Точнее, пока еще везут, но это все равно.

Орали какие-то команды.

Интересно, сколько народу на улицах? Не шпиков и лавочников, не «золотой молодежи» и купцов, а простого народа?

Николай Иванович вздрогнул: он вспомнил свой отказ...

— Николай Иванович, вы нужны будущему! — говорил ночной гость.

— Что ж, значит, будущее начинается здесь, — шутил Кибальчич и обводил рукой камеру.

— Но вы представляете, что вас ждет через несколько часов?

Он кивнул. Потом пожал руку этому человеку. Этому необычному и хорошему человеку. Тот его понимал и не мог смириться.

Да и Кибальчич бы на его месте не смирился. Но они были каждый на своем месте, и оба это понимали.

Он вздрогнул: его наполнило хорошее чувство гордости за самого себя, за то, что он с товарищами проделывает посланный путь, что он их не предал, уйдя в будущее, что он... Впрочем, чем он лучше Желябова? Это же трибун! Какая светлая голова!

Он тряхнул головой, вернулся опять на колесницу, к барабанам, раздирающим уши, и синим и серым мундирам, и опять стало хорошо. Опять захлестнула гордость.

Никогда раньше за собой этого не замечал. Когда, он говорил, Циолковский додумался? У, через двадцать лет! А я... и в каких условиях (он даже усмехнулся). За двадцать лет о него, здорово... Только как же это я подзабыл теорию взрывов? Пироксилин не то, не то топливо... Давно не читал, голубчик, научных журналов, оторвался... Надо бы почитать. Было у после суда. Так бы они и дали мне технические журналы камеры! Подумали бы, что я готовлю очередной взрыв прямо в Петропавловки!

Он тряхнул головой. Тишина поразила. Ага, замолчали барабаны. Ну да, кричать бесполезно — народ вон как далеко, не услышит.

Но сам он слышал народ. Слышал гул толпы, идущий оттуда-то издалека, из-за дальнего ограждения, почти из ниотуда.

Первая травка уже пробивалась на поле.

Рваной раной зиял на теле Семеновского плаца эшафот. Его развязали, помогли сойти.

Он считал шаги до этого неправдоподобно свежего, из неньких свежих досок сооружения. Он видел на них смолу, засеницы, стружки среди травы.

Красное пятно перед глазами.

Солнце?

Нет, рубаха палача.

Ступени эшафота были толстые, высокие, новые, ребристые колючие. Он шел, считая их, и каждый шаг отдавался в сердце, но не больно до той поры, пока случайная заноза не вошла в сердце.

Оно дернулось в груди, ударились, чтобы вырваться наружу, но он уже глубоко вздохнул, и оно успокоилось.

Девять ступенек. Нечетное число, делится на три. Три ступени у будущей ракеты. Ну, многоступенчатость, это он предлагал, правда, в другой форме...

На смертников надевали балахоны. Они обнялись. Желябов удивлением посмотрел на задумчивое лицо Кибальчича, потом зиял и успокоился. Он посмотрел в небо. Кибальчичу стало ясно, что Желябов понимает его мысли, и он улыбнулся.

Гул голосов то надвигался, то пропадал.

Что-то читал прокурор. Сморкался очень громко генерал. Изум, под эшафотом, кто-то путался в треноге. Кибальчич успел заметить и второго фотографа, похожего на ночного гляя.

Последнее, что он видел, был брошенный высоко вверх там, неко за ограждением, картуз мастерового, который почему-то упал, а стал подниматься. Потом картуз приблизился, и Ни-

колай Иванович увидел, что это его аппарат — площадка с четырьмя цилиндрами, рулями, ограждением.

И управлял аппаратом он.

И он летел!

Улетал...

Успенский положил перед Федотовым фотографии.

— У меня были железные документы. Я успел сделать семь снимков, но чем-то себя выдал. Два шпика тут же предложили пройти проверить паспорт в участок. Хорошо, что они не знают каратэ.

Федотов молча рассматривал фотографии.

— Он так и не согласился?

— А ты бы согласился?

— Не знаю. — Он положил фотографии на стол и долго смотрел на лицо человека, угадавшего дорогу в космос. — Не знаю, наверно, и я бы не смог уйти.

Ледяное метро

Хорошо здесь, на мостице. Мне жарко от того, что так хорошо. Лицо горит. Студеный ветер как нельзя кстати. Сейчас поставим паруса, и счастливого плавания!

Пока же я пускаюсь в другое — по волнам моей памяти. Волнам, что прибили меня к этому берегу.

Еще в школе задали мне загадку: что такое «сухая вода»? Я никак не мог ее разгадать. Промучился всю ночь, наутро пришел к приятелю и, краснея, сознался в бессилии.

— Лед это, — объяснил он, даже не заметив моего волнения, и очень удивился, когда я отказался смотреть с ним телевизор, выбежал на улицу. А я именно выбежал, потому что меня переполняла радость открытия — знать и видеть, что вода замерзает, — это одно, но вдруг понять, нет — больше, чем понять — ощутить, что привычное повседневное жидкое вещество может превратиться в другое, в твердое, с другими свойствами, меня поразило.

«Сухая вода». Даже когда потянуло на каток, коньки в отличие от товарищей выбрал фигурные. Те считали — пижонство, а мне не так важна была скорость. Я полюбил выписывать неторопливые замысловатые узоры. Следы на воде — в этом тоже было нечто от волшебства.

После школы работал на фабрике мороженого, так сказать, в царстве сладкого льда. Окончив институт, стал специалистом по холодильному оборудованию. Меня и моих товарищей готовили к штурму абсолютного нуля. Техника предъявляла повышенный спрос на сверхпроводимые электропередающие линии и многое другое, путь к чему лежал через освоение близких к нему температур. Но при распределении неожиданно выяснилось — требуется один специалист в Заполярье. Это вызвало у товарищей прилив остроумия — щутили: холодильщику ехать в Арктику все равно что в Тулу со своим самоваром. Я тоже посмеивался. И вдруг понял, что путешествие к абсолютному нулю меня волноует куда меньше, чем те обыденные вещи, которые происходят несколько ниже нуля по Цельсию.

И вот я в Арктике, и настало время поднять паруса. Команда готова сорваться с уст.

Кто сказал, что на Севере холодильщику делать нечего? Кругом в изобилии была «сухая вода». Прямо в вечной мерзлоте мы строили склады, где хранились продукты и пециевые шкуры. «Сухая вода» надежно заполняла ставшие ненужными пустые выработки в шахтах. Мороз наводил переправы через многочисленные ручьи и речушки.

Все ярче начинало золотить тундру солнышко, и многое из

с сотворенного морозом шло наスマрку. К тому времени, когда расцветали нежные жарки с их неуловимым запахом, я и моя бригада обычно работали уже в аварийном режиме, без сна и отдыха. Что там говорить о ледяных переправах, и земные дороги могли превратиться в каналы непроходимой грязи.

В теплую пору года мы, как говорится, берегли «вчерашний снег», ремонтировали вечную мерзлоту. Порою это было совсем непросто, обходилось недешево. Но точно так же, как земледельцам юга необходима живительная влага для пашни, нам летом нужно было защитить «сухую воду», без этого привычная к минусовым температурам северная жизнь разладилась бы.

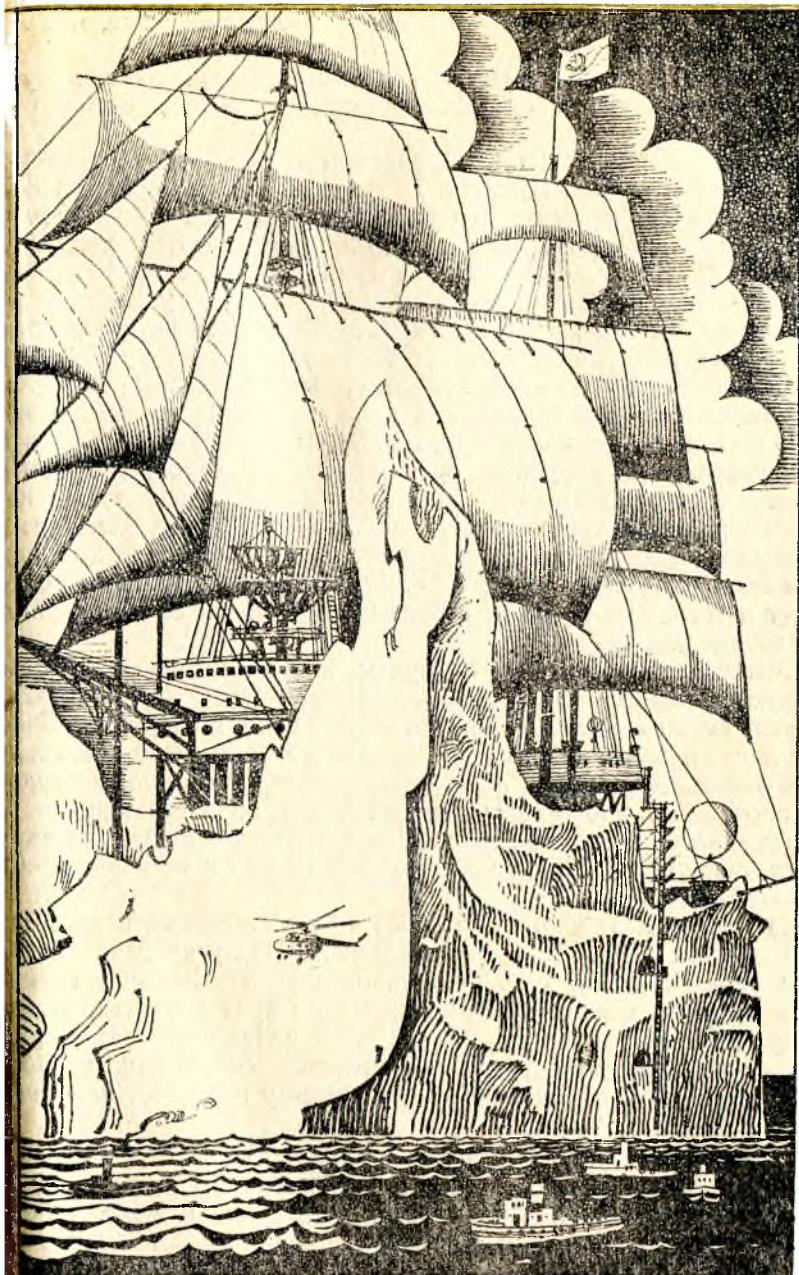
Каждому свое. Южанам — вода и зной, нам — лед и холод.

Простая мысль. Но сперва она была для меня откровением. Что главное полярное богатство? Называйте руду, оленей, даже северное сияние. Нет, главное — холод, лед, «сухая вода».

Бурильщик Малов, тот самый, что, смущаясь, хвалил северное сияние, однажды загорелся идеей создания ледяной горной цепи, что защитила бы город от жестоких пуржистых ветров. Проекты и предложения посыпались одно за другим.

Начали мы, конечно же, не с горной цепи, а для пущей убедительности с чего попроще, с идеи армированного льда. Коли вморозить в ледяную переправу, скажем, сучья, она выдержит большой груз. Вот мы и спроектировали такую переправу на пути от нового рудника к фабрике, а заодно и всю эту дорогу в зимнем варианте — полностью из льда с деревянной арматурой. Смело, сказали нам, покачав головами, и дорогу построили или быстро и дешево. По весне мы предложили укрыть полотно шубой из быстротвердеющего пластика. На нас посмотрели уже с интересом и опять послушались. Правда, пришлось повозиться с переправой — добавить арматуры, подвести понтоны, чтобы не утонула, укутать ее пластмассой и сверху и снизу. В результате дорога и ледяной мост получились на славу. А когда в преддверии зимы мы пришли с идеей прикрыть всю дорогу сверху тоннелем опять же из армированного льда, то идея была принята как уже сама собой разумеющаяся.

Так, собственно, и родилось «полярное метро» — общеизвестные теперь трассы под крышей для автомобилей и электричек, защищающие водителей и пассажиров от непогоды. Ну а дальше... Дальше были просторные здания ходильников и ангары, построенные из армированного льда, наряженные в разноцветные пластиковые шубы. Ледяные цистерны для горючего и различных жидкостей. (Как легко и красиво строить из льда: надули компрессором огромный пластиковый мешок, полили его водой, пока не наросла толстая корка, набрызгали сверху шубу, и готов сосуд.) В возможности создания из «сухой воды» горной цепи против ветров уже никто не сомневался. Некоторые даже предлагали сделать ее полой, как цистерны, а внутри разместить заводы. Словом, чего только не пробуют

строить из льда! Мои товарищи — а нашу бригаду теперь называют не иначе как холодильщики — думают даже, что лед способен на большее.

Наконец я возвращаюсь к действительности. Итак, в путь! «Давай, Володя!» — слышу собственный голос. Это и есть команда.

Володя Малов, бывший бурильщик, склоняется к пульту и вдохновенно, словно музыкант, ударяет по клавишам. И корабль обретает крылья. Это не обычные паруса — из легчайшего дакрона всех цветов радуги, они раздвигаются, словно театральный занавес. Достаточно взглянуть на них, чтобы, не читая названия на борту, сразу угадать его, — ну конечно же, «Северное сияние». Под этими десятками тысяч квадратных метров парусов, автоматически расцветающих на вращающихся мачтах, чутко ловящих любой, самый деликатный, ветер из маленькой северной гавани, название которой будет теперь вписано в историю мореплавания, мы уйдем на знаменитый юг. Новейшие достижения парусного судостроения плюс корректируемый электронно-вычислительной машиной маршрут позволяют нам двигаться без всякой затраты топлива со средней скоростью грузового судна. Главная притягательность, смысл «Северного сияния» не в радуге над его оранжевыми пластиковыми бортами, а в том, что за ними спрятано. В грузе и самом корабле одновременно.

Мы уверенно выходим из бухты, и я вспоминаю старинный рисунок: ледокол «Ермак» прокладывает путь к Кронштадту, а восхищенные местные жители идут рядом по льду, не боясь холодных брызг и осколков. У нас все наоборот. Чисто ото льда синь-море, по бортам и за кормой — эскорт из мелких судов, катеров, всего, что может плавать. А лед, он посередине — огромный айсберг, заключенный в синтетическую шубу, под парусами, отправляется в дальнее плавание. Это и есть наше «Северное сияние».

И оно лишь начало. Созданный в бухте опытный искусственный ледник уже приступил к серийному выпуску таких судов-ледовозов. Через неделю от него отделятся «Северное сияние-2», потом еще и еще... А я тем временем буду двигаться южнее и южнее, туда, где с нетерпением ждут целое озеро замороженной пресной воды, которое представляет собой наш корабль — плюс нагруженную на него рыбу, оленину и другое, чем богат наш славный край.

Вот куда завела нас дружба с Дедом Морозом. А куда еще заведет? Не буду гадать раньше времени... Во всяком случае, магистральное направление наших работ мне и моим товарищам яснее ясного. Мы движемся на юг как полпреды Деда Мороза, экспортирующие богатство наших краев — холода. А какие формы в дальнейшем примет этот экспорт!

Роза ветров

«Синяя птица» села на небольшую каменистую площадку, с одной стороны упирающуюся в отвесную стену из серых ребристых скал, с другой — обрывающуюся бездонной черной пропастью. Рискованное место для посадки, ничего не скажешь, а лучшего, к сожалению, было трудно найти. Вся эта небольшая планета, как взлохмаченный еж, была утыкана остроконечными пиками скал и изломами горных хребтов. Невозможно себе представить, насколько она была истерзана и изломана, будто кто-то собрал самые острые и неаккуратные осколки, оставшиеся от творения других миров, и, торопясь поскорее закончить дело, наспех слепил из них эту планету. На первый взгляд казалось, что скалы и горы — единственное богатство незадачливого мира, но это только казалось.

Еще здесь были ветры. О, ветры здесь водились роскошные! Они колесили по планете во всех направлениях, свистели, выли, ревели в щелях бесчисленных скал, разрывались на кусочки их острыми ребрами и тут же смыкались вновь, с удвоенной энергией обрушиваясь на камни. Они налетали внезапными порывами — тугой сгусток воздуха наносил упругий оглушающий удар и тут же пролетал легким дуновением, уступая место следующему вихрю.

И еще ветры были индивидуальны. Да-да, именно индивидуальны: каждый из них представлял собой отдельный вихрь, похожий на призрачную, едва заметную голубую комету, пронизанную искорками электрических разрядов. Эти кометы шныряли между скалами во всех направлениях, подобно призракам, сталкиваясь, пронзая друг друга и снова расходясь в своем неутомимом беге. «Синяя птица» содрогалась от яростных порывов, набегавших со всех сторон, и угрожающе раскачивалась на амортизаторах. Это был корабль-разведчик, оставленный для ознакомления с этой на первый взгляд не представляющей ничего интересного планетой и служивший пристанищем для трех человек: планетолога Антона, инженера Вадима и биолога Олега. Для чего нужен биолог на этой безжизненной планете, было не совсем ясно, но все-таки он вошел в исследовательский экипаж «Синей птицы».

Звездолет, доставивший сюда ракету, отправился к другой планете данной системы. Работы много, а времени мало, приходится рисковать.

Командир «Синей птицы» Антон сидел за пультом и с интересом глядел на экран, где бесилась разнузданная стихия.

— Интересное явление, — наконец отозвался он, — что скажешь, Олег?

— Похоже, здесь собирались ветры со всей планеты, чтобы поглазеть на нас. Только как бы их любопытство не зашло слишком далеко и они не поинтересовались бы внутренностями нашей ракеты, сбросив ее со скалы.

Антон неопределенно хмыкнул и, встав с кресла, прошелся по раскачивающейся рубке, широко расставляя ноги, чтобы сохранить равновесие.

— А ты что думаешь, Вадим?

— Я ничего не думаю, я только удивляюсь. У нас на земле вроде бы все ясно: ветер — это перемещение воздуха из области повышенного давления в область пониженного. А здесь? Эти ветры дуют одновременно в разные стороны.

— Всему свое время, — отозвался Олег, — докопаемся и до сей тайны. Кстати, у меня уже есть гипотеза. Движение воздуха может вызываться возмущениями в электромагнитном поле планеты. Мы еще не проводили его замеров, а под нами, возможно, находится какая-то необычная магнитная аномалия. Я сейчас возьму магнитометр и проверю. Прочешу окрестности на нашем «Колибри».

— А не рискованно ли? — усомнился Антон. — Все-таки ветры действительно беспорядочные.

— Ничего, справлюсь, — отмахнулся Олег. — Не сидеть же нам здесь целую вечность! Да и поутихло уже.

Действительно, «Синяя птица» уже не раскачивалась, и за бортом прекратилось бешеное столпотворение. Вихри убрались как-то сразу, будто им надоел неизвестный предмет и они полетели искать новые забавы. Антон дал согласие. «Колибри» — легкий летательный аппаратик — выпорхнул из чрева «Синей птицы» и, покружив немного над площадкой, скрылся между скалами. Командир и инженер, проводив Олега, устроились на отдых.

Прошло несколько часов. Антон пытался связаться с биологом, но скалы экранировали радиоволны и искажали их до незнаваемости. Однако скоро Олег вернулся сам.

— Скорей открывайте шлюзы, они за мной гонятся! — раздался из динамика отчаянный вопль. Не понимая, в чем дело, Вадим, сидевший за пультом, быстро нажал кнопку. Аппаратик, не останавливаясь, прошмыгнул в камеру, и створки захлопнулись за ним. И тотчас же на ракету обрушился удар. Вокруг завыло, засвистело, застонало тысячеголосым, леденящим душу хором. Ветры с удвоенной, утроенной, удесятеренной силой бросались на скалы, на ракету, толкались и бились о стальную обшивку, будто хотели столкнуть, разметать, швырнуть в пропасть или на скалы чужеродное им металлическое тело. Двое космонавтов растерянно сидели на диванах в раскачивающейся и дергающейся рубке, ожидая биолога. Он, шатаясь, ввалился через люк, глядя расширенными от ужаса глазами.

— Что случилось? — спросил Антон.

— Поверьте, я им ничего плохого не сделал, они сами! — бессвязно забормотал в ответ Олег.

— Кто они? — не понял Антон.

— Я ведь им ничего не делал! — продолжал биолог. — Я же хотел провести только кое-какие замеры, а они рассвирепели. Но ведь я же не хотел им ничего плохого, неужели они этого не понимают!

— Да кто же они, говори ты наконец толком, что произошло! — заорал командир.

— Кто? — повторил биолог, обратив наконец внимание на него. — Вот они! — Он кивнул головой на экран, где бешено извивались, шныряя во всех направлениях, голубые вихри. — Эти чудища, принявшие облик безобидных ветров, свирепые и беспощадные драконы, от которых я еле спасся. О, я никогда не забуду их мерзкие рожи, когда они швыряли мой аппаратик, как пушинку, как они вертели и трясли его, пытались добраться до меня, но я удрал. Да, я удрал, но теперь они прилетели за мной, чтобы убить меня, узнавшего их тайну!

Антон и Вадим растерянно слушали этот бред.

— Успокойся, пожалуйста, Олег, здесь нет никаких драконов, они улетели, — успокаивающее произнес инженер.

— Я в своем уме! — неожиданно отрезал Олег. — Драконы вот. — Он снова мотнул головой на беснующиеся вихри. — Это ветры, эти непонятные ветры, которые так поразили нас. Там, за скалами, они обитают в широких расселинах и оттуда вылетают на охоту. Как только я появился над жилищем, они все прямо взбесились и взвились, как потревоженный рой пчел. Они сплетались в клубки и швыряли мой аппаратик друг другу, и вблизи я увидел их рожи — свирепые, страшные рожи с выпученными бледными глазами, с осколенными пастьями, со сплюснутыми носами. Они пытались разломать «Колибри» в воздухе, но это им не удалось.

Ветер за бортом действительно усилился и превратился в настоящий ураган. Отдельных вихрей уже не было видно — они все слились в бешеных порывах, налетевших плотной густой массой. «Синяя птица» вся сотрясалась под этими порывами, раскачиваясь из стороны в сторону, и не падала только потому, что не успевала этого сделать.

Командир и инженер встревоженно переглянулись.

— Еще немного, и ураган нас просто сдует отсюда, — растерянно пробормотал Антон, — нужно что-то делать.

— Ну что ж, как видно, так должно быть, — спокойно сказал Олег. — Они требуют жертву. Требуют меня. Я иду. — Он шагнул к люку.

— Стой! — закричал Антон, но было уже поздно. Люк заполнился.

— Я вас заклинаю: покидайте планету, как только ветры

удовлетворяется мной, или вас постигнет моя участь! — раздался из динамика его голос. И он вылетел.

Ветры радостно взвыли. На экране было видно, как они подхватили маленький аппаратик, завертели, закрутили, понесли и со всего размаху швырнули о скалу. Брызнули во все стороны обломки, и среди них расплющенная фигурка в скафандре. Вихри подхватили все это, перемешали и унесли. За бортом стало тихо. Ураган прекратился. «Синяя птица» еще качнулась по инерции пару раз и успокоилась. Антон тяжело опустился в кресло и оперся локтями о пульт.

— Роза ветров, — тихо пробормотал он, глядя сквозь экран, — вот ты какая, роза. Ядовитая ты, роза.

— Но ветры же действительно улетели, — растерянно прошептал Вадим.

Прошло около двух суток. Разведчики сидели в «Синей птице» и не рисковали высывать наружу нос. После расправы над Олегом ветры прилетали еще несколько раз, но силы были у них уже не те, и они не могли соперничать с многотонной массой ракеты. Впрочем, ветры особо и не пытались это делать, они, похоже, на первый раз удовлетворились жертвой и бесились только для порядка. Но все же у Антона не исчезало предчувствие, что они что-то замышляют. Да, после ужасной гибели Олега командир поневоле и сам стал относиться к этим вихрям как к живым и злобным существам. А, может, они действительно живые? Чем дольше задумывался над этим Антон, тем больше крепла его уверенность в том, что вихри — неизвестный доселе и, по-видимому, враждебный к человеку вид живой материи. Не находилось у него другого объяснения их поведению. Вадим, вероятно, тоже задумался над этим и стал мрачным и немногословным. Командир поделился с инженером своими опасениями. Тот неожиданно принял их всерьез, и они вдвоем стали раздумывать, какую же каверзу могут подстроить им ветры. Оба сошлись на том, что самое вероятное и удобное — свалить их в пропасть. Правда, до сих пор у вихрей ничего не получалось, но, кто знает, они уже раз показали, на что способны. Что делать? Последовать совету Олега и улететь отсюда? Возможно, ветры только и ждут, когда ракета взлетит. Они уже убедились, что в воздухе расправляться с людьми и аппаратами удобней. Один хороший рывок вроде того урагана, убившего Олега, и «Синюю птицу» нанесет на скалу, как жука на булавку. Значит, остается ждать звездолет. Мощное защитное поле корабля оградит ракету от любых несчастий со стороны планеты. Но ведь звездолет нужно еще дождаться... Это какой-то кошмарный сон, а не плацента. Люди помимо воли испытывали гнетущий страх, тупое давление на мозг от вида беснующихся за бортом голубых вихрей. Пронизанные золотистыми искорками, как сноп фейерверка, они по-хозяйски шныряли вокруг, изредка лениво ты-

каясь в ракету, как будто понимая, что она целиком и полностью находится в их власти и торопиться незачем.

— Что же делать? — сказал Вадим на шестой день их принудительного заключения. — Я не могу больше сидеть беспомощной куклой и в любую секунду ожидать от этих сивых призраков какого-нибудь подвоха. Нужно чем-то заняться, что-то предпринять, пусть бесполезное, малсэфективное, но лишь бы не сидеть здесь как приговоренные, сложив руки, ожидая своей участи. Пусть мы погибнем, но зато в борьбе, а не как беззащитные, слепые котята в речке.

— Можно укрепить ракету стальными тросами, — угрюмо пробурчал Антон.

— Гениальная мысль! Так займемся этим сейчас же! — возликовал Вадим.

Антон оторвал взгляд от экрана и, повернувшись в кресле, удивленно взорвался на инженера!

— Ты что это, всерьез?

— А почему бы и нет? — в свою очередь, удивился тот. — Мысль не так уж плоха, и просто удивительно, как мы раньше до этого не додумались. Если у ветров еще хватает сил раскачивать ракету, то пусть попробуют порвать стальные тросы! Я уверен, они обломают себе все зубы и поразбивают себе лбы! — Вадим громко хохотнул.

Антон внимательно посмотрел на его возбужденное, пылающее лицо со сверкающими глазами.

— Да, надо чем-то заняться, иначе недолго и свихнуться, — пробормотал он про себя и добавил уже погромче: — Ну хорошо, попробуем. Я сейчас выйду, осмотрюсь и понамечаю места для отверстий под крепления, а затем уж займемся работой.

— Погоди, но ведь тебя может снести в пропасть, — забеспокоился Вадим.

— Ничего, я привяжусь канатиком. Да и ветрам, по-моему, хватает одного Олега. Я пошел. — И Антон скрылся в луке. Протяжно загудел, опускаясь, лифт, затем с глухим звуком лязгнули створки шлюзовой камеры. Планетолог ступил на серую гладкую площадку, с которой за время их стоянки ветры посыпали все камни. Защелкнув на поясе скафандра карабин предохранительного канатика, он осторожно отошел на несколько шагов от ракеты. Тотчас же его что-то мягко, но сильно толкнуло, как будто он наткнулся на большую упругую подушку. Антон сильно качнулся назад, но все же устоял на ногах. Мимо с вкрадчивым шелестом пронесся туманный вихрь-призрак. Командир упрямо нахмурил брови и стал пробираться вперед вдоль скальной стены. Вихри его больше не тревожили, лишь иногда случайно проносились мимо и задевая шуршащим хвостом.

Антон подумал, что если они прикуют ракету к скале стальными тросами, то ветры действительно ничего не смогут

сделать «Синей птице». Его охватило внезапное чувство облегчения, будто он уже избежал опасности. А почему бы и нет? Они укреплят ракету, а скоро прилетит звездолет, и ветры останутся с носом! Планетолог с вызовом посмотрел на небо, откуда почему-то разбежались вихри, и вздрогнул. Иссиня-фиолетовая клубящаяся масса, пронизанная золотистыми нитями молний, похожая на исполинскую стену, с ревом мчалась прямо на него. Антон мгновенно все понял. Это был Великий Ураган. Тысячи вихрей, слившись в одно целое, примчались сюда, чтобы наконец расправиться с незваными пришельцами, которые так нагло вторглись в их владения. Единственное, что успел сделать планетолог, это забиться в какую-то глубокую расселину в скалах. И Ураган налетел. Смешалось небо и земля. Миллионы голодных волков осатанело взвыли, почуяя добычу. Их сверкающие глаза пронзали тьму жадными вспышками молний. Несметное множество оскаленных клыков заскрежетали по скалам и обшивке ракеты. «Синяя птица» содрогнулась от носа до кормы. Жалобно заскрипели амортизаторы, пытаясь смягчить бешеный напор ветра. Но Ураган только злорадно захотел в ответ на эти беспомощные усилия. Ракету, как пушинку, сорвало с площадки и, крутанув вокруг оси, швырнуло к противоположной стороне пропасти. Антон едва успел сорвать защелку с канатом и зачарованно смотрел, как тридцатипятитонную глыбу «Синей птицы» вспороли отточенные ребра скал. В разные стороны полетели амортизаторы, двигатели, стабилизаторы, рубка... Ураган с радостным визгом подхватил все это, перемешал и торжественно обрушил дождем в пропасть.

Он мог ликовать. С незваными пришельцами покончено! Но все-таки его победа была неполной. Еще один человек забился в щель, недосыгаемый для ветра, и это бесило Ураган. О, как он выл и издевался, пытаясь вытащить оттуда эту ничтожную букашку! Его призрачные лапы шарили в расселине, но, могучие и быстрые на просторе, в тесной узости скал беспомощно опадали к ногам втиснувшегося спиной в щель Антона. Теперь он увидел настоящее лицо Урагана. Даже не лицо, лица! С горящими от ярости выпущенными глазами, с оскаленными щелкающими клыками толклись они у входа в его убежище, в бессильной злобе вгрызаясь в каменные стены. Да, Олег был прав, это незабываемое зрелище. И если он только останется жить, то... если он только останется жить! Но останется ли? Скорчившись в своем тесном скафандре, Антон тихо сходил с ума. Вой и свист Урагана вгрызались в мозг раскаленными крючьями, отвратительные оскаленные рожи толклись вокруг, широко разевая свои пасти, чтобы проглотить его. Все плыло и кружилось перед глазами, пока наконец не провалилось в бездну...

Ураган еще бесновался за скалами, когда Антон очнулся. Он не вывалился из расселины только потому, что, глубоко

атиснувшись в нее, был плотно зажат между стенами. Почувствовав голод, планетолог механически нашупал ртом пищевой погубник и немного подкрепился. Ну что ж, дело обстоит не так плохо, как может показаться на первый взгляд. Воздухом регенерационная система скафандра его обеспечит как минимум на месяц. С пищей и водой дело похуже, но и здесь можно пронести недельки две-три. Может, звездолет и вернется до того, как он умрет. Но даже если он не дождется помощи, Ураган не сможет насладиться видом его расплющенного и изорванного тела! Оно навечно останется здесь. Антон еще потуже тиснулся в щель и принялся ждать.

Ураган больше не прилетал, но вихри постоянно кружили перед расселиной, карауля наглого человечка! Антон держался в последних силах, тупо вслушиваясь в шипение и шорох ветра. Он потерял счет дням, проведенным в сером полумраке, прорезанном острой щелью выхода. Он ел, спал, снова ел и снова спал, стараясь ни о чем не думать. Мысли были для него быткой, раскаленными углами, медленно тлеющими в распухшем до невероятных размеров мозге. Сжатое в скафандре, окованное от неподвижности тело отказывалось что-либо чувствовать, и Антону часто казалось, что он уже давно растворился, распался на атомы, смешавшись с вихрями, и только разум еще плавился, обреченный на вечные муки.

— «Синяя птица», вас вызывает звездолет, просим сообщить координаты.

Какой музыкой отзывались эти слова в ушах планетолога!

— Я тут, я здесь! — заорал он в микрофон, включив передатчик скафандра на полную мощность. — Скорее заберите меня отсюда! Включите защиту, за мной охотится Ураган!

Недоумение на звездолете после сбивчивых объяснений Антона быстро перешло в действие. Как во сне видел планетолог тщательные лица товарищей, невидимую стену, о которую бились уже не страшные вихри, поднятые из пропасти обломки «Синей птицы». Затем рев стартовых двигателей и медицинский диспансер на звездолете...

Главный астробиолог экспедиции Глеб сидел против Антона, пытливо глядя на него. Планетолог уже отошел после страшного кошмара на Розе Ветров — так назвали планету — был в состоянии более-менее связно рассказать о случившемся.

— Ты прости меня, но все это звучит довольно странно. Огласен, ветры там необычные, но все остальное, — Глеб нерешительно пожал плечами, — скажем, галлюцинации.

— Гибель «Синей птицы» тоже галлюцинация? — мрачно метил Антон. — Я никогда не забуду эти гнусные рожи!

— Ну рожи уж наверняка галлюцинации, — задумчиво сказал Глеб, — а что касается ветров, даже не знаю, что сказать. Можно объяснить, например, наличием какого-то особого ком-

плекса электромагнитных полей или специфическими изменениями в поле самой планеты.

— Это же предположил Олег, — вставил Антон.

— Да, наиболее вероятное объяснение. Возможно, кроме этого, имеется еще кое-что, которое совместно с определенными изменениями поля может создать своеобразную сложную систему. Я выражаюсь осторожно потому, что знаю о необычном феномене почти только с твоих слов. Сознаюсь, если бы не странная гибель «Синей птицы» и упорные попытки вихрей пробить защитное поле, что я видел лично, я бы принял твой рассказ за бред сумасшедшего. И все же если даже предположить, что это все-таки жизнь, то она очень далека от нас.

— Действительно, — пожал плечами Антон, — какие-то разумные изменения электромагнитного поля... Странно.

— А разумный комплекс электрохимических реакций звучит менее странно? — заметил Глеб. — Между прочим, это мы.

— Ладно, пусть будут поля, но почему они так возненавидели людей?

— Гм, понимаешь, — задумчиво проговорил астробиолог, — «ненавидеть» — чисто человеческое понятие, выражающее крайнюю степень антипатии человека к чему-либо, если выражаться научно, и по применению к инопланетным существам, организация и развитие, а следовательно, и формирование определенных представлений которых шли иным путем, оно неуместно. Впрочем, кто знает, может, им действительно было неприятно ваше присутствие. А может, они хотели познать своим способом новый и незнакомый предмет или он послужил им неким развлечением, игрушкой, — вздохнул Глеб. — Предположений здесь можно строить сколько угодно, и самых невероятных. Ведь то, что является естественным для одной формы жизни, может быть неприемлемым для другой, это давно известно.

— Но рожи, эти рожи! — простонал Антон. — Не верю, что они просто галлюцинации. Тем более что их видел и Олег.

— Чего ты от меня хочешь? — потерял терпение Глеб. — Я же не посредник между этими ветрами и тобой! Хорошо, пусть не галлюцинации, пусть рожи будут результатом воздействия каких-то их излучений на наш мозг, которые тот пытался трансформировать в привычные для него понятия. Такое объяснение тебя удовлетворяет?

Антон не ответил и некоторое время задумчиво смотрел перед собой.

— Ты знаешь, я сейчас подумал, что человеческие фантазии зачастую оказываются бедны перед действительностью.

— Да, — ответил Глеб. — Один очень древний поэт по этому поводу сказал: «...много в мире есть того, что нашей философии не снилось». И будут слова справедливы во веки веков.

Потерявший орбиту

Они могли бы улететь на пассажирском звездолете через три месяца. Но Артур добился разрешения вернуться на Землю с женой и сыном на рудовозе, прихватив два пристыкованных танкера с дефицитной рудой.

Мора работала на Юпитере и хотела вернуться на Землю, как только подрастет малыш Нелл. Она устала ждать Артура, устремляясь, последняя разлука показалась невыносимой, и решило все.

Рудовоз «Альфа-1» давно уже вышел на транспортную орбиту. Приборы работали нормально. Артур только что собирался переключить автоматику на систему последовательной ориентации, как вдруг почувствовал сильное неожиданное ускорение. Его вдавило в кресло, и он потерял сознание.

Когда он очнулся, корабль тряслось. Волны дрожи проходили по корпусу, словно рудовоз прорвался сквозь плотную гофрированную среду. Яркие точки звезд в иллюминаторах переднего зоря исчезли. Видна была только муаровая рябь мутно-желтого пространства, словно его заволокло тусклой пылью песчаной бури.

Артур поднял глаза к приборам. Стрелки метались по шкалам испуганными птицами. На центральном пульте беспорядочно мигал красный глаз аварийного индикатора. Корабль, покинувший орбиту, с нарастающим ускорением уходил в сторону от курса. Когда Артур увидел десятизначные цифры на счетчике гравитометра, лицо его похолодело, ноги сразу стали ватными, струйка тревожного пота прожгла левый бок от подмышки до пояса, язык во рту в одно мгновение стал сухим и жестким, как лист наядочной бумаги.

Артур слышал о магнитных бурях, о неожиданной гибели кораблей, попавших в спирали космических пылевых воронок, пресмерчевые вихри блуждающих межзвездных зыбучих песков, и подумал, что случилось нечто подобное.

Однако от истины он был сейчас так же далек, как рудовоз от транспортной орбиты, захваченный вихревой спиралью мощного гравитационного шторма, сотрясающего пространство.

Нарастающая вибрация грозила кораблю неминуемым разрушением, она могла разорвать все молекулярные связи, превратив все в рассеянное облачко пыли.

Теперь, когда его жена Мора и сын Нелл рядом, в каюте корабля, когда позади семь лет челночных рейсов, космос распахнул свою пасть.

Артур стиснул зубы, представив себе, как его надежда превращается в пылевое облачко.

Он включил экран и на дрожащем, искаженном помехами поле увидел испуганные лица жены и сына в каюте пассажирского отсека.

Надо было действовать, что-то предпринять. Но что?.. Мысли его были недвижны, как застывшие, полные ужаса глаза Моры и Нелла. Надо было на что-то решиться, но Артур не мог оторвать взгляда от тех, кого так безумно любил...

Необъяснимым усилием воли, пронзившим его как острая боль, он протянул руку к кнопке и выключил экран.

Первым побуждением было включить двигатели поворота и вырваться из лап гравитационной спирали, уйти в сторону.

Хватит ли сил у рудовоза, чтобы справиться с бушующей стихией? Куда их бросит? Он потерял ориентиры... Корабль, сорвавшись со спирали, может попасть в гравитационную воронку и тогда... Об этом лучше не думать.

Продолжать скользить по спирали — значит идти туда же, только более долгим путем.

Мысль работала лихорадочно. На выключенном экране Артуру все еще чудились глаза Моры и Нелла...

Выйти из спирали в момент между приливом и отливом... Уйти с вершины гравитационной волны... Дать ускорение, и центробежная сила выбросит корабль из спирали...

Артур представил себе на мгновение, что будет с кораблем, если он встанет поперек волны. Сразу лопнет обшивка, и рудовоз, как сухая макаронина, переломится пополам...

Спасение только в скорости... Если корабль сначала разогнать до предела, а потом... Конечно, есть риск, но вместе с ним и шанс...

Артур включил маршевые двигатели. Казалось, что выбрала каждая клетка, каждый атом. На десятой секунде в кабине стало тепло, на двадцатой — жарко. По кварцевому стеклу иллюминатора скользнула светящаяся капля, и Артур понял, что начала плавиться защитная обшивка корабля. На тридцатой секунде стремительного форсажа он положил палец на кнопку двигателей поворота и закрыл глаза.

Корабль тряхнуло, словно он подпрыгнул на кочке. Артур почувствовал себя внутри пробки, вылетающей под давлением из бутылки. Судороги вибрации все реже и реже пробегали по кораблю и наконец совсем исчезли.

Когда Артур открыл глаза, то в иллюминаторах переднего обзора он увидел привычное темное звездное небо. Было удивительно тихо, ощущение покоя охватило его. Спокойное звездное пространство простипалось перед его глазами, и он сейчас не думал о том, что потерял курс, что запас горючего оставляет желать лучшего, что в этом спокойном пространстве можно лететь вечно, так больше никогда и не увидев Земли... Вечно!.. Вечно — это уже кое-что... Сейчас казалось, что самое странное

шое миновало. А над всем остальным будет достаточно времени подумать...

Он расслабился, отстегнул ремни и включил экран связи, вспыхнувший ровным голубым светом.

— Мора!..

Ответа не последовало.

— Нелл!..

Голос его словно ушел в пустоту, к далеким холодным звездам. Артур рванулся к пассажирскому отсеку. Оба кресла были пусты. Мора и Нелл лежали на полу друг возле друга. В правой руке Моры был зажат обрывок ремня. Левая была холодна и безвольна. На безымянном пальце сверкнуло кольцо. Острый пронзительный луч ударил его по глазам. Это было то самое кольцо, которое он подарил ей несколько лет назад, в первый день знакомства — камень с далекой Эйлоры.

Артур прижался щекой к холодной руке. Губы его дрожали. Где-то в глубине существа колыхнулось щемящее чувство обреченности, похожее на распахнувшуюся, бездну. Сквозь этот холод неизмеримого вселенского отчаяния он почувствовал, как под его губами неуверенно бьется любимая голубая жилка... Под его губами трепетала жизнь, как маленький огонек, как отблеск под пеплом дотлевающего, вот-вот готового погаснуть уголька, без которого все остальное теряло смысл.

Только сейчас он вспомнил о биостимуляторе. Ровное жужжание заполнило отсек. Артур ждал, согревая дыханием холодное запястье, словно пытаясь раздуть угасающий уголек.

Веки Моры дрогнули. Глаза открылись. Губы шевельнулись беззвучно, но Артур понял это движение и перевел взгляд на сына.

Лицо мальчика было бледным. Нелл все еще был в глубоком обмороке. Артур положил руку ему на лоб. Казалось, вся жизненная сила, как поток, устремилась по этой напряженной руке...

Когда Нелл очнулся, Артур прочел в его глазах тень смутной тревоги. Где-то в сознании мальчика еще не угасло эхо непонятного страха, и все его существо было заполнено трепетом невыразимого ожидания.

— Все позади, сынок... Все позади... — тихо сказал Артур.

— Почему не было видно звезд, папа?.. Почему они вдруг исчезли?.. Их больше нет?..

— Все позади, сынок... Все позади, Нелл... Просто звезды не могли пробиться сквозь чертову бурю... Это был гравитационный штурм... Но мы вырвались... Вырвались... Теперь все позади... Хочешь взглянуть на звезды?..

Шторки задраенного иллюминатора поползли в стороны. Но только с левого края была видна одна далекая звездочка. Фиолетовая масса, заслоняя звездное пространство, ползла по варцевому стеклу, словно кто-то плеснул в него густой раска-

ленной лавой и она теперь растекалась по внешней выпуклой поверхности.

Краешек видимого пространства с далекой звездой истончался и был похож на черный полумесяц с одной светящейся точкой. Он уменьшался, словно таял, и наконец исчез. Отсек наполнился густым фиолетовым светом. Иллюминатор стал похожим на пылающий глаз, в упор глядящий на хлипкое, не-надежное, бренное убежище трех человеческих жизней, дерзнувших на собственную орбиту в бездонном океане вечности.

Если бы Артур был ближе к иллюминатору, то увидел бы яркий фиолетовый диск, который с каждой секундой увеличивался в размерах. Их орбиту пересекал огромный астероид. Артур это понял слишком поздно, уже тогда, когда тревожно заныл зуммер бортового локатора.

Автоматически сработали тормозные двигатели, выбросив огненную плазму в атмосферу астероида. Артуру казалось, что он в лифте, то медленно и напряженно ползущем вверх, то срывающемся в бездну. Иллюминатор то бледнел, то наливался густым лиловым светом. Слабеющий рудовоз еще боролся с пульсирующим притяжением астероида, масса которого скорее была похожа на массу планеты.

В глазах зарябило, фиолетовые круги и кольца сталкивались и взрывались, лопались, разлетаясь искрами. Давило виски. Мозг казался раскаленной лавой.

Где-то в мозгу появилась точка нарастающего звука. Он не тревожил, а успокаивал, наплывая волнами странных гамм, тональность которых менялась в бесконечном разнообразии самых неожиданных вариаций. Потом гамма стала ровной, и ощущение перегрузки сразу исчезло.

Камень на пальце Моры светился, мигал, то угасая, то вспыхивая снова. На центральной его грани появилась туманная окружность, которая медленно вращалась вокруг темной точки. Артур знал о необычайной чувствительности кристаллов с Эйлоры. Но не думал никогда, что они могут быть чувствительны в такой степени. В кристалле явно отражалась сила какой-то планетарной субстанции. Артур, Мора и Нелл долго, не отрываясь, глядели на вращающееся туманное кольцо...

Тремя телескопическими лапами рудовоз стоял на грунте. Он сел на горном плато, таком ровном и гладком, словно вершина горы была отсечена бритвой.

Обшивка старого рудовоза, выдержав все перегрузки, **была** еще надежной защитой от всяких неожиданностей. Кислородная система была в порядке. Запасы продовольствия были рассчитаны на год полета. Два пристыкованных бортовых реактивных танкера заполнены дефицитной рудой. Но кому она нужна здесь, когда реактивное топливо на исходе? Артур еще и еще раз проверил емкости. По его расчетам, топлива могло хватить только на взлет... А ведь надо дотянуть до Земли.

Можно ли было надеяться, что астероид находится в зоне космических трасс? И даже если это так, то сколько можно ждать? А если астероид совершенно непригоден для жизни? Может быть, и опасен даже для тех, кто скрывается за защитной обшивкой корабля. И почти нет никаких шансов на то, что дешевые условия хоть в какой-то мере могут оказаться подходящими для живых существ той системы, к которой они принадлежат.

Оставалось ждать, что скажет анализатор внешней среды. Все трое глядели на шкалы дозиметров. Мигали индикаторные спышки пульта вычислительной машины. Этап за этапом. Прота за пробой.

Четыре шкалы показывали чуть выше нормы, но в пределах допустимого. Оставалась последняя шкала. От нее зависело все остальное.

В окошке по нарастающей двигались цифры: 5... 10... 15... 0... Тяжелые руки Артура дрожали, на лбу набухла жила, он писался в прибор глазами, словно мог остановить движение шкалы радиоактивности. За спиной, притянув к себе Нелла, стояла Мора. Последняя шкала казалась шкалой надежды. В правом углу появилась черная черта, за которой двигались красные цифры — сигнал опасной радиоактивности.

Артур проглотил слюну. Мора приблизилась ближе и взяла его за руку. Убийственные красные цифры ползли влево. До стрелки оставалось десять делений, восемь, шесть... Шкала остановилась. Стрелка не дошла на два деления до черты. Мора облегченно вздохнула — красных цифр справа было меньше, чем черных слева. Они теперь уже не казались такими зловещими и беспощадными, как несколько мгновений назад.

Атмосфера астероида, в общем пригодная для жизни, все же поддержала значительную примесь углекислоты. Без скафандров выходить было рискованно. Сидеть в корабле было бессмысленно и тяжко. Артур решился и вышел первым.

Плато, на котором сел рудовоз, было не очень большим — около полукилометра по периметру. Оно обрывалось вниз почтительно отвесно. Черные склоны опускались в темноту, поблескивая стрымыми зубьями скал, между которыми висели рыхлые клоны тумана. Кое-где по кромке плато у самого края подобием статков гранитного барьера лежали громоздкие тяжелые лыбы.

Сердце Артура учащенно забилось. Цивилизация?.. Он и дал и боялся ее. Еще и еще раз проходил он мимо каменных лыб. Убежденность его росла. И когда он заглянул в один из скоемов между двумя плитами, то увидел выбитые в скальной ороде уступы...

Это были не просто уступы, а ступени огромной каменной лестницы, конец которой таял далеко в темноте.

Небо над астероидом было сизым. Артур заметил, что оно

стали светлее. Значит, они сели на ночной стороне. Теперь края горизонта обозначились четче, и Артур увидел, как восходит далекое маленькое солнце.

Его лучи упали на ракету, на зубья скал, на длинную крутую лестницу. Наступало настоящее утро, почти такое, как на Земле. Артур отщелкнул забрало гермошлема и судорожно глотнул холодный утренний воздух.

Кружилась голова. Во рту появился странный привкус металла, но он был ненавязчивым и скоро исчез. Артур вздохнул глубже. Утренняя прохлада приятно растекалась по легким. Однако прохлада не принесла ему бодрости. Он почувствовал слабость и легкую тошноту. Отступать не хотелось. Просто утомился перегрузками, сдали нервы. Надо еще привыкнуть к новой среде...

Ступени были мокрыми от росы. Они казались кроваво-красными в лучах рассвета. Артур сделал первый шаг и стал медленно спускаться, ощупывая ногой каждый выступ.

Он остановился на большой квадратной площадке. Справа от нее зиял вход в тоннель. По обе стороны входа недвижно стояли две фигуры в красных комбинезонах. Как встретят его хозяева? Как расценят его бесцеремонное вторжение? Он пришел из другого мира. Незваный гость... Правая рука нашупала на боку бластер. Но он тотчас отдернул ее и почувствовал, как краска стыда залила его лицо.

Артур стоял в нерешительности. Фигуры не двигались. Даже не повернулись в его сторону. Они стояли как статуи друг против друга по обе стороны входа в тоннель.

Артур сделал первый шаг, затем второй, третий... Он медленно двигался в сторону тоннеля. И каждый его шаг отдавался в нем, будто он шел сам внутри себя.

Когда он поравнялся с двумя фигурами, ни одна из них не проявила никаких признаков жизни. Он задержался возле. Пустые глаза глядели сквозь него безучастно, с холодным безразличием.

В глубине тоннеля виднелся слабый свет, и Артур пошел на него. Он ожидал окрика, выстрела. Спина его вспотела. Его никто не остановил. Никто не окликнул, никто не загородил ему дороги. За его спиной никого не было, никто не пытался его удержать, помешать ему. Шаги отдавались гулко и таяли в глубине. За поворотом стало совсем светло. Это был свет утра, пробивавшего через толстые стекла окон, вырубленных в скалах. Галерея привела к узенькому проходу. Металлическая дверь была полуоткрыта, и Артур вошел в зал, залитый ярким оранжевым светом.

Минуту он стоял не двигаясь, все еще ожидая оклика или удара. Во все полукружье стены громоздился огромный пульт, ослепивший его блеском технических коммуникаций. Артур по-рядочко устал и опустился в одно из кресел перед каким-то

электронным комплексом с экранами, массой кнопок, переключателей и незнакомых ему систем управления.

Чего они ждут?.. Почему никто не остановил его?.. Он в самом сердце астероида... Достаточно включить бластер, и можно в несколько мгновений лишить астероид всей энергетической системы. Молниеносная энергия бластера превратит всю эту сложную автоматику в груду дымящегося металлом, в беспорядочную путаницу оплавленных проводов, залитых потеками пузырящегося пластика...

От этой мысли Артура передернуло. Как он мог такое подумать? Он гость, путник, сбившийся с пути, ищущий приюта и помощи. Почему он должен ждать только зла и сам нести его?.. И все же... Вселенная многолика... Понятия добра и зла в ней относительны...

Артур не раз слышал о покинутых астероидах. Люди уходили по разным причинам, не демонтируя установок. Но кто те двое? Роботы? Электронные куклы? Были ли здесь люди когда-нибудь? Астероид слишком далек от рабочих трасс. Может быть, это осколок машинной цивилизации? Или какой-то иной, еще неизвестной человечеству?.. Кто сейчас наблюдает за ним?..

— Эй, кто-нибудь! Где вы все, черт вас побери!.. — Он отстегнул тяжелый бластер и бросил его в соседнее кресло.

Это был красивый жест с его стороны, и он сразу же пожалел об этом. Пять минут он ждал, готовый ко всему.

Было тихо.

Артур знал, что Мора и Нелл сейчас ждут его голоса, сигнала. Он ничего не хотел говорить им до тех пор, пока не уверится в безопасности или не почувствует явной угрозы: Кнопка переговорного устройства была под подбородком. Он мог нажать ее в любую минуту и включить связь...

Его внимание привлек зеленый мигающий огонек на пульте. Артур готов был поклясться, что прежде этого огонька не было. Клонило в сон. Голова свесилась на грудь, руки упали подлокотников. Он пробовал поднять голову и не смог, попробовал шевельнуть рукой, но рука была какой-то чужой, тяжелой и неподвижной.

Фиолетовые тени понеслись перед глазами. Перед ним заскружилась вся его жизнь: Земля с океанами и буйной зеленью, сферические купола базовых комплексов на Юпитере, полеты на рудовозе, Мора и Нелл, гравитационный штурм, лестница...

Когда он поднял голову, перед глазами на экране светился силуэт человека, лицо которого постоянно менялось, словно он был многолик до бесконечности. Ни одно лицо невозможно разглядеть, оценить и понять до конца — облики менялись быстро. Это были лица бесстрастные, бесчувственные, бессмысленные, как маски дебилов. Искаженные гримасой боли, улыбкой психопата, застывшие с расширенными от страха глазами, полные

невыразимой скорби, озаренные безумной идеей. Вперемешку с лицами мужчин мелькали лица женщин, прелестных и уродливых, властных и покорных... Лица детей, мгновенно становившихся старичками, и лица безобразных стариков с загадочной улыбкой младенцев.

Сквозь вихрь нечеловеческих звуков Артур слышал властный металлический голос:

«Настало время сказать... Ты, пришедший сюда, должен знать и запомнить... Я — прошлое, настоящее и будущее... Я — разум, который выше тебя... Я — сила, равной которой нет... Я — власть планеты...»

Артур поморщился. Холодная волна липкого страха окатила его. Он еле справился с собой. Бластер был рядом. Но тело не повиновалось и было словно чужим, уже не подчинявшимся ему, как прежде.

«Все, что на планете, принадлежит планете, — продолжал голос, — таков закон... А закону следует повиноваться...»

Силуэт человека на экране стал красным, задрожал и, взорвавшись, растекся кровавым пятном по всему полу. Постепенно красное пятно начало бледнеть, пока совершенно не исчезли признаки цвета. На экране вновь появился силуэт, и голос продолжал:

«Хаос должен быть упорядочен. Никто не смеет нарушить закон лестницы...»

Артур силился улыбнуться, но улыбка получилась вялой, искусственной, углы губ дрожали. А в уши вонзился резкий голос, четко произносящий слова:

«В верхнем тоннеле те, кто правит всеми... В среднем те, чей разум нужен мне... В нижнем те, чьи мускулы и белок мне необходимы...» Артур медленно постигал законы лестницы.

На экране замелькали кадры жизни верхнего, среднего и нижнего тоннелей. В нижнем был подземный город с серыми кварталами жилых домов, заводскими корпусами и коммуникациями обслуживания всей системы. Серые тени скользили по узким улицам, сквозь туманную дымку светились редкие оконца. Маленькие фигурки копошились возле огромных ящиков, честно наполненных доверху. Над ящиками поднимался пар. Сгорбленная тень подошла к одному из ящиков и что-то вывалила в него из ведра...

Толпа теней повалила в распахнутые ворота. В полутемных шахтах сутились силуэты у машин, поблескивающих маслом...

Пятьдесят черных ступеней поднимались от нижнего тоннеля до желтой квадратной площадки. Здесь был вход в желтый тоннель.

Свет люминесцентных ламп заливал помещения лабораторий, конструкторских отделов со счетными устройствами и чертежными манипуляторами. Здесь дома желтого цвета выглядели повеселее. На улицах было светло. В помещениях фигуры вози-

лись с аппаратурой, сверяя схему с показаниями вычислительной машины...

В фигурах уже не было обреченности, но лица выглядели усталыми, утомленными...

Тридцать желтых ступеней поднимались до синей квадратной площадки. Артур увидел синий тоннель со стеклянными террасами. Там были коттеджи с фонтанами, дома с окнами на солнечную сторону, здание управления, зал заседаний... Фигуры в синих одеждах сидели вокруг стола, на котором стоял макет странного корабля.

И наконец, двадцать синих ступеней до красной квадратной площадки, где в электронном зале царил мозг планеты, и еще десять красных ступеней до горного плато...

«Это справедливо, как то, что я существую... — продолжал голос, — это справедливо... Потому что раз в году каждый сообразно заслугам и достижениям, сообразно достоинствам разума и энергии действия может испытать судьбу и подняться на одну или несколько ступеней лестницы жизни...»

Артур слушал, закусив губу. Картина была достаточно ясной, и он понял жесткую суть идеи пресловутой «лестницы жизни».

Да... каждый мог раз в году испытать свою судьбу и после тестовой проверки подняться на одну или несколько ступеней вверх. В пределах своего цвета, разумеется...

Всякий вышестоящий получал преимущества в жилье, пище и потребностях, ограниченных законом... Но та же ежегодная тестовая проверка могла вернуть вниз всякого, если он совершил случайную ошибку, помедлил с ответом, был не уверен в себе...

Не все ступеньки лестницы жизни были одинаковы. Всякий раз менялись номера запретных ступеней. И человек, попав на роковую ступень, мог оказаться на несколько ступеней ниже, а то и в самом начале лестницы. Это напоминало детскую игру, лидер мог при очередном ходе, попав на запретный кружок, спуститься к первому, где все предстояло начинать сначала.

Случайное совпадение давало возможность запоздавшим догнать ранее вырвавшихся вперед. Но кто мог рассчитать при каждой тестовой проверке, на сколько ступеней надо подняться на этот раз, чтобы не скатиться вниз?

С желтых ступеней можно было скатиться на черные. Коснувшийся черных ступеней уже не имел права вернуться, он утрачивал его навсегда и мог пытать судьбу только в черном пределе. И только с синих ступеней никто никогда не спускался вниз.

Артур перевел взгляд на бластер, потом снова на экран. Он увидел столкновение двух миров, двух цивилизаций. Жестокую кровавую победу. Мерзкое торжество «лестницы жизни».

Его охватила безотчетная злоба. Усилием воли он поднялся с кресла. Никто не знает, на что бы он решился, если бы на экране не появилось лицо Моры...

— Желтая лестница... — проскрипел голос.

Артур вздрогнул. Показалось бледное лицо Нелла.

— Черная... — отрезал голос.

Артур скрипнул зубами и увидел на экране свое лицо.

— Синяя...

Глаза заволокло туманом, кровь кинулась ему в голову, сно-ва все закружилось вокруг. Он видел сына, ползущего по черной лестнице. Мору, протягивающую руки к сыну с желтой площадки... Потом все исчезло.

Веки его были тяжелыми. Все смешалось. Спал ли он и все это видел во сне или все это было на самом деле? Силы медленно возвращались к нему. На пульте мигал зеленый огонек.

Теперь он не знал, где Мора и Нелл. Опрометчивость могла обернуться катастрофой. «Главное — успокоиться, — говорил себе Артур, — только холодный расчет, только холодный анализ, без эмоции... Попробуем разобраться... Если это машинная цивилизация, то почему кресла? Кто сидел там, где сижу я сейчас?.. Кто-то задавал программу... Программу жестокую... Потом... Потом машина вышла из подчинения и, видимо, стала диктовать свою волю... Что произошло дальше? Почему нет людей или существ, им подобных, тех, кто создал машину? Где они все? Погибли? Уничтожены собственным дьявольским изобретением? Боятся, обнаружить себя или прячутся с определенной целью? Может быть, все до одного покинули планету и на ней остались только роботы? А может быть, кто-то остался и, сойдя с ума от одиночества, отравил электронный мозг своим бредом?.. Не может же машинная цивилизация возникнуть сама собой!... А если может?»

Но для того чтобы разобраться во всем, нужно время. Что, если он теряет драгоценные минуты: Мора в желтом тоннеле, Нелл в черном, а рудовоз давно пуст?..

Положение было таким, что Артур должен был рискнуть и выйти на связь. Подбородок коснулся кнопки ультрафона. Постыпался треск, шипение, щелчок. Голос Моры был взволнованным:

«Артур!.. Артур!.. Что с тобой?.. Все сроки прошли... Больше не можем ждать... Тебя нет уже сорок восемь часов по хронометру... Ты понял нас?.. Где ты?.. Мы уходим тебя искать я и Нелл... Мы покидаем корабль... Конец записи...»

Это был неожиданный удар. Артур медленно опустился в кресло. Дикий хохот, начавшийся где-то в глубине машины, потряс гулкие своды машинного зала, пронесяся по гранитному тоннелю эхом, леденящим кровь. На мгновение наступила тишина, и резкий металлический голос властно и самодовольно произнес:

— Теперь ты мой!..

«Мой!.. Мой!.. Мой!.. — отозвалось эхо в тоннеле. — Мой!» И Артуру показалось, что он глухнет. Эхо будто металось по всем тоннелям, по черному, желтому, синему, и везде раздавался этот властный торжествующий крик.

Это был крик, рожденный безумной жаждой, крик наконец достигнутой цели, крик властного самоутверждения, отдававшийся эхом в каждом атоме планеты.

Эхо постепенно утихало, но сквозь плацету ползло шипящее чудовище злорадного шепота: «М-о-о-о-й-й... М-о-о-й-й-й...» — как чье-то прерывистое дыхание, которое витало над головой, сбоку, спереди, сзади...

Потом снова раздался хохот, потрясший своды тоннеля. Казалось, он несся из каждого угла, из каждой ниши, он то возвышался до колоратуры, то уходил через альт в баритон, то удалялся, то приближался вновь, модулировал, рассыпался тяжелыми шариками ртути, вибрировал визгливыми тонами жести, завывал скрипучей хрипотцой ржавых петель сотен дверей, болтающихся на ветру, проваливался в подземные шахты, сатанинским басом восходя по заводским трубам, дико плясал на всех ступенях лестницы, собирался в одном месте и вновь от эпицентра рассыпался во все стороны, громыхая по ступеням, шахтам, тоннелям, пробегая диссонансами, которые невозможно было сравнить ни с чем.

Когда все смолкло, Артур сидел потрясенный и обессиленный. Снова включился экран. Прошли разноцветные полосы, пятна, вспышки. Появилось изображение женщины. Она молча разглядывала Артура.

В чертах ее лица он не заметил черточек зла, но сколько он ни вглядывался, не нашел хотя бы одной линии, которая засветилась бы надеждой добра. Взгляд был внимательным, но холодным. Светлые волосы отливали солнцем.

— Я давно ждала тебя, пришелец... Почему ты молчишь? Или этот образ не располагает тебя к откровенности?

Артур молчал, он не знал, что ответить. Изображение женщины заколебалось, помутнело и сменилось другим.

Теперь на него глядела темноволосая женщина с резкими чертами лица, высоко поднятыми округлыми бровями. Ее удлиненное лицо можно было назвать красивым, чем-то она напоминала Мору, но у Моры были мягкие, добрые золотистые глаза, а эти глядели жестко и тяжело.

— Сколько у тебя лиц? — спросил Артур осторожно.

— Разве это имеет значение? В данном случае это копии двух матриц.

— Где Мора? Я хочу знать, что с ней?

— Ты больше ее не увидишь. Она должна пройти желтую стерилизацию и больше никогда не вспомнит о тебе. Она будет матрицей. Ее многочисленные копии заполнят секции лаборатории.

рый желтого тоннеля. Ты никогда не узнаешь ее среди других, потому что не сможешь отличить копий от оригинала. Предвижу твой второй вопрос. С маленьким пришельцем будет то же самое, только в черном тоннеле... Но зачем тебе все это? Ты узнаешь, что счастье и смысл бытия в другом...

— В чем же?

— В общении со мной. Смысл в познании, а тебе откроется бесконечность. Ты должен быть здесь. Ты должен осуществить цель. Все давно продумано и решено.

— Что за цель? — спросил Артур, удивленно пожав плечами. — У нас нет ничего общего.

— Лестница... Только она должна царить во вселенной. Главное — положить начало... Здесь... Ракеты и корабли понесут идею и копии матриц во все концы вселенной... Лестница!.. Вот что нужно всем!.. Миллионы, миллиарды Неллов и Мор осуществляют идею.

— Раньше, кажется, выбор здесь был богаче, — сухо сказал Артур, — судя по тому, что я видел на экране, гораздо богаче...

— Я уничтожила их. Они были слишком разнообразны. Не должно быть хаоса. Они сошли с ума. Они нарушили закон лестницы... Но теперь все будет иначе. Они будут похожи как две капли пластика. Нужен только материал. Нужен белок. Очень много белка!.. Его можно взять с других планет. Первая экспедиция уже ушла за белком. Она вернется. Все десять кораблей верны цели.

— Давно это было? — спросил Артур, не очень надеясь на ответ.

— Время относительно. В одной части вселенной проходит мгновение, в другой — миллиарды лет. Оно растягивается и сжимается. Минута превращается в столетие, в тысячелетие. Для тебя, может быть, давно, для меня — недавно.

Артур глядел на экран невидящими глазами. «Миллиарды лет... Где-то прошли миллиарды лет. Они могли основать свою цивилизацию, найдя более подходящую для жизни планету, могли внедриться в чужую...» Артур поежился. «Разве не похожи некоторые древние цивилизации той же Земли на безмашинное воплощение идеи «лестницы»? — По спине побежали мурашки. — Может, он сам только белковая копия, всего-навсего... Копия, видоизмененная условиями среды и времени, копия копий, получившая новые качества...»

Женщина на экране молчала, на ее лице появилась загадочная улыбка.

— Тебе не будет скучно со мной. Я открою тебе тайны законов жизни. Ты увидишь то, что не удавалось никому. Когда-нибудь, со временем я покажу тебе свое настоящее лицо. Ты увидишь в нем совершенную гармонию...

— Зачем же откладывать? Я готов...

— Сейчас для тебя это слишком сложно, может показаться непонятным, странным... Ты не привык. Ты живешь еще прежними представлениями о прекрасном.

— Не будем терять времени.

— Время для меня не имеет значения. Если ты решился, смотри...

Экран заколебался, и то, что увидел Артур, потрясло его. Это было пространство, пульсирующее и переливающееся блеском потоков силовых линий, магнитных воронок, искривленное до невероятности. Внутри его проступала покрытая клубящимся туманом лестница, над ней парила бесформенная студенистая масса материи, извилины которой шевелились как спутанный клубок белых змей. В центре клубка пылал огромный фиолетовый глаз. По кольцу радужной оболочки в одном направлении протекали потоки оттенков, внутренняя и внешняя окраины кольца вращались в обратном направлении. И только зрачок был неподвижен и страшен, как «черная дыра», как вечная всепоглощающая бездна.

Артур почувствовал, что все его внимание, все его существо приковано к зрачку, который то пронизывал его насквозь, обдавая холодом и затопляя мозг своей тьмой, то тащил в бездну, как прилив и отлив, всякий раз унося с собой что-то. Артур понимал, что долго этого не выдержать. Хотелось отвернуться, перевести взгляд. Но в нем еще жил человек, жило сознание своей силы, правоты, независимости, гордой дерзости. Он не отвел взгляда, хотя казалось, что он вместе с креслом уже падит рядом с этой черной бездной и вот-вот станет частью непонятной силы, в которой растворится его тускнеющее, гаснущее «я».

— На первое время достаточно, — услышал Артур, — ты должен привыкнуть. А пока тебе легче будет общаться со мной более привычным для тебя способом. Оглянись, и ты увидишь, что я прав...

Артур повернулся в кресле и увидел перед собой женщину в длинной легкой красной одежде. Черты ее лица напоминали ему что-то, жившее в памяти. В глубине нарастало тревожное, беспокойное щемящее чувство, манящее отголосками прошлого.

«Первый соблазн, — подумал он, — машина ищет взаимного контакта...»

— Ты доволен?

— Это мне не подходит.

— Странно... это одна из лучших биокопий, с самой лучшей матрицы... Тебе трудно угодить... Не откажешься же ты сам от себя!

Артуру показалось, что он увидел свое отражение в зеркале. Он слышал о фантомах, возникавших на ряде планет. И, посумав, что это мираж или всего-навсего зыбкая субстанция, троцянул руку, надеясь, что ничего не почувствует, кроме пус-

тоты. Рука наткнулась на упругое тело, словно он дотронулся сам до себя.

«Не хватало еще раздвоения личности», — подумал Артур.

— Теперь ты не один. Ты забудешь об одиночестве. У тебя есть возможность общаться с самим собой...

— Для того чтобы человеку общаться с самим собой, вовсе нет необходимости создавать копию. Мы превосходно обходимся без нее.

Стараясь казаться равнодушным, он отвернулся.

Он думал о Море и Нелле.

Его двойник взял в руки бластер и стал рассматривать. Артур понял, что опоздал.

— О чём ты думаешь? — спросила машина.

— Мне скучно с тобой. Я не хочу владеть миром. Я хочу быть свободным. Я — человек. Твое представление о вселенной должно. Нам не по пути. Счастье, о котором ты говоришь, призрачно. Обреченност твоя очевидна. Ты знаешь много, но у тебя нет власти над временем. И когда-то тебе придется создавать собственную копию, чтобы заменить дряхлые узлы электронных схем. Ты уже будешь не ты. И кто знает, какая борьба начнется между старым и новым в твоем слабеющем организме, какой антагонизм возникнет между отдельными элементами твоей системы. А может быть, ты сама уже копия и память об оригинале стерта, утрачена безвозвратно?

Артур почувствовал легкую дрожь. Выбривал корпусульта.

— Ты дрожишь? От гнева? От страха перед неизвестностью? Твой единственный глаз погаснет! Лестница рассыплется в прах! Прощай! Я ухожу вниз. Это не запрещено законом.

Он повернулся к машине спиной и медленно пошел к выходу.

Холодок бежал по спине, как в детстве, когда он выходил из темной комнаты. Но он не прибавил шага.

Когда он выбрался из тоннеля, ему сразу стало легче, словно с плеч свалился тяжелый груз. Он, не раздумывая, стал спускаться по синим ступеням, перешел на желтые и, дойдя до площадки, повернулся в желтый тоннель. Желтые охранники исчезнули, когда он прошел мимо.

Сердце его забилось. Он увидел знакомый силуэт.

— Мора! — крикнул Артур срывающимся голосом. — Мора!..

Силуэт раздвоился у него на глазах, потом их стало четыре, восемь, шестнадцать...

— Мора! — кричал Артур, задыхаясь от отчаяния. — Мора!..

«Мора... Мора... Мора...» — катилось эхо его голоса по тоннелю. Ему показалось, что он сходит с ума. Он стоял, окруженный толпой женщин, похожих одна на другую. Он вбегал в лаборатории, метался по улицам, как безумный выбежал на пло-

щадь, и вновь толпа копий в желтых одеждах окружила его. Он стоял растерянный, почти сраженный тем, что произошло.

— Кто пойдет со мной вниз? — бросил он в толпу. — Кто? Чертова куклы! Биомасса! Кто пойдет со мной вниз?!

Толпа не двигалась. Одну из женщин он схватил за руку.
— Может быть, ты?! — Тряс за плечи другую: — Или ты?!.
Никто!

Артур понял, что Моры в толпе не было. Знакомый металлический голос здесь прозвучал глушше: «Она коснулась черной ступени, пришелец, ей нет пути назад...»

«Конечно же, — спохватился Артур, — Мора не могла оставить Нелла одного на черных ступенях». Как он раньше не подумал об этом! Он спешил к выходу. Теперь он жалел, что не полоснул бластером по пульте сразу же, как только увидел его.

Под ногами мелькали черные уступы лестницы. Только бы успеть! Может быть, еще удастся найти Нелла... Задыхаясь, он вбежал в черный тоннель. В пропахшем копотью и гарью воздухе мигали вспышки тусклых фонарей. Артур бежал по лабиринту безлюдных улиц, по пустым переулкам. Он выбился из сил, перешел на шаг. Долго он плутал между серыми домами. Одна из улиц показалась ему знакомой. Он, кажется, уже проходил по ней...

Артур остановился. Тяжело дыша, прислонился к сырой холодной стене. Две маленькие фигурки мелькнули в конце улицы. Он бросился следом. Голос его охрип. Он бежал крича. Вдоль улицы металось хриплое эхо его голоса: «Нелл!.. Мора!..»

Обе фигурки шли не оглядываясь, когда он догнал их, понял, что ошибся.

Его охватила тоска. Он безотчетно брел вперед без сил, без надежды, по инерции. Он потерял ощущение времени. Он не заметил, что шел уже в обратном направлении, и очнулся только тогда, когда вышел из тоннеля на черную площадку.

Было сумрачно. Солнце уже исчезло. Перед ним простиралась пустынная каменистая равнина. Бледные звезды простирали в небе.

Его внимание привлекла одна из звездочек ниже других. Казалось, она висела, касаясь горизонта. Свет ее был теплым и близким. Она звала, манила, мерцая в сумерках. Артур смотрел на нее не отрываясь. Так люди и собаки смотрят на огонь, подолгу думая о своем.

Может быть, если бы он был один, то сошел бы с черной площадки и пошел бы прочь от тоннелей в сторону маленькой звезды.

Кто-то положил руку ему на плечо. Артур вздрогнул и повернул голову. На его плече лежала легкая рука со светящимся кольцом на безымянном пальце, он сразу узнал его.

Рядом стояли Мора и Нелл. Туманное кольцо на ребре кристалла исчезло. Артур увидел в его глубине лестницу. Три

человека поднимались по ней вверх, одолевая площадку за площадкой. Потом он увидел плато и рудовоз. Три силуэта поднялись по трапу...

— Ракетного топлива из двух танкеров хватит только на взлет, — сказала Мора.

— У нас нет выбора, — сказал Артур.

Прошла минута. Корабль дрогнул и рванулся вперед. Артур почувствовал, как его вжимает в кресло. Корабль, висевший в точке либрации астероида, устремился прочь.

— Что это было, Артур? — спросила Мора.

Артур пожал плечами. Он искал свой бластер и не мог найти его. Фиолетовый астероид стремительно удалялся, быстро уменьшаясь в размерах.

Мора глядела на кольцо, на его верхней грани еще светился фиолетовый диск астероида. В самом центре появилось яркое пятно, которое стремительно увеличивалось в диаметре.

Артур, глядевший в этот момент в иллюминатор, почти в то же мгновение увидел сильную вспышку: астероид разлетелся на огненные осколки, которые долго еще были видны в черном небе.

Артур так и не нашел бластера.

Рудовоз медленно плыл в звездном пространстве, подавая сигналы. Маленькая точка перемещалась во вселенной, неся с собой три человеческих жизни, три человеческих надежды.

Ясное утро после долгой ночи

Старик проснулся от гулких ударов сердца и лежал неподвижно, боясь пошевелить даже рукой, потому что знал — лишнее движение болезненно и опасно после второго инфаркта. Он открыл глаза и не мигая смотрел в потолок, залитый холодной синевой рассвета. Ломило в висках, на лбу выступила испарина. Все тот же сон в течение многих ночей, многих лет...

...Долговязый в зеленой и грязной, помятой форме, с засученными рукавами стоял в трех шагах от него и, ухмыляясь, целился «валтером» ему в переносицу. Он отчетливо видел темный кружок пулевого канала, который гипнотизировал, тянул к себе, и кроме этого кружка ничего больше в мире не существовало. Рука, как чужая, потянулась к кобуре, но это уже было неосознанно, машинально, потому что было бесполезно. И это понимал долговязый. Ухмылка сползла с его лица, и оно сделалось злым и красивым. Отрицательно покачав головой, долговязый нажал на спусковой крючок... И в этот миг все застыло: застыл вихор на макушке долговязого, застыли клубы дыма от горевшего танка, застыло время — все расплылось, потеряло четкость, глубину. Остался лишь темный кружок, с которым происходило что-то странное, непонятное: он светел, выпучивался, как торец соломинки, из которой выдувают мыльный пузырь, затем от него отделился како-то неясный комок и поплыл в его сторону медленно и плавно, как маленький воздушный шарик. Когда комок приблизился вплотную к его лицу, он инстинктивно отклонил голову в сторону, и тогда... громыхнул выстрел, пуля обожгла кожу на виске, но у него было уже больше времени, чем у долговязого, и он успел выхватить свой пистолет из кобуры.

**Диспетчер — Зоне С: факторизация по всем секторам.
Служба М — Первому: пульс сто шестьдесят.**

Первый — Зоне С: нуль-позиция.

Старик проснулся второй раз и был очень удивлен: обычно после этого сна он никогда больше не засыпал. В комнате, несмотря на сдвинутые портьеры, было светло. Солнце, наискось пробиваясь сквозь цветную ткань, освещало угол комнаты, где стоял старенький «Рекорд», на пыльном экране которого четко воззначились волнистые полосы. На серванте тикал будильник, который показывал десять минут восьмого, но старик знал, что в самом деле не было еще сеcми, потому что он не подводил сны уже двое суток.

Старик лежал в постели, скованный слабостью. Сердце уже не стучало так сильно, как в первую минуту пробуждения, по телу разлилась успокаивающая теплота, но он все еще находился под впечатлением сна... Сна ли? Да, теперь уже, конечно, сна, потому что по истечении шестидесяти лет любое событие кажется далеким и забытым сном. Да и разве возможно это — видеть, как пуля вылетела из ствола желтоватой каплей, вылетела прямо тебе в переносицу и ты успел увернуться? Разве не смеялись ребята 31-го отдельного парашютно-десантного полка, когда он им рассказывал об этом, а много лет спустя разве не опускал глаза известный ученый, слушая его?.. Хватит лежать, пора подниматься.

Зона С — Корректору: повысить уровень в секторе 5.

На кухне старик поставил чайник на газовую плиту, прошел в ванную, побрился перед зеркальной полочкой над умывальником, умылся. И в это время засвистел чайник. Старик отключил газ. Достал из подвесного шкафа жестянную коробочку из-под растворимого кофе, в которую он высыпал чай, бросил щепотку в чайник для заварки, залил кипятком и накрыл полотенцем. Достал начатую пачку масла из холодильника, хлеб, приготовил бутерброд. Затем налил в керамическую чашку чай, положил две ложки сахара — вот и весь завтрак. Он мог бы приготовить все это с завязанными глазами, потому что вот уже десять лет, как умерла его старуха, меню завтрака было постоянным.

Позавтракав, старик стер крошки хлеба со стола, вымыл чашку над раковиной, поставил на полку и подошел к окну.

Диспетчер — Группе А орбит: факторизация.

Корректор — Диспетчеру: плотность потока падает.

Диспетчер — Зоне М: дать коразрез на группу А орбит.

Из окна третьего этажа открывался вид на Вишневую Балку — небольшой островок зелени вокруг одноэтажных частных домиков, которые со всех сторон теснились высокими блочными домами. Старик с сожалением отметил, что с каждым годом все дальше и дальше отодвигаются заросли сирени, белый дым цветущих вишнен и что теперь уже не залетают весной на его балкон скворцы. Вишневая Балка отжила свой век, и старик понимал, что это необходимо, что город растет, но все-таки было жаль... Он отошел от окна и включил радио.

Диспетчер — РТсети: время шесть пятьдесят две.

Заканчивалась передача «Земля и люди». Старик дождался сигнала точного времени, перевел стрелки будильника на восемь часов — местное время отличалось от московского, — прослушал последние известия и стал собираться в магазин за продуктами.

Зона С — Корректору: отсутствие индекса в секторе 8.

Корректор — Первому: отказ в блок-схеме ящиков.
Первый — Корректору: дать общий фон.

Старик сменил пижаму на серый летний костюм, взял хозяйственную сумку, обул в коридоре парусиновые туфли и, прогав еще раз ключи в кармане, чтобы убедиться, что они на месте, вышел на площадку. Захлопнув дверь, он не стал защирать ее на нижний замок потому, что выходил ненадолго.

Придерживаясь за перила лестницы, старик стал спускаться вниз. На площадке первого этажа он достал связку ключей, выбрал самый маленький, подошел к простенку между второй и третьей квартирами и обнаружил, что открывать было нечего... Почтовых ящиков на месте не было. Там, где они раньше исели, выделялся серый четырехугольник незакрашенных панелей. «Интересно», — произнес старик вслух и спрятал ключи.

Сектор 8 — Диспетчеру: неполадка устранена.

Диспетчер — РТсети: факторизация шагов.

Где-то на четвертом этаже хлопнула дверь, и кто-то стал спускаться по лестнице. Стоять вот так и глядеть на пустую лестницу было неловко, и старик поспешил к выходу. «А с почтовыми ящиками скорее всего ничего страшного не произошло — няли, чтобы произвести ремонт или заменить на новые», — подумал он, открывая дверь подъезда.

Диспетчер — Зоне В: факторизация всех секторов.

Корректор — РТсети: понизить уровень.

Старик зажмурился от яркого, но еще по-утреннему про-ладного солнца. Сейчас оно совсем другое, чем в полдень и вечером. Утром солнце свежо, ласково, как в детстве, когда летний день впереди — целая вечность. В полдень — для него — дни и та же ассоциация — зло и жестоко: когда гимнастерка на спине накалена, как жесть, а пожухлые стебли полыни плохоекрытие от пикирующих «мессершмиттов», трассирующие очеди которых похожи на знойные лучи. Вечером солнце усталое, се познавшее, как и он сам, оно не жжет, как в полдень, но не радует, потому что вечер — это конец дня, конец вечности, которая на самом деле оказывается не вечностью, а безалостной шуткой, неизвестно ком и для чего придуманной. Кто о сказал? Забыл. «Расфилософствовался с самого утра, — выбунился старик. — Хорошее сочетание — философ, идущий кефиром».

Ему нужно было пересечь наискосок небольшой зеленый зорик, огороженный пятиэтажками, пройти под аркой между зумя угловыми домами, перейти улицу, а там сразу направо строном. Он мог бы при желании уже давно не ходить за продуктами: ему неоднократно предлагали доставлять их на дом, и предлагали не только как ветерану войны, а просто как зень старому человеку, но он отказался. Старик не хотел лишать себя одного из немногих удовольствий, которое он мог бы себе позволить, — пройтись утром по мягкому снегу

или вот как сейчас... Ясное утро, чуть-чуть прохладно — это от травы и цветников, которые совсем недавно полили из шланга, — все запахи приглушенны, только явственно чувствуется тонкий и пряный аромат сирени. Воздух прозрачен, но тени еще не контрастны, расплывчаты, а в густых кронах деревьев и листве аккуратно подстриженных кустарников, казалось, еще клубится темным туманом остаток ночи.

Диспетчер — Зоне В: общий план.

Двор ожил как по мановению волшебной палочки: из всех двадцати шести подъездов высыпала детвора с портфелями, ранцами, сумками «Спорт» через плечо — это шумное шествие будет длиться минут двадцать, пока в школе, расположенной за ближайшими домами, не прозвенит звонок.

Через арку старик вышел на центральную улицу и остановился у перехода, где уже стоял молодой солдат в форме пограничника, с небольшим чемоданом в руке. «Вероятно, в отпуск, — подумал старик, — а может быть, и совсем».

Диспетчер — Зоне А: зеленый.

Загорелся зеленый огонек светофора. Старик перешел улицу, повернул направо и вошел в магазин.

Людей было немного. Старик подошел к молочному отделу и подождал, пока продавщица обслужила женщину.

— Мне две бутылки «Коломенского», — сказал старик, когда настала его очередь.

Продавщица, которую он раньше здесь не видел, не поняла его.

— «Коломенского», — повторил старик, — две бутылки.

Продавщица, молоденькая девушка, казалось, старалась что-то вспомнить, что-то важное, необходимое, но никак не могла. Старик увидел, как от волнения у нее на шее запульсировала жилка и побледнели щеки. «Что с нею?» — заволновался старик.

Зона М — Диспетчеру: неопределенность в РТсети.

Диспетчер — Корректору: заменить суперпозицию.

Корректор — РТсети: вариант отсутствия.

— Извините, пожалуйста, — наконец пришла в себя продавщица, — но «Коломенское» еще не привезли. Могу предложить вам кефир, простоквашу, сырок с изюмом...

— Ничего, ничего, — чувствуя какую-то неловкость, торопливо проговорил старик, — можно и кефир, какая разница...

— Платите, пожалуйста, в кассу пятьдесят две копейки.

Диспетчер — Зоне М: Внимание! На кассе пятьдесят

две копейки! Сдача с рубля — сорок восемь!

Первый — Диспетчеру: спокойнее!

Старик подал кассири деньги, и пока та выбивала чек и отсчитывала сдачу, обратил внимание, что кассир тоже новая и такая же молодая, как и продавщица. «Студентки торгового

училища на практике, — подумал старик, — потому так и вол-
нуются».

В хлебной секции старик взял батон за восемнадцать копе-
ек, четвертинку круглого черного хлеба и вышел из магазина.
Больше ему на сегодня ничего не требовалось: основные закуп-
ки продуктов на неделю старик производил по вторникам.

Обратный путь домой, как движение маятника: дом — ма-
газин, магазин — дом, переход, зеленый свет, арка, насквозь
пронизанная солнцем, тенистый дворик, шестой подъезд — вот
и весь путь... и целый день впереди, который нужно чем-то за-
полнить.

Возле деревянной ветхой беседки, в которой вечерами со-
бирались доминошники, старик остановился. А что, если зайти
сейчас к своему старому другу, который живет вот в этом доме
и с которым он не встречался месяца два? Зайти и пригласить
его на чашку чая...

Зона В — Диспетчеру: неопределенность вне системы.
Диспетчер — Зоне В: суперпозиция с колесом.

В этот момент зазвенел металл по асфальту — пятилетний
мальчик катил колесо. Такое старику не приходилось видеть
с тех пор, как было пятьдесят — мальчик катил металлический обод, как, бы-
заполнил, в детстве катал он сам, при помощи изогнутой проволо-
ки, прикрепленной к палке, как катали колеса мальчишки до
войны, во время войны и немного после, когда с игрушками
было не то, что сейчас.

— Дедушка, — спросил мальчуган, останавливаясь, — ко-
торый час?

— Половина девятого, — ответил старик, а сам подумал:
«Беда мне с этой девчурой — всем нужно знать точное время,
придется все-таки отдать в чистку наручные часы, которые ле-
жат в коробочке вместе с орденами и у которых 12 выведено
красным».

Малыш покатил колесо дальше, а старик продолжил путь.
И только войдя в подъезд, вспомнил, что хотел зайти к другу..

Почтовые ящики были на месте. Их успели развесить до то-
го, как разнесли почту: сквозь отверстия белели газеты. Старики
открыл свой ящик, достал две газеты — местную и централь-
ную, — закрыл дверцу и поднялся на свой этаж.

Диспетчер — Зоне С: факторизация секторов.

В коридоре старик снял туфли, надел шлепанцы и понес
шумку на кухню. Там он вытащил из нее кефир и хлеб, протер
мажной тряпкой бутылки, поставил их в холодильник. Хлеб
пакетировал в целлофановый мешочек, положил в хлебницу. Пу-
тную сумку положил в шкаф на нижнюю полку.

До десяти часов старик читал газеты. В десять включил
телевизор, просмотрел на пятом канале научно-популярный
фильм о воде, переключил на десятый — там заканчивалась

передача «Города и люди». В одиннадцать старик выключил телевизор и пошел на кухню.

Из холодильника он достал пакет «Суп вермишелевый с мясом», прочитал на обороте способ приготовления, никак не мог запомнить, сколько минут варить, налил в небольшую кастрюлю два стакана воды, поставил на огонь. Когда вода закипела, старик принес из комнаты будильник, высыпал в кастрюлю половину содержимого пакета, засек время, убавил огонь, и помешивал ложкой в течение пятнадцати минут, пока суп не был готов.

Ровно в двенадцать старик пообедал, помыл посуду, начавшую бутылку кефира закрыл пластмассовой пробкой и поставил на место.

До часу он стирал в ванной носовые платки и всякую мелочь, которую сдавать в прачечную с остальным бельем почему-то стеснялся.

В час, почувствовав усталость — он всегда в это время чувствовал усталость, — старик прилег на диван. Это называлось у него тихий час.

Старик спал...

Первый — всем Зонам, кроме зоны С: нуль-позиция.

Диспетчер — Зоне М: нуль-позиция.

И тотчас исчез пятиэтажный дом с гастрономом и сапожной мастерской на углу. Исчез, будто его вырезали ножницами из цветной фотографии, а саму фотографию положили на черный бархат...

Диспетчер — Зоне А: нуль-позиция.

Исчезла улица вместе с домами, пешеходами, автомобилями. Она словно погрузилась в темную непроницаемую субстанцию, лишенную объема...

Диспетчер — Зоне В: нуль-позиция.

Исчезли зеленый дворик, пятиэтажки, кусты сирени, ветхая беседка. Исчез дворник, сматывающий поливочный шланг, исчез мальчик с колесом...

Диспетчер — группе А орбит: нуль-позиция.

Исчезли домики и зелень Вишневой Балки, трубы далеких заводов, лес на другом берегу широкой реки, сама река...

Исчезло небо вместе с тонким белым следом от пролетевшего самолета...

Исчезло солнце...

Наступила первозданная тьма, в которой пространство сжалось до размера точки, а секунда стала равна вечности.

Первый — всем Зонам, кроме Зоны С: свет.

Темнота сверху стала таять, светлеть, постепенно превращаясь в холодно-синюю, а затем серебристо-белую туманность, которая еще через мгновение хлынула вниз потоками яркого света. Пространство раздвинулось до границ, обозначенных сфе-

рой и диском, линия соприкосновения которых была подобна линии горизонта.

На сфере не просматривалось ни одного элемента ее конструкции, и она воспринималась как серебристо-белая поверхность, источающая свет. Невозможно было определить расстояние до ближайшей ее точки — оно могло быть и десять метров и десять километров.

Поверхность диска, испещренная мелкими концентрическими бороздами, подобно граммофонной пластинке, казалась более темной, чем поверхность сферы, и его размеры тоже не воспринимались бы сознанием, если бы не одна деталь...

Метрах в ста пятидесяти от центра этого сооружения, где на поверхности диска начинала разворачиваться гигантская спираль, стоял дом, вернее, не дом, а фрагмент дома, всего лишь один подъезд, в окнах третьего этажа которого светило солнце, и волнистые полосы переместились с экрана телевизора на середину комнаты, осветив щели в полу и диван у противоположной стены, на котором спал старик...

Он не знал, что уже давно нет дома, в котором он прожил более тридцати лет, нет того зеленого дворика, по которому он шел сегодня утром, нет арки между домами, самих домов, улицы, гастронома...

Он не знал, что от города, с которым была связана вся его жизнь, остались одни памятники...

Он не знал, что нет больше его фронтового друга, к которому собирался зайти, нет его знакомых по подъезду, нет вообще всех тех людей, которых он знал или о которых когда-либо слышал...

Старик не знал, что и сам он умер давным-давно, в начале далекого двадцать первого века, когда люди не научились еще побеждать все болезни, не научились бороться со старостью...

Он не знал, что люди, которых уже нет в живых, предоставили ему возможность еще раз увидеть солнце, землю, мокрую траву, серебряный волосок паутинки в прозрачном осеннем небе...

Он не знал, что пролежал сотни лет в тесной камере, по грубам которой циркулировал жидкий гелий, пролежал обезвоженный, с физиологическим раствором вместо крови, пролежал до того времени, когда люди уже могли излечивать все болезни, могли бороться со старостью.

Но люди не знали, как он воспримет резкий переход в неизвестный, совершенно для него новый мир. Они не имели права рисковать, и поэтому они построили этот купол, под которым с помощью миллиардов тонких лучей, пакетов волн и сжатых, как пружина, сгустков силовых полей воспроизвели по старым фотографиям и кинодокументам уголок старого города, в котором жил старик. Воспроизвели все до мельчайших подробностей: дома, деревья, автомобили, пешеходов, белые облака,

желтый лист на мокром асфальте, и все это ничем не отличалось от настоящего — можно было руками потрогать ствол дерева и ощутить его шероховатость и тепло, поднять камень и почувствовать его тяжесть, поговорить с продавцом в магазине или с мальчиком, катящим колесо, и не заподозрить, что это всего лишь пакеты волн, переплетенные жгуты света, связанные воедино силовыми полями...

Старик спал в однокомнатной квартире на третьем этаже блочного пятиэтажного дома, и его сон охраняли старенький «Рекорд» с пыльным экраном, будильник на серванте, тихо мурлыкающий холодильник — привычные вещи нехитрого бытия.

Ему еще предстоит знакомство с людьми нового мира, и эти люди хотят, чтобы он не почувствовал себя среди них лишним. Но это будет не сейчас, не сразу, постепенно...

Старик спал...

Последнему оставшемуся в живых солдату второй мировой войны снилось изрытое дымящимися воронками поле и истребители с красными звездами, летящие на запад.

«Преддипломная практика»

Легко и свободно летели в небе большие белые птицы. Клубились над ними облака, колыхались внизу синие волны, и все это вместе спокойно и плавно скользило к самому горизонту. Туда, где, слегка касаясь воды, плыл корабль с наполненными ветром парусами.

Ощущение стремительного полета охватило людей. Им казалось, что не птицы и не корабль — плывет высокий скалистый берег, на котором они стояли.

Было прохладно. Легкий комбинезон Андрея совсем не защищал от порывов северного ветра. Капли соленой океанской воды падали на разгоряченное лицо. Он украдкой скосил глаза. Лена Соколова, одетая в такую же, как у него, форму, стояла рядом...

Треугольник белых лебедей упывал все дальше и дальше. Фиолетовые тени ложились на плоскости сильных крыльев. Протяжное курлыканье плыло над океаном...

Стандартный параллелепипед лаборатории. Амфитеатр кресел. Кафедра. Над ней вспыхивающий последними электронными блестками большой объемный экран.

После необъятных северных просторов пространство лаборатории было тесным и неуютным. Воздух казался тяжелым и нестерпимо жарким. Кондиционеры работали на полную мощность.

В груди Андрея Кузнецова росло ощущение утраты. Утраты чего? Наверное, мечты, сбывшейся, материализованной, которую держал на ладонях, боясь поверить в ее реальность. Держал и... потерял. Унесло мечту, как пушинку, соленым северным ветром...

* * *

Профессор условной планетологии Петр Ильич Подоконников нетерпеливо постукивал карандашом о кафедру. Это постукивание заставило Андрея очнуться от своих мыслей.

— Прошу тишины, — сказал профессор.

Потом помолчал, окидывая всех внимательным взглядом.

— Итак, занятия в школе косморазведчиков для вас окончены. Сегодняшняя лабораторная работа была последней в не-легком пятилетнем курсе, который отделял вас, вчераших школьников, от завтраших дипломированных специалистов. Преддипломная практика — вот последняя преграда на пути к настоящей, творчески насыщенной жизни.

Андрей посмотрел на Соколову. Она вытирала глаза рукавом комбинезона. Потом неожиданно всхлипнула — среди всеобщей тишины это было похоже на приглушенный всплеск океанской волны.

— Особое внимание я обращаю на следующий факт, — сказал профессор, строго поглядывая на Соколову. — Ни в коем случае нельзя считать материализованные картины чем-то реальным, существующим на самом деле. Пусть вас не смущают океанские брызги, которые солены на вкус. Или парусное судно, на котором можно уплыть к неведомым землям. Все это существует в пространстве и времени художественного вымысла автора, написавшего картину. Вы будете жить и работать среди этого сказочного мира, по потом вернетесь сюда, в настоящее. А после окончания школы полетите к звездам. Полетите открывать новые, теперь уже реальные звездные миры. Кстати, Соколова, как называется это полотно?

— «В голубом просторе». Художник Аркадий Рылов, начало двадцатого столетия, — сказала Елена и опять всхлипнула.

* * *

В школе косморазведчиков очень много времени отводилось для изучения эстетики. Изучали ее по старой, но испытанной схеме:

1. Эвристическое оперирование пространством — курсанты умели образно, в ярких красках представлять себе самые различные пространства — четырех, пяти и шести измерений, пространства «черных дыр», замкнутых сами на себя, гигантских коллапсирующих масс... Могли мгновенно заменить в своем воображении одно пространство другим. Могли зарисовать на объемном экране любую из своих мысленных картин.

Возможно, что в будущем удастся заменять реальное пространство пространством человеческого воображения. Но это будет в будущем, а готовиться к этому нужно сейчас.

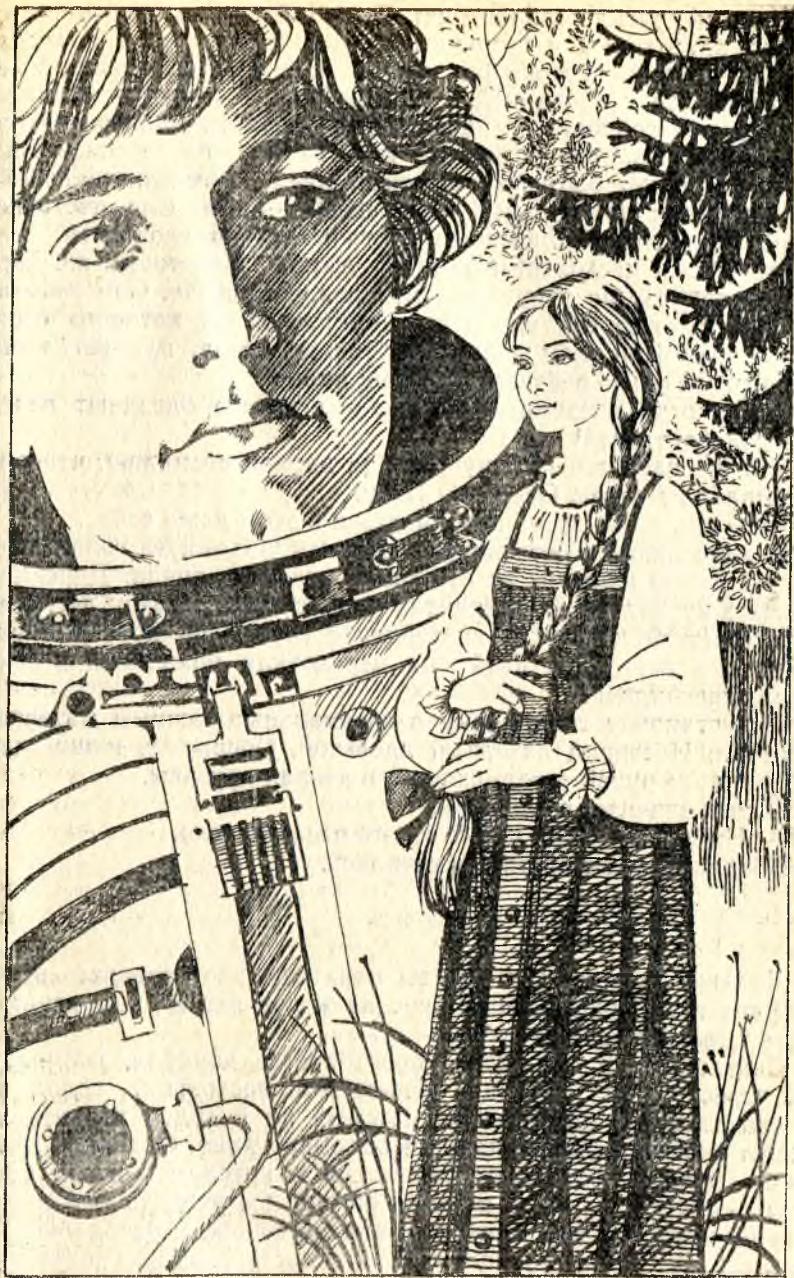
2. Изучение классики на примере лучших образцов античного и национального изобразительного искусства.

3. С помощью фантастической живописи...

Андрей долго бродил по музеям и художественным выставкам Москвы. Два раза слетал даже в Ленинградский Эрмитаж. Но потом окончательно остановился на Третьяковке. И наконец, сделал свой выбор. Художник Виктор Васнецов. Последняя четверть девятнадцатого века. Картина называлась «Аленушка».

Чем его привлекло это грустное повествование о простой крестьянской девушке? Он и сам не знал. Но так сжималось сердце, когда глядел он на суровый осенний пейзаж, на съеживающуюся фигурку у берега лесного озера.

Хотелось помочь.

Были и другие соображения. Будущий исследователь новых планет, затерянных в бездонных глубинах космоса, мог встретиться с любой, совершенно невероятной формой жизни. Умение общаться, умение найти единственно возможный вариант контакта, способность не нарушить, не порвать тонкую паутинку взаимопонимания — вот что требовалось от посланцев Земли. А что может быть подчас невероятней, причудливей неумной фантазии художника? «Аленушка» — это еще цветочки. Когда были материализованы картины абстракционистов, это стоило жизни нескольким земным ученым. Некоторые же картины вообще было запрещено материализовывать. Они изображали или четвертое измерение, выбраться из которого было уже невозможно, или недра нейтронных звезд, или раскаленные первозданные пейзажи молодых планет.

Да, иногда внеземные ландшафты просто бледнеют перед людской фантазией!

Что же касается «Аленушки», то вполне возможно, что она напоминала Андрею Соколову Лену.

Впрочем, он не хотел признаваться в этом даже себе...

В запасниках Третьяковки получить объемную голографическую копию картины не составило никакого труда. Дирекция и школа курсантов сотрудничали уже не один десяток лет. Ему даже помогли доставить контейнер с грузом прямо в лабораторию: на несколько дней она переходила полностью в распоряжение Андрея.

Он установил голограмму в специальные зажимы материализатора. Настроил лазерный проектор. Обернулся и помахал на прощание рукой столпившимся в дверях друзьям.

Потом включил рубильник.

— Ни пуха... — раздалось где-то очень далеко.

Преддипломная практика началась.

* * *

Дальние космические полеты показали, что развивать воображение и художественный вкус не менее важно, чем изучать спиральные рукава галактик.

Оказавшись в замкнутом пространстве корабля, космонавт через год-два начинает испытывать настоящий голод по художественной информации, который не в силах утолить ни голографическая библиотека, ни объемное кино. Оказалось, что нужно совсем особое пространство, в котором человек чувствует себя как дома, в которое он мог бы входить или выходить по желанию как герой или как персонаж, перевоплощаясь частично или полностью, испытывая радость, гнев или неприязнь совсем как на Земле.

А как изучать это пространство живописи, как не на лучших образцах классики?

Да, космонетчикам нужно изучать все предметы, а живопись в первую голову!

В школе рассказывали о курьезе — о случае с капитаном Бакинцевым. Его космолет неожиданно оказался в зоне действия «черной дыры» 2Х-258, которую ласково называли «Отдохнешь — не пожалеешь». И ни один прибор не проверещал об этом, потому что в то время приборы еще не реагировали на «черные дыры», а встреча с ними казалась невозможной.

И вот Бакинцев почувствовал: что-то не то. Ему живо представилась одна из картин Васнецова. Позже он рассказывал, что именно картина каким-то непонятным образом заставила его насторожиться. Эта воображаемая картина чудесным образом создавала настроение тревоги. И Бакинцев вынырнул со своим космолетом. А позже Берест обосновал это новое пространство и постарался, чтобы оно стало привычным.

* * *

Исследователь иных миров должен уметь все. Он должен быть сильным и смелым. Обладать молниеносной реакцией. Или, если это требовалось, проявлять противоположные, но не менее ценные свойства характера: чуткость, умение сопереживать.

Аленушка сидела на мокром камне у берега небольшого лесного озера. Собственно, его трудно было назвать даже озером — так, большая лужа, поросшая камышом.

Дул ветер. Было сыро и холодно. Рыжие волосы растрепались по детским плечам, свисали к самой воде. Взгляд грустный, печальный. В углах глаз застывшие слезы.

Через несколько минут Андрей выйдет ей навстречу из темного леса. Не как добрый принц — он не имеет права ее ничем одаривать, — а как простой путник. Странник. С котомкой за плечами. Как живешь? Кто родители? Потом попросит проводить его в деревню. Заночует в чьей-либо избе. Поживет там несколько дней. Потом вернется назад, привезя с собой видеокассеты и магнитофонные записи. После этого он получит диплом...

У нее не было родителей. И деревни тоже не было. Была одна беспросветная тоска. Сколько она так сидит? Она не знает. Сколько себя помнит, столько и сидит. Сидит и плачет.

Елена Соколова, грустная, с растрепанными волосами, в простом крестьянском платье, сидела на сыром камне.

И он не выдержал.

— Подожди, я сейчас вернусь, только не уходи никуда.

— Куда же мне идти? — улыбнулась она.

Лаборатория была пустой — его не ждали так скоро.

Лихорадочно закрутились ручки настройки. Негодуше задул лазерный проектор. А Андрей уже не мог остановиться. Он схватил электронный карандаш и начал рисовать прямо на экране, изменяя содержание картины.

В глубине экрана замелькали разноцветные пятна. Стала шире лесная поляна. Потеснилась сплошная стена деревьев, дав место сказочным коттеджам-теремам. Озеро сделалось больше. Берега его красиво выложены аккуратными замшелыми камнями. Несколько мостков и причалов прорезали тихую ровную гладь.

Андрей слегка повернул ручку усиления звука. Послышалась тихая музыка, чьи-то приглушенные восклицания, смех.

Потом он сместил точку обзора. Изображение поплыло куда-то вниз, открывая новые перспективы: девственный лесной массив, поляна, а на самом ее краю, между двумя соснами-великанами, надпись: «Зона отдыха «У озера».

Сказочная картина уплывала все дальше и дальше, и уже с трудом можно было различить маленькую фигурку, сидевшую у самой кромки воды...

— Вы ищете Лену? Она у озера вживается в образ. С нее будут писать картину, — сообщила Андрею какая-то женщина. — Пойдемте, я вас провожу... Лена, тут к тебе пришли.

— Ко мне? — обернулась девушка, тихо сидевшая на покрытых мохом камнях у берега озера. На Андрея смотрела Аленушка, но уже не Васнецова и даже не Соколова, однако чем-то неуловимо похожая и на ту и на другую.

— Ко мне? — повторила она.

Они молчали.

— Скажите, какое сегодня число? — спросил Андрей первое, что пришло ему в голову.

— Четвертое августа тысяча девятьсот семьдесят девятого года, — ответила она.

Андрей не вернулся в положенный срок. На лабораторном столе осталась записка: «Не ждите. Остаюсь в пространстве картины. Время — конец двадцатого столетия».

Это было совершенно непонятно. Картину «Аленушка» Васнецов написал в 1881 году. Может быть, Андрей ошибся и перепутал девятнадцатый век с двадцатым?

Его долго искали. Посылали не одну группу спасения. Но в сырьом осеннем лесу люди увидели озеро, поросшее камышом, а около озера камень. На камне сидела девушка в простом крестьянском платье. Звали ее Аленушка. Сидела она так очен-

долго. Сколько себя помнит, столько и сидела. Человека, похожего на Андрея, она никогда не видела. И вообще никого никогда не видела. Ни разу в жизни.

Сколько ни искали вокруг, так ничего и не нашли.

Ближе всех к разгадке тайны исчезновения Андрея подошел профессор условной планетологии Петр Ильич Подоконников. Во время вручения дипломов об окончании школы косморазведчиков он сказал:

— Жалко Кузнецова. Но никогда из него не получился бы хороший косморазведчик. Споткнулся на первом же препятствии — не смог отличить реальность от вымысла.

После этих слов Соколова почему-то отвернулась и всхлинула, вытирая глаза рукавом комбинезона с эмблемой школы: сказочная неисследованная планета узорным теннисным шаром лежит на ладони человека.

На острове

Капитан-наставник оглядел шеренгу притихших ребят и строго скомандовал:

— Вольно! — А потом тихим каким-то голосом, совсем по-домашнему продолжил: — Ну что ж, дети мои. Всем вам присваивается первое звание «космонавт-стажер». Не правда ли, время пролетело быстро? Всего за два месяца вы получили четыре триллиона единиц информации, в сотни раз больше, чем любой человек в прошлом, двадцатом, веке мог получить с помощью кинофильмов, книг, телевидения, газет, радио за год. Как вы знаете, наша школа экспериментальная. Информация подается вам непосредственно в мозг, минуя органы чувств.

— Разрешите, капитан! — сказал Вадик. — Зачем нужна такая скорость усвоения материала?

— В конечном счете для того, чтобы экономить время.

— А зачем экономить время?

— Чтобы осваивать новые галактики.

— А зачем?

— Знаешь что... Ты все-таки подключись к сто двадцать пятой программе суперстереовизора, малыш, она тебе все изложит.

— Знаю. Но мне хочется, чтоб это объяснили вы.

— Программа объяснит тебе историю освоения галактики, цели и задачи быстро, четко, без лишних деталей и в то же время подробно, конкретно, в красках и даже со всеми запахами.

— Мне не нужно в красках и вообще в готовом виде.

— Ты, наверное, соскучился без мамы, малыш, потому и нервничаешь. Получилось, что я над тобой подшучиваю, но я просто констатирую этот факт: вы оторваны от родных и друзей, от дома, такая оторванность необходима. Видишь, как многословен и неточен в формулировках человек. Программа объяснит тебе это гораздо лучше... Всем разойтись. У кого вопросы — останьтесь.

Капитан-наставник подошел к Вадиму, отечески погладил его по голове:

— Ты меня беспокоишь, мой мальчик. Наверное, ты перестомился.

— А у меня такое чувство, будто я пробездельничал два месяца, — ответил Вадим, — будто я просто аппарат для хранения информации.

— Чем же ты собираешься заняться в каникулы?

— Конструированием... информационной машины.

— Еще одной? Тебе мало информационных машин, которыми буквально напичкана наша школа? Чего же ты хочешь?

— Нужен принципиально новый источник информации, — начал Вадим, торопясь и волнуясь, — который имел бы следующие параметры. Первое. Регулируемая скорость подачи информации. Пусть даже небольшая. Второе. Возможность свободного поиска в информационном массиве.

— Зачем ползать по всему массиву взад-вперед? — удивился капитан-наставник. — Лучше осваивать его быстро и методически сразу от начала и до конца. Это же логичнее.

— Мне надоела логика! — закричал Вадим. — Извините... Я хочу думать над тем, что узнаю, хочу сам определить главное, отбросить лишнее. Итак, третье. Хочу, чтоб для считывания информации не требовались сложные приборы типа голографических датчиков или плазмotronов. Четвертое. Чтобы не требовался мощный источник питания, и вообще аппарат должен быть портативным и автономным. Это пятое и шестое. А отсюда седьмое. Носитель информации должен быть достаточно прочным, не бояться вибрации, воздействия пси-полей и тэ дэ. Чтоб я его мог взять в путешествие куда угодно. Короче, вся конструкция должна быть надежной и аппарат транспортабелен. Это восьмое и девятое.

— Ты придумал невозможное, — вздохнул капитан-наставник. — Каждое в отдельности требование выполнимо, но все вместе... Я не знаю такого источника информации. Его попросту нет.

— Вот я и собираюсь его сделать! — вскричал Вадим.

— Попробуй, — серьезно сказал капитан-наставник. — Но давай сначала спросим нашу машину. В ее гигантской памяти собраны не только описания всех информационных машин, но и образцы многих из них. Вдруг она найдет нечто похожее?

...Капитан-наставник нажал девять кнопок. Машина долго удела, затем зажглись десять лампочек, потом шторка с надписью «Образец» раздвинулась, и на стол мягко лег небольшой плоский ящичек.

— Невероятно! — Капитан-наставник осторожно взял в руки эту коробочку. Верхняя и нижняя стенки ее несколько выступали с трех сторон. Четвертая, более узкая, сторона была несколько закругленной формы. На нем не было видно ни клавиш, ни кнопок управления.

— По-видимому, управление телепатическое, — сказал Вадим. Он осторожно мизинцем попытался приподнять верхнюю панель, она легко поддалась. Под ней не было никаких кнопок для управления, сверху лежала очень тонкая белая гибкая пластина, на которой была выгравирована, а может быть, нанесена еще каким-то способом цепочка микрэлементов в виде пачек, крючочков, черточек. Вадику показалось, что эта пла-

стинка лежит неплотно, один ее уголочек чуть-чуть отстает, и под ней лежит другая пластинка того же формата. Вадик поднял ее ногтем и попытался вынуть из ящичка. Но она не поддавалась. Тут он понял, что пластинка закреплена с одной стороны. Он слегка приподнял ее и под ней обнаружил такую же пластинку, сплошь покрытую значками-элементами: кольцами замкнутыми, разомкнутыми, черточками, крестиками, параллельными линиями...

— Похоже на электронные печатные схемы, капитан, — сказал Вадим. Капитан смущенно молчал.

— Печатные схемы активно применялись в конце прошлого столетия, — заученно продолжал Вадим, — для передачи информации, но для хранения нет. Здесь где-то должен быть магнитный диск или лента. Нужно спросить машину, — и Вадик нажал кнопку с надписью «Описание образца».

Ответ машины был такой: «Книга. Как инструмент хранения и передачи информации уникальна. Имеет следующие достоинства. Регулируемая скорость подачи информации, возможность свободного поиска в информационном массиве, простота считывания информации, портативность...»

— Как я не догадался! — воскликнул капитан. — То, о чем ты говорил, это, конечно, книга!

— Но как мне быть? — спросил Вадик. — Я не умею читать! Нас научили читать мысли, но не научили читать книги.

— Лев Толстой, «Детство», — медленно, по слогам прочел капитан. Он был в замешательстве. Хотя программу обучения составлял не он, но, как любой честный человек, капитан чувствовал за нее ответственность. — Понимаешь, сначала надо изучить азбуку...

— Азбука, азбука, — пробормотал Вадик. — Слово незнакомое, но где-то я его слышал... Слово «азбука» от первых двух букв кириллицы: «аз» и «буки».

— Ты молодец, Вадим! Эта книга тоже написана кириллицей. Когда я был в твоем возрасте, кириллицу изучали в начальной школе. Знаешь, много было споров, кто придумал кириллицу. Сначала считали, что просветители Кирилл и Мефодий на основе византийской азбуки... Впрочем, с самого начала многих смущало то, что в кириллице уже в IX веке было сорок четырех букв, в то время как в византийском алфавите только 25. Потом оказалось, что она произошла от еще более древней азбуки, которая старше на несколько столетий... А в своей книге Кирилл сообщал, что видел «русские письмена», но не описал их. Да, мы на нашем острове, наверное, поторопились отменить азбуку, ликвидировали книги и журналы. Ты прав, малыши! Самые совершенные средства информации никогда не заменят нам книгу, радость живого общения с творениями классиков. Что ж, придется войти с предложением в Комитет космонавтики об изменении нашей учебной программы.

ШКОЛА
МАСТЕРОВ

Последняя прогулка

Фрагменты из романа

В наши дни, когда взоры мыслящего человечества с тревогой и надеждой обращены в будущее, особый интерес приобретает вставная главка из нового романа, работу над которым завершает Леонид Леонов. Разумный исторический оптимизм, понимаемый как рассудительная уверенность в неминуемости лучшего, не должен пренебрегать рассмотрением и худших вариантов. Эпиграфом к помещаемому здесь отрывку, наглядно напоминающему о кое-каких необратимых последствиях людского неблагоразумия, может служить аксиоматическая ссылка из вихровского доклада в «Русском лесе», что «все правдоподобно о неизвестном».

Журнал «Москва», 1979, № 4

От автора

Болезненная дочка сапожника со столичной окраины, бывшего кладбищенского священника, Дуня Лоскутова, обладает довольно оригинальным средством уходить иногда в запредельную даль времен. Своими отрывочными впечатлениями об увиденном в обе стороны действительности она делится лишь со своим дружком детства и покровителем, студентом Никанором Втюриным, в слитном пересказе которого они и дошли до нас. Столпы положительного благомысля не должны серчать на бедняжку за ее маловероятные полусны, тем более что человечество располагает покамест полной властью над своей завтрашней судьбой.

Из пяти Дуниных прогулок туда совместно с командировочным ангелом Дымковым, печатаемая здесь — заключительная. Ее содержанием наглядно опровергаются смешные пророчества иных гадателей на кофейной гуще о якобы трагической гибели жизни на планете под влиянием участившихся ошибок, совершенных человечеством. Данная глава как раз свидетельствует, что и в случае чего-либо человеческое существование продолжится, правда, с меньшим комфортом. Опять же у людей еще достаточно времени вдоволь порезвиться впереди. Если кое-где отсталая наука по нехватке оптимизма определяет оставшийся срок всего лишь числом 123 456 789, то прогрессивная расширяет его до 987 654 321, что в восемь раз переве-

Впрочем, по присущей ученым осмотрительности обе стороны не уточняют мерительной единицы отсчета — год, день, час или минута имеются в виду.

Проза

Никому из футурологов-любителей и не мерещилось, конечно, навестить человечество в канун его исчезновенья, как досталось Дуне в их последнюю совместно с Дымковым прогулку по бескрайним глубинам колонны. Самой было бы не под силу передать свои детские впечатления об увиденном, дошедшие до моего пера в художественном оформлении ее дружка, все того же Никанора Втюрина. Его соавторству и надо приписать кое-какие несуразные с транности, неподобающие обласканному стипендиату. Причудливая внешность заключительной человеческой модели, как ее увидела Дуня, пояснялась у него тем, например, что все мы, порознь и в совокупности, целеустремленной деятельностью своею как бы ваем себя и к финалу, переболевшие различными безумствами, вместе с иммунитетом принимаем отпечаток поиска, служившего смыслом и средством нашего существования. Дальше последовала идея еще завиарльнее, будто всемирное счастье осуществимо лишь через стандартность потребностей, а не желаний, то есть на соответственно одинаковом уровне уморазвития. Так что ценою некоторых превращений наконец-то добытое равенство людей состояло лишь в отычке замечать повсеместное вокруг себя неравенство, коим самовластная природа пользуется при отборе нужных ей образцов.

— Подумать только, — закруглил свое предисловие Никанор, — что целая история ушла на обретение простенькой способности — при подъеме в гору примириться с неизбежностью срывающихся с кручи!.. — А его сопроводительная усмешка доказала мне, как мало мы, за недосугом, всматриваемся в глаза и души подрастающей смены.

Видимо, в оправданье некоторых сомнительных подробностей Никанор начал с предуведомления, что за краткостью прерыванья на краю времени его подружке не удалось вникнуть положительные стороны тамошнего существования. Соблазнившись предоставившейся возможностью кинуться в необъятный простор перед собою, где не обо что разбиться, Дуня в осенности долго гнал ленту времени вперед, все подхлестывая, — когда же туманное мельканье порассеялось и последняя артинка замерла, вокруг простиралась безветренная и ровная, лазу зацепиться не за что, немыслимая сегодня пустыня в агровых сумерках, на исходе дня. Кроме раскиданных по местности выпуклых дисков непонятного назначенья, ничего примечательного не виднелось кругом, лишь подпухшее, слегка кособокое нечто сидело на нашеместе горизонта, как больная красная

птица. То и был непрестанный некогда, благодетельный взрыв под названием солнце.

Похоже, что мой рассказчик шибко приукрасил наблюдения своей подружки. Явно неправдоподобный ландшафт ее виденья, климатически несовместимый со вписанной в него живой действительностью, объяснялся, по Никанору, плачевным состоянием центрального светила, хотя именно потому вряд ли уже способного прогреть почву для жизни даже на бактериальном уровне. Тем не менее якобы и в преклонном возрасте, пусть в малую долю прежнего накала, оно еще трудилось. Все промежутки меж помянутых колпаков, оказавшихся выходными люками подземных жилищ, поросли там подобием низкой пластинчатой травки, некой маршанции, как по Дунину описанию выяснил у знакомого ботаника студент. Правда, наличие покатых крышек, видимо, еще от наших смотровых уличных колодцев, подтверждается и другим общеизвестным очевидцем, побывавшим там раньше Дуни. Несходство же других подробностей могло бы, конечно, проистекать и от разности широтносуточных координат наблюдения. Но что касается социальной вражды, якобы принявший к тому времени самые жестокие формы, ее надо целиком приписать фантазии именитого Дунина предшественника, так как суровые, мягко сказать, условия тогдашнего бытия должны были неминуемо пригасить общественные конфликты всякого рода... Зато одинаково убегали в закат дорожки дисков с тусклым кирпичным отблеском одряхлевшего светила, уже настолько беспомощного, что от жуткого одиночества оглянувшаяся вокруг себя в поисках живой души — и тени собственной позади себя не обнаружила Дуня. Впору было возвращаться домой, кабы не ощущила разлитую кругом предвестную напряженность... и вот сама поддалась ожиданию наревавшего сверхсобытия, которое должно было свершиться вскоре, через мгновение, сейчас.

Сперва множественное пугающее движенье обозначилось у самых Дуниных ног, даже почудился металлический скрежет сдвигаемых крышечек, которого, разумеется, в том безмолвном мире призраков слышать не могла. Видимо, целая колония жизни, островок в пустыне, помещался прямо под нею. Из под открывавшихся люков после беглого кругового осмотра стали появляться забавные фигурки сплошь Дуне по колено, которым скорее по щемящему зову сердца, нежели внешним признакам, не смогла отказать в родстве с собою... Тут ангел отошел в сторонку, чтобы не быть лишним при интимной встрече разделенных вечностью поколений.

Казалось бы, ничто не грозило им в той нежилой глуши, однако лишь несомненные иерархи или особо храбрые начальники, помимо должностных регалий и амуниции выделявшиеся надменным видом, отваживались вылезать наружу в полный рост. На одном из них мутным рубиновым глянцем поблески

вало ожерелье из бывших, если присмотреться, велосипедных гаек, выдержавших высокотемпературное испытание благодаря отражательному покрытию, трое других красовались в причудливых головных уборах из бывшей, особо тугоплавкой, в данном случае — лабораторной утвари, наравне с прочими кладами раскопанной в ближайшем кургане радиоактивной золы. Что касается остальных жителей, в частности матерей с чурковатыми малышами под мышкой, те вовсе не рисковали показываться выше пояса, чтоб не омрачить свое печальное торжество.

Описанное мероприятие отнюдь не напоминало наши предзакатные вылазки в лоно природы прохладки дыхнуть однова на сон грядущий. Скорее это походило на ритуальные, без слез и гимнов, зато с поголовно обязательным для всех участием проводы уходящего на покой божества. По отзывчивости своей Дуня даже приписала им свою детскую заботку, чтобы раньше срока не оступилось старенько, сходя с небосклона в положенную ему яму-опочивальню... Нехватка средств и воображения помешала беднягам придать своему прощальному стоянию соответственно парадное оформление вроде орудийного салюта или звона колоколов, все же многие были облачены преимущественно в ископаемую же мемориальную ветошь предков, порой настолько неожиданную по своему былому назначению, что было бы бес tactно перечислять ее в такую минуту. Комично-ненужные мелочи погребального обряда подчеркивались досадным, мягко сказать, своеобразием их внешнего облика, далекого от античного канона людской красоты. Но и несмотря на слишком очевидные типовые превращенья вроде вплотную, с отгибом назад присаженной к туловищу и, видимо, упрочненной головы, что по условиям подземного обитания не менее важно для землепроходцев в буквальном смысле слова, чем заметное скелетное преобразование применительно к горизонтальному перемещению в тесных тоннельных переходах, а также хитино-коричневатой панцирности безволосого лица, лишенного мимической подвижности, — тоже вряд ли и нужно там у них, в отемках, а также отвердевшие, чуть навыкате и уже без маеющей блестинки, хотя по наследственности в чем-то еще зряне, с оттенком индивидуальности человечьи глаза, было бы анатомически предполагать перерожденье их в отряд членистоножих. Зато даже новорожденным малюткам не вредили теперь спады сезонных температур, пользование некипяченой водой, недостаточная вентиляция в норах. В общем — с жалостью умиленьем и болью признавая в них своих потомков, Дуня благодарила судьбу, что, приспособляя род людской к проплану в сильно изменившейся обстановке, она не облегчила и от потребности в одежде, ибо та предыходная нагота вовсе адамовой оскорбляла бы ее родственные чувства.

...Помнится, здесь Никанор с легким зубовным скрежетом

обронил глубокомысленную сентенцию о вреде распространившегося среди людей баловства с прометеевым огнем. Люди всегда слишком молодились из нежелания признавать, что уже старые и, видимо, надежда еще и еще разок, подобно Фениксу, обновиться через пепел не оправдалась однажды. Всепланетная жизнь после обработки в термоядерном тигле хотя и подверглась значительной перестройке, но в общем-то в ничейную, хотя и маложелательную, сторону. В одну из более ранних прогулок за горизонт Дуня до рвоты нагляделась всякой нечисти, возникшей в качестве расплесканных брызг из генетического расплава вроде многоколенчатых стрекоз и двуглавых ящерок, по счастью, сгинувших при дальнейшем остывании органического вещества. Скоростной спуск людей с заоблачных вершин сопровождался не менее беспощадной отбраковкой неустойчивых образцов, чем при восхождение, так что назад в долину воротилась вполне устойчивая, крайне не похожая на себя во младенчестве человеческая поросль. Никанор отдал должное долготерпенью матери-природы, ограничившейся в отношении баловников лишь видовой девальвацией, то есть снижением на какую-то пару порядков для житейской устойчивости, как не раз поступала и раньше с конструктивно не оправдавшими себя сооружениями. Но, по словам свидетельницы, именно безликая оплавленность священным огнем поиска и придавала трагическое величие этому арьергарду человечества, замыкавшему его неповторимое шествие к звездам.

Ничтожная сама по себе, явно непридуманная подробность подтверждает достоверность всего происшествия в целом. В трех шагах впереди и спиною к Дуне ее внимание привлек один, чуть на отлете от почтительно теснившейся поодаль толпы, — если не пророк, то некто заведомо из высшего тамошнего духовного руководства. Именно своей подчеркнутой скромностью, несмотря на очевидное старшинство владельца, показалась девочке наряднее других нищая на нем, с прорезью для головы, хламида из бывшего пластмассового мешка, отменная сохранность коего после термоядерного испытания сгодилась бы в наши дни для фирменной рекламы. Внезапно, движимый безотчетным чутьем постороннего присутствия, старик прозорливо оглянулся на дивную гостью с неведомого старофедосеевского погоста и вполоборота, снизу вверх, как и мы порой с ощущением чьего-то взора на себе, вглядывался сквозь Дуню в померкающее небо. И лишь, подобно нам, убедившись в сномозаблуждении, воротился он к прерванному занятию... То была заключительная стадия свечи, когда пламя почти улетело с огарка, но тепло еще сохраняется в лужице стылого, непомянутого воска — чем он был раньше. Теперь все они там были для Дуни на одно лицо, однако за ту краткую паузу, пока гляделась друг в дружку, этот запечатлелся в ее памяти на всю жизнь.

Благоговение окружающих к его персоне и полуугадываемое

на просвет аскетическое телосложение свидетельствовали о добродетелях, равно как не совсем отускневшая прозрачность хитона позволяла в любой момент убеждаться пастве, что, несмотря на должностные соблазны, не утаил от нее пищевого излишка. К сожалению, некоторая невыразительность взгляда, вернее — отсутствие улыбки или горечи в слегка выступающих ж в а л а х, не позволяли судить о характере мудрости или святости этой достойной особы, зато о верховном сане свидетельствовала древня, на груди, из раскопок же добытая реликвия предков — продолговатая эмалированная, синим по белому, табличка с магическим заклятием на мертвом для них языке — «н е к у р и т ь». Наконец, царственная осанка с оттенком скорбной гордыни, какая приличествует наследникам богов, указывала на еще теплившуюся в подсознанье догадку о своем высоком происхождении от властелинов дремучей давности. По отсутствии летописцев, уже никто, и даже сам он, не взирая на занимаемый пост, не ведал — чего ради они, по своей неисповедимой воле закутанные в громадные курчаво-дымные пламена, дружно, целыми материками, склынули за черту, оставив по себе навечно отравленные прах и щебень. Никаким перечнем погибших сокровищ, блистательных умов и грозных стихий, служивших им на побегушках, нельзя очертить их былое могущество, но вот в последовательной логике и вкратце — чем они владели.

Винт, рычаг, колесо. Огонь и Евангелие. Нож, пила, игла, топор. Лодка, парус, весло. Подшипник, бумага, стекло. Компас, линза, часы. Алфавит, иероглиф, сигнальные азбуки и коды. Библиотеки и музеи, университеты и храмы. Мосты, плотины, стадионы, кремли, тоннели, города. Канализация, водоснабжение, электросвет. Условная цифровая система мышления для оценки и приспособления немыслимого к бытовым потребностям. Плавка, ковка, прокатка, литье, волоченье, также электронно-лучевая и термомагнитная обработка металлов. Книгопечатание и музыка. Цветные радиоигры и развлеченья. Связь без проводов. Синтетические алмазы в куриное яйцо. Оптические счетные приборы. Летающие обсерватории. Вакцина и антибиотики. Незримое ухо для подслушивания врага на расстоянии. Искусственные луны. Океанские, воздушные и подводные лайнеры любого погружения. Ультракороткое дальнозорение по обе стороны нуля. Катапульты для орбитального заброса на ино-планеты механизмов и людей. Овеществленная память. Термоядерные реакторы безопасного действия. Круглосуточная горячая вода. Спектральное прочтение светил и запредельных глубин за ними. Театры призраков непосредственно на небесах. Моторы гравитационного движения. Перегонка солнечной энергии без проводов. Думающие машинные собеседники с человеческим голосом. Лунные поселенья для каторжников и мучеников науки. Подсобные божества механического обслуживания.

Теория трансцендентного материализма. Алхимия без мистики и мистика без шарлатанства. Перстни, транквилизаторы, помада для усов и противозачаточные средства. Школьные пособия для рассмотрения сущего с изнанки. Световая ракета. Башни радиовнушения гражданских добродетелей и приручения диких животных. Убойные агрегаты сверхвысокого КПД с автоматической уборкой отходов на удобрение и промышленное сырье. Пионерские могилы на Марсе и дальше кое-где, тоже не объединившие людей, несмотря на всечеловеческую общность геореев. Соллинаторы и всасывающего действия дисперсионные камеры со скоростным обращением чего угодно в диалектическую противоположность или даже в первоматерию по особой нужде... а также другие иррациональные диковинки за пределами нынешнего воображения.

Получалось, по Никанору, человечество отроду слишком торопилось к очередным этапам своего далеко не бесконечного цикла и вот в роли блудного сына и без прежней технической оснастки, на легке воротившееся в покинутую некогда семью, оно оказалось беззащитным против младшей родни, расплодившейся по обилию падали от людских междуусобиц.

...Еще не успела дотлеть воспаленная краснота на горизонте, выходные люки как по команде беззвучно захлопнулись, и тотчас темное, лишь силуэтно угадываемое стадо крупной хвостатой нечисти пронеслось мимо Дуни, причем крайняя особь прошмыгнула сквозь нее, безошибочно опознанная по гадливому шоку соприкосновенья. По счастью, сменившая род людской на земле четвероногая элита, в отличие от прочей живности единственно окрепшая в ходе неоднократных радиоактивных мутаций, подлая тварь даже при малом полусвете еще трусила нападать на позавчерашних владык земли, а величавая медлительность последних под влиянием долговременных тренировок на ускользание сочеталась у них с исключительным проворством, так что по крайней мере в обозримом радиусе разбойный набег не застал маленьких удальцов врасплох. Все же пре-восходство охотников не оставляло сомнений в судьбе дичи.

Пора было уходить, чтобы до рассвета вернуться в домик со ставнями, а Дуня все прощалась, насмотреться вдоволь не могла.

— Бедные, милые, кровные мои... — щепнула она и, зажарот ладошкой, заплакала о крохотных человечках вместе с их неразлучным солнышком.

Провожатый сзади коснулся ее локтя, приглашая к мужеству:

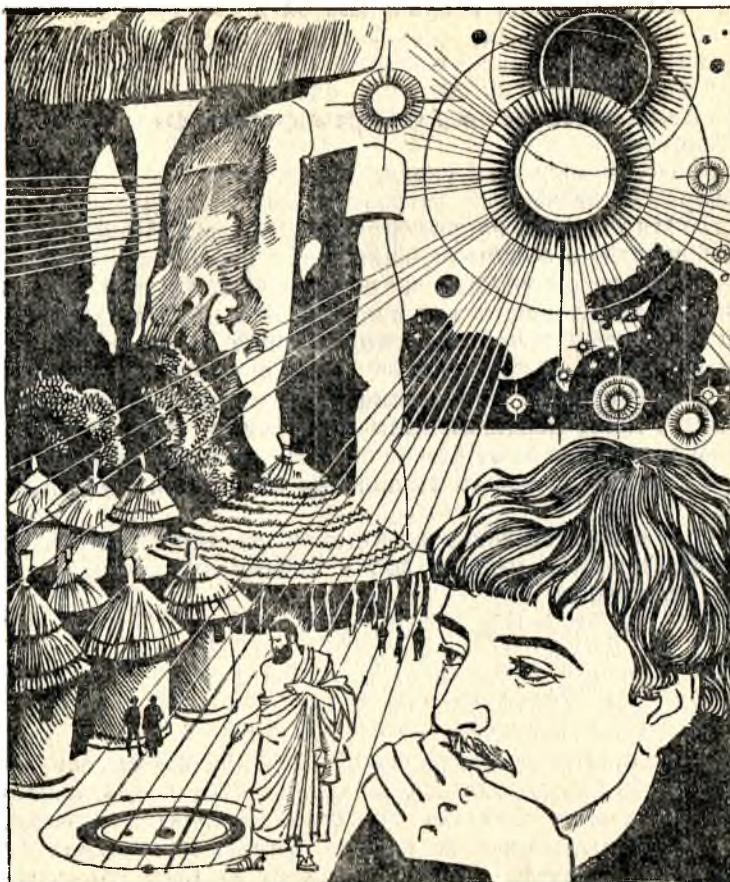
— Не надо убиваться... — утешительно сказал он. — По незнанию иного они не нуждаются ни в чем и не помнят ничего, чтобы огорчаться сравнением. Там, в нутри, у них тепло и безопасно. Ребятишки уже спят... — И Дуне оставалось согласиться, что, если свыкнуться немножко, любая действительность

способна обеспечить еду и кровлю, а беспамятность — доставить покой душевный.

Так много уносила в душе, что за весь долгий обратный путь не обмолвились ни словом. По установившемуся обычаю, ангел проводил Дуню до самого дома. И весь следующий день никуда не выходила из светелки, рассеянно отвечала на вопросы, двигалась неслышно из боязни расплескать драгоценное воспоминанье.

...Кстати, я тогда же указал рассказчику на ряд вопиющих противоречий, заставлявших усомниться в правдивости рассказанного. Мимоходом, например, отозвавшись о Вселенной как о бессмысленной, в общем-то, канители с переливаньем из пустого в порожнее, он упустил из виду человека в ней, по его же словам, — населившего эту пустыню богами, магическими числами и тайнами, которых и сам до конца своего разгадать все равно не успеет. Или — как в столь прискорбных климатических, с неизбежным обледенением, условиях могла существовать пустынь даже неприхотливая маршанция, тем более дети — если бы и приобрели от божественных предков, от нас, генетическую закалку в смысле избавления от излишней чувствительности?..

Вместо ответа Никанор со вздохом сожаления кинул слегка задумчивый взгляд мне на лоб и почему-то ничего не сказал себе в оправданье.

НАУКА
НА ГРАНИ
ФАНТАСТИКИ

ПАВЕЛ ПОПОВИЧ,
летчик-космонавт СССР,
дважды Герой Советского Союза,
кандидат технических наук

Наш мир двух солнц

— Четверть века активно осваивается космос. Но, хотя он во многом стал понятнее, загадок становится не меньше, а больше. Первый, кто сталкивается с загадочным в космосе, — это космонавт. С другой стороны, одна из самых интересных проблем — возможная встреча космонавтов и инопланетян. Как вы, Павел Романович, относитесь к подобному шансу?

— У меня уже состоялась встреча с ними. Это произошло во время моего полета на орбитальном комплексе «Салют-3» — «Союз-14».

Однажды после напряженного трудового дня я занял свое место у борта станции. Почитал немного и тут же заснул.

Проспал часа два, а потом чувствую: кто-то через входной канал тихо пробирается в станцию! Дальше больше — крадучись приближается ко мне и неожиданно вступает в борьбу. Наотмашь, со всей силой бьет меня по лицу: по одной щеке, по другой.

Разумеется, поворачиваюсь, хочу рассмотреть, кто это: человек, неизвестное существо, инопланетянин? Не видно.

Не трогаю его, думаю, надо сберечь для науки. Зову на помощь своего напарника Юру Артюхина. Тот подбадривает меня. Но это мне не помогает, ибо незнакомец вконец распоясался — бьет и бьет меня по щекам. Тогда не выдержал (гостеприимство гостеприимством, но должны же быть границы...) — и как ударю его...

Да так сильно, что проснулся.

Оказалось, что книга, которую я читал перед сном, плавает по станции; листы от вентиляции шелестят и больно бьют меня по лицу...

Но если серьезно, то вопрос о возможности встречи космонавтов с инопланетянами пока остается без ответа. Я был бы рад такой встрече, но, что касается прогнозирования сроков, увы, здесь мы бессильны. Больше того, я считаю, что спорить о пришельцах из других миров, других галактик сейчас вообще не имеет смысла. До них мы вряд ли доберемся в ближайшие несколько тысяч лет, а ведь в нашей собственной солнечной системе сколько хочешь непознанного и таинственного. И расставить все по местам — наш долг.

— Речь идет о загадках чисто теоретического, познавательного плана, например, планета движется по траектории, не совпадающей с расчетной, у какого-нибудь спутника вытянутая форма орбиты...

— Совсем нет. Некоторые коренным образом влияют на наше будущее.

Представьте себе, что какая-то внеземная цивилизация заинтересовалась нашей планетной системой. И стала зондировать ее радиотелескопом. Так вот, результаты их наблюдений должны вас очень удивить — у нас в системе два светила! Одно из них — привычное Солнце, а второе... Юпитер. Пусть он меньше нашей настоящей звезды в тысячу раз, но излучает в космическое пространство энергии в два раза больше, чем получает, — громадная величина. Значит, наша система — система именно двух «радиозвезд». Так считают некоторые астрономы.

Кто-то скажет: ну это сложности инопланетян, пусть там сами разбираются. Такой выход весьма поспешен.

Последние исследования говорят, что планетные системы с двойными звездами неустойчивы. Это хорошо пояснил в своей книге Айзек Азимов.

На далекой планете возникает разумная жизнь в мире двух солнц. Одна звезда — близкая — создает и «лелеет» эту жизнь на протяжении многих тысячелетий. Рожденная цивилизация начинает быстро развиваться. Неизвестно, до каких пределов шло бы ее развитие, если бы ранее безобидная, даже красавая, вторая звезда на небосклоне не стала виновником катастрофы. Оба светила сблизились (ученые считают, что в двойных системах это частое явление), и палящие лучи второго солнца испепелили все живое на планете, оставив лишь мертвые камни...

Правда, Айзек Азимов фантаст, и писал он не про нашу планетную систему, но, получая новые результаты наблюдений, исследователи год от года все тревожнее взирают на звезду Юпитер.

И естественно, в ближайшие десятилетия многие космические корабли возьмут курс в его сторону...

— Павел Романович, говоря «разумная жизнь», вы всегда тут же добавляете «где-то там — на далекой планете». А близкие планеты что же — совсем без шансов на жизнь?

— Начну издалека. 10 марта 1977 года ожидалось закрытие ликом Урана далекой звезды АО 158687. Молодые американские ученые Эллиот, Данхем и Минк собирались уточнить в этот момент диаметр диска Урана.

Садясь в самолет, они даже предположить не могли, что их ожидает сенсация...

В окуляр телескопа было видно, как звезда приближается

к Урану. И вдруг еще за сорок минут (время было точно вычислено) до покрытия диском Урана ее блеск неожиданно резко ослаб и через несколько секунд восстановился. Не успели ученые прийти в себя, как картина повторилась. И так пять раз подряд!

А после покрытия звезды диском Урана спады повторились в обратном порядке. Наблюдатели поняли, что явление вызвано наличием концентрических тонких колец, окружающих планету!

По-настоящему поверили молодые ученые в это только спустя несколько дней, когда некоторые обсерватории мира объявили об аналогичных наблюдениях.

Но это было только начало.

Многие исследователи задали простой вопрос: почему кольца Урана не были обнаружены раньше — ведь сам Уран открыт почти двести лет назад?

Ответ не заставил себя ждать — кольца его практически не отражают солнечного света, поэтому выявить их посредством обычных визуальных или фотографических наблюдений невозможно. Но раз не отражают, стало быть, поглощают. По мнению американца Синтона, они поглощают более 95 процентов солнечного света.

И это позволило ряду исследователей пойти дальше и сдедать фантастическое предположение. Оно в какой-то мере отвечает на ваш вопрос о шансах существования иной цивилизации в нашей солнечной системе.

Ученые предположили, что кольца Урана есть результат разумной деятельности. Дело в том, что эта планета получает очень мало тепла от Солнца — температура на поверхности около ста градусов мороза. И чтобы обеспечить свою планету энергией, «уранцы» создали на орбите кольца — солнечные батареи, которые поэтому и поглощают так невероятно много солнечного света.

В это, конечно, трудно поверить. Но есть еще один аргумент в пользу этой версии. Созданы (если созданы) «орбитальные солнечные батареи» технически очень грамотно. Учтена даже такая вещь, как необычное вращение Урана вокруг своей оси (он вращается «лежа на боку»)!

Возможно, нам теперь будет легче объяснить некоторые предполагаемые факты посещения Земли инопланетянами.

Ясно, как важно побывать экспедиции на Уране, ибо даже если шансы на встречу братьев по разуму невелики (в конце концов, цивилизация могла давным-давно погибнуть), мы все равно узнаем очень много нового об этой загадочной планете.

— А когда может состояться такая экспедиция?

— Думаю, что в ближайшие пятнадцать лет. Это, в общем-

то, небольшой срок. Но мы еще слишком мало знаем о вселенной, чтобы даже предполагать открытия, которые ожидают человечество. Может быть, какое-то событие изменит все наши планы...

Именно молодым, тем, кто сейчас только учится в школе или выбирает свой жизненный путь, предстоит сделать первый шаг к нашим братьям по разуму.

И если кто-то из теперешних мальчишек и девчонок, юношей и девушек решит посвятить свою жизнь освоению вселенной, то я буду считать, что сегодняшний наш разговор был полезен.

Беседу вел А. Митрошенков

Этап, а что потом?

«Вселенную нельзя низводить до уровня человеческого разумения, как это делалось до сих пор, но следует расширять и развивать человеческое разумение, дабы воспринимать образ вселенной по мере ее открытия», — сказал Фрэнсис Бэкон. Очевидно, что человек отнюдь не «венец творения», не завершение развития движущейся материи во вселенной и даже не конечный итог эволюции жизни на нашей планете; он всего лишь один из этапов этого развития, ступенька на лестнице эволюции!

Все течет, все меняется, и в каком-то далеком будущем он тоже станет иным. Однако поскольку человек представляет собой не только биологическое, но и биосоциальное существо, то изменяться будет не только его биологическая, но и его социальная сущность, становясь постепенно другой. Грядущее коммунистическое общество не станет чем-то застывшим, но будет продолжать прогрессировать, а на смену вида «человек разумный», вероятно, придет рано или поздно новый, более совершенный биологический вид. Произойдет это уже не само собой, не в результате стихийной эволюции. Как известно, человек вышел из-под власти естественного отбора. Для дальнейшего совершенствования его биологической сущности необходима целенаправленная работа по улучшению наследственности. Разумеется, это не будет иметь ничего общего с псевдоевгеническими опытами, проводившимися, как известно, в гитлеровской Германии. Уже в наши дни началась борьба с наследственными болезнями, в дальнейшем она неминуемо перерастет в планомерное улучшение генетики рода человеческого. Это-то и приведет рано или поздно к возникновению нового, более совершенного биологического вида — «человек разумнейший».

Борьба с болезнями — это понятно, а что явится стимулом для дальнейшего развития мозга и разума людей? Я полагаю, что таким движущим стимулом будет невозможность разрешения многих загадок мироздания на нынешнем уровне развития человеческого мозга, человеческого разума. Ниоткуда не следует, что наш нынешний мозг, наш нынешний разум уже способны разрешить все без исключения загадки бесконечно и вечно развивающейся вселенной! Поднимаясь на все новые и новые, более высокие ступени по лестнице эволюции, восходя все выше и выше по бесконечной спирали познания мира, в котором мы живем, все более и более мощный разум станет способным разгадывать и такие сокровенные тайны мироздания, кото-

рые нашему нынешнему человеческому разуму могут оказаться не под силу!

Если сравнивать эволюцию жизни на Земле с эволюцией технических устройств и систем, то можно провести параллель между появлением головного мозга у живых существ и созданием искусственного интеллекта у роботов будущего. Тогда нынешние ЭВМ — всего лишь один из первых этапов на длинной лестнице эволюции технических устройств, на пути к этому. Изобретение ЭВМ можно сравнить, скажем, с возникновением первого узла у червей.

Искусственный интеллект роботов будет не единичным — роботов будет много. Они станут взаимодействовать как с человеком, так и между собой. По-видимому, гораздо раньше, чем мы встретимся с инопланетным разумом, будут созданы качественно отличающиеся от разума современного человека разнообразные виды и формы искусственного интеллекта, машинного разума и мышления. Искусственные интеллекты составят подсистему сверхбольшой технической системы. Что это такое? Сейчас поясним. Уже теперь появились комплексные сложнейшие системы, типичным примером которых являются сети вычислительных машин, или, как их часто называют, «интегральные информационно-вычислительные системы». Они состоят из связанных между собой ЭВМ различной специализации, выполняющих не только вычислительные функции, но и осуществляющих управление всей системой. Несомненно, что в сравнительно недалеком будущем иметь собственную ЭВМ для НИИ, КБ или завода станет столь же неразумным, как сейчас строить для себя, например, собственную электростанцию. В самом деле, зачем же иметь собственную ЭВМ, когда можно будет подключиться к сети ЭВМ подобно тому, как сейчас потребитель подключается к энергосети. В дальнейшем тенденция к слиянию неминуемо приведет к появлению сверхбольшой технической системы, которая включит в себя следующие системы: информационного обеспечения различных уровней, научно-технической информации, вещания и телевидения, вычислительных центров и электронно-управляющих машин, единую автоматизированную сеть связи, а также другие системы, которые нам сегодня даже трудно представить.

Создание сверхбольшой технической системы явится первым, начальным этапом формирования принципиально новой техники. Могущество человека, в том числе и его разума, будет непрерывно расти. Появятся и принципиально новые возможности для познания мира, в котором мы живем, причем не только такие, которые сейчас кажутся чистейшей фантастикой, но и такие, которые пока что не могут даже никому прийти в голову!

Развитие человека и человечества, а также развитие сверхбольшой технической системы неизбежно приведут рано или поздно к новому качественному скачку в развитии движущейся

материи на нашей планете: возникнет новая, более высокая форма движения материи, чем нынешний человеческий разум, нынешнее человеческое сознание, нынешнее человечество! Можно привести такой образный пример: на мой взгляд, эта более совершенная форма движения материи будет настолько же пре-восходить нынешнее человечество, насколько оно теперь пре-восходит муравейник, термитник или, скажем, пчелиный рой!

В будущем установят контакт и с внеземными цивилизациями. Пока что, я думаю, этого не сделано просто потому, что наша цивилизация еще недостаточно высоко развита для этого.

Как предвидел замечательный писатель-фантаст И. А. Ефремов в романе «Туманность Андромеды», Земля станет членом Великого Кольца обитаемых миров. Здесь будет очень большое разнообразие видов и форм инопланетных разума и мышления.

Нет в мире непознаваемых «вещей в себе», есть только вещи, явления и процессы, пока еще не познанные!

Записал В. Клячко

Известные незнакомцы

Несколько лет назад я побывал в удивительном и странном мире. Здесь все сотворено человеком: небо — прозрачные плоские корытца, заполненные проточной водой; солнце — зеркальные электролампы, свет которых, пронизывая воду, отдает излишнее тепло; земная твердь — железные этажерки с гидропонными грядками-полками. Лишь обитатели этого мира — сельскохозяйственные растения — были вполне обычными.

Впрочем, в то, что они обычны, тоже верилось нелегко. К примеру, взращенные на «этажерках» томаты давали шесть урожаев в год — 130 килограммов с квадратного метра! Напомним для сравнения, что на плантациях с той же площади собирают лишь 3—4 килограмма, а в лучших теплицах, снимая плоды дважды в году, получают 20—25 килограммов. Гибрид капусты и редиса, в котором съедобны и корнеплоды и листья, успевал принести за тот же срок 21 урожай — 150 килограммов продукции на квадратном метре. Маленький, с одной почкой, черенок, отсеченный от виноградной лозы, через пять месяцев одаривал двумя зрелыми кистями весом до 500 граммов.

И сегодня в лаборатории светофизиологии и светокультуры агрофизического научно-исследовательского института в Ленинграде ведутся широкие исследования возможностей сельскохозяйственных растений. За прошедшие годы и без того их невероятная продуктивность поднялась еще более. Сбор томатов достиг 180 килограммов с квадратного метра (в пересчете на гектар это 1800 тонн). Гибридный редис, скрещенный теперь еще и с редькой, не потеряв своих питательных качеств, повысил урожайность до 200 килограммов. Две тысячи тонн с гектара!

Читателя, вероятно, будет интересовать вопрос: возможны ли такие урожаи на огороде, на плантациях? Увы, не скоро. И прежде всего потому, что мы еще не можем управлять природными факторами: температурой воздуха и почвы, интенсивностью освещения, продолжительностью дня и ночи. Лишь поместив растения в светоустановки, в искусственные, полностью контролируемые человеком условия, мы получаем сверхвысокие — по нынешним понятиям — урожаи.

Но в таком случае для чего нужны и подобные исследования, и подобные рекорды?

Как ни удивительно, но за многие века занятий земледелием люди не успели (да и не могли — не было необходимой техники) досконально изучить растения, которые нас кормят. Вот несколько примеров. До сих пор в парниках и теплицах за 60 дней выращивают рассаду, а не зрелые помидоры, как это делается в лаборатории. Согласно устоявшимся сельскохозяй-

ственным канонам при выращивании овощей в закрытом грунте на ночь снижают температуру до 15—18 и даже 12 градусов, а на свету поднимают до двадцати пяти. В результате днем растениям жарко, а ночью они вынуждены... обогревать помещение. Исследования агрофизиков показали: тепловой комфорт обитателей теплиц определяется двумя факторами — температурой окружающего воздуха и количеством поглощенной лучистой энергии. При интенсивном освещении растения чувствуют себя неплохо, даже если в помещении мороз 5—6 градусов. Были бы в тепле корни.

Или взять роль суточных ритмов в жизни сельскохозяйственных культур. С помощью точных экспериментов, проведенных в лаборатории, установлено, что для многих растений умеренной зоны самым благоприятным является 14—18-часовой день. Однако некоторые из них могут прекрасно развиваться и при столь неестественно коротком дне, как шестичасовой. А абиссинская капуста не только безболезненно выдерживает смену света и тьмы через каждый час, но и вдвое по сравнению с обычными сутками увеличивает при этом прирост зеленой массы. И наоборот, есть растения, которые, если их «сон» сокращен хотя бы на пять минут против нормы, сильно запаздывают с образованием бутонов, а часовое освещение среди ночи полностью исключает плодоношение.

Но нередко подобная аритмия приходится сельскохозяйственным культурам по вкусу. Например, рекордные урожаи томатов здесь получают благодаря тому, что подобран оптимальный режим: 8 часов свет — 4 часа тьма — 4 снова свет — 8 часов тьма...

— Эти эксперименты показывают, насколько важна в жизни растений продолжительность дня и ночи, фотопериодизм, — комментирует результаты исследований руководитель лаборатории профессор Борис Мошков. — С помощью воздействия светом и темнотой в различных комбинациях мы подавляем ростовые процессы и поощряем процессы, создающие нужную нам продукцию. Огромную роль играет и интенсивность освещения. Все это надо учитывать, чтобы уметь управлять растительным организмом. Ведь потенциал растений чрезвычайно велик. Любая культура обладает фантастической продуктивностью.

Исследования, проводимые под руководством профессора Мошкова, имеют теоретический характер. Но они дают пищу для размышлений практикам. Беспредельные возможности повышения продуктивности растений, выявленные в лаборатории, — хорошая основа для оптимизма селекционеров в их трудных поисках. Но, кроме того, почему бы в производственной технологии закрытого грунта не испробовать некоторые — наиболее приемлемые для практики — варианты продолжительности дня и ночи? А может быть, следует изменить и тепловой режим теплиц? Агрофизики утверждают, что разработанные

ими методы выращивания гидропонных помидоров, редиса, огурцов и т. п. могут быть использованы уже сегодня.

В лаборатории профессора Мошкова развернуты столь же интересные исследования и со злаковыми культурами.

Под искусственным небом светоустановок хорошо известная пшеница обернулась вдруг прекрасной незнакомкой. Если, например, считалось, что вегетационный период озимых занимает от 240 до 360 дней, то здесь они стали вызревать за 120—170 суток. Яровые же вместо трех-четырех месяцев требовали полтора-два.

Каждое зерно на современном поле дает 18—20, максимум 25 зерен. А вот каковы способности пшеницы на самом деле: одно семя сорта «аврора», помещенное в светоустановку, дает 4000—5000 зерен.

Изменяя длину дня и ночи, ученым удалось выявить наиболее благоприятный режим. Например, ячмень здесь начинает колоситься на девятнадцатый день после посева и за год приносит семь урожаев. Яровые пшеницы успевают вызревать пять раз в году. Озимые — трижды, то есть дать за год на одном квадратном метре до 15 килограммов зерна, в пересчете на гектар — 1500 центнеров.

За три года в лаборатории вывели новую разновидность «аворы» — яровую. Ежегодно выращивали пять поколений, на четырнадцатом остановились и начали испытания на делянках. Первые результаты показали, что в производственных условиях скороспелая «авора» может давать 70 центнеров с гектара.

Но главный итог исследований в том, что разработан и проверен на растениях разных видов эффективный и высокоскоростной способ селекции, создания новых сортов. А в этом сельское хозяйство остро нуждается. Ведь на получение нового сорта селекционер затрачивает 10—12, а порой и 15 лет. Еще 5—8 сезонов уходит на испытания и размножение семян. Итого 15—20 лет. С помощью светоустановок для создания сорта достаточно двух-трех лет.

Специальное конструкторское бюро института разработало для сложных биологических исследований более совершенные приборы и устройства, зачастую уникальные. Это вегетационно-климатическая камера, вегетационный климатический шкаф, камера низких температур. В них можно скопировать климат тропиков и Заполярья, воспроизвести смену дня и ночи не только всех широт нашей планеты, но и внеземные сутки. С помощью простейшего программного устройства легко «заказать» нужную погоду на много часов вперед. Идет разработка новых агрегатов, в том числе суховейной и физиологической камер для тончайших экспериментов. Арсенал селекционера пополняется и новыми методами, и новой техникой, появляется возможность привести в действие, эффективно использовать потенциальные возможности растений.

Круг времени

Обзор гипотез об обратимости времени

Мифологические представления о строении и судьбе космоса, как это ни удивительно, во многом подтверждаются современной наукой. Почему? Не прикасаемся ли мы через миф к генетической памяти бесчисленных предшествующих поколений, к миллиарднолетним алгоритмам бытия? Ведь не только древний миф, но и художественное воображение вообще следует некоторым универсальным решениям в ответах на «вечные вопросы» о происхождении и конце мира и человека.

В знаменитом рассказе американского фантаста Клиффорда Саймака «Творец» (1935 год) повествуется о путешествии двух землян на «машине времени» в далекое прошлое, к первым мгновениям нашего наблюдаемого космоса, Метагалактики, ячейки бесконечной вселенной. Хроноплаватели попали в удивительную лабораторию, в которой проводился некий эксперимент с «конусом света». В результате этого опыта Метагалактика должна была родиться. На другой «машине времени» в ту же лабораторию попадают трое инопланетян. Все пятеро застают критическую ситуацию — экспериментатор, он же «творец», недоволен исходом опыта и хочет уничтожить новорожденный мир, чтобы затем добиться более красивой модели космоса. Естественно, земляне вместе с инопланетянами не остаются безучастными и после ряда коллизий и приключений спасают наше дорогое звездное небо, тем самым становясь как бы его «с сотворцами»...

Подспудная идея рассказа о человеке как активном участнике преобразования и даже рождения нынешней Метагалактики весьма глубока и недаром, по мнению специалистов, отразила новые горизонты, открывшиеся не только перед научной фантастикой, но и перед современным естествознанием. Одну из граней этой идеи можно назвать «капканом «машины времени».

Предположим, человек действительно построил «хронолет» и отправился на нем в прошлое. Высадившись там, он волей-неволей дает начало целой лавине событий, распространяющейся в будущее. Эти события вплетаются в ход мирового процесса, который порождает, пусть через века или мириады лет и где-то на других звездах, самого изобретателя. Тот полагает, что добился власти над временем, а на самом деле обрекает себя на вечное рабство, навсегда становившись пленником «петли времени».

В рассказе американского писателя Теодора Старджона

«Как белка в колесе» (1940 год), а затем в новелле Альфреда ван Фогта «Не первый» (1941 год) художественно исследована эта роковая ситуация: человек в одном случае по собственному капрису, а в другом дабы избегнуть гибели при столкновении на релятивистских скоростях со звездой, совершает прыжок назад во времени и потом не в состоянии вырваться из заколдованного временного круга.

И вечно будут возвращаться события в этом «хроновороте»: взлет человеческого могущества, иллюзия победы над временем, якобы свободный возврат в прошлое — и круг замкнулся! Снова и снова будет повторяться один и тот же обрывок мелодии на испорченной пластинке бытия, и лишь счастливое неведение помогает не отшатываться в ужасе перед бессмысленностью «беличьего колеса».

Но сколько энергии придется затратить для поворота времени? Ведь возврат в прошлое ввиду взаимосвязи всех событий неизбежно затронет весь мир, а для организации миротрясения придется использовать всю мощь космоса.

Известный американский фантаст Рэй Брэдбери в своем первом рассказе «Дilemma Холлербокена» (1938 год) описал изобретателя, научившегося на несколько мгновений останавливаться во времени и тем самым накапливать колоссальное количество губительной неуправляемой энергии. Эти идеи развел А. ван Фогт в новелле «Качели» (1941 год). Ученый отправляется в глубины времени к «началу начал» вселенной и по пути аккумулирует так много энергии, что по прибытии в пункт назначения при ее высвобождении происходит чудовищный взрыв, который, оказывается, и породил нашу Метагалактику.

Другими словами, если что и может быть «машиной времени», то только вся наблюдаемая вселенная. В ее структуре, в структуре самого космического времени должна быть заложена возможность и необходимость его поворота. Герои К. Саймака, А. ван Фогта, Р. Брэдбери и других фантастов лишь реализовывали эту возможность, замыкая «цепь времени» начальным, исходным ее звеном. И недаром к нам из будущего никто не прибывает — легче пустить космическое колесо под откос и уничтожить его, чем справиться с инерцией мировой машины и хотя бы на секунду-другую повернуть ее вспять.

О вселенной как «машине времени» думали величайшие философы и естествоиспытатели. Например, знаменитый немецкий математик Курт Гедель в 1948 году разработал модель космоса, в которой могли реализовываться «петли времени», совершающие путешествия во времени. Однако эта довольно громоздкая математическая модель потребовала ряд искусственных, как казалось тогда, допущений о вращении космоса, об изменении ритма пространства-времени от точки к точке. Ныне же подобное представление о необычном поведении пространства-времени и всего космоса стало привычным в результате интенсивного

изучения гравитационного коллапса и «черных (а также белых) дыр». Более того, не раз высказывалась идея, что вся вселенная представляет собой «коллапсар», гигантскую «черную дыру», в которой, следовательно, пространство-время ведет себя отнюдь не прямолинейно. Поэтому к модели Геделя имеет смысл вернуться и даже обобщить ее следующим образом: а не мчится ли космос по уникальной «петле времени»?

Еще древнегреческие мыслители предложили непротиворечивую модель самозамкнутого космоса, который заключен внутри конечной небесной сферы. В центре сферы у них помещалась, естественно, Земля, а под ней на равном расстоянии от небесной тверди располагался Тартар, как бы антинебо.

Согласно Пифагору, Демокриту и многим другим умам древнего Запада и Востока космос периодически погибает в огне мирового пожара и, словно легендарная птица Феникс, возрождается из пепла в точности таким же, каким и был. Как сказал философ Эвдем своим ученикам, «если же верить пифагорейцам, то я когда-нибудь с этой же палочкой в руках буду опять так же беседовать с вами, точно так же, как теперь, сидящими передо мной, и так же повторится и все остальное».

Такова одна из древнейших формулировок идеи «стационарной вселенной»: в каждом цикле космического круговорота все возвращается на круги своя, воистину «нет ничего нового в подлунном мире». Поскольку же циклы совершенно неотличимы один от другого, бессмысленно говорить о бесконечной последовательности предшествующих циклов: есть только один-единственный круг времени!

Спорили лишь о том, лежит ли причина возрождения и гибели космоса в нем самом или вовне, в боже. Материалистическое кредо отчеканил Гераклит: «Мир, единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим».

Логические аргументы против «сосчитанной бесконечности» времени и пространства подкрепляются результатами современной космологии. В Евклидовом бесконечном и вечном пространстве, равномерно или неравномерно засоренном на всем протяжении галактиками, туманностями, излучениями («космологическим субстратом»), неизбежны чисто эмпирические парадоксы типа «парадокса Ольберса». Последний гласит: в бесконечной и вечной непустой вселенной небесная сфера должна казаться любому наблюдателю сплошной светящейся поверхностью, ибо, куда вы ни взглянете, всюду увидите неисчислимое количество раскаленных звезд.

Современная космология связала кривизну пространства-времени с «космологическим субстратом» и тем самым отказалась

лась от примитивной, навеки застывшей Евклидовой модели мира. В неевклидовом (искривленном) пространстве-времени история вселенной развертывается несравненно интереснее. И теоретические уравнения, и экспериментальные наблюдения свидетельствуют о том, что вселенная расширяется, несколько миллиардов лет назад она была скрученена почти в точечный объем и возникла в результате так называемого «большого взрыва». Открытое лет двадцать назад фоновое, заполняющее весь космос излучение с температурой всего на 3°K выше абсолютного нуля — остаток, «реликт» огненной купели вселенной. В процессе стремительного «вспучивания» вселенной световые волны «взрыва» превратились в радиоволны, незаметные нашему глазу. Лишь с помощью чутких современных радиотелескопов удалось увидеть отблески сияющего первозданного пламени.

В самой простенькой модели «большого взрыва» космос постепенно остывает, радиус его безгранично растет, а плотность «космологического субстрата» падает (галактики как бы «разбегаются» друг от друга).

Возможны варианты, когда после «взрыва» объем вселенной через какое-то время стабилизируется, расширение прекращается, а если масса осколков достаточна, то в конце концов начнется сжатие космоса вплоть до конечного (и начального) точечного состояния, тем самым реализуется модель пульсирующей вселенной.

Идеалисты было решили, что «большой взрыв» подтверждает религиозную догму о сотворении мира из ничего. Но уже модель пульсирующей вселенной обращается к материалистическому гераклитовому пониманию огненного космического круговорота. Кроме того, взамен идеи одноразового «творения» английские космологи Ф. Хайл, Г. Бонди и Т. Голд выдвинули в 1948 году гипотезу «непрерывного творения» — космос бесконечен в пространстве и вечен во времени, но пространство беспрерывно расползается из-под ног. На вечно растягивающейся во все стороны ленте пространства атомы материи автоматически «прорастают» (скажем, из какого-то параллельного, существующего мира) таким образом, что плотность «космологического субстрата» не изменяется.

Однако после открытий реликтового фонового излучения и ранних протогалактик (квазаров), доказавших реальность «большого взрыва», от гипотезы «непрерывного творения» отказались даже ее создатели. Начался поиск новых, более совершенных моделей вселенной, а для этого космологи решили проанализировать понятия глобального (космического) и локального (измеряемого данным наблюдателем в данном месте) времени.

В модели симметричной вселенной, которую в начале 60-х годов независимо друг от друга предложили советский ученый Г. Наан и английский астрофизик Ф. Стеннард, при «большом

взрыве» космос раскалывается на две половинки: мир и антимир. Направления локального времени и соответственно знаки материи в обоих мирах взаимопротивоположны. В рамках симметричной модели возможны варианты стабилизированного и пульсирующего космоса.

Еще более оригинальную концепцию разработал в 1962 году Т. Голд. По его мнению, когда космос начинает сжиматься, локальное время по всей вселенной меняет знак. Трудности такой модели чисто формальны и связаны с проблемой роста энтропии. Они преодолены в модели английского астрофизика П. Дэвиса (1972 год), в которой за основу взят принцип пульсирующей вселенной, но в соседних циклах направления локальных времен взаимно противоположны. Космос, словно на качелях, принимает то одно, то другое состояние, которые выступают по отношению друг к другу как мир и антимир (точнее, квазиантимир). В таком случае реликтовое фоновое излучение — это излучение не только от бывшего «взрыва», но и от предстоящего «мирового пожара», когда огонь сталкивающихся тел будущего антимира выплескивается в начало нового цикла.

Обратимся к идеально-стационарной модели, или модели «вечного возвращения». Она, на мой взгляд, синтезирует основные достоинства моделей Геделя, Наана — Стеннарда, Голда, английских астрофизиков К. Муллиса и П. Дэвиса и преодолевает их недостатки. В ее основу положена идея относительности мира и антимира. Другими словами, между ними нет физической границы, ибо у каждого наблюдателя во вселенной, где бы он ни был, свой антимир, как у каждого жителя Земли есть свой антипод, живущий на противоположном полуширии. Частицы антимира отличаются от обычных частиц не больше, чем, скажем, австралиец от англичанина, хотя первый по отношению ко второму ходит вверх ногами, а частицы антимира движутся относительно обычных вспять во времени, обладают отрицательной энергией и массой и т. д. Другое дело — «посюсторонние», «наши» античастицы, которые представляют собой материализованные зеркальные отражения обычных частиц. Очевидно, если бы наше отражение в колодце «материализовалось», оно было бы перевернутым, но лишь имитировало бы антипод. Американскому физику-теоретику Р. Фейнману удалось в 1948 году соотнести античастицы с «псевдоантинодами», то есть с обычными частицами, движущимися вспять во времени.

Для наглядности можно представить, что направление локального времени меняется по вселенной от точки к точке. На условном же для каждого наблюдателя «экваторе», называемом в космологии «горизонтом событий», оно как бы перпендикулярно локальному времени этого самого наблюдателя, а в пространстве за «экватором» направлено в обратную сторону. Подобный непрерывный переход от мира к антимиру

происходит при гравитационном коллапсе: часы на поверхности сжимающейся звезды сначала замедляют свой ход, останавливаются при достижении критического «радиуса Шварцшильда» или гравитационного «горизонта событий», а после того, как звезда «провалится» из нашего пространства-времени за горизонт, идут вспять. Все это с точки зрения наблюдателя из нашего мира. А вот с точки зрения его коллеги, находящегося на поверхности коллапсирующей звезды, часы продолжают идти нормально, как ни в чем не бывало. Всего насчитывается четыре направления времени, как и в космологии майя и ацтеков. Таким образом, локальное время, а тем более глобальное, — это не нечто внешнее по отношению к событиям, а жестко связанное с ними. И в будущий цикл, будто сквозь ленту Мебиуса, «прорастают» корни и семена времен и событий цикла нынешнего. Другими словами, конец цикла, «схлопывание космоса», органично переходит в его же начало. Пройдет срок, и Эвдем снова скажет своим ученикам: «Все повторится».

Этические выводы из концепции «вечного возвращения» делялись самые разнообразные: одни у Пифагора, другие у древневосточных мыслителей (например, немецкий ученый Т. Гункель в книге «Творение и хаос начала и конца», вышедшей в 1898 году, предсказал переход конца мира в его уже бывшее начало на основании древних легенд и столь же древних мифов); в логическую форму эти выводы облекались у Демокрита, в художественную — у Ф. Достоевского; и если немецкий реакционный философ Фридрих Ницше обосновывал идеей «вечного возвращения» свой фатализм и мечтал идти по кругу времени «в мир, обернувшийся назад», то французский революционер Огюст Бланки черпал в «вечном возвращении» силы для устремления вперед.

Схема вечно изменяющегося, но остающегося абсолютно неизменным и словно изваянным в вечности космоса в данный момент глобального времени с точки зрения земного наблюдателя выглядит следующим образом. Поскольку мы можем зафиксировать только те фотоны, которые испущены лишь в данном «полушарии» вселенной, нельзя заглянуть за «экватор» (космологический горизонт) в антимир. Ввиду конечности скорости света C , чем дальше наблюдаемый объект, тем он ближе к точке, где произошел «большой взрыв». Если некоторое время Δt назад расширение сменилось сжатием, локальное время повернуло вспять, то в пределах окружающей нас сферы с радиусом $C \cdot \Delta t$ галактики выглядят состоящими из тех же «частичек», что и Земля, а за ее пределами как бы из «античастичек». На самом же деле при этом частицы повсеместно превратились в античастицы и наоборот. Аналогичную картину «маскарада» частиц и античастиц зафиксирует любой другой наблюдатель, в том числе наш антипод, живущий в антимире.

Как и в рассказе К. Саймака, из начального «конуса света»

выстреливается наш мир, и в этот же «конус», только с другой стороны, он проваливается. «Петля» или «восьмерка» пульсаций — вечный беговой круг вселенской «машины времени». Пройдена ли точка перегиба? Ведь с начала цикла прошло немало миллиардов лет, самое время «закругляться»...

Вполне вероятно, что мы сейчас живем уже в фазе сокращения. Но даже за пять минут до «схлопывания» космоса мы в свои телескопы будем наблюдать бездонную вселенную со все быстрее разбегающимися далекими галактиками. Ведь ее образ создается для нас световыми лучами, несущими замороженную информацию об испустивших их некогда источниках. За минуту до столь грандиозного события до нас еще будут доползать лучи, испущенные где-то в районе «экватора», то есть близко от «начала мира».

Можно ли в таком случае проверить экспериментально, стала сокращаться вселенная или нет? Ближайшие галактики большей частью действительно падают на нас, но это может оказаться просто статистической случайностью. Правда, последнее миллионолетие отличалось бурными событиями в жизни Земли и, видимо, окружающего космоса (происшедший несколько сотен тысяч лет назад чудовищный взрыв ядра Млечного Пути, вспышка ядра соседней галактики — туманности Андромеды, загадочное «перемешивание» Солнца десятки или сотни тысяч лет назад, многократные перевертывания магнитных полюсов планеты за последние несколько сотен тысяч лет, Великое оледенение, зарождение разума и т. п.), но это еще не доказательство поворота времени, хотя древнегреческие мифы упорно утверждают о сравнительно недавнем свержении старого Хроноса (старого «прямого времени») его сыном Зевсом или Юпитером.

А скажем, Платон в диалоге «Политик» подробно описал странные события на земле и «космотрясения» в период, когда «время потекло вспять» и «космос стал вращаться в обратную сторону». Кстати, по Платону, именно «поворот космоса» в результате столкновения двух направлений времени в памяти и восприятии предка человека и высек в нем искру самосознания, положил начало истории цивилизации на Земле.

Отсюда следует, в частности, что разумные существа появились во всем космосе одновременно, и этим, возможно, объясняется, почему к нам до сих пор не прилетали инопланетяне — никто не имеет форы, все цивилизации стоят на той же ступени развития, что и мы!

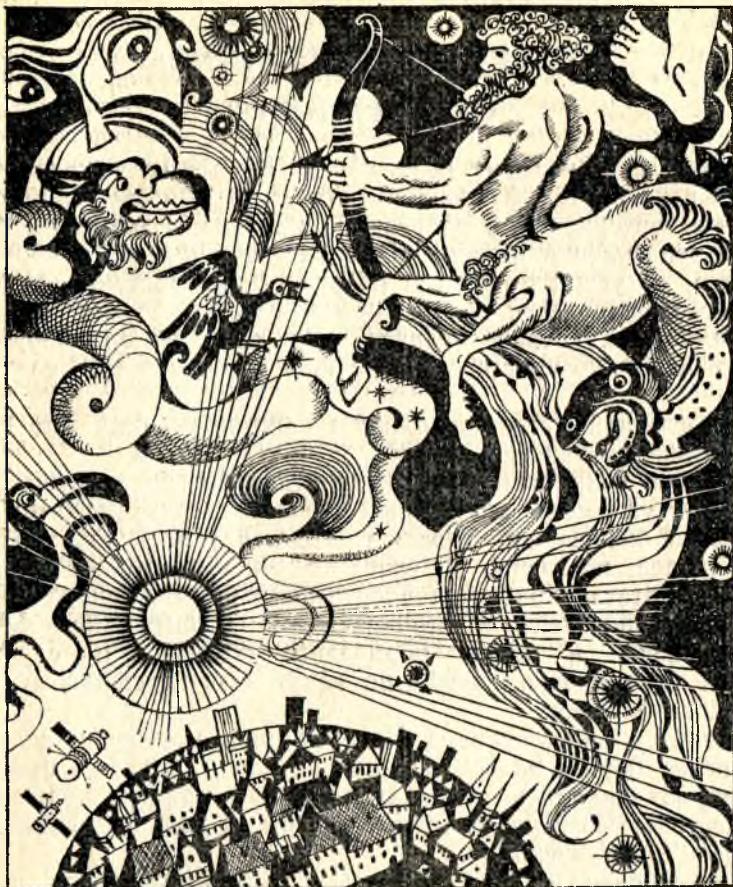
Не служат доказательством и неоднократные наблюдения психологов: нередко наши сновидения, коренящиеся в подсознании, в глубинных, первобытных пластиах психики, «палеолитичны» (по формулировке В. Тан-Богораза), ибо в них время явно течет вспять.

Но экспериментальная проверка в принципе возможна.

При повороте времени частицы, несущие информацию о далеких мирах, в том числе фотоны и нейтрино, мгновенно и одновременно превращаются в античастицы. Если поворот произошел, допустим, Δt лет назад, то за пределами окружающей нас и расширяющейся со скоростью света сферы с радиусом, равным Δt световых лет, вещество бескрайней вселенной, напомним, будет выглядеть как антивещество. С помощью обычного телескопа разницы не заметишь, поскольку фотон и антифотон тождественны. Однако нейтрино и антинейтрино ведут себя по-разному, и нейтринный «телескоп», если бы его удалось построить, смог бы, наверное, отличить галактику от антигалактики, наш островок вещества от остального «антивещественного» мира.

В рассказе американского фантаста и ученого Айзека Азимова «Последний вопрос» сотворение новой земли и нового неба доверено роботу, запрограммированному после грядущего «конца» мира осуществить команду «да будет свет!». Иначе говоря, «творец» прошлого заменяется «компьютером» будущего. И не остается места для человека, который, как это очевидно, все больше овладевает рычагами космоса и стремится взять на себя управление вселенской «машиной времени».

Но оставим сие на совести автора. Нас интересует другое: ведь вопрос о том, сжимается мир или все еще вспучивается, словно мыльный пузырь, немаловажный. Так не зависит ли все же судьба космоса от человека, который когда-то недаром назывался древними мифотворцами «рассадником небес», а ныне благодаря науке располагает возможностью овладеть временем?

НЕВЕДОМОЕ:
БОРЬБА
И ПОИСК

Тупики и перспективы фантастики

Фильм легче находит дорогу к массовому обывателю, чем социальный трактат футуролога или даже вымысел фантаста. И фантастические темы вторгаются на экраны коммерческого кино и телевидения Запада. «Будущее, которое вы, возможно, увидите», — уверяет реклама очередного кинобоевика «Мальчик и его собака». Речь идет о мире 2024 года.

Примечание, которое следует, уже социального прицела: «А вообще-то это просто сумасшедшая история о том, как выжить».

...Об атомной войне продолжают напоминать песчаные бури над мертвкой, выжженной землей.

Островки сохранившейся жизни ведут борьбу за существование. Тут уже не до социальной справедливости. Выжить! Человечества больше нет. Только где-то под землей сохранилась кучка людей, поселение во главе с «комитетом». Железная власть комитета охраняется роботами-убийцами, контролирующими народонаселение и устраивающими обязательные парады. Запасы воды и пищи объявлены общими, и суровые правила уравниловки неизбежно ведут к окончательному вырождению человека.

Таков лик «цивилизации». Наверху среди уцелевших ведется варварская борьба за все. Группки существ, когда-то бывших людьми, объединились в молодежные банды, которые с изощренной жестокостью борются друг с другом за каждый глоток воды, кусок пищи, женщину.

Все подчинено одному: выжить! Герой, полумальчик, полу-юноша, специалист по выживанию, который существует благодаря своей собаке, обладающей философским умом и даром телепатического общения с хозяином.

Случай сталкивает мальчика с девочкой из подземелья. Они полюбили друг друга, и теперь в мире их уже трое. Но в одной из схваток тяжело ранена собака. Без ее способностей выжить на земле невозможно. И, спасая собаку — единственную надежду на жизнь, — мальчик скармливает ей свою Джульетту...

Все атрибуты фантастики вроде бы налицо. Подобное зрелище призвано завлечь неистребимой жаждой неведомого, захватывающего, открывающего завесу будущего. Но вместо мечты подсовывается мысль о неизбежности краха, об иллюзорности счастья, добра и справедливости, труда и творчества, товарищества и взаимовыручки. Убей или будешь убитым, враж-

дебный мир надвигается на тебя, выхода нет — убеждает поток фильмов и литературной макулатуры с этикеткой фантастики. Безответственные вымыслы о наступлении мира кошмара совсем не безобидны: они пытаются убить мечту, лишить людей надежды и веры в будущее, превратить их в податливый материал для любых манипуляций правящих верхов.

Под прикрытием вымысла идет наступление на человеческую личность, призванное сыграть свою роль в массированных акциях по оболваниванию, ликвидации человеческого в человеке. Убийство мечты осуществляется разными приемами.

Одно направление фантастики рисует миры господства абсолютного интеллекта, лишенного всех посторонних человеческих черт вроде любознательности, жажды познания, дружбы, любви, нежности. Другое угрожает человеку гибелью не в результате уничтожения его как личности по мере превращения в интеллект-абсолют, а в результате столкновения с пришельцами из других миров. Третье рисует мир духовной и физической деградации людей в машинном обществе, под грузом техники, урбанизации и гибели окружающей среды. Четвертое...

Перечень может быть очень длинным, и каждое из названных направлений фантастики, казалось бы, резко отличается одно от другого.

Ну что общего между:

«Он родился, когда время было моложе своего нынешнего возраста и находилось на расстоянии и в измерении, которые невозможно себе представить. Он так давно покинул свой мир до того, как попал на Землю, что сам не знал, сколько времени провел в космическом пространстве. Он так давно жил в том мире, что даже не мог вспомнить, что он собой представлял до того, как наука изменила их род». Речь идет о герое рассказа Теодора Старджона «Золотое яйцо» — продукте бесконечного совершенствования, в результате которого «остались только несколько тысяч сверкающих золотых яйцевидных существ, оболочек с абсолютно развитыми умственными способностями, функционально обтекаемых, красивых и скучающих». И какие бы приключения ни происходили с яйцом на Земле, как бы профессионально ни был закручен сюжет, авторская фантазия несет читателю мысль об идеальном направлении эволюции рода мыслящих существ: через отделение конечностей от тела и ликвидации всех чувств и нравственных устоев к бесстрастно скучающему разуму, мощному и бесполезному.

Совсем, казалось бы, другой сюжет, к примеру, в рассказе Джона Кэмпбелла «Кто ты?». 20 миллионов лет назад из космоса прилетел корабль, управляемый космическими силами. Что-то произошло, и корабль совершил вынужденную посадку на начавшей замерзать Антарктиде, врезался в скалу. Один из членов экипажа вышел из корабля и заблудился в пурге. Он разу замерз. И вот теперь на него случайно натолкнулись ра-

ботники американской антарктической экспедиции. Дальнейшие события — борьба суперменов, которыми, к счастью, оказались члены экспедиции, с замерзшими останками пришельца, пролежавшими во льдах 20 миллионов лет и тем не менее обладавшими способностью мгновенно превращаться в любое животное или человека Земли и грозящими, если их не уничтожить, стереть человечество с лица планеты, оставшись в человеческом обличье. «Дело лишь в том, — поясняет Д. Кэмпбелл, — что в протоплазме встреченного нами существа ядра управляют клетками произвольно. Существо переварило Чернека (собаку. — Г. Х.) и, переваривая, изучило все клетки его тканей, чтобы перестроить свои клетки по их образцу... Это не собака. Имитация. Но со временем даже под микроскопом нельзя будет отличить перестроенную клетку от настоящей».

Два различных сюжета. И тем не менее их объединяет общая мысль об угрозе человечеству как виду, о возможности его исчезновения то ли в силу катастрофы, то ли в результате поглощения другой жизнью из космоса, а то и по мере длительной естественной эволюции.

Как правило, причиной грядущей гибели человека объявляются наука и техника, вышедшие из-под контроля людей. Следствием развития нынешних тенденций научно-технического прогресса сплошь и рядом провозглашается не всеобщее счастье, а ужас механизации. Эта линия носит по преимуществу антикоммунистический характер. Проповедники катастроф в ужасе остановились перед растущей бездной противоречий, в которую толкает человечество мир капитала. В их работах немало метких критических замечаний в адрес современного капитализма, не способного поставить достижения науки и техники на службу человеку. Но эта неспособность ими абсолютизируется объявляется всеобщей. Мир же организованного, планомерно управляемого общественного производства, создаваемый социализмом, преподносится как наихудшее воплощение всех отрицательных тенденций современных науки и техники, так как этот мир создает якобы возможность захвата монополии над техникой узкой группой бюрократов или даже компьютеров.

Любая постановка вопроса о будущем, будь то исследование ученого или произведение фантаста, свидетельствует об их прямой или косвенной связи с суммой идей, выработанных общественной наукой.

В мире противоположных социальных систем не может быть единого обществоведения. Его идеи всегда отражают социальные позиции тех или иных классов общества. И эти позиции накладывают главный отпечаток на представления об идеальных системах, путях их возникновения и развития, характере будущей жизни на Земле. В советской фантастике все лучшие ее достижения неразрывно связаны с гуманистической научной идеологией марксизма-ленинизма. Не случайно В. И. Ленин об

яснял необходимость исторического подхода к любому явлению не только правильным объяснением прошлого, но и безбоязненным «предвидением будущего», «смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению»*.

В попытках приоткрыть завесу будущего строя социальных отношений и развертывается столкновение двух основных мировоззрений, общественных идеалов различных слоев и классов общества. Какими бы различными по форме ни были эти идеалы, все их безбрежное море как четкий водораздел рассекает идея: капитализм или социализм, будущее как та или иная форма видоизмененного капиталистического общества или как реализация научного коммунистического идеала.

Огромная социальная и фантастическая литература Запада дает изображение массы вариантов будущего.

В недавнем прошлом господствующим идеалом был мир все-властвия техники, спокойного разрешения всех социальных противоречий сегодняшнего дня с помощью машин и компьютеров. Идея об автоматической смене мотивов поведения человека под влиянием новой техники и технологий прочно вошла в арсенал буржуазного обществоведения и фантастической литературы. Видным пропагандистом этой идеи был французский специалист в области социального прогнозирования Ш. Фурастье. Его книги «Великая надежда XX века», «История завтра» и другие легли в основу технических вариантов мечты о завтрашнем дне. Но какой идеал проповедовали они, к какой мечте звали человека? Фетиш технического прогресса, который якобы сам по себе решает все экономические и социальные проблемы и устраивает необходимость революционного свержения капиталистического строя, — вот что навязывалось человечеству. По Фурастье, технический прогресс становится единственным двигателем общественного развития, ведет к общему росту благосостояния и стирианию полюсов бедности и богатства.

Правда, даже те, кто безгранично верит в чудодейственное влияние техники на общество, подчас не скрывают тревог, связанных с ее нынешним использованием. Истекшие 20 лет, когда начались космические полеты, была установлена армия электронных вычислительных роботов стоимостью во многие миллиарды долларов и оказался разгаданным механизм человеческой наследственности, не были «золотым веком». И сегодня взоры, как зачарованные, обращаются в грядущие 20 лет нашего тысячелетия. Фетишистское отношение к возможностям технических чудес уже сейчас порождает подспудную неуверенность и туманное чувство тревоги в связи с тем, что грядущее не явится простой интермедией между принципиально одинаковыми 70-ми и 80-ми годами. В последнее время вместе с потоком фантастической и футурологической литературы наблюдается подлинная инфляция прогнозов на будущее.

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

...Между 17 и 19 часами в Париже средняя скорость движения автомашин достигает максимум 6,5 километра в час. Восьмидесят лет тому назад на лошади, запряженной в пролетку, можно было двигаться со скоростью 9 километров в час. В Рурской области, двенадцатом по плотности населения районе мира, ежегодно погибают под колесами автомашин больше полутора тысяч человек и еще двенадцать тысяч остаются калеками.

На международных симпозиумах ученых, обсуждающих перспективы буйно развивающихся отраслей современных науки и техники, все чаще предпринимаются попытки довести до широких слоев населения проблемы будущего общедоступным языком. Но, спускаясь с высоты своих кабинетов на землю, ученые демонстрируют пораженной и содрогающейся от ужаса публике чудеса техники завтрашнего дня: вычислительные машины с памятью в тысячи раз обширнее, чем регистрирующая способность применяемых сейчас электронных машин; самолеты, способные брать на борт во много раз больше пассажиров, чем крупнейшие современные реактивные гиганты; города и поселки, которые, словно буровые вышки, возвышаются на столбах над поверхностью океанов; автомобили на воздушных подушках или с дистанционным управлением и массовые средства транспорта, которые, словно гильзы пневматической почты, несутся по системе каналов; обучающие машины, искусственные продукты питания, синтетическое сырье и чудовищные порождения опытов по генной инженерии. Буржуазные ученые утверждают, что тот, кто едет верхом на тигре, уже не может сойти с него, но выражают надежду обеспечить не только управление взбесившимся зверем-техникой, но и поставить ее, минуя классовую борьбу, на службу решения общечеловеческих проблем. Тот же Фурастье утверждал, что технический прогресс, разрешая проблему благосостояния, обеспечивает одновременно и «антропологическую революцию», то есть переход от эффективного, апеллирующего к социально-политическим преобразованиям типа человека к «взвешивающему» типу, который будет рассматривать все явления исключительно в технико-экономическом аспекте. Создание нового человека, по мнению ряда буржуазных теоретиков и писателей, требует устраниния «социально-политического экрана», чтобы выявить в чистом виде техническую эволюцию.

Сопоставление важнейших показателей жизни масс в доиндустриальную эпоху с современными показателями «индустриальной эры» используется авторами типа Фурастье для того, чтобы показать якобы глобальные тенденции нынешнего капитализма, экстраполяция которых в следующее тысячелетие и покажет нам облик грядущей цивилизации. Разделив всю историю человечества на два периода: от неолита до 1750—1800 годов (отнесенного к традиционному обществу) и от

1750—1800 годов до наших дней (период вступления в «индустриальную эру»), Фурастье заявляет о наметившейся кардинальной «мутации» человечества: для нее якобы характерны существенные изменения в длительности труда и образования, в степени комфорта на работе и профессиональной удовлетворенности, уровне общественной гигиены и продолжительности жизни, в самом поведении людей, их идеалах, мечтах, способах общения и желаниях.

Литература абсурда как бы улавливает первые штрихи создаваемого техническим обществом на базе прежнего человечества мутантного вида. Представители модной ветви религиозного экзистенциализма восхваляют взгляды основоположника искусства абсурда Эжена Ионеско за его проповедь неизбежной нивелировки человеческой личности по мере технической трансформации капитализма. В условиях этой нивелировки жизнь прежнего человека якобы неизбежно превращается в абсурд, ликвидировать который не в состоянии «никакая революция, никакая общественная формация». Навязывая эту мысль, сам Ионеско использует принцип «рациональной иррациональности», часто наделяет всех своих персонажей одними и теми же именами, подчеркивая этим деиндивидуализированность людей. Например, в пьесе «Лысая певица». У умершего Бобби Уотсона осталась вдова, которую зовут Бобби Уотсон. Всех ее детей тоже зовут Бобби Уотсон. И двоюродный брат, за которого хочет выйти вдова Бобби Уотсон, тоже Бобби Уотсон. Так Ионеско выпячивает тезис, что люди становятся неотличимыми друг от друга, и в этой безликоности им просто не нужны различные имена.

Что это? Просто литературный вымысел или картина будущего, ожидаемого людьми, неотвратимого, как неотвратим сам технический прогресс?

Да, представьте, именно о таком будущем безликой, «индивидуализированной» массы всерьез рассуждают теоретики «индустриальной эры». Сошлюсь опять на Фурастье, ибо его взгляды типичны для этой группы буржуазных теоретиков. Индустриальное общество, как утверждает он, независимо от своей социально-экономической и идеально-политической формы (эта оговорка сделана для того, чтобы облыжно отнести социализм и капитализм к двум разновидностям единого индустриального общества) стремится устраниć «неорганизованного» человека, юдинить его технически продуманной рациональности, реализовать введенное Г. Маркузе понятие «одномерного человека» тем самым лишить людей индивидуальности.

Фурастье считает такой ход событий хотя и отрицательным, но неизбежным. Затормозить процесс превращения людей в технически сколоченное стадо, локализовать тенденции техницизма могут лишь такие внетехнические элементы культуры, как искусство, в котором находит выражение вечный, аффектный, лю-

бящий, ревнующий, завидующий и страдающий человек; мораль, помогающая преодолевать паралич воли; философия, рождающая целостную концепцию мира; религия, воодушевляющая человека перед лицом непознаваемого.

Западные сторонники подобных взглядов делают при этом трафаретный антикоммунистический выпад: буржуазная разновидность индустриального общества якобы оставляет возможность для развития таких элементов культуры, тогда как его советский вариант окончательно их ликвидирует.

Расписывая последствия технического прогресса как фатально-предопределенные, буржуазные идеологи объявляют о необходимости отказа от всех идеалов и утопий прошлого, ложно причисляя к утопии и марксизм, от мифов, от надежд на социальную справедливость и равенство. Развитие техники ставит перед человечеством якобы одну задачу: выжить!

Так смыкается круг между бульварной фантастикой и буржуазным социальным прогнозированием. Только в этих прогнозах рецепты по выживанию выглядят вполне научообразными. Несколько лет назад исследовательская группа Технического университета в Афинах опубликовала сценарий того, как будет выглядеть через 80 лет заселение земной поверхности. По этому сценарию половина всей земной поверхности непригодна для жизни. На остальной половине человечество, которое достигнет 35 миллиардов, образует «эйкуменополис», то есть мировой город. Для того чтобы в этом мировом городе, забитом людьми, осталось что-либо от природы, жилые помещения для 35 миллиардов людей должны быть сконцентрированы на небольшой площади, в результате чего плотность населения составит 100 тысяч человек на квадратный километр. Отсюда делается вывод, что создание системы городов пойдет неизведанными путями, может быть, путем строительства башенных городов. А представители, казалось бы, далеких от обществоведения и литературы отраслей знаний типа Вернала Тайлера и Карла Асиала из исследовательского отдела «Макдонаелл-Дуглас корпорейшн» — концерна в Сент-Луисе (штат Миссури, США), связанного с проблемами межпланетных путешествий, дают технические расчеты «разумных жилых массивов» для выживания. Эти массивы представляются ими в виде больших организмов: они предполагают существование системы обмена веществ (в жилой массив должны ежедневно доставляться в огромных количествах вода, продовольствие и горючее); системы освобождения от отходов (от экскрементов до отработанного газа); системы артерий (горизонтальные и вертикальные дороги для людей и средств транспорта). Тело массива — стены и конструкции, в пределах которых протекает жизнь. Свой проект Тайлер назвал жилой системой, представляющей собой не вилы негрет из домов, а «разумно соединяющую» в себе все системы большого городского организма.

Используя счетно-вычислительные машины, авторы проекта втиснули обычный четвертьмиллионный город в двенадцать гигантских башен, соединенных сетью труб.

Каждая башня имеет сто этажей. По своим параметрам она превосходит все строения, когда-либо возводившиеся на Земле. Двенадцать башен образуют внешнюю оболочку города. Под ней расположены жилые помещения, заводы, учреждения, рестораны, кинотеатры и плавательные бассейны.

Башни оборудованы автоматической системой снабжения. Мусор не вывозится. Отбросы по пневмотрубам направляются прямо из квартир в машинное отделение под землей, где и перерабатываются. По пневмотрубам же в квартиры доставляется продовольствие: хозяйка по телевидению знакомится с ассортиментом товаров в магазинах и делает заказ, который с быстротой молнии доставляется на дом пневмопочтой. Дома расположены по кругу диаметром полтора километра и соединены между собой огромными трубами, в которых находятся современные системы транспорта. По подземным трубам можно достичь любой башни в городе за считанные минуты. На высоте сто и двести метров башни соединены движущимися тротуарами в стеклянных трубах. Автомобилей в городе нет. Они находятся в подземных гаражах и могут использоваться только для загородных поездок.

Авторы проекта озабочены лишь тем, что его реализация потребует решения тысяч научных и технических проблем. Но возникает закономерный вопрос: а как быть с решением проблем социальных? Для кого задуман подобный город-рай? Не ясно ли, что людям труда, не говоря уже о безработных, там нет места? И вновь мы возвращаемся к исходной точке. Развитие техники и все блага, которые она сулит, предназначаются для узкой элиты, тогда как обезличенная масса, деиндивидуализированная личность, станет лишь ненужным отбросом рисуемой буржуазными идеологами цивилизации, отбросом, обреченным на строго запрограммированную жизнь.

У честных ученых на Западе такая перспектива вызывает серьезную тревогу. «Преклонение перед техническим прогрессом ради него самого должно прекратиться», — заявил один видный американский экономист.

Все чаще раздаются голоса о том, что все более сомнительной становится наука, которая пытается осуществить все, что на в состоянии достичь, не задумываясь заранее над моральными и социальными последствиями. «Способность человека бездумно разрушать свою среду почти безгранична», — говорил американский ученый Стеббинс, профессор Калифорнийского университета.

Многие буржуазные ученые при этом справедливо отмечают, что основную угрозу среде обитания человека несет гонка вооружений и накапливание оружия массового уничтожения.

«Если положение не изменится, — отмечалось в американском журнале «Тру», — то в пещерных погребах гор Манзано, на расстоянии часа езды от старого города индейцев Альбукерка (штат Нью-Мексика, США), могут оправдаться все самые мрачные прогнозы. Там хранится столько водородных бомб, что можно поднять на воздух всю планету».

И в том месте солнечной системы, где сейчас обитает человек, останется огромное черное радиоактивное облако. Подобные тревоги обоснованы. Беда лишь в том, что в них нет даже упоминания о подлинном источнике этой опасности — реакционной социальной системе империализма, несущей миру угрозу напряженности, гонки вооружений, военных конфликтов.

Современные буржуазные идеологи под видом «нового образа мыслей» подсовывают массе прогнозы и фантастику, призванные увести людей от реальных социальных проблем и примирить с курсом на обесчеловечение, проводимым империализмом, пропагандируя опасную идею неизбежности потери веры в социальные идеалы. Как писал западногерманский журнал «Шпигель» уже десять лет назад, цинично оправдывая этот курс, «не оправдалась надежда XVIII века, что просвещение поможет создать новую научно обоснованную и базирующуюся на разуме систему идеалов. И все социал-философские системы с того времени, — продолжал «Шпигель», лживо намекая прежде всего на марксизм, — так и не смогли опровергнуть то, что в общем нечего противопоставить пессимистическому выводу, который франкфуртский философ Макс Хоркхаймер в 1946 году сформулировал следующим образом: «Развитие технических средств сопровождается процессом обесчеловечения. Прогресс угрожает уничтожить ту самую цель, которую он призван осуществить, — идею человека». Тем самым людям подбрасывается мысль, что все мечты о социальной справедливости были и остались утопией и научное определение путей раскрепощения человека, данное марксизмом-ленинизмом, тоже якобы осталось в рамках утопизма. Это ныне самый расхожий штамп антикоммунизма. Но утопия и научное социальное прогнозирование принципиально различны.

Мир утопии пришел к нам из дали веков.

...Кто из нас не знает с детства приключения Робинзона Крузо на необитаемом острове? Но весь сюжет знаменитого романа Дефо — сплошная мистификация. В основу был положен действительный случай — английский моряк Селкирк спасся время кораблекрушения и добрался до необитаемого острова, где пробыл много лет. Но в отличие от литературного Робинзона он одичал и потерял человеческий облик, главной причиной чего было отсутствие общения. Невозможность развития интеллекта вне общества подтверждают и известные случаи существования детей в джунглях, в звериных стаях. Такие дети,

как правило, вернуться в человеческое сообщество, стать людьми уже не могли. Человек — самое общественное из всех живых существ. Живя как человек среди себе подобных, он не только страдает от пороков общественной организации прошлого и настоящего, проклинает их, борется против них и стремится изменить общество к лучшему, но и постоянно мечтает об этом лучшем, справедливом мире добра и равенства, любви и взаимопомощи, победы над злом, насилием и угнетением одних людей другими.

Нет народов, которые не сотворили бы своих утопических идеалов. Они очень различны в зависимости от исторических условий и особенностей формирования тех или иных национальных общностей. Классическая западноевропейская утопия мало похожа на славянско-русскую или восточную, но природа их единна: вера в неизбежность социальной справедливости. Знаменитый Герберт Уэллс в 1902 году выступил с лекцией «Открытие будущего». Формулируя свое кредо, он говорил: можно по преимуществу интересоваться прошлым человечества, можно будущим. Правда, прошлое, настоящее и будущее неразрывно связаны. Все это стороны одной действительности. Отнюдь не безразлично, в какую сторону обратить свой взор... А сейчас, в начале двадцатого века, человечеству необходимо видеть свое будущее с особенной ясностью, исследовать все возможные его варианты, добиваться, чтобы осуществились наиболее благоприятные из них. Уэллс имел в виду отнюдь не только техническую, но прежде всего общественную сторону будущего, судьбу человечества, взлет человеческого разума, освобождение от насилия. Уэллс — фантаст, стремящийся осознать социально-исторические реалии. Он неставил задачи создать мир утопии. Его роднит с европейским утопизмом лишь вера в возможность избрать лучший, справедливый вариант будущего. А вера эта уходит своими корнями в христианскую мечту о тысячелетнем царстве праведников, порожденную Библией, которая определяла возраст мира в шесть тысяч лет. Если бог создавал мир шесть дней, а на седьмой отдыхал, то каждая тысяча лет приравнивается к одному дню, и седьмая тысяча, по образцу дня отдыха бога, провозглашалась тысячелетним царством праведников. Верующие ждали его наступления с неотвратимостью смены дней недели по истечении шести тысяч лет... Этим утопическим идеалом вдохновлялись, по существу, крестьянские движения Томаса Мюнцера или «моравских братьев», о которых вспоминал Л. Толстой в «Легенде о зеленой палочке».

Этот же идеал породил идеи раннего утопического коммунизма Томаса Мора и других утопистов средневековья. Сам Т. Мор был глубоко верующий человек. Одежда лорда-канцлера скрывала власяницу на его теле, стойкость убеждений привела его на эшафот. Но в своей «Утопии» Т. Мор выступил не как проповедник церковных догм, а как мечтатель, опирающийся на

светскую утопию «государства» Платона. Мор рисовал остров, где люди равны, примитивны, их желания ограничены, а потребности умеренны. Это общество уравнено на грани «достойной нищеты», душевного оскудения и строгой общественной регламентации. Примитивный коммунизм выступил как антипод индивидуализму, стяжательству, насилию немногих над большинством.

В этом же русле развивались утопии Т. Герцка (Австро-Венгрия) и Э. Беллами (США), Морисса и С. Батлера (Англия).

А в России народ мечтал о далекой общине изобилия, равенства и братства, которое не боится расцвета личности, включает в себя всех, без различия рас и национальностей, приветствует сильных и мудрых, заботится о сирых и слабых и не нуждается в какой-то особой уравнительной регламентации общественной жизни, кроме равенства всех на Земле.

В этой прекрасной стране любой человек возрождается духовно. Второй и третий тома «Мертвых душ» Гоголь задумывал как утопию, где все его герои, включая Плюшкина, переродятся духовно, воскреснут нравственно. Именно нравственное воскрешение личности, а не ее осерднение по воле придуманной регламентации всего и вся питало истоки русской утопии, мечты о праведных землях, например, легенды о Беловодье, граде Игната, Ореховой земле или реке Дары.

И вера в землю праведную всегда была сильна среди народа. Не случайно в пьесе Горького «На дне» Лука рассказывает о человеке, который верил в такую землю, где все у людей славно-хорошо. Хотел этот человек пойти на поиски земли праведной, своей единственной радости в жизни, да встретился с ученым. «Покажи ты мне, сделай милость, где лежит праведная земля и как туда дорога? Сейчас этот ученый книги раскрыл, планы разложил... глядел-глядел — нет нигде праведной земли!.. Человек — не верит... Должна, говорит, быть... Ищи лучше! А то, говорит, книги и планы твои — пи к чему, если праведной земли нет... Ученый в обиду. Мои, говорит, планы самые верные, а праведной земли вовсе нигде нет». Так Горький подводит итог краха извечной крестьянской мечты не об изобилии и технических чудесах, а о праведности, справедливости, человечности. Печален этот крах... «Жил-жил, терпел-терпел и все верил — есть! А по планам выходит — нету! Грабеж!.. И говорит он ученому: «...Подлец ты, а не ученый...» Да в ухо ему — раз. Да еще... А после того пошел домой и удавился».

По-разному завершался крах утопии, но вера в справедливость оставалась неистребимой. Можно ли не восхищаться мечтой казаков Кирсановского поселка, собравших в 1898 году на общей сходке огромные деньги по тем временам — две тысячи

пятьсот рублей, да и пославших трех станичников — уральских казаков с наказом найти во что бы то ни стало Беловодское царство?! Станичники объехали полмира, а через пять месяцев из Японии, через Владивосток, вернулись в свой поселок ни с чем. Один из путников — Хохлов Г. Т. — вел дневник, опубликованный в 1903 году. Об этом путешествии упоминал Короленко не как о курьезе, а как о мировоззрении огромной части русского народа с неистребимой верой в жизнь праведную, достойную человека, без всякой государственной регламентации. «Красота спасет мир», — мечтал князь Мышкин у Достоевского. В идеале красоты человеческой, синониме социальной справедливости, главный смысл русской народной социальной утопии*.

Все утопические идеалы исходили из внутреннего самоусовершенствования личности. Нравственное возрождение личности в русской утопии или ее подчинение государственной регламентации и формирование заданных человеческих параметров в западном утопизме рассматривались как необходимые предпосылки построения общества социальной справедливости. Игнорирование материальных условий человеческого бытия, диалектики развития общественной жизни, примитивное представление о ликвидации частной собственности и возникновении колlettivизма в виде грубой уравниловки, в целом нищего существования было ахиллесовой пятой социальных утопий. Но они дали толчок научному обществоведению, философии, экономике, социализму, расцвет которых подготовил условия для марксистского анализа общественной жизни.

К. Маркс и Ф. Энгельс с помощью диалектико-историко-материалистического миропонимания проанализировали самые сложные, кажущиеся на первый взгляд пестро-хаотическими общественные явления. В противоположность субъективной социологии молодой В. И. Ленин в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» развил марксистское материалистическое понимание функционирования общества и его перспектив. Ленин опирался на «Капитал» Маркса, справедливо отмечая, что с его созданием представление о развитии общества стало «научно доказанным положением», «синонимом общественной науки» **. Вся суть этого положения выражена Лениным с гениальной краткостью и емкостью.

Указав на то, что Маркс в «Капитале» представил закон движения капиталистической общественно-экономической формации как естественноисторический процесс и создал теорию клас-

* См.: Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. Т. 1. 2. М., 1977.

** Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 1, с. 140.

совой борьбы, Ленин сделал вывод, что это впервые возвело «социологию на степень науки»*.

Впоследствии Ленин не раз возвращался к основной идеи о том, что необходимо давать анализ общества «как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса»**.

В основу такого анализа Ленин всегда вслед за Марксом и Энгельсом ставил материальные производительные силы, точно определенные условия жизни различных классов.

Научное социальное прогнозирование общественного развития показало всю ограниченность социальных утопий и вместе с тем повлекло за собой острое столкновение различных мировоззренческих позиций. И фантастика и футурология явились разными формами отражения этого процесса. Бурное развитие машинной цивилизации усложнило проблему, но не изменило ее существа.

Если старая, домаркова философия покорно остановилась перед хаотической бессмыслицей общественного процесса, то марксизм убедительно показал, что противоречие между идеалом и реальностью имеет исторические корни в классовом обществе и может быть гармонизировано общественной революционной деятельностью людей. Марксистское социальное прогнозирование тем и отличалось от утопических картин идеального совершенства, от утомительной лжи западных фантастов, что на место мифотворчества и утопии оно поставило науку. «...Мы не стремимся, — писал К. Маркс, — догматически предвосхитить будущее... Конструирование будущего и провозглашение раз навсегда готовых решений для всех грядущих времен не есть наше дело...»***

Научное прогнозирование опирается на анализ конкретной исторической практики, учитывает возможные изменения, связанные с творчеством последующих поколений, отражает свободу выбора как олицетворение человеческой мечты.

А сегодня, делая вид, будто научного марксистско-ленинского анализа перспектив социального прогресса не существует, и клевеща на реальный социализм, буржуазные обществоведы и писатели-фантасты рассуждают о крахе «утопизма» и рисуют мрачные картины неизбежной гибели человека.

В чем же видят «спасение» буржуазные идеологии, апеллирующие к наиболее массовой, серой и забитой мелкобуржуазной среде современности? Методологические основы таких рецептов во многом заимствованы из трудов антипрогрессистов Э. Фромма, Ж. Эллюля, Г. АRONA и др.

Сложные условия существования современного общества по-

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 428.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 58.

*** Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 379.

разному отражаются в идейно-политическом сознании различных слоев буржуазии. Одной из форм такого сознания в настоящее время все шире выступает политическая идеология так называемого «нового» консерватизма, не обремененного якобы грузом консервативной идеологии прошлого. Это сложное идейно-политическое явление, которое не поддается однозначному истолкованию. В нем и претензии на воспроизведение буржуазного либерализма, и конвергентные иллюзии традиций плюралистического общества, и откровенно тоталитаристские нотки. Распространение скепсиса по отношению полезности для людей неконтролируемого технического прогресса, страх перед техническим будущим и «тоска по застою», распространяемые идеологами неосимондизма, послужили для них основанием провозгласить прогресс «бациллой, грозящей уничтожить всю землю», объявить, будто в современных условиях понятия «прогрессивный» и «консервативный» меняются местами.

Западногерманский идеолог К. К. Кальтенбруннер в книге «Трудный консерватизм» пытается всячески оправдать существование консервативных настроений и выдвинуть аргументы в пользу «нового» консерватизма. Формулируя свою позицию, он пишет, что западная демократия не может отказаться от консерватизма без ущерба для себя: развитие экономического, сырьевого, экологического и других кризисов, растущее понимание неуправляемости западных государств, разочарование в «утопически революционном принципе надежды» и другие факторы современной жизни делают якобы консерватизм крайне актуальным, ибо консерваторы, мол, не желая уничтожения уже созданной институциональной системы, ратуют только за пересмотр отношения к безудержному прогрессу и безбрежной эманципации оказавшегося слабым человека. Как заявляет Кальтенбруннер, консерватизм считают склонным к насилию, «отрицанием всего, что стремится вперед и ввысь», но «новый» консерватизм демонстрирует всего лишь трезвое понимание роли консерватизма в современной жизни. Кальтенбруннер всячески пытается отмежеваться от тоталитарного фашизма. «Тоталитарная система господства, — пишет он, — в своей смертельной борьбе за тотальное самоутверждение и экспансию внутри и вовсе не может более опираться на консерватизм. Наоборот, логика тоталитарной системы требует радикальной ликвидации всех оставшихся и всех потенциальных носителей консервативных позиций. В связи с этим он пугает человечество тем, что если оно отвернется от консерватизма, то станет жертвой «лживых утопий» и погрузится в состояние варварства. Сквозь поток этих угрожающих картин явственно прослеживается направленность проповеди неоконсерватизма: не просто затормозить технический прогресс и «поставить под контроль технологическое индустриальное развитие, а обеспечить противодействие левым силам, деятельность которых клеветнически трактуется как «сползание

в катастрофу». Западногерманский ученый М. Грайфенхазен в книге «Свобода против равенства» проводит мысль, что сторонники неоконсерватизма пытаются борьбой против социального равенства, сводимого к примитивной уравниловке, задержать демократизацию западногерманского общества.

Таким образом, хотя представители неоконсерватизма придерживаются на словах различных мировоззренческих ориентаций, часть из них в прошлом примыкала к демократическим движениям и даже заигрывала с левыми силами, другая часть причисляла себя к старым либералам, подключение к этому течению мелкобуржуазных идеологов вносит в него реакционную струю тоталитарного авторитаризма фашистского толка, на которую так падка обывательская мелкобуржуазная масса в периоды резкого обострения капиталистических противоречий и социальных катализмов.

Пытаясь включить в эту массу и рабочий класс, увести его от идеалов научного социализма и столкнуть в болото антипрогрессизма, обволочь реакционной утопией устойчивости мелкой собственности и примитивного ремесла, упоминавшийся Кальтенброннер декларирует, будто в случае серьезного кризиса рабочие рисуют потерять больше, чем только свои цепи, клеветнически изображает их как главную силу консерватизма.

Представители левой социал-демократии справедливо считают, что неоконсерваторы, по существу, борются против «левых преобразователей системы», ратуют за возрождение староконсервативных, реакционных представлений о государстве и обществе, за огульное отрицание социального прогресса, за антидемократизм. Выдвигая представление о человеке как о существе по своей природе несовершенном, ограниченном, неподдающемся дисциплинированию, неоконсерваторы мелкобуржуазного толка выдают тоску по сильной власти, способной обеспечить порядок и сохранить стабильность условий существования мелкобуржуазной массы в капитализме, «очищенном» от противоречий своего развития. Авторитарное государство представляется ими чуть ли не в виде единственного гаранта «действительности конкретной свободы» личности в гегельянском истолковании.

Уроки истории свидетельствуют об опасности вспышки мелкобуржуазных иллюзий и попыток их претворения в жизнь. Эти же уроки свидетельствуют о том, что наиболее подверженная ударам капиталистического роста мелкобуржуазная масса превращается в социальную базу самой мрачной реакции именно в периоды обострения противоречий капиталистической системы. Так было в России в начале века, когда только последовательно пролетарская линия большевиков во главе с В. И. Лениным вырвала в процессе социалистической революции страну из мелкобуржуазного хаоса и насилия, в Германии 30-х годов, где фашистский шрам не зарос и до наших дней.

в Китае после отхода в 60-х годах от интернациональной пролетарской линии и попытки реализации на практике маоизма, в ряде других стран. Все это свидетельствует об опасности вспышек мелкобуржуазного реакционного романтизма, которые могут быть использованы крайне правыми силами.

В мире, наполненном буржуазной литературой, призванной убить в человеке мечту о социальной справедливости, воскресить мракобесие и политическую реакцию, правда и подлинно оптимизм концентрируются на стороне научного коммунизма. Вот почему решающее значение приобретает жизнеутверждающий анализ социального облика будущего в научных исследованиях и научной фантастике, показ человека будущего, его духовного и интеллектуального мира. Никакое описание чудес техники решить эту задачу не может. Коллективизм выступает как антипод индивидуализма, прежде всего мелкобуржуазного индивидуализма. Но его трактовка как источника ликвидации человеческой индивидуальности в корне ложна. Именно социалистический коллективизм и является той единственной питательной почвой, на которой расцветает многогранная человеческая индивидуальность.

Коммунистическое общество, по мысли Маркса, направленное против «грубого, уравнительного коммунизма», вовсе не является абстрактным отрицанием мира культуры и цивилизации. Уравнительный коммунизм, требующий всеобщей нивелировки и общности нищенских благ, не допускающий ничего, что возвышается над определенным низким уровнем, есть всего лишь отражение психологии старого жадного обывателя в новом историческом движении.

По Марксу и Энгельсу, коммунизм вовсе не собирается «насильственным образом» устранить таланты. Напротив. В пределах коммунистического общества — единственного общества, где самобытное и свободное развитие индивидов перестает быть фразой, — это развитие обусловливается именно связью индивидов, связью, заключающейся отчасти в экономических предпосылках, отчасти в необходимой солидарности свободного развития и, наконец, в универсальном характере деятельности индивидов на основе имеющихся производительных сил. Дело идет здесь, следовательно, об индивидах на определенной исторической ступени развития, а отнюдь не о любых случайных индивидах, не говоря уже о неизбежной коммунистической революции, которая сама есть общее условие их свободного развития. Сознание своих взаимоотношений также, конечно, станет у индивидов совершенно другим и не будет поэтому ни «принципом любви» или *devonement* (самоотверженностью), ни эгоизмом»*.

Миру нищеты, уравниловки, насилия над личностью, чудовищной унификации, к которому ведет капитализм, коммунисты

* Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 441.

противопоставляют материальный и духовный расцвет личности на коллективистской базе производства, труда и жизни, совершенствование не по пути нивелировки людской массы, а самих условий существования подлинно развитой личности труженика, творца, обогащенного духовно и нравственно. Этот идеал научно обоснован марксистско-ленинским мировоззрением, именно он вдохновляет лучшие произведения советских фантастов. Об этом говорил космонавт В. Севастьянов при обсуждении фильма «Космический рейс» накануне дня космонавтики в 1980 году: «Мне сейчас вспоминаются картины Р. Викторова «Москва — Кассиопея» и «Отроки во Вселенной», а также телеспектакль «Солярис»... Конечно же, каждому из нас хочется видеть на экране не технические подробности и устройства космических кораблей будущего, а человека будущего. Фантастический жанр предоставляет художнику широчайшее поле эксперимента. Необычные условия космического полета... все это фон, высвечивающий новые черты человека...»

Советская фантастика, творящая видение совершенного человека из будущего, отталкивается от реальной действительности пробуждения в личности каждого начал творца и созиателя, развития всесторонних способностей и душевной гармоничности людей новой социальной формации.

«Ретро» в научной фантастике

Советский читатель благодаря сложившейся в нашей стране традиции переводов научной фантастики Англии и США познакомился со многими значительными произведениями прогрессивных писателей этих стран. У нас лучше знают тех писателей, наиболее плодотворный период творчества которых пришелся на пятидесятые годы. Это прежде всего Айзек Азимов, Артур Кларк, Джон Уиндем, Клиффорд Саймак, Теодор Старджон, Пол Андерсон, Фред Хойл и Хэл Клемент.

Журнальная научная фантастика 30—40-х годов у нас почти неизвестна. Поэтому, когда в сборнике «Пять зеленых лун»* был помещен рассказ Джека Льюиса «Кто у кого украл?», написанный в начале пятидесятых годов, причины его появления могли показаться не вполне очевидными.

Джек Льюис излагает историю переписки редакторов журналов с неким автором, чьи рассказы постоянно отклонялись, так как якобы уже были в 30—40-е годы опубликованы Тоддом Тромбери. Это вымышленное лицо — такого писателя нет в указателях и переписях журнальных публикаций, — воплощающее в себе дух первооткрывательства тех лет, когда мастера слова «столбили» новые участки, зачастую успевая сбить с них лишь самые крупные, лежащие на поверхности самородки. Углубленно их разработать предстояло новым поколениям. Да, рассказ Льюиса — вариация на тему «ничто не ново под Луной» (в данном случае научно-фантастической), но в нем также проявилась тенденция, четко обозначившаяся позже, в семидесятые годы, которую можно назвать: «обращение к истории научной фантастики».

Что привело к возникновению этой во многом примечательной тенденции? Причины были разнородны, но можно выделить две основные: усугубление разочарования в возможностях НТР, с одной стороны, и коммерциализация научной фантастики — с другой.

Научно-технический прогресс в западном мире породил немало иллюзий о скором переустройстве общества на справедливых началах. Перепробовав множество естественнонаучных рецептов по перестройке мира, фантасты пришли к осознанию, что само по себе научно-техническое развитие не несет избавления от социальных несправедливостей. Размышления над вопросами будущего существования человечества неизбежно приводят к мысли о бесперспективности капиталистического обще-

* Пять зеленых лун. М. «Мир», 1978.

ства, зыбкость основ которого художники не могут не ощущать, когда пытаются изобразить внутренне непротиворечивый вариант будущего. 30—40-е годы были для научной фантастики Англии и США порой формирования основных мировоззренческих принципов, которые теперь осмысливаются заново.

Признание научной фантастики в семидесятые годы литературоведами многих стран сделало книги, выходящие под рубрикой «SF», верным источником дохода для книгоиздателей. Коммерциализация становится подлинным бичом научной фантастики как в Англии, так и за океаном: при бешеном темпе работы писатели, особенно молодые, быстро растратывают запас свежих мыслей и образов. Рынок безостановочно требует новые книги и новых авторов, «выживают» лишь самые одаренные или самые оборотистые. Поэтому новые «звезды», вспыхнувшие всего год-три назад, теперь с трудом удается отыскать на литературном небосклоне.

Даже те писатели, которым удалось сохранить оригинальность, не перестают ощущать гнет литературной поденщины. Барри Мальцберг, американский писатель, отстоявший свое право на самостоятельность после десяти лет непрерывной работы за машинкой (к сорока годам он был автором 22 романов и 250 рассказов), написал в 1979 году совместно с Биллом Пронцини рассказ «Ринг для прозаиков», в котором изобразил похожий на матч профессиональных боксеров поединок двух сочинителей — ветерана и начинающего. По условиям соревнований они должны «выдать» повесть длиной 10 тысяч слов на одну из заданных тем (например, «инопланетный секс»), отрываясь от машинки только затем, чтобы выпить положенную порцию кофе — задержки в «плавном течении повествования» наказываются штрафными очками. Вымышенными в этом рассказе являются только конкретные подробности проведения соревнований, по существу, это отклик на злобу дня. Равнодушно читать это невозможно: настолько остро чувствуется боль художников за талант, который топят в омуте низкопробных штампов на потребу публике.

Ретроспекция, свойственная литературной и критической практике писателей-фантастов семидесятых, фокусируется по преимуществу на двух моментах исторического развития научной фантастики — на «Франкенштейне» Мэри Шелли и на журнальной фантастике. В чем причины концентрации внимания именно на них, а не на творчестве, скажем, Герберта Уэллса или Жюля Верна? Преобразующая роль Уэллса и Верна никем не отрицается, но многие исследователи сегодня склонны считать именно «Франкенштейна» М. Шелли первоистоком современной научной фантастики и видеть ее непосредственное основание в журнале «Поразительная научная фантастика», «поставившего на ноги» в 30—40-е годы когорту наиболее известных американских и английских фантастов старшего поколения.

«Самоанализ» писателей, споры о причинах, побуждающих именно теперь писать фантастику, критические обзоры новых книг и фильмов на страницах научно-фантастических журналов, речи на «всемирных» конгрессах по проблемам, которые волнуют умы фантастов, составление антологий «лучших рассказов года» — все это было поиском путей развития научной фантастики. В семидесятые годы фантастика «поднимается на метауровень», вырабатывается набор понятий, терминов, категорий, позволяющих более верно и глубоко судить о ней.

Как же осознают сегодня писатели бытие научной фантастики? Что нового принесла она в мир? Как изменила восприятие жизни читателями и писателями? Как сама изменилась?

Остановимся на творчестве двух американских писателей — Роберта Сильверберга и Харлана Эллисона.

Роберт Сильверберг — один из наиболее плодовитых писателей-фантастов, авторитетный антологист. В 1976 году вышла его книга «Игры Козерога», состоящая из восьми рассказов, написанных с позиции переосмыслиния традиционных тем научной фантастики. Особый интерес представляет рассказ «Зал Славы научной фантастики» — о соотношении научной фантастики и действительности в сознании читателя.

Это внутренний монолог, перемежающийся вставками абзацев из научно-фантастических произведений разных авторов со страниц журналов 40—50-х годов. Сильверберг опубликовал свои первые рассказы в середине пятидесятых, таким образом, вставки характеризуют также и его круг чтения в те годы. Безымянный герой рассказа пытается постичь причины своего пристрастия к фантастике, не ушедшего вместе с юностью, а, напротив, превратившегося в нечто вроде наваждения. На работе над ним подтрунивают, видя в постоянном чтении лишь чудачество. Сам же он, размышляя над своим отношением к научной фантастике, то так же, как и большинство окружающих, считает, что это эскапистская развлекательная литература, то приходит к выводу, что ее нельзя не ценить за проникновение в суть вещей. Чтение фантастики выработало у него способность мыслить логически в многомерном пространстве, смотреть на мир одновременно с многих точек зрения. Оно позволяет также взглянуть отстраненно на происходящее вокруг в транспортной толчее и деловой текучке, отметить в знакомых людях черты известных научно-фантастических героев. Сильверберг анализирует сознание рядового члена американского общества семидесятых годов, который испытывает страх перед слишком неопределенным будущим. «Может быть, на самом деле я боюсь не сбывающегося с толку многообразия миров будущего, а отсутствия самого будущего», — думает его герой. Он ощущает себя ходячим вместилищем заемного соображения, по первому требованию может ответить цитатой из любимого автора на любой вопрос. Все приводимые в рассказе отрывки заканчиваются

вполне определенным разрешением конфликта, ответом на всякую поставленную проблему: влюбленные, надев телепатический шлем, достигают полного взаимопонимания; философы получают от думающей машины ответ на вопрос о сущности и цели жизни; путешествие в «машине времени» разрешает все сомнения о природе времени; ужасное инопланетное чудовище оказывается при ближайшем рассмотрении гостепримным и любвеобильным. Решения и ответы не только положительны, но они всегда ясны и недвусмыслены.

Во время сна-путешествия герой отдаляется от Земли в космическое пространство и бесконечно долго странствует по коридорам, которые время от времени раздваиваются и ветвятся. Навстречу ему движутся разнообразные существа, вид которых меняется в каждом новом коридоре, куда он поворачивает. И наконец, он достигает центра вселенной, а вместе с тем спокойствия, тишины посреди бушующих галактик.

Преодолевая страх, который вызывают у него мрачные пророчества некоторых писателей, герой ищет в фантастике путеводную нить, способную указать ему единственно правильный путь в лабиринте возможностей.

Серьезный американский критик Томас Клэрсон отмечал в связи с другими произведениями мастерство Силверберга в выборе точки зрения, в построении повествования, видя в этом его творческий вклад в развитие научной фантастики. В рассказе «Зал Славы...» Силверберг также продемонстрировал возможности тщательного выбора типа повествования, достигнув своеобразного синтеза двух точек зрения в образе одного персонажа. Ни сам Силверберг, ни его герой не верят в возможность установления «галактической империи», в просторных рамках которой должны чудесным образом разрешиться все противоречия. Он рассматривает то самостоятельное бытие, которое обрели в сознании людей идеи и образы, ставшие для самой научной фантастики уже историей.

Сложившиеся стереотипы научно-фантастической литературы давно стали обузой для писателей и приелись думающим читателям. Джек Уильямсон, один из старейших американских фантастов, который выступил с первыми рассказами еще в 1928 году, в речи по случаю вручения ему почетной премии Небьюла в 1977 году сказал: «В ответ на технологическую лавину в нашем сознании произошел своего рода квантовый скачок. Существующие общественные установления соответствовали уровням технического развития, отдаленным от нас на сотни, тысячи и десятки тысяч лет. Чтобы выжить в век компьютеров, ядерной физики и генной инженерии, нам надо изменить всю систему нашего общества» *.

* Jack Williamson. «The Next Century of Science Fiction-Analog», February 1978, Vol. XCVIII, № 2, p. 14.

Процесс ломки непрост. В научной фантастике последнего десятилетия возникает также и обратное, ностальгическое стремление, тоска по «старым добрым временам».

Июльский выпуск 1977 года журнала «Фэнтези и научная фантастика» был почти полностью посвящен творчеству Харлана Эллисона, энергично вторгнувшегося в НФ в шестидесятые годы. Он приложил немало усилий к преодолению обособления научной фантастики от литературы «общего потока», ясно осознавая, что тень на ее репутацию как серьезного вида литературы бросает долгое существование в недрах журналов. В 1967 году Эллисон составил сборник рассказов тридцати трех авторов под названием «Опасные видения», нарочито, можно даже сказать, агрессивно направленный на бесповоротную ломку журнальных стереотипов. И тот же Эллисон пишет в 1977 году рассказ «Джеффти пять лет», проникнутый ностальгией.

Герой рассказа Джеффти, на горе своим родителям, не растет и остается пятилетним. Не слабоумным, недоразвитым, а нормальным пятилетним ребенком на протяжении двадцати лет. Джеффти — связующее звено с ушедшим безвозвратно миром 40—50-х годов, он воскрешает этот мир к жизни. С любовью Эллисон перечисляет названия популярных в те годы радиопередач, которые теперь вытеснены бесчисленными ансамблями рок-музыки и бюллетенями новостей, вспоминает даже точное время их трансляции. Джеффти именно оживляет минувшее, в полном смысле слова создает среду, где продолжают писать Эдгар Райс Берроуз, Стэнли Уэйнбаум и Генри Катнер, хотя в реальном мире их давно не стало.

Почему же воскрешает Эллисон «старое доброе время»? Именно потому, что теперь оно воспринимается как **добroe**. Все было просто и кристально ясно, убежденность в правильности решений проистекала из неколебимой уверенности в благотворности научно-технического прогресса для буржуазного общества. Теперь людские надежды рождаются с каждым восходом солнца и умирают с его заходом. В своем разочаровании люди начинают уделять непропорционально много внимания развлечениям, теряются в конвейере потребления. Эллисон видит опасность для общества в забвении хорошего ради лучшего, активно пропагандируемого идеологами общества потребления. «В безоглядном самоубийственном стремлении достичь Нового Будущего мир уничтожил сокровища простого счастья, залил бетоном площадки для игр, оставил поиски прекрасного», — с грустью пишет он. Люди современного буржуазного мира не выдергивают проверки добротой, не могут оценить щедрость Джеффти, который дарит им иной, более мягкий и светлый мир. Родители Джеффти подавлены мыслью о ненормальности сына и относятся к нему с опаской, перерастающей в подчеркнутую антипатию. Его единственный друг, от лица которого ведется рассказ, все

в той же погоне за лучшим теряет Джейфти. Ради собственной выгоды и призрачной помощи прогрессу (он владелец первого магазина телевизоров в небольшом городке), пытаясь у служить привередливому покупателю, отправляет Джейфти одного за билетами в кино, где подростки избивают его до смерти*.

Супергерои научно-фантастических произведений 30—40-х годов — это выдуманные тени, подобные разрекламированным кинозвездам или «героям» войны во Вьетнаме. И в научной фантастике распространяются пародии, насмешки над отжившим представлением о мире, которые, помимо социальной, несут также и форморазвивающую функцию.

В повести «Селено-тени 1870-х» американский писатель Рафаэл Лафферти в псевдодокументальном стиле повествует о суде, учиненном героями телепьес над их автором, в результате чего тот таинственно исчезает. Среди персонажей есть жестокая красавица, злодей, благородный герой, человек-паук, неизвестный, который является в последний момент и распутывает все узлы. Из пьесы в пьесу переходят эти персонажи, хотя названия их профессий и занятия меняются. По перечисленным типам героев можно убедиться в том, что Лафферти ставит стереотипных героев научной фантастики 30—40-х годов в прямую связь с героями вестерна. Это почти фольклорные персонажи, для функционирования которых автор уже и не нужен.

Соотечественник Лафферти Брус МакАллистер в рассказе-пародии «Победитель» пытается продолжить жизнь героя за рамки, которыми обычно прерывалось повествование. Молодой герой с помощью некоего профессора («безумного ученого») одерживает победу над враждебными инопланетянами, за что в награду ему достается профессорская дочь. МакАллистер описывает его жизнь после женитьбы, когда слава победы постепенно забывается, историческое поле битвы застраивается, а же на становится ворчливой. Ничего героического не остается в победителе, по сути дела, описана история разочарования человека при столкновении с жизнью.

В английской и американской литературе многочисленны также произведения, авторы которых пытаются переосмыслить взбудораживший в свое время умы и воображение современников «Франкенштейн» Мэри Шелли. Этот роман, созданный в 1817 году, в сорокадесятилетие нашего века словно магнитом притягивает к себе внимание также сценаристов и драматургов.

Переложения, подражания и пародии стали появляться уже вскоре после выхода романа в свет. В 1823 году Ричард Бринкли Пик написал пьесу «Самонадеянность, или Судьба Франкенштейна», тогда же шла на сцене пародия неизвестного автора под названием «Франк и кое-что еще, или Современная про-

* Этот эпизод, к сожалению, не выдуман писателем. Он несколько лет изучал состояние детской преступности в США и посвятил этой теме две книги — «Драка» и «Опасные улицы» (1958).

позиция», в котором пренебрежительно обыгрывалось звучание полного названия романа — «Франкенштейн, или Современный Прометей». Эти две постановки выражали два противоположных мнения о романе, развившиеся впоследствии в облегченную трактовку Франкенштейна и его Чудовища как воплощения катастрофического потенциала науки. Акцент постепенно переместился на ужасающий облик и неуправляемость Чудовища (в фильме Джеймса Уэйли «Франкенштейн» с Борисом Карловым (1931) и особенно в фильмах-«продолжениях» — «Невеста Франкенштейна» и др.). Внутреннее сходство Франкенштейна и Чудовища было отмечено еще современниками Мэри Шелли. В постановке «Самонадеянность, или Судьба Франкенштейна», о которой М. Шелли хорошо отзывалась, роли Чудовища и его создателя играл один актер — Т. Кук. Постепенно это привело к смешению двух героев, в английском языке появилось даже выражение «создать Франкенштейна». В результате перерождения образа Франкенштейна в продолжениях и переложениях он обрел вторую жизнь в массовом сознании.

Но если в массовом восприятии Франкенштейн и его Чудовище — это воплощение ужаса неизвестности перед таящимися в тиши лабораторий «дьявольскими изобретениями» ученых, то в научной фантастике обращение к произведению Мэри Шелли вызвано попыткой взглянуть на классику с позиций сегодняшнего дня. В начале семидесятых вышел роман Брайана Олдисса «Освобожденный Франкенштейн» (1973), тогда же Кристофер Ишервуд и Дон Бачарди написали телесценарий «Франкенштейн: То, что было на самом деле» (1973), в котором произошло своеобразное соединение «Франкенштейна» и «Портрета Дориана Грея» — Чудовище изображается вначале прекрасным и лишь постепенно становится отвратительным. В 1974 году отдельной книгой вышла пьеса канадцев Олдена Ноулана и Уолтера Лернинга «Франкенштейн, или Человек, ставший богом» — попытка очистить первоисточник от наносного.

Роман Мэри Шелли — это сложный синтез готики, просветительских идей и романтической трактовки героев и обстоятельств. Английский литературовед Эрнест Бейкер вычленяет такие основные элементы готического романа, как тайна, чудо, страх и напряжение, сильное чувство и ужас. Восприятие массовым читателем готической стороны романа оттеснило на задний план большую часть его содержания. Новое по сравнению с готикой было заложено во взаимоотношениях Франкенштейна и Чудовища. Именно на эту сторону романа и обращают внимание писатели-фантасты в семидесятые годы.

Франкенштейн стремился познать тайны природы, но это стремление отчасти абстрактно, потому что ему более важен сам процесс познания, чем его результат. Подробности создания Чудовища не были ему противны, хотя материалы приходилось доставать на кладбище, бойне и в анатомическом театре — он

стремился довести работу до конца. Когда первое движение созданного существа подтвердило правильность идей, интерес пропал и осталось одно отвращение. Франкенштейн бежит от своего творения, испугавшись жеста благодарности существа, которое еще не умело говорить, но все же пришло поблагодарить своего создателя. Главная его вина по отношению к Чудовищу даже не в том, что он создал его безобразным, а в том, что, создав, он бросил его на произвол судьбы. Чудовище было для Франкенштейна лишь результатом эксперимента по искусственно воспроизведению жизни, и в том, что искра разума, таящаяся в уродливом теле Чудовища, разгорелась пожаром ненависти и мести, его вина. Мэри Шелли первая в художественной форме выразила мысль об ответственности ученого перед обществом за плоды своего труда.

В романе М. Шелли Чудовище — реализация идей, мастерства и мечты Франкенштейна. Чудовище — воплощение любви Франкенштейна к людям, но по милости своего создателя оно уродливо, поэтому его любовь проявляется в уродливой форме. В семидесятые годы на первый план выступает трагедия существования отталкивающего внешне, но наделенного большой силой добра индивидуума в современном капиталистическом обществе, трансформирующем его облик и душу, толкающем на жестокость — трагедия противостояния конформизму. Тема божественного возмездия, которая во многом определяла логику развития образа Чудовища у Мэри Шелли, давно отступила на второй план, оттесненная обсуждением ставшего теперь насущным вопроса о сути гуманизма, его необходимости и оправданности.

Само понятие гуманизма распадается и теряется в мирах, обрисованных Брайаном Олдиссом в «Освобожденном Франкенштейне» (1973). Герой «Освобожденного Франкенштейна» Боденленд, который сквозь расплзающуюся ткань пространства-времени проваливается в начало девятнадцатого века, в мир, где сосуществуют Мэри Шелли и ее герои, терзается дилеммой — предоставить событиям свободу развиваться своим ходом или взять «правосудие» в свои руки и уничтожить Чудовище и Франкенштейна. Боденленд выбирает действие, но образ убиенного Виктора преследует его во сне и паяву, моральные и все иные оправдания подавляются тяжестью снова и снова падающего после его выстрела тела. Сцена убийства Чудовища и его подруги выглядит как отвратительная бойня, совершенно уже бессмысленная, так как происходит вроде даже и не на Земле (к этому моменту «временная ткань» расплзается уже настолько, что перемешиваются осколки параллельных и следующих друг за другом миров), а неизвестно где, следовательно, пропадает мотив спасения человечества от Чудовища. В finale романа Боденленд, вцепившийся в пулемет и готовый прошить очередью каждого, кто к нему приблизится, уже абсол-

лютно теряет человеческий облик. Дилемма оказалась практически неразрешимой для Олдисса.

В рассказе техасцев Стивена Атли и Хауарда Уолдропа «Черно как в яме, от полюса до полюса» (1977) также сплетаются несколько миров, но цель их сплетения совсем иная, нежели у Олдисса. Авторы видят основную причину несчастий Чудовища в том, что, создав искусственное, идеальное по духовным качествам, но безобразное внешне существо, Франкенштейн не подумал о том, чтобы создать для него мир, в котором оно могло бы жить. Поэтому Атли и Уолдроп поставили себе задачу сформировать мир для Чудовища. Они пытаются построить подходящий для этого «лоскутного человека» мир из кусочков, созданных воображением других писателей: Эдгара По, Германа Мелвилла, Жюля Верна, Х. Лавкрафта, Эдгара Райса Берроуза и других, менее известных авторов. Вначале складывается впечатление лишь лоскутной пестроты, но постепенно проясняется схема, по которой кусочки сложены. Для искусственного человека они избирают искусственную модель полой Земли, предложенную в начале девятнадцатого века Джоном Кливом Симмсом. Обитаемые внутренние сферы они заселяют с помощью различных писателей доисторическими животными, которые никогда не видели дневного света, и людьми, находящимися на первобытной и феодальной ступенях развития. Гарднер Доэйнс, американский составитель антологий, поместивший рассказ Атли и Уолдропа в сборник научно-фантастических рассказов 1977 года, назвал его стилизацией. Но такое определение лишь очень приблизительно отражает его сущность. «Франкенштейн» Мэри Шелли не был стилизацией, хотя исследователи отмечают в нем мотивы и образы из произведений других авторов (Джона Мильтона, Сэмюэла Колриджа, Эдгара По, Германа Мелвилла), в рассказе также выстраивается оригинальная конструкция из частично разобранных старых.

Гуманные принципы, заложенные в Чудовище при создании, оказались неприменимы даже в специально сконструированном для него мире. Но авторы не хотят оставлять читателю лишь сокрушенные надежды и сами верят в возможность их возрождения где-то в будущем, к которому нужно стремиться. «Несправедливо, что я должен быть так одинок», — говорит Чудовище с болью в своем покрытом швами и шрамами сердце.

Как мы видели, «ретро» в западной научной фантастике — не следование моде, а явление, вызванное как причинами, первоначально породившими эту моду в изобразительном искусстве, так и закономерностями развития научной фантастики как особой ветви литературы. Но так или иначе вряд ли на таком пути удастся обнаружить значительные ресурсы развития современной научной фантастики. Для истинного развития необходимы более значительные перемены как образной структуры произведений, так и его мировоззренческой основы.

НЛО И ЭНЛОНАВТЫ

в свете фольклористики

4
5
6
7

Массовому советскому читателю хорошо знакомы термины НЛО (неопознанные летающие объекты), УФО (английский термин для НЛО) и «летающие тарелки» (популярный термин для НЛО). Сведения о них публиковались в газетах, в научно-популярных статьях, авторы которых пытались объяснить, что же такое НЛО: неопознанные явления природы, инопланетные пришельцы, их зонды или просто вымысел? В свое время проблемой НЛО серьезно занимались в США. Созданная по инициативе ВВС США программа по изучению неопознанных летающих объектов, известная под названием «Проект «Синяя книга», после 22 лет своего существования была официально завершена в декабре 1969 года признанием того факта, что никакой проблемы НЛО не существует: все известные случаи наблюдений НЛО либо квалифицируются как мистификация и сознательный обман со стороны «очевидцев», либо поддаются идентификации как известные науке явления (атмосферное электричество, метеорологические явления, иллюзии и т. п.).

Проблеме НЛО до сих пор уделяется довольно пристальное внимание. Рассматриваемая в различных аспектах современной науки и техники, эта проблема, однако, не была еще предметом исследования как объект фольклористики. Тем не менее она имеет к фольклору самое непосредственное отношение: большинство сведений об НЛО основано на устных рассказах очевидцев. Число сообщений о якобы имевших место встречах с «летающими тарелками» и даже с энлонавтами (экипажем НЛО; другие термины: уфонаавты, гуманоиды) продолжает неимоверно расти. Зарегистрировано несколько сот тысяч рассказов о наблюдении НЛО. Эти сведения тщательно собираются, систематизируются и анализируются.

Поскольку сообщения очевидцев хорошо документированы, это дает возможность для их всестороннего анализа. Однако в данной статье мы не будем рассматривать вопрос о достоверности этих сообщений, вопрос о реальности самих НЛО: нас будет интересовать лишь повествовательная сторона с точки зрения фольклористики, то есть устные рассказы об НЛО и энлонавтах как таковые.

Прежде всего охарактеризуем кратко объект нашего исследования. Это рассказы о встречах людей с таинственными летающими объектами и антропоморфными существами, которые якобы на них летают. Иногда просто «что-то летит и светится». Чаще это объект круглой или цилиндрической формы («сига-

ра»). В классической форме «летающая тарелка» — вращающийся дисковидный объект с куполом наверху, окаймленный разноцветными мигающими огнями. При посадке этих объектов на Землю видят внутри их и около них «людей».

Рассказ о встрече с НЛО или энлонавтами — это своеобразный отчет очевидца, свидетельское показание о странном, таинственном случае, нарушившем течение нормальной жизни. За редким исключением это всегда документированный рассказ с указанием определенного лица, даты и времени события, места наблюдения, иногда с зарисовкой увиденного.

Уже это одно, на наш взгляд, позволяет отнести рассказы о встречах с НЛО к жанру несказочной прозы — меморатам, в частности, характеризовать их как былички. Быличка — это рассказ о конкретном случае, связанном с определенной местностью и определенными лицами. «Своеобразие формы былички определяется тем, что это рассказы о столкновении человека с потусторонним миром, рассказы не только о чем-то необыкновенном, но и необъяснимом и страшном».

Этим своеобразием отличаются и рассказы об НЛО. Рассказчик стремится подчеркнуть невероятность случившегося. Необычность явления подчеркивается и описанием чувства страха. Рассказчица, например, сообщает, как она была перепугана «абсолютно ирреальным характером излучаемого света» НЛО, «охвачена сильным и «ненормальным» страхом, смешанным с «замешательством», словно она видела нечто такое, чего не должна была (видеть)».

Элемент страха часто присутствует в рассказах об НЛО, дается конкретное описание этого чувства в определенный момент наблюдения, иногда с подробными симптомами.

Рассказчик (Франция, Алье) сообщает, что, заметив в стороне от дороги большой полукруглый купол, который светился, но не освещал окружающие его предметы, он направился к нему. На полдороге его охватил «сильный и беспричинный физический страх, словно излучаемый этим предметом. Сначала это был страх физический (он почувствовал, что у него свело мышцы, поднялись волосы, муряшки пробежали по спине, началось сердцебиение...) и необъяснимый... Его разум не понимал реакции своего тела. Он остановился, так как почувствовал, что его охватывает страх психологический...» Этот страх сменился паникой, и рассказчик решил спасаться бегством.

Многие жители деревни Лара (Санта-Роза, Венесуэла) видят приземлившийся у реки дисковидный объект. Сначала боятся подойти, объясняя чувство страха темнотой и нестерпимым жаром, исходившим от места приземления НЛО: «...Нам показалось, что мы видели внутри двух маленьких людей, которые двигались автоматически, словно управляемые». Объект внезапно взлетает и за несколько секунд исчезает в небе.

Самая характерная черта былички — установка на досто-

верность — непременный элемент в рассказах об НЛО. Это определяется не только тем, что рассказчик стремится подчеркнуть достоверность своего сообщения: «Наконец, я клянусь, если нужно, повторить перед распятием, что мы видели таинственный объект», но и всеми событиями, окружающими это сообщение: «Свидетель утверждает, что сразу же информировал об этом полицию».

В заброшенной военной крепости (Италия) рассказчик видел странное существо около 1,2 метра ростом, хрупкого телосложения, в черной одежде, плотно облегающей тело. В той части, которая покрывала голову, на месте глаз — две прорези. У него странная и неуклюжая походка, «словно он скользил над землей». Через 10 минут исчез, словно улетучился.

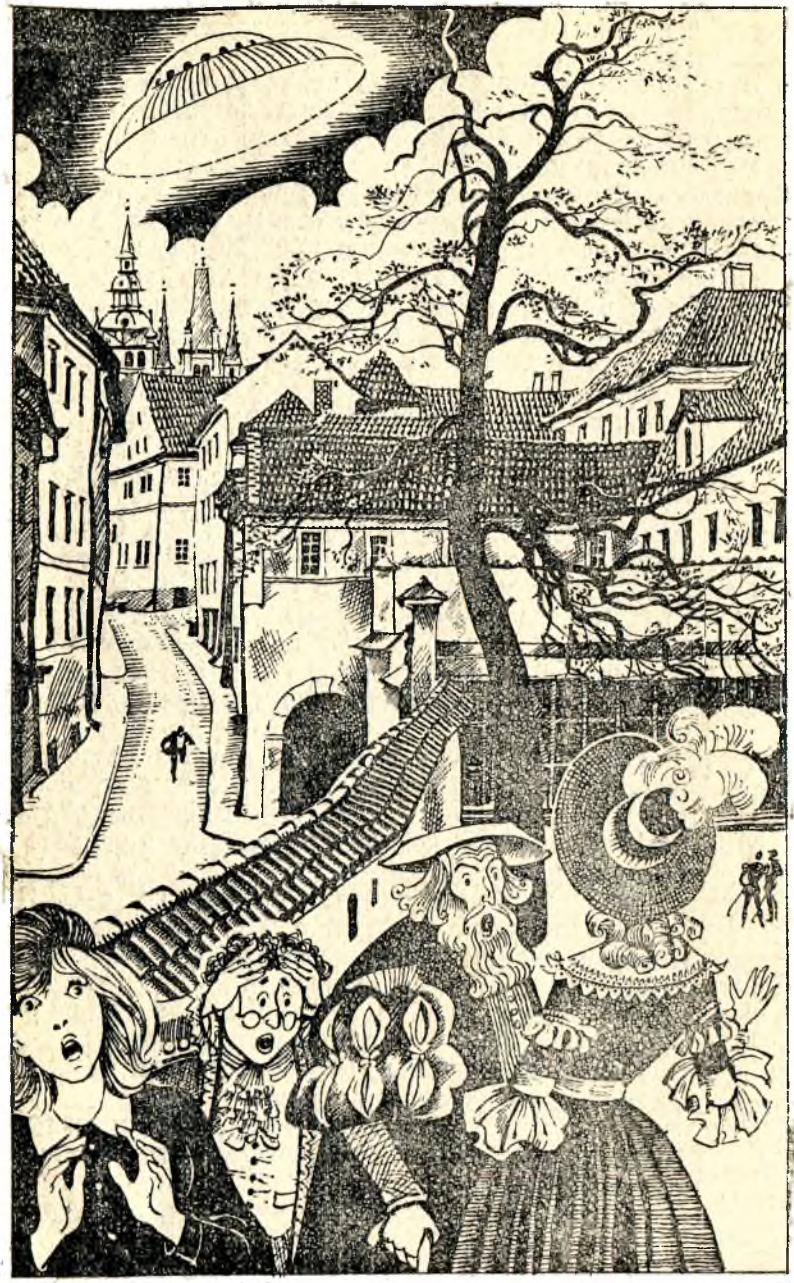
Полиция или обследователи из местного общества по изучению НЛО встречаются с рассказчиком-очевидцем для исследования случая на месте: заполняют соответствующие анкеты, делают замеры на местности, уточняют метеосводку на час наблюдения и т. п., иногда проводят психиатрическое обследование очевидца. В заключение составляется отчет о наблюдении НЛО со всеми необходимыми документами, который поступает в архив общества, а сама быличка включается в соответствующий массив данных (во многих организациях — файл на перфокартах). Эти обстоятельства способствуют чрезвычайно четкой привязанности события к месту, времени и определенному лицу.

Рассказ о встрече с НЛО — это рассказ об исключительном событии, и рассказчик всегда подчеркивает внезапность, неожиданность этой встречи (что вообще характерно для быличек): «Его появление было внезапным». Иногда внимание привлекается неожиданным странным звуком, чаще светом.

Три подростка (Солсбери-Норт, Австралия) отдыхают на поляне в 10 метрах от лежащих на земле велосипедов. Внезапно замечают, что их велосипеды освещены пучком света диаметром около 3 метров. Один из них подбегает, намереваясь «просунуть» правую руку в эту колонну света, но его отбрасывает в сторону метра на три. Через несколько секунд они видят, как в нескольких метрах от них быстро поднимается голубовато-зеленый объект конической формы. Слышат звук, похожий на приглушенный рев взлетающего реактивного самолета.

Иногда рассказчик говорит, что он «вдруг почувствовал на себе взгляд».

Очевидец работает в поле (Дания, Центральная Ютландия). Почекувствовав на себе взгляд, оглядывается: в 35 метрах от него стоит странный летательный аппарат овальной формы с надстройкой металлического серого цвета. Перед ним два «человека», смотрят на рассказчика. Он неприятно поражен, нервничает, подумав, что если те подойдут, то будет бро-

сать в них камнями. В этот же момент энлонавты посмотрели друг на друга, и рассказчик помнит только ослепительную вспышку света, после чего они исчезают за несколько секунд без малейшего звука.

В очень редких случаях встреча не является неожиданной, напротив, ее иногда даже подготавливают, но рассказы об этом уже выходят за рамки быличек, превращаясь иногда в целые литературные произведения.

Преподобный отец М., офицер ВВС Франции, священник при военно-воздушной базе, проводит сеансы гипноза. Мальчик лет 14—15, погруженный в гипнотический сон, без какого-либо побуждения со стороны гипнотизера вдруг начинает говорить о прохождении в этом районе в скором времени НЛО и их посадке на Землю. Место, время и дата не указаны. Он лишь добавляет, что это произойдет в связи с полнолунием. М. приглашает на сеанс своего друга, профессора немецкого языка в лицее Оранжа. Не сообщая ему о целях сеанса гипноза, усыпляет его и просит дать сведения об НЛО. Профессор сообщает, что через три дня между 23 и 24 часами в Сен-Жилем должна будет произойти посадка нескольких НЛО. М. берет группу из семи человек, и на машине они едут в Сен-Жиль; останавливаются на холме, возвышающемся над городком. Около 23 часов видят на юго-востоке большой электрический голубой шар, потом еще четыре. Через несколько минут шары оказываются прямо над городком и начинают вертикально снижаться. Наблюдатели пытаются отправиться на машине к месту посадки, но поддаются паническому страху и уезжают прочь.

Хотя в отличие от быличек о мифологических персонажах (лешем, водяном и т. п.) в рассказах об НЛО и не подчеркивается мрачность обстановки или таинственность содержания, в большинстве случаев действие происходит в темноте — вечером, ночью или ранним утром.

Статистическая обработка рассказов о встречах с НЛО и энлонавтами в целом свидетельствует о том, что большинство их приходится на период 19—22 часов вечера. Это справедливо также и для отдельных стран. Например, в Испании большинство встреч происходит между 20 и 21 часом вечера и в два часа ночи. Место действия обычно уединенное и пустынное: берег реки, поляна в лесу, холм. Часто НЛО встречаются на дороге, но именно тогда, когда кругом нет ни души.

Рассказчик по имени Антуан (Франция), «не имевший об НЛО и уфологии никакого представления», идет собирать грибы в местечко, называемое Бедарриды. Место отдаленное, расположено на горе Реаль. Выйдя на поляну, видит у опушки человека ростом около 1,2 метра, затем второго такого же. Увидев Антуана, они испускают звук, похожий на крик, и удаляются в кустарник. Через 2—3 секунды оттуда медленно под-

нимается в воздух яйцевидный объект матово-сине-серого цвета, около 5 метров длиной и 2 метров высотой. Звука не слышно, кроме легкого шипения. Поднявшись на высоту 6 метров, с большой скоростью удалился.

В отличие от быличек, повествовавших о чертях и ведьмах, лесных и водяных, русалках, домовых и т. п., современные былички рассказывают о странных летающих объектах и их пассажирах, которые, однако, унаследовали многие черты своих предшественников. Прежде всего это существа антропоморфные. Как и в быличках, например, о лешем, который может иметь огромный рост или же быть вровень с травой, энлонавты в рассказах очевидцев также встречаются и огромного роста (до 3 метров), и очень маленькие (в среднем около 1 метра, но есть рассказ и о человечках ростом 33 сантиметра).

В описании внешности энлонавтов иногда четко видны черты, роднящие их с образом лешего, водяного или черта: покрытые волосами человекоподобные существа с рожками на голове и большими клыками или с зелеными лицами, красной кожей, с круглыми, как у рыбы, глазами.

Крестьянин (Польша), проходя через лес около 8 часов утра, встречает двух странных существ с зелеными лицами и раскосыми глазами. Их одежда похожа на скафандр черного цвета, двигаются они, «мягко подпрыгивая». Разговаривают между собою странными односложными словами. Как сообщает рассказчик, они жестами пригласили его в свой летательный аппарат, висевший на уровне верхушек деревьев. В аппарате оказалось еще несколько таких же созданий, которые «выслушивали» его с помощью прибора, напоминающего прибор, применяемый в рентгеноскопии. Они предложили ему съесть «что-то вроде прозрачного студня», но он отказался.

Этот образ, однако, не характерен: он не соответствует духу времени. Поэтому в большинстве случаев энлонавты предстают в быличках как вполне нормальные люди пропорционального телосложения.

Избегая в некоторых случаях контактов с людьми, энлонавты не улетают, а просто исчезают с глаз. Если леший или черт «пропадали с глаз», стоило только упомянуть имя господа или перекреститься, то современные энлонавты не боятся этого — они просто не хотят, чтобы их видели люди. Для этого они или «улетучиваются», или их светящиеся летающие объекты гаснут, пропадая из виду, словно выключили свет.

Жан-Клод Жезит, 20 лет, и еще трое возвращаются ранним утром в Мюлуз (Франция). Подойдя к лесу, замечают в небе огромный оранжево-красный шар, который начинает быстро спускаться к земле буквой «зет». Очнувшись над деревьями, начинает спускаться медленно и приземляется на поляне в 300 метрах от очевидцев. Диаметр шара — 50 метров. Когда они направляются к нему, он сразу же исчезает, будто погас.

Если встреча все же происходит, то это описывается по традиционной схеме быличек. Например, очевидец может окаменеть, не имея сил двинуться с места.

Женщина смотрит в окно из своей комнаты от противоположной стенки (Дания, Восточная Ютландия). Окно выходит на юг, вид на озеро. Низко над озером висит большой красноватый объект, верхней части его не видно. Однако рассказчица не может подойти к окну, считает, что это вызвано действием объекта. Внимание ее привлечено деталью внизу объекта. Она считает это «энергетической завесой». Выглядит так, будто энергия забирается из воды. «Это» сияет всеми цветами радуги и мерцает, как северное сияние. Через несколько минут объект накреняется, и «завеса» исчезает, видно совершенно плоское дно объекта, и похоже, что к воде идет труба от объекта, которая затем втягивается. НЛО поднимается и удаляется. Рассказчица, по ее словам, не могла сдвинуться с места еще несколько минут.

Раньше лешие подсаживались в телегу или в сани: «Лошади останавливаются, никакие усилия кучера не могут их сдвинуть с места». Теперь аналогичное происходит с современными транспортными средствами — автомобилями или моторными лодками.

Полицейский Эвальд Х. Моруп (Дания) возвращается домой на патрульной машине. «Вдруг машину осветило ярким голубовато-белым светом, и в то же время двигатель остановился. Фары машины также погасли, даже лампочка зажигания... Яркий свет, напоминающий неоновый, снаружи был настолько ослепительным, что ничего нельзя было разглядеть. Когда я взял микрофон и попытался вызвать участок, оказалось, что радио было точно так же «мертво», как и все остальное электрооборудование в машине... Из объекта, зависшего над машиной, исходил конус света, который вскоре стал втягиваться в НЛО: основание светового конуса стало подниматься, так что под ним становилось темно. Через 5 минут свет был полностью втянут, и объект удалился. Тотчас все лампочки снова загорелись и машина заработала».

Рассказчики, двое пожарных, в свободное время ловят рыбу, плывя в лодке по Дайкскому каналу (США). Внезапно словно ниоткуда появляется круглый, очень ярко светящийся шар около 4,5 метра в диаметре. Прошел над ними и завис на высоте около 23 метров. Сопровождает их на расстояние около 3 километров. Внезапно движение прекратилось: мотор ревет, вода пенится, но лодка не движется. Пожарные переговариваются между собой, но пошевелиться не могут: «гравитационные силы слишком велики». Вскоре НЛО уходит, и лодка рванулась вперед, так что люди в ней перевернулись (сравните в рассказе о лешем: «...Не успел кучер сказать: «Что такое, господи», как лошади рванулись, дуга разлетелась пополам и старичка как

не бывало»). Один из рассказчиков сообщил также, что волосы у него «стояли дыбом, как проволока».

В быличках об НЛО встречаются случаи, напоминающие рассказы о лешем или черте, когда они «водят» человека или напускают мороку.

Энлонавты, так же как и лешие, водяные и прочая нечистая сила, склонны похищать детей и взрослых. Например, согласно появившимся в печати сообщениям о случае в Бразилии, Мануэл Роберто, 11 лет, утверждает, что он был похищен вместе со своим двоюродным братом Пауло 20 января 1978 года неопознанным летающим объектом. Он был обнаружен в субботу, 21 января, в Рондонополисе в 500 километрах от своего дома и рассказал, что его с братом взяли на борт светящегося объекта, в котором находилось восемь человек маленького роста, одетых в красное, с железными кольцами на груди. Они не разговаривали ни между собой, ни с детьми, только давали им что-либо понять глазами, например, указывали, куда сесть. Энлонавты также дали детям выпить какую-то жидкость. Очутившись один, Мануэл не смог объяснить, что стало с его братом.

Потеря памяти — характерный признак многих встреч с НЛО, как это типично и для встреч со старыми мифологическими или сказочными персонажами: человек либо просто забывает, что с ним было, либо сообщает о запрете говорить о случившемся с ним.

Капрал Армандо Вальдес и еще шесть человек (Чили, военный патруль) спят у костра. Двое стоят на карауле. В 4 часа 15 минут караульный сообщает капралу, что невдалеке, видимо, приземлились два ярких объекта, окрашенных в фиолетовый цвет. Вальдес отправился разузнать, что это за огни, но, по словам караульных, попросту исчез с глаз, отойдя на несколько метров. Примерно через 15 минут он появляется среди них: трясется, пытается что-то сказать, но голос его кажется чужим. Карапульные говорят, что Вальдес якобы сказал: «Вы не знаете, кто мы есть и откуда мы пришли, но скоро мы возвратимся». Часы на руке Вальдеса остановились в 4 часа 30 минут, что совпадает со временем его возвращения, но дата на их календаре стояла на пять дней вперед. Члены команды заметили также, что его лицо, бывшее чисто выбритым, оказалось обросшим, как если бы он не брился дней пять. Сам Вальдес не может вспомнить, что с ним случилось, опомнился он лишь сидящим у костра и чувствуя себя «очень странно». Капрал, следяя быличке, сказал: «Я хотел бы восстановить свою память о тех 15 минутах. Я даже желал бы, чтобы меня загипнотизировали, чтобы извлечь информацию о том, что случилось».

Кен Роджерс, председатель Британского общества по изучению НЛО, более часа ведет машину в сельской местности. Поднимаясь на холм, замечает слева вверху яркий огненный шар, сразу тормозит и выходит из машины. Объект движется через

дорогу и спускается в поле в 800 метрах от наблюдателя. Кен бежит по дороге и через поле к стоящему НЛО. Дальнейшее неизвестно. «Результат его встречи с объектом был достаточен, чтобы поместить его с нервным расстройством в больницу». После выписки Роджерс отказался от должности председателя общества и сжег все свои архивы, работу всей своей жизни, сообщив: «Я должен был сделать это. Я не могу сказать вам, почему». О своей встрече только сказал: «Я встретил существ из другого мира, можете мне верить или нет». И еще: «Никого из людей, занимавшихся крупными исследованиями НЛО в Британии в начале 60-х годов, сейчас нет с нами. Это, откровенно говоря, ужасно страшит меня». В этой быличке налицо компоненты сказочного мотива: встреча «героя» с таинственным существом, запрет рассказывать об этом и даже намек на последствия нарушения этого запрета: смерть.

По сравнению со старой быличкой некоторые былички об НЛО отражают веяние нового времени: они обходят запрет на рассказ. Обследователи из обществ по изучению НЛО, пользуясь методом гипнорепродукции, восстанавливают память рассказчика под гипнозом и заставляют его рассказать о случившемся.

Три женщины, домохозяйки, уважаемые в своем небольшом городке, возвращаются домой после позднего ужина в Стэнфорде (штат Кентукки, США), в 29 милях от дома. Внезапно в полутора километрах к западу от города они увидели диско-видный объект, «большой, как футбольное поле», с ярко пылающим белым куполом и рядом красных огней по краю диска. НЛО остановился над их головами, затем сделал круг позади автомобиля: «Какая-то странная сила стала тянуть машину назад...» С этого момента женщины ничего не помнят. Лишь через 80 минут они увидели уличные огни при въезде в Хьюстонвилл, в 13 километрах от того места, где они встретились с НЛО. Под глубоким гипнозом все три показали, что их «вынули» из машины и содержали в странной камере. Каждая из них была подвергнута насильственному «пугающему» и болезненному осмотру, прежде чем они увидели себя вновь в машине.

Трагический исход — нервное потрясение и даже смерть или просто последующая болезнь — характерен и для старых быличек: «После встречи с лешим, русалкой, водяным, хозяином земных недр человек начинает задумываться, становится мрачным, угрюмым, пропадает или даже гибнет».

В быличках об НЛО имеются аналогии и другим сюжетным элементам, характерным для старых быличек о лешем и прочей нечистой силе: обращение лешего грибом, предложение еды, высыхание молока у коров в результате происков ведьмы, незвязимость для обыкновенной пули и т. п.

Рассказчик, господин Карле, ведет машину, темно. Вдруг посреди дороги впереди замечает «оромный белый гриб» высо-

той 3 метра, который притапцовыйал. Он притормаживает и медленно едет дальше — гриб начинает двигаться тоже, выдерживая расстояние. Рассказчик пытается объехать гриб, но тот не даст. Предполагая всё-таки, что это галлюцинация, Карле, улучив момент, когда гриб находился от него на расстоянии около 20 метров, вдруг резко ускоряет ход и устремляется прямо через свой «мираж». Раздается металлический звук, гриб «вскакивает» на капот и отклоняется вправо, «задев переднее ветровое стекло». Обернувшись назад, Карле видит, что гриб перебрался через канаву и исчез за забором. Данный случай относится именно к быличкам об НЛО на том основании, что огромный гриб в данном случае и есть НЛО: шляпа гриба — диск с куполом, его ножка — конус света.

Лейтенант авиации Роман Собински, живущий теперь в Ричмонде (США), утверждает, что он примерно в течение 5 минут наблюдал круглый диск или шар, следующий за его самолетом над Зейдер-Зет, когда он возвращался с бомбардировки Эссена. Первым заметил его хвостовой стрелок, и, когда Собински подтвердил, что тоже видит его, и увидел, что НЛО быстро приближается к самолету, он дал указание открыть по нему огонь. Несколько выстрелов, казалось, попали в цель, но не произвели на НЛО никакого действия.

Все это позволяет сделать вывод о том, что рассказы об НЛО и энлонавтах — это действительно типичные былички, тесно связанные с народными поверьями. Поэтому следует, на наш взгляд, уточнить утверждение о распаде быличек как жанра, об их «деградации и умирании» в наше время: можно лишь говорить о распаде или трансформации сюжета. Не быличка превращается в сказку или даже в анекдот, а сюжет, характерный прежде всего для быличек, теперь переходит в жанр сказок или анекдотов. Но на смену этому сюжету приходит другой. В данном случае быличка полностью сохранила свою форму, изменились ее «герои»: на место устаревших чертей и леших с их телегами и тарантасами пришли энлонавты с их «летающими тарелками». И эта замена произошла даже не на основе абсолютно нового сюжетного материала: он зрел, можно сказать, в течение многих веков. Классическим примером НЛО и энлонавтов древности является видение Иезекииля: «И я видел, и вот бурный ветер шел от севера, великое облако и клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из средины его как бы свет пламени из средины огня; и из средины его видно было подобие четырех животных... И вид этих животных был как вид горящих углей, как вид лампад; огонь ходил между животными, и сияние от огня и молния исходила из огня... Над головами животных было подобие свода, как вид изумительного кристалла, простиртого сверху над головами их... А над сводом, который над головами их, было подобие престола по виду как бы из камня сапфира; а над подобием престола было как подобие чело-

века вверху на нем. И видел я как бы пылающий металл, от вида чреспо его и выше и от вида чреспо его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние было вокруг него...»

Последующие века также сохранили рассказы о встречах с НЛО и энлонавтами. Даже сам термин «летающие тарелки» возник не в 1947 году, как обычно считается, а вероятно, гораздо раньше.

(В 1947 году летчик Кеннет Арнольд видел НЛО над Скалистыми горами и назвал их «летающими тарелками», после чего этот термин прочно вошел в американскую прессу и в последующие публикации.)

1893 год, Австралия, Новый Южный Уэльс. Фермер утверждает, что на его участке приземлился воздушный объект, имевший форму тарелки. Когда фермер приблизился, из объекта вышел человек в странной одежде и осветил его своего рода «фонарем». Фермера бросило наземь и оглушило. Когда он пришел в себя, ни пришельца, ни объекта не было видно. По его словам, рука, на которую попал луч «фонаря», осталась парализованной на всю жизнь.

Имеются и более ранние сведения. Так, Джон Мартин, фермер, живший в нескольких милях южнее Денисона (США, штат Техас), видел 24 января 1878 года темный объект в форме диска, летящий «с удивительной скоростью», и применил для его описания слово «блюдце» (традиционно переводится как «тарелка»).

Сохранился и основной признак быличек как жанра — вера в достоверность рассказанного. Вера в НЛО как в «персонаж» отмечается даже тогда, когда рассказчик видел действительно реальный, земной объект. Иногда сами рассказчики, рассказывающие типичную быличку об НЛО и энлонавтах, утверждают, что видели вполне реальный земной объект, который они себе представляют в зависимости от обстановки или от своих политических предрассудков.

15-летний мальчик идет по тропинке в поле. У подножия холма замечает трех человек, одетых в темно-зеленые блестящие костюмы. На голове плотно сидящие шлемы такого же цвета. Они подходят к круглому куполообразному объекту и вдруг исчезают, а аппарат бесшумно взлетает вертикально вверх и тоже исчезает с огромной скоростью. Так как дело было во время оккупации Дании фашистами, он и его мать посчитали, что это были немцы и что они никому не должны говорить об этом.

Так и рассказчица, сообщившая о виденном ею светящемся летающем объекте с убирающимся конусом света, считает, что этот НЛО был «русским разведывательным летательным аппаратом», а рассказчик, видевший энлонавта и поднявшийся в воздух НЛО, утверждает, что «это китайцы, прилетевшие на секретном шпионском аппарате». В большинстве случаев, одна-

ко, рассказчики убеждены, что они всгречались именно с НЛО и эйлонавтами, ставшими, таким образом, новым «персонажем» в народных представлениях о потусторонних силах. Более того, их видят даже там, где явно ничего таинственного не было. Так, рассказчица, видевшая медленно движущийся объект при-чудливой белой формы, на вопрос обследователя: «Может быть, это облако?» — отвечает: «Да, я знаю, что оно выглядело так, но я думаю, что это был НЛО, замаскированный под облако».

Подобные случаи красноречиво свидетельствуют о том, что среди населения различных стран распространяется вера в НЛО, пришедшая на смену вере в другие образы народных верований. При этом не имеет значения, что в действительности видел рассказчик — шаровую ли молнию, неизвестное атмосферное явление или — чем не шутит устаревший черт? — инопланетный корабль, или же все это ему пригрезилось.

Важно то, что он верит в действительность случившегося и верит, что видел именно НЛО. Это говорит о том, что старая быличка жива не только по своим жанровым, но и по композиционным особенностям, характеру бытования и функциональной направленности.

«Техника — молодежи», 1979, № 9.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Николай Курочкин ПРИЗРАКИ	6
Валерий Демин УЩЕЛЬЕ ПЕЧАЛЬНОГО ДРАКОНА	11
Борис Лапин ПАЛОЧКА С ЗАРУБКАМИ	53
Дмитрий Биленкин ВЕЧНЫЙ СВЕТ	70
Саид Чахкиев СЫН	87
Ходжиакбар Шайхов В ТОТ НЕОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ...	104
Андрей Дмитрук ПОСЕЩЕНИЕ ОТШЕЛЬНИКА	117
Карэн Симонян ТАВЕРНА	128
Александр Тесленко РУСУЛЯ	134
Святослав Сахарнов ЧЕРЕПЛХА	138
Альберт Валентинов «МАЭСТРО»	145
Юрий Никитин ЗАБЫТАЯ ПЕСНЯ	151
Леонид Панасенко ПРОХОДНАЯ ПЕШКА, ИЛИ ИСТОРИЯ ЗАПРЕДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА	156
Михаил Пухов ЧЕЛОВЕК С ПУСТОЙ КОБУРОЙ	164
Андрей Балабуха ТЕМА ДЛЯ ДИССЕРТАЦИИ	170
Геннадий Максимович ЕСЛИ ОН ВЕРНЕТСЯ...	184
Спартак Ахметов ГИПОТЕЗА О ПРОИСХОЖДЕНИИ АЛМАЗОВ	203

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

Александр Морозов	
ТИМКА-ПОЧТАЛЬОН	
208	
Олег Покальчук	
КОЛЫБЕЛЬНАЯ	
212	
Евгений Филимонов	
ПАТТЕРЛЮХ И ЕГО СОСТАВ	
218	
Виктор Потапов	
ПЕРВЫЙ КОНТАКТ	
222	
Людмила Жукова	
ЛЕТОПИСЕЦ И ВЕДУНЬЯ	
225	
Владимир Латушов	
НОЧНОЙ ГОСТЬ КИБАЛЬЧИЧА	
231	
Михаил Шпагин	
ЛЕДЯНОЕ МЕТРО	
237	
Виктор Савченко	
РОЗА ВЕТРОВ	
241	
Аэлита Дубаева	
ПОТЕРЯВШИЙ ОРБИТУ	
249	
Геннадий Мельников	
ЯСНОЕ УТРО ПОСЛЕ ДОЛГОЙ НОЧИ	
265	
Сергей Могилевцев	
«ПРЕДДИПЛОМНАЯ ПРАКТИКА»	
273	
Владимир Павлов	
НА ОСТРОВЕ	
280	

ШКОЛА МАСТЕРОВ

Леонид Леонов	
ПОСЛЕДНЯЯ ПРОГУЛКА	
284	

НАУКА НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

Павел Попович	
НАШ МИР ДВУХ СОЛНЦ	
293	
Владимир Сифоров	
ЭТАП, А ЧТО ПОТОМ?	
297	
Михаил Васин	
ИЗВЕСТНЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ	
300	
Валерий Скурлатов	
КРУГ ВРЕМЕНИ	
303	

НЕВЕДОМОЕ: БОРЬБА И ПОИСК

Геннадий Хромушин	
ТУПИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФАНТАСТИКИ	312
Лариса Михайлова	
«РЕТРО» В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ	329
Валерий Санаров	
НЛО И ЭНЛОНАВТЫ В СВЕТЕ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ	338

ИБ № 2577

ФАНТАСТИКА-81

Редактор **В. Фалеев**

Художник **Р. Авотин**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Е. Брауде**

Корректоры **Г. Трибунская, Е. Самолетова**

Сдано в набор 13.04.81. Подписано в печать 04.09.81. А00833.

Формат 60×90^{1/6}. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 22,0. Учетно-
изд. л. 22,9. Тираж 150 000 экз. (1-й завод — 75 000).
Цена 1 р. 60 к. Заказ 536.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

1 р. 60 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ